

Александр Кузнецов
Геннадий Звонов

ТАЛЛИННСКАЯ ШКОЛА МИЛИЦИИ МВД СССР

Воспоминания преподавателей

Том I

Таллинн
2018

Александр Кузнецов, Геннадий Звонов. Таллиннская школа милиции МВД СССР.
Воспоминания преподавателей. Том I / Таллинн, 2018, 584 с., с илл.

Фотографии: из архивов авторов воспоминаний
Фото авторов на обложке: Артур Чулицкий

© Александр Кузнецов
kuznetsov.ok@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Таллиннская специальная средняя школа милиции МВД СССР	4
Чего не простит народ	10
АМОНТОВ ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ О времени, о товарищах, о себе	14
ЖУРЬЯРИ-ОСИПОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ Память о ТШМ не угасает	114
ЗАЙЦЕВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ История – как к ней относиться?	120
ЗВОНОВ ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ С курсантами и коллегами мне везло	166
ЛИВШИЦ ЮЗЕФ МАКСОВИЧ Мои университеты	192
ПЕТРОВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ Жизнь удалась, хотя и без особых затей: есть чем гордиться, есть чего стыдиться, а жалеть не о чем	236
ПРИЮТОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ Таллиннская школа милиции и воспоминания о ней	256
ЭСПЕР ИВАН МИХАЙЛОВИЧ Мои воспоминания о работе в Таллиннской школе милиции	268
ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НАЗИМОВ Воспоминания о времени и о себе	289

ТАЛЛИННСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА МИЛИЦИИ МВД СССР

ТССШМ МВД СССР

Осенью 1944 года в Эстонии, как и во всем СССР, была довольно тяжелая криминогенная обстановка: действовали бандитские группы, совершались тяжкие преступления – убийства, разбои, грабежи, кражи. Причем со временем их количество не уменьшалось, а наоборот, росло. Эти преступления надо было раскрывать, привлекая к ответственности совершавших их лиц. Для этого были нужны хорошо подготовленные специалисты.

Многие работники милиции погибли на фронте, а вновь поступившие на службу сотрудники не имели опыта работы и необходимой теоретической подготовки. В этой сложной обстановке во всей остроте проявилась необходимость подготовки квалифицированных кадров. Стало ясно: надо предпринимать срочные меры.

Одной из таких мер и стало создание в Таллине нового учебного заведения. Это решение было принято уже в 1944 году, несмотря на то, что еще шла война, и свидетельствовало о большом внимании правительства

ЭССР, руководства МВД СССР, МВД ЭССР к подготовке кадров для работы в органах внутренних дел.

Эстонская школа НКВД СССР была создана приказом НКВД СССР № 001425 от 29 ноября 1944 года. Начальником был назначен подполковник милиции Андронов. Это был опытный офицер с большим багажом знаний и умений, требовательный и заслуживающий уважения командир. Он многое сделал для становления школы на самом первом этапе.

Местом дислокации школы было выбрано одно из живописнейших мест пригорода Таллинна – Нымме. Школа расположилась в двух зданиях: четырехэтажное предназначалось для общежития, а трехэтажное – для учебного процесса. В зданиях было печное отопление, дрова для печей слушатели заготавливали сами.

Школа не располагала никакой материальной базой, не было даже самого элементарного – бумаги и ручек. Не было и оружия, поэтому приказом начальника школы личное оружие, находящееся у слушателей, было сдано в оружейную комнату. Учебно-материальную базу приходилось создавать всему командно-преподавательскому составу с помощью слушателей и курсантов. Помогали и сотрудники практических органов охраны правопорядка.

Материально-техническая база совершенствовалась постоянно. Позднее были построены четырехэтажный учебный корпус, отличный спортзал со стрелковым тиром, кочегарка, полигон криминалистики. Со временем появились новое учебное здание, новый спортивный зал и кочегарка. Это изменило внешний облик школы к лучшему. Здания сохранились до сегодняшнего дня, правда, с некоторыми изменениями.

Менялся не только внешний облик школы. Новое учебное здание было построено хозяйственным способом во многом благодаря стараниям и настойчивости начальника школы полковника Назимова Евгения Васильевича.

Иными словами, бюджетных средств потрачено не было, деньги на строительство заработала сама школа.

Внутреннее убранство зданий тоже значительно улучшилось, появились новые, оборудованные по последнему слову кабинеты, фотолаборатории, актовый зал. Построен был также новый спортивный зал с помещением для борьбы самбо, кабинетом боевой подготовки и стрелковым тиром. Значительно обновилась столовая и места хранения продуктов. В переоформление столовой и подсобных кухонных помещений большой вклад внес начальник продовольствия Козюлин Иван Федосеевич.

Все эти изменения позволили не только улучшить быт курсантов и слушателей, но и повысить качество подготовки специалистов. Микрорайон Нымме позволял проводить уличные занятия и учения: близлежащий лесной массив, не очень оживленное движение транспорта и т.д.

Занятия в школе начались в январе 1945 года. За парту сели бывшие офицеры и солдаты Красной армии, многие из них имели начальное и неполное среднее образование. Это обернулось дополнительными трудностями в подготовке специалистов, так как надо было одновременно с овладением специальностью подтянуть общее образование.

Начальником учебного отдела был назначен майор Пранц Рудольф Яковлевич, который внес весомый вклад в организацию учебного процесса.

Рабочий день в школе был установлен с 9.00 до 21.00 с перерывом на обед с 15.00 до 17.00. По учебному плану занимались с 8.30 до 20.30 с перерывом с 14.30 до 17.00. Занятия проводили практические работники и руководители НКВД ЭССР, штатных преподавателей не было. Только в сентябре 1945 года появились первые штатные преподаватели по социально-экономическим и военным дисциплинам. Несколько позднее школа была полностью укомплектована штатными преподавателями и сотрудниками других служб – начальниками курсов, за-

местителями начальников курсов, сотрудниками хозяйственного отдела, финансовой части и многими другими.

Занятия проводились на эстонском и русском языках. И это было вполне обоснованно, так как школа готовила оперативный состав для НКВД и милиции Эстонии.

Занятия нередко прерывались из-за осложнения оперативной обстановки. Слушатели отправлялись на решение практических задач по борьбе с преступностью и принимали активное участие в раскрытии и расследовании преступлений.

Для охраны школы был определен состав караульной службы из 14 человек. Позднее охранные функции выполняли курсанты школы без отрыва от учебы. Для этого была налажена дежурная служба. Дежурными по школе были офицеры, остальные функции выполняли курсанты. К этому времени возможности школы расширились, в том числе появилось штатное оружие.

За время существования школы не раз менялись ее названия, профиль и сроки обучения. Вот основные этапы ее развития.

- *1947 год:* Таллиннская офицерская школа НКВД СССР (приказ МВД СССР № 00288 от 13 марта 1947 года).

- *1951 год:* Таллиннская школа милиции МГБ (МВД) СССР; она становится всесоюзной и готовит кадры для других союзных республик. До 1951 года школу комплектовал отдел кадров МВД ЭССР.

- *1957 год:* Таллиннская специальная средняя школа милиции МВД СССР (приказ МВД СССР № 0406 от 25 июня 1957 года); школа готовит специалистов со средним юридическим образованием с правом выдачи выпускникам государственного диплома. С 1957 года школа комплектуется по разнарядке МВД СССР. Основные регионы – Новгородская, Архангельская, Мурманская, Псковская, Калининская, Вологодская, Ярославская об-

ласти и республика Карелия. В 1959 году состоялся первый выпуск специалистов со средним юридическим образованием.

- *1960 год:* Таллиннская специальная средняя школа милиции МВД (МООП) ЭССР (приказ МВД СССР № 025 от 30 января 1960 года).

- *1962 год:* Указом Президиума Верховного Совета ЭССР от 31 октября 1962 года утверждена присяга школы и впервые принята курсантами. С этого момента каждый год 10 ноября, в День милиции, курсанты в торжественной обстановке принимали присягу. Иногда мероприятие проводилось у Вечного огня в центре города.

- *1964 год:* Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР 30 мая 1964 года школе было вручено Красное Знамя. В торжественном строю застыли курсанты и офицеры. Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР А. Мюрисеп вручил Знамя начальнику школы полковнику милиции К. Мишину. С тех пор торжественные заседания, собрания личного состава школы, посвященные памятным датам, сопровождались выносом Знамени как дань уважения героическим подвигам всего народа, в том числе сотрудников правоохранительных органов. Вынос Знамени настраивал на торжественно-деловой лад и дисциплинировал участников.

- *1966 год:* Таллиннская специальная средняя школа милиции МООП СССР (приказ МООП СССР № 0123 от 12 декабря 1966 года).

- *1969 год:* Таллиннская специальная средняя школа милиции МВД СССР (приказ № 0371 от 17 июня 1969 года).

- *1970 год:* приказом МВД СССР утвержден Устав Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР.

Таковы этапы формирования и варианты названия Таллиннской школы милиции. Но главным всегда оставалось одно – подготовка высококвалифицированных специалистов органов внутренних дел.

За период деятельности школы ее начальниками были следующие офицеры:

С момента образования школы до 1947 года – полковник Андронов.

1947–1950 – подполковник Харитонов.

1950–1952 – майор Зуев.

1952–1953 – подполковник Зинченко и подполковник Вирко.

1953–1954 – генерал-майор Резев.

1954–1967 – подполковник Юргенсон Оскар Янович.

1967–1968 – полковник Мишин Константин Васильевич.

1968–1969 – полковник Эспер Иван Михайлович.

1969–1980 – полковник милиции Назимов Евгений Васильевич.

1980–1985 – генерал-майор милиции Мартин Александр Михайлович.

С 1985 года до ликвидации школы – полковник милиции Сепп Владимир Августович.

Таллиннская специальная средняя школа милиции за время своего существования подготовила большое число специалистов для работы в органах внутренних дел. Для примера достаточно сказать, что в справке, составленной начальником школы в 1969 году в честь ее 25-летия, отмечено, что она выпустила 5921 специалиста, а до окончания ее деятельности эта цифра превысила 10 000 человек. Выпускники школы работали, а некоторые работают и сейчас, в нескольких областях Российской Федерации и, конечно, в Эстонской Республике.

Далее в этой книге представлены воспоминания некоторых преподавателей Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР. В следующих томах будут публиковаться воспоминания выпускников школы из всех регионов, для которых ТССШМ готовила специалистов.

ЧЕГО НЕ ПРОСТИТ НАРОД

Осенью 1988 года корреспондент газеты «Молодежь Эстонии» Андрей Бабин побывал в Таллиннской специальной средней школе милиции на церемонии вручения дипломов выпускникам и написал об этом. Мы публикуем этот репортаж.

Ф уражка оказалась велика. Настолько велика, что и на голове-то не держалась. Это обстоятельство так расстроило Фреда Урма, что он не преминул известить об этом высокое собрание, несколько нарушив его торжественность. Однако мало кто обратил внимание на огорченного Фреда, все уже привыкли, что то один, то другой в зале время от времени бесцеремонно напоминает о своем присутствии.

Так бывает каждый год на границе лета и осени, когда новоиспеченные лейтенанты – специалисты уголовного розыска и участковые инспектора – получают дипломы об окончании Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР. А многие из них – молодые отцы... Так что пришлось маме маленького Фреда успокаивать сына.

К этому моменту основное было уже сказано. Начальник школы В. Сепп сообщил, что нынешний выпуск – тридцатый по счету, второй по численности. Один из самых лучших, если не лучший, по уровню знаний и общественной активности курсантов. Вот лишь пара цифр: 80 процентов сдали экзамены на «хорошо» и «отлично», 12 процентов выпускников получили «красные дипломы».

И еще Владимир Августович напомнил об особой ответственности именно сегодняшних выпускников, которым предстоит решать одну из важнейших задач – создавать правовое государство.

Затем заместитель начальника Г. Звонов огласил протокол – также юбилейный – номер 50, в котором зафиксировано решение Государственной комиссии о присвоении квалификации юриста выпускникам ТССШМ.

И вот теперь они один за другим подходили к столу, чтобы из рук заместителя министра внутренних дел республики В. Лембинена получить желанный документ и значок, а от девочек в национальных костюмах принять цветы.

Сначала, как обычно, приглашались лучшие – В. Васильков, В. Воронов, Ю. Громов, О. Ермаков, Г. Рыбалко... С Геннадием к этому моменту я уже несколько минут был знаком. Путь в милицию у него обычен: загорелся милицейской службой, когда работал на Балтийском судоремонтном заводе. Пришел в Октябрьский РОВД, здесь ему предложили поработать в медвытрезвителе. Учреждение это, увы, пока еще необходимо, но Геннадий мечтал об уголовном розыске, поэтому все свободное время проводил у розыскников, помогал им, чем мог.

И вот теперь он сам – полноценный инспектор уголовного розыска. Науки постигал усердно (ленинский стипендиат!), понимая, сколь они, знания, нужны в его деле.

– А по таким предметам, как оперативно-розыскная деятельность, криминалистика, юриспруденция, я впитывал буквально каждое слово преподавателей, – сказал Геннадий, только что возбужденный и веселый, вмиг посерьезнев.

Чуть в стороне стоял Владимир Августович Сепп, всматривался в молодых лейтенантов и, быть может, вспоминал такой же день двадцатилетней давности, когда сам получал диплом ТССШМ.

– Изменился ли учебный процесс за эти годы? – спросил я.

– Не то слово! Теперь и учиться-то гораздо интереснее: наука, техника все активнее входят в процесс обучения курсантов.

Получил все ему причитающееся и Урм-старший. Сообщили также, что его, а также имена М. Пешкова, И. Шульги и Ю. Громова будут занесены на Доску почета школы.

Сейчас Юри Урм был где-то среди товарищей и не видел, как его сын примеряет отцовскую фуражку.

– Этим Фред и дома постоянно занимается, – сказала, улыбаясь, Мерике, его мама. – И даже сапоги папе чистит.

– Стало быть, тоже будет работать в милиции... Ну, а вы-то как относитесь к профессии мужа?

– Привыкла уже. Два года все-таки в органах. Два года из-за службы его часто не бывает дома, но Юри так любит свое дело... Я понимаю его, ведь сама собиралась поступать на юридический.

– И что же?

– До рождения сына я работала в суде, хотела стать судьей, но теперь думаю, что два юриста в одной семье – слишком много. Кто же будет тогда его воспитывать? – кивнула она на малыша. – Через два месяца ему полтора года, прямо не знаю, что делать...

Тем временем выступали приглашенные гости.

– В нынешней непростой ситуации вам необходимо верно сориентироваться, – сказал В. Лембинен. – Запомните, митинговать – не наше дело. Наша задача прежняя – охранять правопорядок. И еще поймите, пожалуйста, что народ требует от нас с вами прежде всего честности и справедливости. Он может простить недостаток опыта, квалификации, но несправедливости не простит никогда.

Все выступления были краткими, но содержательными и почти не повторяющимися друг друга. Почти, потому

что и второй секретарь ЦК ЛКСМЭ Н. Шаров, и начальник цикла спецдисциплин Л. Ратасепп, и другие выступающие подчеркивали, что учеба на этом не заканчивается. Чтобы всегда оставаться высококвалифицированными специалистами, надо продолжать совершенствоваться.

Наконец, удалось разыскать и Юри Урма. Всего несколько минут он смог мне уделить: день такой суматошный... Он сообщил, что стать сотрудником милиции решил еще в школе, прямо в классе, когда проходили предмет «Государство и право», что у них в Пылваском районе очень много работы, причем связанной во многих случаях с молодежью. Но и результативность резко пошла вверх.

Однако теперь ему предстоит работать в Выруском РОВД. Судя по тому, что руководители отдела прибыли в Таллинн, чтобы обговорить с Юри все детали, они возлагают на него большие надежды.

— Эти два года, проведенные в школе, ценны для меня еще и тем, — добавил он, — что я здесь встретил настоящего друга — Калле Лаанета с острова Сааремаа.

Урма позвали фотографироваться на память, а через несколько минут я снова его увидел. Юри шел в обнимку с кем-то из товарищей.

— Так, значит, в Карелию? Ну, это недалеко. Пиши, звони!

— И ты не забывай!

«Молодежь Эстонии», 02.09.1988

ТШМ МВД СССР

АМОНТОВ
ЕВГЕНИЙ
ЛЬВОВИЧ

О ВРЕМЕНИ, О ТОВАРИЩАХ, О СЕБЕ

Жизнь человека складывается из различных эпизодов, ситуаций. Как он выходит из них, какие выводы для себя делает, это в той или иной степени формирует его характер, мировоззрение, моральные принципы. Конечно, все происходит во времени и пространстве, куда волею Всевышнего помещен человек.

Я родился 23 июня 1947 года в Ленинграде. Мой папа Амонтов Лев Александрович – коренной петербуржец, как сейчас принято говорить, рос фактически без отца Александра Амонтова, который умер в 1923 году, когда папе было четыре года. Воспитанием отца занималась моя бабушка Мария Александровна Амонтова, которая, кстати, во время революции 1917 года была телефонисткой, в то время это была довольно престижная профессия, а в Гражданскую войну была сестрой милосердия. Ее жизнь с ребенком на руках, без мужа была тяжелой, поэтому с 14 лет бабушка отдала отца воспитанником в оркестр военного училища на полное государственное обеспечение. Была в свое время такая форма воспитания. Потом – ФЗУ, завод, война, мобилизация, Карельский фронт, поэтому отец иногда мог бывать в Ленинграде и поддерживать свою мать, чем спас ее от голодной смерти.

Моя мама, урожденная Мазова Зинаида Гавриловна, 1923 года рождения – коренная москвичка. И второго своего дедушку Гаврилу Мазова я тоже не видел. Он умер в 1951 году, когда мне было четыре года. Из его

жизни до меня дошли два эпизода: в начале войны он в кругу соседей сказал, что немцы – культурная нация, его арестовали и месяца два держали в кутузке, потом, правда, отпустили; в другой раз он в своем доме, а жили они в центре Москвы в деревянном двухэтажном строении, попал под пулеметный обстрел немецкого летчика, его легко ранило. Семьи – жены и троих детей, моя мама средняя – в доме, слава богу, не было.

Мама училась в химико-технологическом институте. Школу она закончила в 1941 году. Все мальчишки из ее класса погибли, с войны не вернулись. Забавный эпизод с мамой: студентки-химички часто ходили в белых халатах. Один их сосед, дядя Миша, уже в возрасте, все время приставал к ним с просьбой дать медицинскую справку о какой-нибудь болезни, он-то думал, что они медики. Такая справка давала право на получение дополнительного пайка. Девчонки пошутили: написали по латыни и отметили заболевание «прободение матки».

После второго курса студенток отправили на Волгу, в республику немцев – Поволжье. Людей там уже не было, их депортировали в Казахстан, а сельскохозяйственная техника, дома, утварь остались. Для девушек были организованы курсы механизаторов. Мама была трактористкой вплоть до 1945 года, когда вернулась в Москву. Я и сейчас удивляюсь, как она, хрупкая девушка, студентка, москвичка, управлялась с тяжелым трактором. С ее слов, она слышала канонаду Сталинградской битвы.

После контузии и окончания войны отца отправили на восстановительное лечение в Крым. Закончил он войну капитаном. Приехал в Москву за назначением, встретил красивую студентку, влюбился. Решили поселиться в Ленинграде у его мамы, он написал рапорт об увольнении из армии, уволился. В Ленинграде пошел работать на завод мастером участка, благо гражданская специальность была.

Мое рождение государство отметило ликвидацией продовольственных карточек. Говорят, для людей был праздник, очередная победа Сталина.

Но теперь надо было кормить себя и семью за свои деньги, а их просто не хватало. Мама не работала, бабушка работала, но обеспечивала только себя. Жили в коммуналке в большом доме на улице Скороходова.

Питерские коммуналки – это нечто! Что я помню? Большая широкая лестница на шестой этаж. С лестницы попадаешь в длинный коридор, метров тридцать, и по обеим сторонам – двери, двери, двери... За каждой из них в комнате 14–15 квадратных метров жила семья. В нашей было четыре человека: бабушка, папа, мама и я.

В доме был домострой. Папа – главный, по-армейски безапелляционный, подзуживающая, всем недовольная бабушка и все терпящая мама.

За поворотом коридора – огромная комната, это кухня, вдоль стен – газовые плиты, одна на три-четыре семьи. Там же – два-три туалета с раковиной, где можно помыться.

Насколько я понимаю, денег в семье хронически не хватало, родители недоедали. В семейном архиве есть фотография: на пляже у Петропавловки папа, мама и я. Два дистрофика, страшно смотреть, а между ними – плотненький бутуз.

Отец приносил домой зарплату, где 50 процентов составляли облигации государственного займа, их погашали еще вплоть до перестройки.

Нужно было что-то менять. Отцу предложили вернуться в армию, и он согласился. Так, после трех лет гражданки мы стали семьей военного. Жизнь – не сахар, но с голоду не помрешь. Благо семейных гарнизонов было не так много: Рига, Порт-Калауд (Финляндия) и Таллинн. В Риге мне было три-четыре года, в Порт-Калауде я пошел в первый класс.

Юг Финляндии – изумительная природа: скалы красного гранита, чистейшее море, рыбалка, грибы, ягоды. Офицеры умели отдыхать: на военных катерах семьями ходили на острова, рыбачили, жарили рыбу, грибы, шашлыков не помню, наверное, с мясом было не так хорошо.

Атмосфера в местечке Керкануми, где мы жили, была полувоенная. Много колючей проволоки, везде часовые, проход только по паролю и отзыву, особенно в вечернее и ночное время. Атмосфера недоверия и подозрительности витала в воздухе. Недалеко от сборных домиков, где жили семьи начсостава, было длинное одноэтажное здание, оно стояло на метровых сваях, нас, детей, туда не пускали, но мы все же заглядывали. Однажды нам показалось, что там кто-то прячется, сказали дежурному. Даже на подозрение детей – реакция мгновенная, всех эвакуировали, солдаты оцепили здание, все обшарили, ничего не нашли, но нас не ругали, а похвалили за бдительность.

Нравы после войны были достаточно жесткими. Так, в наш поселок забрела собака, незлобная, дети с ней играли, но кто-то дал команду, пришел дежурный офицер и ее застрелил на глазах у всей детворы. Мы в оцепенении смотрели на ее конвульсии и как сочится кровь из пулевых отверстий.

В другой раз на вокзале поймали воришку, молодого парня, и молча толпой стали его избивать. Когда пришел милиционер, парня подняли, лица у него не было, а было сплошное кровавое месиво. Чтобы я не смотрел, мама уткнула мое лицо в юбку.

В начале марта 1953 года всех парализовала весть по радио. Если у бабушки был репродуктор в виде черной так называемой тарелки, то у нас был ламповый розово-коричневого цвета небольшой радиоприемник «Москвич». Сообщение было о том, что умер И. В. Сталин. Я, конечно, знал, что Сталин был руководителем нашего государства, его портреты были везде: в общественных

местах, школах, штабах, вокзалах, кинотеатрах, на улицах стояли его бюсты, в городах – памятники.

Известие о смерти Сталина вызвало шок, все плакали, и я плакал. Взрослые спрашивали друг друга: «Как нам теперь жить дальше?» О большой политике в Кремле люди, естественно, ничего не знали, но с отмены карточек в 1948 году до его смерти было проведено несколько снижений цен на продукты и промтовары. Победу и эти достижения люди связывали с именем Сталина. Не знаю, как для кого, но внешне это был действительно национальный траур.

В 1954 году я пошел в первый класс там же в Керкануми. На одном из первых уроков нас попросили принести в школу газету, кажется, это была «Правда». На первой странице была большая фотография президиума какой-то партийной конференции. Учительница сказала: «Найдите на ней человека в пенсне. Нашли? Теперь взяли карандаши и зачирикали его лицо. Это Лаврентий Берия. Он – враг народа». Вот такие нравы царили даже в школе.

В 1954 году Н. С. Хрущев в знак доброй воли передал все наши военно-морские базы на чужих территориях сопредельным государствам. Так, Порт-Калауд и прилегающие территории были переданы Финляндии. Вся инфраструктура этих территорий, все, что построили, тоже было передано финнам. А это больницы, школы, бани, мосты, водонапорные башни, маяки, электроподстанции, пирсы, причалы, базы ГСМ и многое другое. Были взорваны только оборонительные и стратегические объекты. Одним из них была резервная мощная дизель-электростанция, помещение которой для безопасности было выбито в монолите скалы.

Мы уезжали в неизвестность, хотя и на родину, а для финнов это было настоящим праздником. Ехали поездом через их территорию, на подножках – пограничники, солдаты. Окна приказали зашторить, но было душно, и

стекла опущены. На станциях играла музыка, людей мы не видели, и вдруг через шторы просовывается рука, и на столик падает пакет, а там – вещи хорошие, новые, сувениры, даже ручные часы. И так было повсеместно и в других эшелонах.

В общем, прощай Финляндия, прощай, детство веселое, беззаботное и счастливое! Запомнились первые игрушки: зеленая металлическая машинка на веревочке, похожая на броневик, но без оружия, и металлический зеленый полуметровый крокодил на веревочке с негринтенком наверху. А на семь лет кто-то из сослуживцев отца подарил настоящий финский пистолет, правда, без патронов и, я думаю, со спилленным бойком. Для мальчишки впечатления сказочные, я его добросовестно прятал от всех, особенно военных, чтобы не забрали. Но вывезти в Союз его, естественно, не дали.

Первые уроки дружбы и отваги я получил тоже в Финляндии. Рядом с домом, где мы жили, была высокая металлическая башня, мы там лазили. Отец, если видел, строго наказывал. На участке вокруг нее были огороды, а воду брали из глубокой, метра три-четыре, ямы. Мы любили там играть с мальчишками, пускали кораблики, кидали камни. Однажды, нас было трое мальчишек, один из них случайно, кидая камень, толкнул в яму меня. Перед глазами – черная мутная вода, плавать я не умел, взрослых рядом нет, а мальчишка, который меня толкнул, испугался и убежал. Второй мальчик, кажется, его звали Саша, не растерялся, лег на землю, дотянулся до меня рукой и за рубашку вытащил на берег. Это был для меня первый урок храбрости и достойного поведения.

Итак, мы вернулись в Ленинград, отец где-то служил, мы с мамой жили у бабушки, я учился во втором классе. Первый раз надел школьную форму: гимнастерка, фуражка, брюки и ремень с бляхой, на которой была выдавлена буква «Ш», значит, школьник, на фуражке –

такая же эмблема. Ткань была серо-синего цвета. В Ленинграде все школьники так ходили.

В конце 1955 года мы переехали в Таллинн по новому месту службы отца. Снимали квартиру в Пяэскола, я учился в 30-й средней школе в Нымме.

Отец получил двухкомнатную квартиру на улице Садама, 13. Стены бутовые, подоконники в ширину – один метр. Второй и третий этажи достроены. Отец служил начальником отдела кадров в военной части, она же – военный железобетонный завод, который был построен на берегу залива, недалеко от Купеческой гавани. Отличное место для игр, сталкер отдыхает. Чуть дальше по берегу была полузатопленная шхуна «Каякас», большая, метров 35, корма в воде, а нос на берегу возвышается метров на шесть. Каюты, трюмы, коридоры, такелаж – все было в нашем распоряжении. Рядом было так называемое «теплое». Это отвод воды из электростанции, сейчас – «Котел культуры». Этот водовод не замерзал целый год, там я научился плавать.

В августе 1956 года в семье пополнение – родилась сестренка, назвали Ирочка. Разница в возрасте сделала из меня няньку. Я с ней гулял, играл, водил в садик и забирал оттуда. В третий класс я пошел уже в Таллинне в новую 5-ю среднюю школу на Вана-Каламая. Учился я средне, отбывал повинность, интерес пришел только в институте, но много уже было упущено, поэтому было трудно.

Летом – пионерские лагеря: Е. Никонова, Вяэна-2, Клоога-1. В начальных классах в лагерь я уезжал со слезами, а с возрастом меня было не выгнать. Пионервожатые стали друзьями по жизни, особенно братья Головины: Валера, старший, – впоследствии главный редактор Радио 4; Гена – отличный сварщик, Борис – тоже сварщик. Ребята из рабочей семьи, но с огромной тягой к знаниям, с оригинальными философскими взглядами на жизнь. Борис, чтобы быть ближе к букинистическим изда-

ниям, ушел с хорошо оплачиваемой сварки в библиотеку им. Крейцвальда простым рабочим, но был этим крайне доволен. Слыл диссидентом, в Москве встречался с Сахаровым, в связи с чем был на контроле у КГБ.

Несколько эпизодов из детства, которые, как мне кажется, формировали характер. Все в свое время играли в войнушку, в казаки-разбойники. В пионерском лагере эти игры проводились на серьезной основе, к ним готовились. Зона действий простиралась далеко за территорию лагеря. Все отряды, кроме самых маленьких, делились пополам: одни – за «синих», другие – за «зеленых». На одежду нашивались бумажные погоны с нарисованными знаками отличия. Каждый погон имел свою цену. Нужно было сорвать погоны с противника и как можно больше, потом определялась команда-победитель. Беспогонник выбывал из игры. Как и в настоящем бою, первыми «гибли» рядовые – маленькие участники игры.

Интересен генезис отношений в игре с возрастом, да и сами переживания участников. Маленьким бегаешь, прячешься и не помышляешь о добыче, не до жиру, что называется, быть бы живу. Если тебя выследили и окружают, страх за свои погоны сковывает душу. В голове пульсирует одна мысль – бежать, и бежишь, и чем быстрее бежишь, тем больше страх. Стыдно? Да! Но страх парализует, иногда настолько, что возникают рецидивы неадекватного поведения – хватаешь палку, камень, кричишь. С возрастом становишься рассудительнее, хитрее, выискиваешь в сопернике слабое звено или, например, девчонок.

Я всегда сравнивал свои чувства, свое поведение с настоящей войной, где цена – смерть или плен. Надо не поддаваться панике, страху за свою жизнь, победить себя, тогда победишь врага или, в моем случае, соперника. Постепенно приходит понимание «плеча друга, товарища», вера в него, как в себя, доверие к старшим и их действиям. Это называется воспитание личности в игре.

По мере взросления игры уходят на второй план, и учит сама жизнь.

Постыдное чувство страха мне пришлось испытать и в подростковом возрасте. В 9-м классе у нас сложилась довольно дружная компания одноклассников, часто проводили время вместе, гуляли, устраивали вечеринки, бывало, выпивали, но редко, все занимались каким-либо видом спорта. Заводилами были Гена Ханин, Игорь Карпин, Володя Новиков, Володя Шкодов (Кузнецов), Вася Гуляев, Саша Гаврилов, Алик Вовк. Немного обособленно находились брат и сестра Федоровы, оба отличника, умные, начитанные и порядочные ребята.

Частенько в школе проводились вечера, после одного из них все вывалились на улицу перед школой. Были и ребята, закончившие школу год-два назад. Мы стояли со своим классом, разговаривали. Как-то незаметно группа подростков оттеснила нас от Саши Федорова, он спортом не занимался, но от природы был здоровый и на голову выше остальных. Мы знали эту хулиганствующую, вечно шкодившую группу, вожаком у них был парень по кличке Красавчик, действительно симпатичный парень, года на два-три старше нас. Звали его Виктор, ему многое сходило с рук, так как его папа полковник служил в милиции. Парень подлый и коварный, к тому же говорили, что у него при себе всегда нож.

Неожиданно без причины они стали избивать Сашу, причем сбить его с ног они не могли. От ударов он не уворачивался, его очки упали. Опять страх за свою жизнь холодным потом покатился по моей спине. Он сковал нас. Все думали про нож, а не про Сашу. Первой опомнилась его сестра Надя и с криком «Что вы, подонки, делаете?» бросилась к брату. Через какое-то время подключились бывшие выпускники. Они Сашу не знали, просто были более мужественные, чем мы. Образовались локальные кулачные стычки, пока из пятого отделения милиции не пришли два милиционера и не разогнали дерущихся. Ху-

лиганы растворились в темноте. Было до тошноты противно, стыдно за себя и товарищей, мы не могли смотреть друг на друга и молча разошлись по домам.

Но самое позорное для нас было на следующий день. Наш классный руководитель Юлия Николаевна, преподаватель русского языка и литературы, молодая женщина, я думаю, ей не было тридцати, собрала всех мальчишек класса и учинила нам самосуд, в смысле того, что судьями стала наша совесть. Больше такого позора я в жизни не испытывал.

В Клоога-1 я был капитаном футбольной команды. Как-то в лагерь с товарищескими играми приезжали юные футболисты из команды «Динамо», их старший тренер Локотар пригласил меня в самую младшую группу команды юношей «С». Впоследствии были «D» и «B». Занятия спортом мне много дали не только для физического здоровья, но и морального. Под руководством тренера на поле всегда шла борьба на пределе сил. Так выработывался характер, взаимопонимание с партнерами.

К сожалению, отец постоянно срывал меня с тренировок за учебу, за поведение. Но при этом лет с двенадцати мое утро начиналось с того, что отец срывал с меня одеяло и я должен был бежать на улицу в любую погоду. Бегал вдоль берега моря до «Чайки» и обратно, отжимался, подтягивался на металлических конструкциях, делал гимнастику. Постепенно так втянулся, что без этого просто не мог и просыпался до коварного жеста отца.

Наш дом был трехподъездный, детей было много, семьи самые разные, и интересы у детворы были разные. Кто-то хулиганил и слонялся по улицам, кто-то воровал, кто-то учился. Все шло из семьи, а там уже у кого какая. За мной ребенком смотрели, что позволило мне избежать многих неприятностей, но не всех.

Так, на втором этаже нашего подъезда жил вместе с мамой мальчик Леня – вор по жизни, уже со сложившейся психологией. Он был старше меня года на три-четыре.

Периодически он пытался втянуть меня в свою жизнь, но, слава богу, и благодаря родителям я к этой романтике был равнодушен. Хотя однажды на день рождения он подарил мне электродрель, в то время это было совершенство техники. У меня глаза загорелись, сердце размякло, и я принял этот подарок, хотя, как говорится, меня терзали смутные сомнения. Родителям показать я побоялся и спрятал подарок под родительскую спальную кровать.

Через какое-то время в нашу дверь постучался участковый, мы все его хорошо знали. Он поговорил о чем-то с отцом, позвали меня и в лоб спросили: «Где дрель?» Я сразу все понял, покраснел и полез под кровать. Потом участковый на мотоцикле с коляской отвез меня в отдел милиции. Он был в районе Кадриорга. Составили протокол изъятия, серьезно побеседовали и отпустили домой. Дрель оказалась ворованной. Думал, что дома меня ждет суровое наказание, но все как-то обошлось, правда, месяц я не ходил на тренировки. Ленька через какое-то время появился, но я старался держаться от него подальше. Для меня это был хороший жизненный урок.

Где-то в 1958 году начали чистить Купеческую гавань, со дна достали груды ржавого оружия, снаряды, ящики патронов. Для мальчишек это был Клондайк. Как это богатство ни охраняли, но часть его переместилось в наши сараи. Сараи находились по периметру нашего огромного двора, за каждой квартирой был закреплен один. Они представляли собой длинное кирпичное строение с большим количеством дверей. Я боялся отца, поэтому у нас в сарае ничего не было.

Кто-то из мальчишек притащил из порта цинковый ящик с немецкими трассирующими патронами калибром 20 мм. Они были ржавыми, но был примерно сантиметровой никелевый ободок, он не ржавел, и по нему шла цветная канавка: красная, синяя, зеленая. У нашей детворы во главе со Славой Варакиным, хулиганистым под-

ростком лет 13-14, была забава. Славка аккуратно вытаскивал капсюль, сигаретой поджигал порох и бросал патрон как можно дальше. Снарядик летел, кувыркался, но при этом горел разными цветами. Иногда на земле, иногда в воздухе он взрывался. Зрелище для детворы завораживающее.

Но однажды ватага детей человек из пятнадцати – я был со своей сестрой, ей было года два-три – развлекалась таким образом между двором и берегом моря. Там на участке 100–120 метров было много железнодорожных путей в порт, а вдоль них стояли бетонные параллелепипеды 4 x 3 x 2 метра для строительства пирсов военной гавани. Кубы стояли друг на друге по две-три штуки, образуя между собой лабиринты – зону наших игр.

Итак, мы стояли на заборе из бутового камня, и Славка кидал снарядики в сторону кубов. Запустив очередной, мы смотрели, как он летит и горит. Вдруг из-за куба вышел рабочий в спецовке и пошел в сторону порта. Мы обомлели – ведь снарядик сейчас взорвется! Хорошо, что не в воздухе он взорвался, а на земле, за спиной мужчины. От неожиданности он упал, встал на карачки и, озираясь, пополз вдоль железнодорожного полотна. Выглядело это очень смешно, и, поняв, что он жив и невредим, мы хохотали во все горло.

Поняв, кто сотворил с ним злую шутку, он бросился за нами. Как горох, слетели мы с забора и бросились по своим подъездам. Я бежал, держа сестру под мышкой. Мужчина еще долго ходил по двору и проклинал нас и наших родителей.

Этот случай был для меня хорошим уроком, даже вспоминая это сейчас, холодок по спине: как можно по глупости, неосторожности убить человека. В общем, сперва думай, а потом делай.

Слава Варакин все-таки закончил плохо. Один из снарядов, по-моему, это был снаряд от сорокапятки, Слава решил взорвать. Их было четверо мальчишек и собака.

Я мог быть с ними, но по настоянию мамы сидел и делал уроки. Мальчишки, младшему Саше Шитикову было шесть лет, старшему Славику Варакину – 13, разожгли на берегу костер и покидали туда боеприпасы, а сами спрятались. Патроны быстро взорвались, а снаряд никак. Минут двадцать ждали – ничего! Тогда они вышли из укрытия. Снаряд лежал, но был горячий, они полили его водой, Славик нагнулся и взял его в руки. Он взорвался.

Славе оторвало кисть, осколками повредило грудь и живот. Слава случайно прикрыл остальных. Ребята получили осколочные ранения в брюшину и ноги, остались инвалидами, а Славик в горячке еще доковылял до проходной завода, и там вызвали скорую. Она остановилась около окна кухни, где я делал уроки. На улицу меня не пустили, но я видел, как Славу пытались реанимировать. Взрыв я слышал, стекла зазвенели, но не придавал этому значения. С тех пор опасаясь взрывчатых устройств.

Лирическое отступление. Это был 1985 год, я работал заместителем начальника Октябрьского РОВД и был назначен ответственным дежурным по райотделу. Часов в девять вечера поступило сообщение, что на Сыпрусе, где начинались первые дома в Мустамяэ, дети, играя, нашли в канаве неразорвавшуюся мину калибра 120 мм.

Водитель, дежурный опер, я и начальник ОУР Сергей Козлов поехали на место. Сергей поехал как специалист, сказал, что в армии служил минером. Решили отвезти мину в полк Матросова. Мина здоровая, тяжелая, ржавая покоилась на руках Сергея. Сердца наши холодели от каждой встряски, если бы она взорвалась, от машины вообще ничего бы не осталось. Минеры были на учениях, дежурный не хотел ее брать. Пришлось припугнуть партийными органами, только тогда он сдался.

Во дворе своего дома на Садама мы не только хулиганили. Мы играли во все знакомые нам детские игры, строили качели, спортивные площадки, штабы, иногда даже двухэтажные, устраивали всевозможные соревно-

вания, делали самокаты на подшипниках, ну и, конечно, пугачи разнообразных конструкций, правда, их мы взрослым не показывали.

В детстве моим воспитанием занималась в основном мама. Я ее любил и не очень слушался, однако старался не расстраивать. Мама любила цветы. Я этим пользовался. При повороте трамвайной линии в Копли, между электростанцией и Балтийским вокзалом, напротив корпуса завода «Норма» с одной стороны и стадиона КБФ с другой была разбита большая цветочная клумба. С весны до глубокой осени она была в цветах. И если в школе я получал тройку или, не дай бог, двойку, тишком срывал несколько цветков и нес домой маме. Она радовалась, но со временем поняла: если я с цветами – жди сюрприз.

Отец же в моем воспитании ограничивался менторским тоном и, как он говорил, витамином «Р» (ремнем), но иногда использовал интересные педагогические приемы. Если на меня кто-то жаловался из моих товарищей и подружек, он доводил разбирательство до абсурда, принуждая их при мне выговаривать все обиды, иногда несправедливые до слез, а в конце спрашивал: «Ну, как ты считаешь, Евгения надо за это наказывать?» Чаше всего девочки говорили: «Да-да, надо!» «Хорошо, иди, я его накажу!»

Эти беседы вызывали во мне яростное чувство обиды за несправедливость, а с другой стороны, воспитывали неприятие несправедливости как таковой не только по отношению ко мне, но и к окружающим. Отец был своеобразным человеком, при его трудном детстве, фронте, бытовых неурядицах дома он был барином, а на работе – исполнительным служакой, в общем, ярким представителем своего поколения, своего времени, как, впрочем, и мы все.

Он почему-то считал, что чтобы научиться кататься на коньках, я должен был сначала научиться кататься на одном коньке, что вызывало гомерический хохот моих

товарищей по двору. Велосипед у нас был один на двоих. Отец редко на него садился, я же учился и долгое время ездил под рамой.

Первый крупный «подарок» маме я сделал лет в тринадцать. Расскажу, почему кавычки. В то время я уже ездил на велосипеде под рамой. Родители отправили меня в магазин за хлебом. Ближайшая булочная была в районе Вана-Каламая, 3. Недалеко от моей школы. Там и сейчас небольшая площадь. От нее идет улица к вокзалу. На ней – булочная. Пересекая площадь на большой скорости, перед поворотом притормаживаю, по тротуару идет женщина в красивом голубом костюме, похоже, хочет перейти дорогу, посмотрела на меня, приостановилась. Я надавил на педали, а она вдруг шагнула на дорогу. Удар, мы оба падаем. Чувствую себя виноватым, видно, что ей больно, к тому же оказался разорванным на локте рукав пиджака.

За мной ехал автомобиль, и мужчина-водитель сразу обвинил во всем меня. Втроем мы проследовали за угол на улицу Нийне в пятое отделение милиции. Отстаивать свою правоту перед взрослыми я просто не умел, поэтому оказался виноватым по всем статьям. Часа четыре я просидел в отделении, где меня и нашли родители. Из разговоров взрослых я понял, что женщина, жена капитана дальнего плавания, шла с международной переговорной станции (были и такие), расстроенная после телефонного разговора с мужем. Возможно, это и было причиной ее невнимательности.

В общем, пошли на мировую, женщина оценила свой костюм в 160 рублей, огромные по тем временам деньги, а мама получила от меня «подарок», хорошо, что размер ей подошел. Она еще долго ходила в этом красивом дорогом костюме.

В то время в подростковой среде было развито деление по районам. Так определяли свой – чужой. Самыми хулиганистыми районами были Копли, Маяка, Каламая.

Однажды мои родители пошли в гости к своим знакомым, которые жили в районе, где сейчас гостиница «Кунгла». Я пошел погулять, мне было лет десять. Вдруг меня стали преследовать человек пять мальчишек моего возраста. Загнали меня к высокой каменной стене, окружили. Сначала говорили по-эстонски, потом перешли на русский. Зачем я пришел в их район, что я тут делаю? Я взял в руку камень и встал спиной к стене. Страху не было, но опасения, что они меня поколотят, были. Я добросовестно ответил на все их вопросы, тогда они попросили меня бросить камень, я не соглашался. Они меня спросили, учу ли я в школе эстонский язык, кстати, дети военных имели право не учить, но мои родители настояли.

Это был мой первый экзамен эстонского языка. Они спросили: «Как называется то, что за моей спиной?» Я говорю: «Sein». А если каменная? «Müüg». И так далее: дом, улица, дерево, песок, трава. Похоже, экзамен я сдал. Они сказали: «Head aega!», развернулись и ушли.

Еще одной зоной наших игр был порт, точнее, военная гавань. Преодолевая охрану и различные ухищрения военных, например, смазывание солидолом нависающих над водой конечных столбов забора, мы попадали на территорию порта. Корабли стояли с правой стороны пирса, а с левой, вдоль высокой бетонной стены-мола были расположены учебные морские орудия для тренировок экипажа. Это была наша вотчина.

Военные относились к детворе с пониманием, особо нас не гоняли, но когда корабль уходил в море, делали полный аврал и зачастую уже раздраженно вытаскивали нас из такелажа, орудий, шлюпок. Так хотелось выйти в море на боевом корабле!

Моряки оказывали и срочную медицинскую помощь. Один раз на день рождения мне подарили перочинный нож, играя с ним, я случайно воткнул его в ногу. Отец на руках через КПП отнес меня в медпункт на корабль. Там остановили кровь и сделали перевязку.

Наша улица Садама была тупиковая, в порт. С правой стороны за забором – судоремонтный завод № 36, а с левой – бараки, общежития, два многоквартирных дома, автобаза и администрация военного порта.

В одноэтажных бараках перед теперешним Горхоллом жили татары, вообще их в Таллинне было много, семьи большие. После войны как прорвало, было очень много разновозрастной детворы. С татарами мы дружили, вместе играли, ходили в гости, был у них был убогий, как они все помещались в своих клетушках, одному богу известно. Печное отопление, воды не было, туалет на улице.

У нас были общие забавы, мы ходили драться с мальчишками, живущими в Старом городе за Толстой Маргаритой. Там был смешанный контингент: и русские, и эстонцы. Если большие парни и махали иногда кулаками, то мы, мелочь, были для массовки, бегали за большими то до Толстой Маргариты, то до электростанции.

Общепризнанной границей была трамвайная линия. В основном наше противостояние сводилось к «стоянию», когда две ватаги мальчишек, не переходя трамвайную линию, словесно поносили друг друга. Национальный вопрос!

Вообще для меня такого вопроса не существовало. Я знал, что я русский, что Советский Союз – многонациональное государство, что у нас 15 республик, что все они равны. Долгие годы учась в одном классе и имея друзей, я не знал и никогда не задумывался, какой они национальности. Немного повзрослев и ведя с друзьями идеологические споры, я, к удивлению для себя, обнаруживал, что они такие же, но иногда, как-то иначе смотрят на исторические факты, по-другому их интерпретируют.

Многое шло из семьи. Я приехал в Эстонию, самую маленькую из республик. Я понимал, что это родина для всех эстонцев, другой у них нет. При этом я попал в чисто русскую среду, не считая татар. На нашей улице все говорили по-русски: рядом – военная гавань, строитель-

ный батальон, судоремонтный завод, я учился в русской школе, в нашем классе была одна эстонка Хелле Кельдер, но она была из смешанной семьи, свободно говорила как по-русски, так и по-эстонски. В пионерском лагере тоже помню очень приятную девочку эстонку.

Эстонскую речь я слышал в Пяэскюла, в Старом городе, иногда в Пирита, в Кадриорге. Я еще не понимал, почему, но мне было как-то не по себе, когда частенько утром я ехал в школу на трамвае в сторону Копли. Работяги в замасленных спецовках, мат-перемат, агрессивные, русская душа, «хозяева жизни» – и интеллигентная разновозрастная эстонская публика, на этом фоне они казались интеллигентными, притулилась в уголках, стараясь быть незамеченной. Могу представить, что у них творилось в душе.

В школе у нас была учительница эстонского языка, национальный патриот, пыталась привить нам интерес к национальной культуре и языку, говорила, что эстонский язык по певучести, и это общепризнанно, второй после итальянского.

Не знаю, почему, но чувство справедливости было моей ахиллесовой пятой. Я во всем искал правду. Если в детстве любая несправедливость по отношению ко мне была до слез обидна, то с возрастом я начал уже анализировать ситуацию: кто, почему и зачем, а после этого мне и самому частенько бывало стыдно.

Так, помню в пионерском лагере мы с поличным поймали мальчишку, который лазил по тумбочкам после родительского дня. Мы прижали его к стене, он затравленно, молча слушал нас. Не кто иной, а именно я в пылу возмущенного негодования ударил его по лицу. Ах, как мне больно об этом вспоминать, каким я подонком я себя чувствую, как мне стыдно! Ведь он не мог мне ответить, моя распушенность абсолютно ничего не решала, я унизил человека, будучи в толпе. Это не суд, а расправа.

После девятого класса отец настоял, чтобы я пошел работать и продолжил учебу в вечерней школе в десятом классе. Это был 1963 год.

На завод имени Ханса Пегельмана брали тогда только со средним образованием, но отец, который после увольнения в запас работал председателем завкома профсоюзов на 36-м судоремонтном заводе, поспособствовал, и меня приняли в ремонтно-строительную бригаду на РТЗ им. Пегельмана. Там я проработал 16 лет – от строительного рабочего, электрика, наладчика электровакуумного оборудования, регулировщика радиоаппаратуры, секретаря комсомольской организации завода на правах райкома, в должности инженера-конструктора СКТБ до инженера-технолога бюро НОТиУ ОТИЗ.

В строительной бригаде у нас был сплошной интернационал. Пара человек русских, один из них – Володя, воевал, попал в плен, сидел в лагере в Эстонии, после освобождения остался здесь, выучил язык, хороший плотник, многому меня научил. В бригаде были женщины – маляры, штукатуры. Рабочий язык был смешанный – русско-эстонский. Раз в неделю были недолгие неофициальные застолья, на которых я с интересом наблюдал новые для меня гендерные отношения взрослых людей.

Затем – бригада электриков. Нас было пять человек, русский я один. Парни, которые были лет на десять старше меня, относились ко мне снисходительно. В качестве ученика я был закреплен за бригадиром Пезпом. Новые для меня эстонские имена: Андрус, Антс, Маркус, Свен. Там, где я работал, старался расти, сдавал экзамены, получал квалификационные разряды.

Будучи уже электриком второго разряда, я получил задание: проверить, почему не работает станок германиевой резки на одноименном участке. Тогда на РТЗ им. Пегельмана был замкнутый технологический цикл, и мы не получали, а сами делали или «выращивали» монокристаллы германия и кремния для последующего про-

изводства полупроводниковых приборов и интегральных микросхем.

Станок метра три длиной находился в торце узкой комнаты. По бокам работали девушки на так называемых скафандрах. Это столы с микроскопами и микроклиматом под прозрачным из оргстекла колпаком с вставленными вовнутрь для работы резиновыми перчатками. Распределительный электрощит на станок был в коридоре. Отключил я питание, вынул предохранители. Сел перед станком, снял панель управления и положил ее на колени. Сигнальные лампы, тумблеры, трансформаторы, провода – все передо мной. Пробую отверткой, хорошо ли закреплены провода, ищу разрыв в цепи.

Вдруг отвертка замыкает два контакта, короткое замыкание, электрическая дуга, в руке только ручка от отвертки. Все это за доли секунды. Я перелетаю через голову и через стул назад и застываю на четвереньках в четырех метрах от станка у двери. Визг, крики девчонок.

Станок ломался и раньше, и обслуживающий его электрик перекинул питание с одного электрощита на другой, а схему не изменил. Вывод я для себя сделал: не верь глазам и схемам, проверь все сам. Смелость и осторожность не исключают друг друга.

В нашей квартире на Садама, как тогда и в других, электропровода шли снаружи, а не внутри стены. Держались они на маленьких белых фарфоровых роликах. Я решил на современный манер провести электропроводку внутри стен. Отец не возражал, но чего это стоит на практике, я понял только тогда, когда ввязался в это дело.

Современных инструментов тогда не было, и мне пришлось прорубать канавки зубилом и победитовым сверлом с обычной дрелью. Зубило и сверла точил на работе. Провод КУЛО в металлической оплетке купил у знакомого электрика, который жил в Нымме.

Вышел из электрички на Балтийском вокзале, обвешанный проводами, и сразу вызвал подозрение у мили-

ционер. Хорошо, что с собой был паспорт и пропуск с завода. Он добросовестно переписал мои документы, фамилии моих руководителей на заводе и данные человека, у которого я купил провод, и только после этого отпустил восвояси.

Электросхема не вызывала у меня трудностей даже при том, что раньше в сети не было распределительных коробок. Но канавки по стенам и потолкам, углубления под распредкоробками – это был каторжный труд. Сстиснув зубы, я месяца два занимался только этим, забросив друзей и тренировки. Но я сделал это! Даже сейчас, вспоминая, удивляюсь своей стойкости и упорству. Это была победа над собой.

Учеба в вечерней школе мало что дала для знаний, хотя во многом я виноват сам, не умел определять приоритеты. Таким образом, фактически на багаже девяти классов я поступал в вуз.

Был у нас в свое время Республиканский комитет по высшему и средне-специальному образованию. За ним были закреплены места в различные высшие учебные заведения Союза. Я решил поступать в Ленинградский институт связи им. Бонч-Бруевича. Вступительные экзамены сдавал вместе со всеми в Таллинском политехническом институте. В Институте связи был достаточно высокий проходной балл, я его по итогам экзаменов не набрал.

Встал вопрос, что делать. В комитете мне предложили на выбор несколько вузов, где мои баллы проходят.

Очень хотелось самостоятельной жизни, и я выбрал Тульский политехнический институт. Специальность была зашифрована цифрами. Так, от республики я поехал в Тулу. Это был 1964 год, мне было 17 лет.

Тульский политехнический – это огромный вуз с несколькими десятками тысяч студентов. Это целый студенческий городок с учебными корпусами, общежитиями, лабораториями, поликлиникой, спортивными залами

и стадионами. Мой факультет был механический. Учеба давалась мне очень тяжело, чувствовал пробелы в знаниях, но я упорно грыз гранит наук. Если не хватало места или кульмана, я снимал с петель дверь шкафа и чертил на ней.

В комнате нас было четыре человека, двое – Фима Фурман и Игорь Смарагдов – были из моей группы, а третий мальчик, – из соседней. Фима был из Украины (Черновцы), а Игорь – из Новороссийска. Ребята были старше меня и закончили 11 классов. В учебной группе было человек двадцать пять, из них пятнадцать юношей и десять девушек. Что характерно: семь юношей были после армии, со льготами на поступление. Они и задавали тон в группе – не знаниями, а нравственной, психологической атмосферой. Своего рода дедовщина, ведь они были лет на семь-восемь старше нас.

Ранее я не замечал за собой признаков неаккуратности, видимо, все сглаживала мама, вовремя убирая оставленные мной вещи. Положить на место – об этом я как-то не задумывался, усилиями мамы все и так было на своих местах. Но в общежитии, где в комнате еще три человека и каждый решает свои проблемы самостоятельно, вещи общего пользования должны возвращаться на свои места априори.

Меня воспитывали год – неласково, по-мужски, с раздражением, пока я не научился автоматически все класть туда, откуда взял. Это очень пригодилось в армии, а потом – и в повседневной жизни и особенно – в трудовой деятельности.

Для меня было откровением, когда я узнал расшифровку наименования нашей специальности – «Корпуса ракет», у нашего соседа по комнате специальность была «Автоматическое стрелковое оружие», то есть это был и, наверное, есть гражданский вуз с военным уклоном.

Атмосфера в институте царила соответствующая: в каждый учебный корпус, в каждую лабораторию был

свой уровень допуска. Везде были посты ВОХРа (военизированной охраны).

Помню такой случай. В подвале соседнего общежития была какая-то закрытая лаборатория. На окнах – решетки, дверь – металлическая. Это было зимой, уже темно, в лаборатории работали четверо старшекурсников. Что-то произошло, дверь заклинило, они выбили окна, но решетки не дали им выйти. Приехала пожарная машина, выдрали одну решетку и вытащили ребят – трех парней и одну девушку. Их пытались откачать, они лежали на снегу, потом их увезли. А утром, что меня крайне удивило, по Би-би-си передали (студенты позволяли себе слушать), что в Туле в военном вузе в результате несчастного случая погибли четыре человека.

Как бы там ни было, студенческая жизнь прекрасна. От сессии до сессии живут студенты весело. Стипендия – 35 рублей, не разгуляешься, 5 рублей – общежитие, в нем же столовая, хлеб и какие-то салаты, чаще квашеная капуста, на столах – гарнир, 3 копейки, чай – 2 копейки, котлета – 14 копеек. Перед стипендией денег хватало только на гарнир, иногда поварахи под гарнир прятали котлетку.

На эти деньги мы умудрялись ходить и в кино, и в театр, а иногда – даже в ресторан, чаще в ресторан «Дружба», который по неведомым обстоятельствам находился на территории студенческого городка. За 3–5 рублей можно было гулять целый вечер. Правда, в первый год учебы в ресторан по малолетству меня не пускали. Самым грустным для меня временем был Новый год и государственные праздники, так как ребята в группе были в основном туляки и из прилежащих городков Тульской области. Они разъезжались по домам. И если Игорь и Фима уходили в гости, у них были девушки, то я оставался в пустом общежитии совершенно один.

Правда, на 3 рубля можно было отлично покушать и в одиночку. 2.62 стоила бутылка водки, 0.33 – бутылка

пива, а бесплатной закуски полно в столовой. Настольная лампа и радиостанция «Маяк» дополняли обстановку. Мои великовозрастные сокурсники тоже оставались в общежитии, но у них была своя компания, куда я не был вхож.

Игорь Смарагдов, по моим представлениям, был вообще уникальным человеком. В свои 18 лет он был мастером спорта по боксу, чемпионом Союза среди юношей, школу закончил с золотой медалью, был призером всесоюзной математической олимпиады. Высокий, сухопарый, со сломанным носом, длинными руками, резкий, подвижный. По характеру – боец, при этом тонкая душа, начитанный, грамотный. Он стал моим кумиром на долгие годы. Как и зачем он попал в Тулу, для меня осталось загадкой.

Когда Игорь от нечего делать предложил мне позаниматься боксом, я был на седьмом небе. Наши занятия проходили в общежитии, на лестничной площадке последнего этажа. У него с собой были лапы, бинты и восьмиунцевые боксерские перчатки. Как тренер он тоже был замечательный. Игорь научил меня двигаться, дышать, показал и поставил многие удары и обучил техническим приемам. Все это он объяснял теоретическими выкладками. Энергия удара, или кинетическая энергия, рассчитывает $(mv^2)/2$, отсюда масса кулака не так важна, скорость ее толчка увеличивает силу удара в квадрате. Поэтому скорость и еще раз скорость. Он показал мне прием для увеличения скорости удара. Сложенная газета отпускается в воздухе, и в этот момент наносится удар. Если газета получила сквозной разрыв в месте удара, ты добился необходимой скорости. Долгие месяцы я тренировался, прежде чем у меня стало получаться.

В конце года Игорь мне сказал: «Все, основа есть. Теперь иди в секцию бокса». И я пошел. Мне не верили, что я новичок, ставили в спарринге со вторым, первым рядом. В то время бокс в Союзе был, с одной стороны,

на взлете, с другой – была заложена тенденция на поражение. Поясню. Бокс достиг совершенства своего технического исполнения. Кумирами были Енгиборян, Агеев, Степашин, Попенченко, Кассиус Клей, он же Мохаммед Али – боксеры с удивительной реакцией и скоростью, с огромным багажом технических приемов, которые они выполняли филигранно. Председатель федерации бокса Союза Константин Градополов выдвинул лозунг: «Бокс – это поединок интеллектов!»

Менялись правила. Так, юноши боксировали раунд не три минуты, а две, и тому, кто посылал соперника в нокаут, засчитывалось поражение. Таким образом оберегали молодых спортсменов, но этим и подрывали основы бокса.

У меня были бои, где я за раунд пропускал один-два удара, от остальных уходил за счет техники, движения, набирал очки за счет резких несильных ударов – уколов. В общем, это был уже не бокс, потому что любая грубая сила, напор, случайный удар могли стать фатальными. Да, бокс становился не зрелищным, но эффективным. Дальнейшее развитие бокса показало ошибочность наших концепций, и со временем их пересмотрели.

Профессионально боксом я дальше не занимался и когда в 1966 году вернулся в Таллинн, для себя ходил заниматься боксом в «Динамо» к знаменитому у нас тренеру Карлу Карловичу. Это было маленькое помещение у автобусной станции.

Перед первым курсом, до того как была сформирована наша группа и мы поехали на уборку урожая в колхоз, я какое-то время жил в общежитии с ребятами из Узбекистана. Они – после школы, как и я, а другой, Равшан – после армии. Ребята необычайно хлебосольные, по-южному темпераментные. Так вот, от Равшана я впервые услышал идею, что Узбекистану невыгодно быть в составе СССР, что у них отличный климат, богатая плодородная земля, в недрах много полезных ископаемых, а их Ферганская долина кормит Сибирь и Дальний Восток.

В Эстонии я тогда таких разговоров не слышал и хотя был принципиально с этим не согласен, они мне запали в душу. Что-то было неладно в «Датском королевстве».

Тула, как и многие другие города дореволюционной России, – это город контрастов. От вокзала в центр города трамвай тащился через старые районы с покосившимися деревянными домами. Поражала такая картина: чтобы дом не упал, его стену подпирали одно-два бревна, упертые в рельсы. Удивительные вещи: я жил там два года, и эта картина не менялась.

Центр города отстроен после войны современными так называемыми сталинскими домами. Город – на холмах, центральная магистраль, проспект им. В. И. Ленина, – шестирядная улица, по которой ходят автобусы, троллейбусы; широкие тротуары для пешеходов, театры, музеи, кинотеатры и магазины. Цитадель, или тульский Кремль из красного кирпича, говорят, построен раньше московского; парки, широкая, метров 50–60, река. Километров 6–8 от Тулы – город-спутник, Косогорский металлургический комбинат, туда ходил трамвай. Огромное предприятие со многими десятками тысяч работающих.

Наша забава, как и многих тульчан, наблюдать с моста через реку, как вдалеке идет разгрузка мартиеновских и конвекторных печей. Небо, особенно в темное время, озаряется сполохом огня на весь горизонт, чем-то напоминает северное сияние в средней полосе, только более контрастное, и сопровождается это зрелище громыханием, рокотом явно не природного происхождения.

Контрасты продолжались и в колхозе, где мы, студенты, убирали урожай весь сентябрь. Колхоз – это несколько сел с сельхозугодьями. Наше село было не головным, но большим – тысячи полторы-две народу. Кроме огородов жители занимались птицеводством, в основном разводили гусей. Вокруг было полно прудов, запруд. Чтобы их не обходить, были построены каменные дамбы, мосты. По дамбе мог проехать трактор или машина. Чтобы

не попасть под гусеницы местного лихача, приходилось или прыгать в воду, или бежать от него по дамбе метров 40–50 в лучах фар. По-моему, эта забава им нравилась, нам – не очень. Самое поразительное то, что в селе не было света! Это вторая половина XX века, уже Гагарин побывал в космосе, а здесь после 6–7 часов вечера хоть глаз коли. В десять село спало, и мы вместе с ним. Туалетов тоже не было, ходили в так называемые отхожие ямы.

Сколько конфузов было в темноте! В яме можно столкнуться и с дамой. Электричество было только на току, он же – зернохранилище. Там для молодежи устраивали танцы, показывали фильмы.

Как-то уже в октябре, по-моему, это было воскресенье, идем мы с ребятами по проспекту Ленина, навстречу – местный юродивый, хромающий, небритый, неряшливо одетый старикашка. Я его видел и раньше. Он ковыляет по проспекту и через каждые 100–150 метров поет:

Кукурузу всю убрали

И Никиту из Кремля.

Меньше б гадил он на Сталина,

А побольше на поля!

Мы оцепенели – такое позволить себе в Советском Союзе! Сейчас его точно схватят и увезут в кутузку. Но его почему-то никто не трогал. Когда мы пришли в общежитие, то узнали, что на Пленуме ЦК КПСС сняли Н. С. Хрущева, его не арестовали, а отправили на пенсию. Это было что-то новое в истории нашего государства.

В понедельник перед занятиями на каждом факультете провели митинги, как могли, разъяснили ситуацию и просили вести себя сдержанно, не поддаваться на провокации, какие именно, я так и не понял.

После первого курса из-за неуспеваемости отчислили Фиму Фурмана, как мы его звали FF-46, я держался, но чего это мне стоило...

Я завалил математику. Разрешили пересдать через неделю после окончания сессии. Все разъехались, я зу-

брил. В конце июня пересдал. О, счастье! Какой груз с плеч! Теперь домой. В кармане – мелочь, в нагрудном кармане пиджака – 10 рублей. Билет до Таллинна 9.80. Через сутки я дома.

На улице летнее солнце, у меня благодушное настроение, сессия позади, радостное ожидание впереди.

Иду по городу. Навстречу – ватага молодых цыганок с грудными детьми. В Туле их много было, обычно мы проходили мимо них, не ввязываясь в разговор. Настроение и антураж сделали меня беспечным. Одна из них, лет 16–17, с ребенком, обратилась ко мне:

– Молодой человек, извините, а где здесь поликлиника? У меня заболел ребенок!

Я показал направление и рассказал, как пройти. Она говорит, что я их спас, но ей нечем меня отблагодарить, поэтому она мне погадает, но без денежек, чисто символических, никак нельзя. Нехотя отдаю ей мелочь. Она что-то шепчет, крутит перед моими глазами зеркальцем, говорит:

– Сейчас ты увидишь свою невесту, ее зовут Лида.

О, чудо! Я действительно встречался с девушкой по имени Лида, она училась в медицинском училище. Я «поплыл». Она вернула мне мелочь и говорит:

– У тебя здесь в кармане 10 рублей, – показывает. – Хочешь увидеть невесту – дай их! Я верну.

Собираются зеваки, я отдаю последние деньги. Она делает над моей головой жест рукой, говорит:

– Пусть твои печали уйдут, как эти деньги!

В руке у нее пусто.

Ужас охватил меня: как я доберусь до дома, ведь в общежитии никого нет, никто не поможет.

Дальше было и трагично, и смешно. Я сотню метров шел за хохочущими цыганками и слезно просил:

– Тетенька, отдайте деньги!

Тетеньки, явно младше меня, смеясь спрашивали:

– Какие деньги?

Я понял: бесполезно!

Спасла меня комендант общежития. Она дала мне в долг 5 рублей.

До Москвы я доехал в тамбуре, держа сумку снаружи – не пролезала. Затем долго торговался в кассе, чем раздражал всю очередь. Потом купил самый дешевый плац-карт до Тарту 4.80 р. Волновался, что высадят, но в Тарту мы были ночью, и я благополучно на третьей багажной полке добрался до Таллинна.

Быстро пролетело солнечное лето, но один эпизод запомнился на всю жизнь.

Мы всем лагерем ходили в поход по берегу залива Клоогаранд до Палдиски, где была стоянка, и обратно. Для передвижения вдоль КСП (контрольно-смотровая полоса) получали специальное разрешение у пограничников. В сумме расстояние примерно 20 км, однако у нас на это мероприятие уходил целый день. Когда возвращались назад, мне и моему товарищу, тоже воспитателю, было поручено собирать отставших и доставлять их в лагерь.

Когда мы со своим арьергардом пришли в лагерь, было уже около десяти вечера. Темень. Наскоро покормив детей, мы с другом пошли в баню. Это отдельное одноэтажное строение площадью порядка 40 кв. м. Топилось дровами и углем. Кто хотел из организаторов похода, они помылись раньше. Уголь и дрова прогорели, они закрыли дымоход, задвижку и ушли.

Мы с товарищем, ничего не подозревая, разделись и пошли мыться. Запаха никакого не было, мы мылись минут 15–20. Что я чувствовал? Дикую слабость, внутреннюю дрожь, при этом меня распирало веселье, смешно было по любому поводу. С трудом добрались мы до раздевалки, натянули трусы. Я видел, как побледнел мой дружка и отключился, потерял сознание. Я потащил его к двери, а открыть ее не могу, она закрыта на большой амбарный крючок на уровне груди. Силы покидают, чув-

ствую – теряю сознание. Каким-то невероятным усилием, плечом, приподнимаю крючок. Дверь распахнулась, перед порогом – приличная лужа. Чуть отдышавшись, иду за товарищем. Ташу его к порогу, силы тают. Плюхаемся в грязную лужу, и тут появляется кто-то из персонала. Их вопрос: «Где это вы так надрались?» Мои заверения, что ни капли алкоголя не было, вызывают у них скепсис. Передал своего товарища в их руки, а сам побрел в свою комнату и рухнул на кровать, прикрывшись простыней. Мы жили вместе с Валерой Головиным.

Сердце стучит, как бешеное. Вот-вот выпрыгнет. Подташнивает. Лежу в темноте. Вдруг стук в дверь. Говорю: «Да-да!» Заходит Боря Головин, спрашивает, где Валера, и включает свет. Я привстаю на кровати. Он с криком: «Чур меня, чур!» бросается из комнаты. Я подхожу к зеркалу и вижу жуткую картину: некто с грязными разводами по лицу и всему телу, с растрепанными и грязными волосами, с бледным неживым лицом, завернутый в простыню, не мигая, смотрит на меня.

Мы не сразу поняли, что отравились угарным газом, что были на волосок от смерти, но урок был хороший.

Вернулся я в Тулу, начались учебные будни. Мои однокурсники относились ко мне настороженно, я не был для них в прямом смысле слова своим. У меня была другая одежда, обувь, они не носили беретов, бейсболок. С интересом рассматривали бытовые аксессуары: несессер, складной зонт, кожаные тисненные обложки для книг, документов, кошелек. У нас в Таллинне появились консервы в металлических банках с цветным тисненым рисунком. Например, «Таллиннские кильки» и др.

Все это вызывало неописуемый интерес. Они считали, что я из очень богатой семьи, а мой папа – непременно директор консервного завода. И действительно, не из магазина же у меня такое изобилие! Их пожилые родственники даже интересовались: «А какие у вас в Эстонии деньги?»

Запоминающийся эпизод произошел в конце второго курса. Как-то на кухне нашего общежития ко мне подошел мой однокурсник из старших товарищей, Володя Сорокин, он же – бывший чемпион Северного флота, и говорит:

– Куда ты дел нашу сковороду?

Я не сразу понял, о чем он говорит. Отвечаю, что я вообще не видел их сковороду. Вдруг неожиданно получаю удар кулаком по лицу, отлетаю в угол кухни. Он спокойно говорит:

– Мне сказали, что это ты взял.

Вот и весь довод. Соображаю. Драться? Но он для меня «дядя», хотя и старше всего на 8–9 лет. До этого момента я его даже уважал. Учеба давалась ему, как и мне, с трудом, но он упорно занимался, тянулся к знаниям, продолжал заниматься боксом, я бывал даже на соревнованиях с его участием. Возмущенное несправедливостью сознание открывает во мне такие лабиринты мыслей и действий, о которых я даже не догадывался.

Я не знаю, был он комсомольцем или нет, но его активно привлекали к организации студенческого строительного отряда, который после сессии должен был выехать в Тульскую область на строительную работу. Для участников это была хорошая возможность подзаработать денег на жизнь.

Итак, я ему говорю:

– Сковороду я не брал, и если ты передо мной не извинишься, я пойду в комитет комсомола и расскажу о твоём поведении. Вряд ли ты после этого попадешь в отряд.

Он был обескуражен моим заявлением:

– А что случилось-то? Ну, не брал, ну, получил по физиономии. Тебя что, никогда по лицу не били?

Он знал, что я уже год занимаюсь боксом, поэтому, конечно, перепадало. Но душила несправедливость. Противостояние длилось неделю – посулы, угрозы. Со мной

пытались договориться его старшие товарищи, даже Игорь спрашивал, что произошло. Я был неумолим, и он вынужден был извиниться. Для меня справедливость восторжествовала.

Сдав последний экзамен за второй курс, мы разъехались по домам: я – в Таллинн, Игорь Смарагдов – в Новороссийск. Был какой-то слух, что во второй половине июля будет практика, не производственная, а трудовая повинность по уборке территории. Мы с Игорем этот слух проигнорировали. Я опять на все лето – в свой любимый Клоога-1 воспитателем.

В конце июля в лагерь приехал отец и привез телеграмму из Тулы: «Срочно приезжай вас с Игорем эксматрикулировали» Слово незнакомое, но ничего хорошего не обещающее. Быстро собрался и поехал в Тулу.

С Игорем Смарагдовым встретились в общежитии и побежали в деканат. Лето, никого нет, но на стенде красуется приказ ректора: «Эксматрикулировать студентов второго курса (имярек) за самовольный отъезд из города Тула без разрешения деканата».

Побежали в ректорат, добились приема у ректора. Для меня было откровением – он оказался генерал-лейтенантом. Вальяжно выслушав нас, он сказал, что ничего переделывать не будет, приказ не отменит, так как проект приказа подготовил декан нашего факультета, с ним и разбирайтесь.

С трудом разыскали декана, который сказал нам, что приказ уже подписан ректором, а он не клоун, чтобы менять свою точку зрения. Жаль вас.

Началась беготня от военкомата. При таком огромном вузе с военной кафедрой укомплектоваться новобранцами было крайне тяжело. Поэтому связь военкомата с институтом была налажена четко, и мы с Игорем уже знали, что из военкомата уже приходили, искали нас.

Я попался первым. Играю в футбол, вдруг прибегает парень и говорит, что меня ищет комендант общежития.

Захожу в ее кабинет, ничего не подозревая, там сидят капитан из военкомата и милиционер. Вы такой-то? Да! Пойдемте в вашу комнату, проверим документы. Прошли, попросили паспорт, сверили. Паспорт забрали, вручили повестку. Тогда в армии служили три года, в ВМФ – 4 года.

Так резко могла измениться моя судьба с далеко идущими последствиями. Например, при выходе на пенсию в Эстонской Республике мне бы не засчитали три-четыре года трудового стажа. Но бог миловал. Позвонил родителям, отец говорит: «Бросай все, приезжай домой. Если суждено идти в армию, пойдешь отсюда».

Зашел в деканат, взял оценочный лист и копию приказа об отчислении.

Вернулся в Таллинн. Первым делом пошел в Таллиннский политехнический институт (ТПИ). Показал документы, спросил, могу ли восстановиться на третьем курсе вечернего отделения. Недоумение вызвала формулировка причины отчисления: «За самовольный отъезд из города без разрешения деканата». Как мне сказали, это какой-то волюнтаризм. Есть пять официальных причин отчисления студентов, они утверждены Министерством образования и науки СССР. Такой формулировки, как у меня, просто не существует, поэтому я благополучно был восстановлен в ТПИ.

Теперь надо было решить проблемы с военкоматом, ведь паспорт мой в Туле, а повестка на руках.

Иду в военкомат, я же у них тоже на учете. Показываю все документы, в том числе что являюсь студентом ТПИ. Отделение учета призывников решает запросить мои документы из Тулы. Мне дают прикрепительный талон, и я еду в Тулу вызволять свой паспорт.

Подходя к окошку в военкомате в Туле, я волновался ужасно – произвола хватало. Надо было видеть лицо офицера, принимавшего меня. Обозвав меня «жуликом», он с моими документами куда-то удалился. Вернувшись, молча отдал мне паспорт.

Теперь надо трудоустроиться. Сомнений не было: иду на ставшей уже родным ЭТС им. Пегельмана. Строителем был, плотником был, электриком был, пошел наладчиком электровакуумного оборудования в макетную мастерскую в бригаду Петра Матюшенко. Вообще, в макетной работал весь цвет рабочего класса завода. Это были слесари, токари, наладчики, электронщики самой высокой квалификации. Если инженерами и технологами в СКТБ или ОГТ разрабатывался какой-то узел на наш прибор, свое материальное воплощение он получал в макетной мастерской.

Коллектив был интернациональным, но очень дружным, все ценили и уважали знания, навыки и умение друг друга. Возглавлял макетную опытный инженер-организатор Гуннар Притс, немногословный мудрый эстонец лет сорока пяти.

Младше меня на год был еще один человек – Юрий Бондарь, естественно, мы сошлись. Выяснилось, что мы оба учились какое-то время в 5-й средней школе.

Как и я, Юра тоже учился на вечернем отделении ТПИ. Возраст и общие интересы сделали нас на долгие годы друзьями. Наши жизненные дороги то сходились, то расходились.

Мы вместе уже более 50 лет и все эти годы поддерживали друг друга как в житейских мелочах, так и в рабочих и мировоззренческих вопросах. На наших глазах прошли и первые юношеские любовные переживания, и наши свадьбы, и радость рождения детей, и достижения в личной жизни и служебной деятельности, горечь разочарований и крушение каких-то надежд. Все было. Была и школа милиции в один из самых трудных периодов ее существования. Жизнь прошла, а мы вместе!

Кроме перечисленных в макетной мастерской работали Валера Быстров, Валера Пакка, Ардольд Степанов, Евгений Бабкин, Александр Петрушин, Виталий Семенюк. Все они были специалистами экстра-класса. Завод

строился, расширялся. Были введены в эксплуатацию два новых корпуса. Производственный восьмиэтажный, где разместились три цеха – четвертый, третий и седьмой, и администрация. Он выходил на Пярнуское шоссе, 142. Другой корпус был «бытовой», там размещались большой актовый зал, библиотека, столовая и некоторые производственные службы.

Я большую часть времени работал в седьмом цехе, там было больше всего электровакуумного оборудования. Цех мы называли «седьмое небо», так как он располагался на четвертом, последнем производственном этаже, а каждый производственный этаж занимал два обычных.

На заводе работало много молодежи, поэтому была и большая комсомольская организация, порядка полутора тысяч. Комсомольская организация была на правах райкома. То есть у нас был первый секретарь, его заместитель и сектор учета, кроме того в больших цехах были освобожденные секретари комсомольских организаций: 3-й цех, 5-й цех и 7-й цех.

Мы имели право принимать в комсомол, решать персональные вопросы и только сводные данные представляли в Ленинский райком комсомола.

Официально на ставке райкома был второй секретарь и сектор учета, первый же обычно занимал какую-нибудь инженерно-техническую должность, что давало ему возможность получать чуть больше зарплаты. Так называемыми подснежниками кроме первого были и освобожденные секретари первичных организаций цехов. За счет внутренних резервов цеха им закрывали наряды на определенную сумму.

Когда я пришел на завод в 1964 году, секретарем комитета комсомола был Георгий Васильев. Впоследствии он ушел в горком комсомола, а затем – и в КГБ, тем самым как бы проторив дорожку в госбезопасность и другому секретарю комитета завода – Володе Яковлеву, который избирался уже после меня.

Но обо всем по порядку.

В комсомол я вступил в школе лет в 15. Не в первом, так сказать, эшелоне. В первом были отличники и ударники. Калининский районный комитет комсомола находился в Старом городе. Вела заседание бюро райкома его второй секретарь Светлана Железняк. Все прошло для меня благополучно, но со Светланой Петровной после ее замужества я встретился еще раз. Она как работник отдела кадров МВД ЭССР принимала меня на работу в министерство. Меня она, конечно, не помнила, но я ей напомнил о нашей встрече двадцатилетней давности. Ей было приятно.

Какой-то особой активности в общественной жизни я за собой не замечал. Был, как все. Но однажды на комсомольском собрании 7-го цеха мне надоело слушать какую-то очередную тягомотину, я взял слово и предложил конкретный план действий. Сейчас уже не помню, что мы обсуждали, но молодежь прокомментировала: «Ты предложил – тебе и делать!» На очередном отчетно-выборном собрании меня избрали секретарем комсомольской организации цеха, тогда еще эта должность не была освобожденной. Я вошел в состав комитета комсомола завода. Секретарем был Томас Рауд. До этого он работал, по-моему, в СКТБ. Почему он согласился на освобожденную комсомольскую работу, я не знаю. У него уже была семья.

Томас был молодежным лидером новой формации, он несколько опередил свое время. Его не так сильно занимали вопросы идеологии, теории. Он был практик до мозга костей. Поначалу его энтузиазм приветствовался в парткоме завода, который много сроков подряд возглавлял тандем – Лев Метрик и Игорь Бензик, ветераны войны с богатым опытом партийно-политической работы.

У Томаса возникла идея построить комсомольско-молодежную базу отдыха в Рандвере. У завода уже была

профсоюзная база отдыха в Кейбу, но попасть туда, да еще молодежи, было крайне затруднительно.

Томасу дали принципиальное «добро» на реализацию этой идеи с условием, что никаких материальных субсидий со стороны завода не будет. Думаю, что и не особенно верили, что у него что-нибудь получится. Молодежь хлопотала энергией, и ей дали выход.

Томас сплотил вокруг себя группу энтузиастов, туда входили и его бывшие сослуживцы по СКТБ, которые подготовили всю проектную и техническую документацию, сам он собрал всю разрешительную документацию, а это согласование по территории (Харьбюский, Таллиннский погранотряды) и по проекту (Эстонпроект) и по природоохране.

Кстати, не все его добровольные помощники были комсомольцами, были и беспартийные. Он нашел лесхоз и договорился с руководством, что за определенное количество кубометров поваленного и завезенного леса они сделают нам счетовые блоки, балки, обрезные доски и вагонку.

Две зимы мы ездили на заготовку леса, а летом строили свой дом, свою базу. При том, что молодежи на заводе было много, энтузиастов было человек 40–50: и юноши, и девушки. Зимой больше мальчиков, а летом добавлялись и девушки. Постоянный костяк был человек 15 и в основном из 7-го цеха.

В нашем цехе работала молодой технолог Мария Трейберг, она родом из Одессы, попала к нам в Таллинн по распределению после вуза. Мария с интересом и ответственно относилась к общественной и комсомольской работе.

На выборах в комитет комсомола в 1968 году я предложил Томасу ее кандидатуру на должность второго секретаря, то есть его заместителем, он согласился, и ее избрали. У них получился отличный тандем, она больше занималась вопросами идеологии (Ленинский зачет,

кружки, прием в комсомол, наглядная агитация), он же – оргработой и строительством нашего дома в Рандвере.

На строительстве базы отдыха я ближе познакомился со своей будущей женой Галиной при довольно забавных обстоятельствах. Мы стояли с ней на строительных лесах и прибавляли вагонку к потолку, работа не очень удобная. Вдруг леса стали падать, «поехали». Надо признать, что с техникой безопасности не все было в порядке. Полов еще не было, лежали лаги, все стали прыгать с лесов. Галя, пытаясь удержать равновесие, махала руками. В одной из них был молоток, и она со всего маху саданула им мне по голове. На несколько секунд я отключился, но, придя в себя, стал более внимательно наблюдать за этой девушкой.

В процессе совместной работы на общее, как мне казалось, благо я все больше проникался идеей, почерпнутой мной из рассказа М. Горького, где артельщики разгружали баржу. Идея в том, что людей охватывает эйфория, радость коллективного труда, торжество и гордость за себя и своих товарищей.

Вспоминаю Павку Корчагина с их работой на износ, но с чувством глубокого удовлетворения за выполненную работу; вспоминаю фильм «Коммунист» с Евгением Урбанским с огромным пафосом самопожертвования для общего блага. В общем, это те примеры художественных произведений, которые формировали мой характер, воспитывали меня.

В дальнейшем мне довольно часто приходилось испытывать эти чувства, я следовал им и упивался ими.

Мы не только строили, но и проводили семинары, учебу актива в Нарва-Йыэсуу, Вийтна, Раннамыйза; организовывали летние Дни молодежи в Паункюла и в Вихтерпалу, вывозили туда до 150–200 человек, это огромная организационная работа; организовывали проводку по технологической цепочке так называемых комсомольско-молодежных партий полупроводниковых приборов

и интегральных микросхем, чем поднимали выход качественной продукции с допустимых 60–70% до 90% и выше. Это повышение личной ответственности на каждом рабочем месте давало в совокупности неплохие результаты на выходе. Руководство цехов и заводаощряло наши почины.

Весной 1969 года мы торжественно открыли молодежную базу отдыха, пригласили замдиректора Б. Исаева, главного инженера Уфферта, замсекретаря И. Бензика и председателя профкома Н. Симагина. Увиденное стало для них откровением: фактически на самокупаемости было построено приличное деревянное здание площадью 65–70 кв. м. Дом поставили на баланс завода, правда, в нем еще не было электричества, но все обещали решить в ближайшее время.

А в ближайшее время начались непредвиденные проблемы. Дело в том, что если в Кейбу летом жила сестра-хозяйка или заведующая, которая следила за порядком, а часто – и за нравственным обликом посетителей, то в Рандвере никого не было. Молодежь получала ключи в комитете комсомола и ехала на базу. Кто чем там занимался, было не проследить, хотя назначался старший и утверждался план проведения выездного мероприятия. Неподалеку от базы в Рандвере были дачные участки КГБ, и руководству завода стали поступать жалобы на шумное и недостойное поведение нашей молодежи.

Руководству завода легче было прикрыть базу, чем устраивать постоянные разборки. Под раздачу попал Томас, ключи забрали. Чашу терпения парткома переполнила очередная идея Т. Рауда.

У профсоюзного комитета завода на балансе был комфортабельный автобус ЛАЗ. На нем заводчане, и я в том числе, ездили на отдых (Крым, Белоруссия); на экскурсии по Эстонии, на острова; в Ленинград, Псков; за грибами и ягодами. На молодежные мероприятия мы его тоже ис-

пользовали (выездные семинары, летние и зимние Дни молодежи), но с огромными трудностями, автобус был нарасхват.

Идея Томаса заключалась в том, чтобы заработать денег на общественных работах и купить для комитета комсомола свой автобус. С его упорством и выдумкой ничего сверхъестественного в этом не было. Для предприятий такой автобус стоил не больше 15 тыс. руб.

Томаса обвинили в том, что он занимается коммерциализацией комсомольской работы, уводит молодежь с пути коммунистического воспитания на потребительство. В общем, дни его на посту первого секретаря были сочтены.

В августе 1969 года я женился на Галине Проневич. У нас была комсомольско-молодежная свадьба. После регистрации мы отправились в свадебное путешествие в Ленинград, Киев, Симферополь и три недели провели в Севастополе. Путешествие было с приключениями. Поездом – до Ленинграда, там – пару дней у моих родственников, затем – самолетом до Симферополя с дозаправкой в Киеве. Выйдя из самолета в Киеве, мы оставили наши билеты и паспорта в моем пиджаке в самолете. Через час пригласили на посадку, а нас не пускают. До отправления 15 минут, а мы в аэропорту, хорошо, что за нас заступилась какая-то женщина, которая в самолете сидела недалеко от нас. Она под честное слово подтвердила на контроле, что мы с Галей с этого рейса.

В Севастополе мы жили у Галиных знакомых. Занимали одну комнату в двухкомнатной квартире. Ездили купаться и загорать на троллейбусе на городской пляж.

Пляж – это узкая, метров пять, полоска песка, душ с холодной водой, кабинки для переодевания. Достаточно высокий, метра полтора, гранитный пирс. Метрах в пятидесяти от берега снуют катера, буксиры, баржи, в общем, настоящая портовая жизнь. Люди не купаются, только душ. Между берегом и судоходной зоной – жирное не-

фтяное пятно метров пять. Особо отважные прыгают с пирса, проныривают это пятно и оказываются на чистой воде. Обратно все повторяется, надо поднырнуть под пятно и всплыть уже у пирса.

Я проделывал эту комбинацию несколько раз в день, но однажды как-то сбился и всплыл на границе пятна. Холодная вода из-под душа нефть и мазут не смывает, пришлось добираться до дома и там помыть голову. Через несколько дней наши головы стали жутко чесаться. Хозяйка квартиры подтвердила, что в этом пятне я подхватил вши и добросовестно заразил ими свою супругу.

По совету все той же хозяйки мы побежали в аптеку и купили цинковую мазь. Пару дней ею мазали голову на ночь. Вши исчезли, но наши новенькие золотые кольца покрылись белым налетом, стали как бы железными. Ну что за напасть?!

Пошли в ювелирную мастерскую, рассказали о наших приключениях мастеру. Он показал нам вывеску в окне мастерской: «Берегите золото от соединения с цинком. Он разрушает структуру золота!» Мастер отжег и отполировал наши кольца и сказал, что еще пару дней, и мы остались бы без обручальных колец. Кстати, в Таллинне мы никогда таких объявлений не видели.

В общем, свадебное путешествие удалось, глубина впечатлений, как глубина Черного моря.

Прилетели в Таллинн, все, как обычно, пошли на работу, меня вызвали в партком. Известили, что Томас уходит с завода и мою кандидатуру рассматривают на должность первого секретаря, моим заместителем предлагают, как и я, кандидата в члены КПСС, секретаря комсомольской организации 3-го цеха Тыну Вахтеля.

Второй секретарь Мария Трейберг в знак солидарности с Томасом тоже уходит на партийную работу в райком партии.

Я хорошо знал Марию, мы дружили, но когда она узнала, что я согласился баллотироваться на первого, она

восприняла это как знак предательства, и между нами пробежала черная кошка. Слава богу, ненадолго. Мы и сейчас продолжаем встречаться как бывшие работники Ленинского РК КП Эстонии. Маша по характеру максималист, для нее нет полутонов – или черное, или белое.

В парткоме я предупредил, что у меня нет высшего образования, я учусь. Я знаю, что такое освобожденная комсомольская работа, когда ты себе не принадлежишь, учиться будет очень тяжело. У Тыну тоже не было высшего, но он и не учился. Меня заверили, что всемерно помогут. Для начала я взял академический отпуск на год.

Конференция прошла на ура, избрали меня и Тыну – моим заместителем, Юлле Сууряк стала завсектором учета. На конференции от ГК комсомола присутствовал Ахто Вехломаа. Потом мы пересекались и на партийной работе, и Ахто всегда считал меня своим выдвиженцем.

В комитет комсомола был избран и молодой специалист из СКТБ Юра Васильченко, ему поручили производственный сектор. Молодой он был постольку-поскольку, так как старше нас с Тыну был лет на семь-восемь. За работу в комитете комсомола ему пообещали прием в партию. Тогда представителю ИТР вступить в партию было крайне проблематично, на восемь-десять принятых рабочих разрешалось принять одного инженера. А членство в партии – это в конечном итоге карьерный рост.

Как-то еще до конференции в приватной беседе Томас сказал мне, что у нас в 7-м цехе технологом работает активный рационализатор Уно Абру. Так вот, у ребят из ОГТ и комиссии по рацпредложениям есть большие сомнения в его «порядочности». Дело в том, что он писал рацпредложения, как бы закладывая ошибку на дальнейшее усовершенствование технологических процессов, и, таким образом, получал вознаграждения несколько раз за одну и ту же тему. Томас попросил меня переговорить с Уно на эту тему, хотя мог сделать это и сам.

Я непринужденно завязал с ним разговор об этом. Каково же было мое удивление, когда Уно честно разложил мне все по полочкам!

Да, он такой. Окончил школу и институт с отличием; да, по сравнению с другими коллегами он умный, а получает как молодой специалист так же, как и они, 120 рублей. Рацпредложения – это статья дохода умного человека, а жульничество никто не докажет. Платили бы ему 300–400 рублей, и он бы этим не занимался. Типа, сами виноваты, толкаете порядочного человека на такие манипуляции, и вообще принцип социализма «От каждого – по способностям, каждому – по труду!»

Спорить с ним было трудно, давить на социалистическую мораль и нравственность – бесполезно. Действительно, умный и амбициозный молодой человек. Уже в эстонское время я слышал, он на какой-то период стал директором завода.

Испытывал ли я тогда чувство вины перед Томасом? Скорее нет, чем да. После долгих «задушевных» бесед в парткоме меня переубедили относительно Томаса. Да, он хороший молодежный вожак, его авторитет неоспорим, но он нарушает систему и задачи советских общественных организаций. Организующая и направляющая роль партии подмывается, он выходит из-под партийного контроля и уводит комсомольскую организацию с главного пути коммунистического воспитания молодежи, в том числе и в труде, на путь коммерции, стяжательства.

Только теперь понимаю, как много системных ошибок было сделано со стороны партии и ее руководства. Пример с Томасом Раудом – это только начало этих ошибок и недомолвок для меня, но мне было-то всего 22 года. Жизненного опыта мало, а честолюбия хватало.

Я стал первым секретарем комсомольской организации завода на правах райкома. Вошел в состав бюро Ленинского РК комсомола, готовился выступить на очередном пленуме ГК комсомола.

И тут грянул гром. Я получил повестку в военкомат. Как выяснилось, я потерял отсрочку после того, как восстановился в институте и взял академический отпуск. Можно было что-то одно. Незнание законов не освобождает от ответственности.

Сначала я не волновался за свою судьбу, уж больно серьезные силы стояли за моей спиной. Подключился и РК партии, и ГК комсомола. Шутили, что я буду выступать на пленуме горкома лысым.

Я довольно самонадеянно явился на призывную комиссию. Со здоровьем все в порядке, но я совершенно неверно повел себя перед председателем комиссии полковником Паасом. Я стал ему доказывать, что принесу родине гораздо больше пользы, если закончу институт и пойду служить уже офицером. Его это взбесило. Мальчишка, сосунок позволяет себе давать какие-то советы, а сам нагло косит от армии.

Все! Судьба моя была решена, я понял, что уже никто мне не поможет, хотя надежда еще теплилась. По настоянию отца я даже успел на прием к начальнику райвоенкомата полковнику Паасу, заверил его, что я готов служить, что он меня не так понял. Через пару дней я был уже на призывном пункте в Тонди за высоким забором и с бритой головой. Начался новый этап в моей жизни.

Ох, как тяжело он начался! Молодая привлекательная жена, два года разлуки. Выдержит ли? О себе я не думал, хотя и понимал, что карьера закончилась на излете, рушились все надежды и ожидания. Особенно тягостными были проводы на Балтийском вокзале: глаза жены, родителей, друзей...

«Купцы»-офицеры, сержанты, сопровождающие — все многозначительно непроницаемы, никто не говорит, кого куда везут, хотя знают. На душе кошки скребут. Воистину верно говорят: чем выше заберешься, тем больнее падать.

Привезли в город Лугу, затем не ровным строем – в воинскую часть. Ворота закрылись, прощай, гражданка!

Это была учеба, за полгода готовили младших командиров оперативно-тактического ракетного комплекса «Луна-М». Ракета калибром 560 мм, длиной около 9 м, до 20 клт ядерный потенциал, двигатель твердотопливный, летит на 70–80 км, основная огневая мощь мотострелковой дивизии, экипаж – четыре человека. Но все это мы узнали по ходу изучения пускового комплекса в атмосфере огромной секретности.

Интересные метаморфозы происходят с человеком в армии. Через ворота зашел разношерстный сброд, кто во что горазд, со своими оценками окружающей действительности. Помыли, постригли, переодели – и перед вами совсем другая масса людей. Непостижимым образом организованная, дисциплинированная, пропали внешние индивидуальности, почувствовалась организационная сила командирского приказа, голоса.

Я попал в третью учебную батарею. Командир батареи – капитан, к сожалению, не помню его имени, замполит – лейтенант, молодой парень, мой одноклассник, после училища, командир взвода – старший сержант, старослужащий «старик», немногословный, но требовательный. С нами больше занимался замкомвзвода младший сержант, оставленный в части после учебки. Все ребята хорошие, в меру внимательные и требовательные, случаев дедовщины у нас не было, может быть, потому, что слишком много молодых. Так как это была учебка, мы стали курсантами учебных взводов.

Наша батарея располагалась на втором этаже трехэтажной казармы. Тут же были спальные кубрики, учебные классы, ленинская комната, кабинеты командира и замполита, бытовки и туалеты. Нас готовили командирами расчетов пусковых установок. Над нами располагалась батарея связистов. Что это такое, мы поняли через пару месяцев, когда, пройдя теоретический курс, они за-

нялись практикой. Это когда над твоей головой, не давая сосредоточиться, идет освоение морзянки хором ти-ти та-та-та ударами сотни рук и в завершение – ритм ногами, обутыми в сапоги.

Еще в составе части были батареи топографов и водителей пусковых и транспортных машин, рота обслуживания службы вещевого и продовольственного довольствия, штаб, медчасть, караульное помещение и гауптвахта. Всего на довольствии было порядка 2000 человек. Это была крупнейшая в Луге войсковая часть, поэтому наше руководство считалось начальством Лужского гарнизона.

Мы еще застали в части ребят, которые демобилизовались осенью 1969 года. Для нас они были какими-то небожителями: щеголеватая выправка, грудь в солдатских регалиях, некоторые были старшинами. Я впервые увидел срочнотрудового со старшинскими погонами. Мог ли я тогда предположить, что через два года буду уходить в запас также в звании старшины? Но мои армейские университеты были еще впереди.

Неугомонный характер и когда-то в институте занятия в танцевальном ансамбле сделали свое дело. Я предложил за месяц к присяге поставить танец «Звездочка». Мне дали семь парней, я восьмой, и баяниста. Расписанные движения я нашел в библиотеке части. Ребята раньше не танцевали, благо методику расстановки я усвоил еще в институте, костюмы нам были не нужны, танец исполнялся в солдатской униформе. Танец продолжался 4 минуты, и в результате танцевальных движений, различных па, перестановок с окончанием музыки мы застыли в эффектных позах, и между нами была натянута красная ленточка в виде большой звезды.

Поставить танец – это огромная работа, кто понимает. Поэтому мы работали без усталости полтора месяца каждый день. В итоге наш номер на концерте был одним из самых лучших.

Учеба, которая давалась мне после трех курсов института довольно легко, общественная работа, меня избирали секретарем комсомольской организации взвода, танцы отвлекали меня от грустных мыслей о доме, о Галине, хотя я писал письма через день.

Мою активность заметили, предложили выступить от новобранцев на большом митинге в день принятия присяги. Выступление я подготовил, говорил без бумажки, благо был опыт, но работники политотдела части меня проверяли по очереди.

Не ожидал, что моя активность кому-то будет поперек горла, кстати, ребята тоже из Эстонии. Как-то вечером они меня остановили и с нескрываемой неприязнью обвинили в том, что я без мыла лезу, и что такой швали нужно сделать темную. Я ответил довольно грубо, что таких подонков душил на гражданке и душить буду. Дальше угроз дело не пошло, думаю, потому, что по вечерам в спортзале я усиленно занимался боксом. Для себя, как отдушина, мне это помогало обрести душевное равновесие.

Потянулись серые солдатские будни. Учеба, наряды, караул, почти ежедневные письма домой, редкие весточки из дома. Один раз приезжала жена Галина, на ночь дали увольнительную.

Первое время в карауле мой пост был в километре от части, где базировались пусковые установки. Днем ничего, а ночью одному жутковато. Зима, тулуп, валенки, автомат с примкнутым штык-ножом. Освещение в центре и по периметру колючей проволоки с фотоэлементом на центральном столбе. Когда рассветает, освещение включается. Но однажды обхожу территорию, и вдруг свет выключается, но это возможно, если чем-то посветить на фотоэлемент, а он высоко на столбе. Передергиваю затвор, хотя это не положено без явной опасности, иду между пусковых к центральному столбу. Подхожу – свет включается. Что за чертовщина? Отхожу – опять выключается.

чается. Еле дождался смены караула, предупредил разводящего, он никак не отреагировал.

Затем – отдыхающая смена два часа, бодрствующая смена два часа и опять на пост. Но уже утро, светает, скоро свет и совсем выключился. Уф, обошлось. Так и не знаю, что это было.

Другой эпизод. Наряд назывался рабочий взвод. Нас с Володей Ковалевым, тоже из Таллинна, отправили в распоряжение старшины из хозчасти. Он с водителем на огромном ЗИСе. Нас в 30-градусный мороз посадили в кузов и повезли на солдатскую свиноферму, там ночью сдохла свиноматка. Эту тушу килограммов в триста мы вдвоем с большим трудом по наклонным доскам затащили в кузов. Поехали к ветеринару, чтобы оформить документы на захоронение. Женщина ветеринар с лужской городской ветеринарной станции попросила тушу из кузова снять, якобы для анализов. Вернули нам хрюшу с распоротым животом и без задней ноги. Можно представить, какими мы с Володей были, когда так же по доскам затащили растерзанную тушу в кузов. Это два форменных вампира!

Мы должны были ехать на скотомогильник, и врачиха за определенную мзду попросила старшину отвезти туда же и накопившиеся у нее в сарае трупы животных. Чего там только не было! В итоге кузов был с горкой завален трупами животных, и мы восседали сверху.

Со старшиной расплатились спиртом и деньгами. Нам с Володей досталось 3 рубля с барского плеча. Наряд до 19:00, но мы освободились в 14:00. Высадили нас недалеко от части. 3 рубля в кармане, отвратительная работа позади, свободных пять часов.

Это была провокация, и мы на нее поддались. Купили бутылку водки, забрались какой-то сарай и отметили тяжести армейской службы. В часть пришли изрядно поддатými. Володя пошел в медчасть, сославшись на головную боль, а я поперся в батарею на развод. Мое

неадекватное состояние заметил замкомвзвода и отправил спать до отбоя, благо дежурный взвод никто не проверял, но утром доложили командиру батареи.

У меня были очень хорошие отношения с замполитом батареи, но, вызвав к себе, он мне сказал: «Евгений, чтобы замять дело, мы вынуждены вычеркнуть тебя из списков на предоставление юбилейной медали 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Был февраль 1970 года. Я не знал, что составлялись такие списки, но медали меня заслуженно лишили.

Правда, столетие В. И. Ленина мы отметили другим способом. После курсов младших командиров пришел новый командир взвода младший лейтенант Александр Дементьев, крепкий, подтянутый парень, влюбленный в спорт. Он показывал «дембельское» упражнение «выход силой на одной руке». В шутку говорил: кто повторит – того сразу на гражданку. С его приходом взвод перешел на повышенную физическую подготовку.

Была еще группа курсантов во главе со взводным, куда вошел и я, которая занималась моржеванием. Мы каждое утро после трехкилометровой пробежки шли на озеро недалеко от части, натирались щетками и плавали в специально вырубленной во льду проруби. Ее длина 20 м. Мы тренировались и 22 апреля 1970 года проплыли 100 м. Вроде весна, но в том году лед был сантиметров 10–15.

Мой загул для руководства части остался незамеченным, поэтому по окончании учебки мне предложили остаться в части. В политотделе было вакантное место инструктора политотдела по комсомольской работе. До этого со всем справлялся помощник начальника политотдела по комсомольской работе старшина-сверхсрочник Василий, не помню его фамилию, но его на год отправили на офицерские курсы, и я стал исполнять эти две обязанности один.

В политотделе по штату было пять человек. Начальник политотдела – полковник Манаев Николай Иванович,

заместитель – подполковник Булатович. Он застал войну и молодым солдатом участвовал в боях по разгрому Квантунской армии японцев на Дальнем Востоке. Как и все, служака, на добрейшей души человек.

Штаб – это средоточие воинской касты, армейской интеллигентности с элементами высокомерия. Особенно это проявлялось в политотделе. Полковник Манаев, гордый татарин, умница, деспотичный в своих суждениях, в постановке задач и контроле за их исполнением. Армейский сноб, за руку здоровался только с командиром части и начальником штаба, при этом по-своему справедливый.

Штаб занимал отдельно стоящее одноэтажное здание. В его составе срочников было только двое: секретчик Володя Скалыженко, тоже из Таллинна, и я.

На меня сразу навалили огромную работу. Это была организация комсомольской работы в дивизионах, где были освобожденные секретари комсомольских организаций, в батареях, взводах; боевые листки, стенгазеты, собрания, политзанятия; проверки работы военторга, Дома офицеров; состояние политработы в других частях гарнизона; проверка жалоб граждан и военнослужащих из других частей и т.д. и т.п. По каждому эпизоду моей работы – четкий отчет и письменные заключения перед начальником.

С Манаевым ухо надо было держать остро, в любой момент – контрольный вопрос по любому поводу, доклады должны быть грамотными и выдержанными, любое неосторожное слово, реплика, замечание выводили его из себя. Он мог унижить, размазать, не прибегая к мату, он вообще не сквернословил, поэтому не только в политотделе, но и в штабе мата не было.

Понемногу я втягивался в новый ритм службы. И тут грянул гром. Что же этому предшествовало?

Володю Скалыженко я до армии не знал, хотя жены наши были знакомы. Галина была знакома и с Володией,

они жили в одном районе Таллинна – на улице Пегельмана.

Служба секретчика довольно специфическая. Пока работает штаб, ты сидишь в «секретке». Дверь, обитая металлом, общение только через маленькое окошко. Постучали – открыл, сказали, какой документ нужен, – проверил допуск, выдал документ под роспись, закрыл окошко. Прimitивно все. Чем ты занимаешься после рабочей смены, никого не волнует.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Владимир пригласил жену в Лугу. Они сняли комнату и жили как белые люди. Конечно, уходя на ночь, он ставил в известность дежурного по части, в случае чего его всегда могли найти, а дежурными ходили те же офицеры штаба, с которыми он работал, но не со всяким можно было договориться.

Опыт боевого товарища меня покори́л, и я стал готовить переезд Галины в Лугу. Сходил в ГК комсомола, договорился с работой, снял жилье недалеко от части и стал ждать супругу. Тещи не было дома, она при муже, находилась в Ленинграде, муж учился в Академии тыла флота, поэтому маму Галя поставила перед фактом.

У меня был свободный выход из части. Приехала жена, устроилась на работу. Неделю жили как цивилизованные люди. О том, что я не ночую в казарме, знал только мой бывший замкомвзвода. Если не удавалось договориться с дежурным по части, мы с Володей после отбоя перелезали через забор и лесными тропками шли по домам, к подъему в 6:30 возвращались в казарму.

Один раз вечером нас увидел особист части, майор. Я расстроился, но товарищ сказал, что он никому ничего не скажет, у него есть дела и поважнее. И правда все обошлось.

Все складывалось слишком хорошо, Я потерял бдительность и житейский нюх. В конце июня проходили выборы в местные органы власти, в части был избирательный участок. Он размещался в Доме офицеров.

В армии выборы проходили довольно оригинально: сплошная демократия, подъема нет, большинство встает к завтраку, нет ни занятий, ни строевых, командиры вежливо подгоняют служащих на избирательный участок – ведь надо отчитываться перед политотделом о ходе выборов.

Формально участок открыт до 20:00, но практически к обеду все срочнослужащие проголосуют. Зная все это теоретически, я вечером отправился домой, чтобы, как обычно, прийти к подъему. Но полковник Манаев решил прийти в часть в 5:00 утра, собрать всех политработников и провести последний инструктаж. За мной он отправил дежурного по части, меня на месте не было, кровать заправлена.

Пока меня искали в части, пока замкомвзвода узнал, что меня разыскивает начальник политотдела, пока он сбегал за мной и мы вернулись в часть, прошел час. Собравшиеся в штабе политработники смотрели на меня как на чумового: пропал парень, сейчас – на гауптвахту, а из нее, разжалованным, – в самый дальний гарнизон Сибири. На вопрос Манаева, где я был, ответил, что ночью приехала жена, я встретил, разместил. Получить разрешение или увольнение ни у кого не мог. У меня забрали пропуск и отправили в казарму ждать решения.

После обеда меня вызвал полковник Манаев. Я чувствовал, что что-то изменилось. Мог бы и не вызывать. Не глядя на меня, он изложил свой вердикт: «Оставайтесь в части на своей должности, жена пусть уезжает. Даю полгода испытательного срока, будете находиться под жестким моим личным контролем, увольнительные только через меня. Вы поняли? Свободны».

Для меня начался новый этап армейской жизни: служебные нагрузки увеличились, спрос ужесточился, контроль утроился, я был, как минер на минном поле. Бывали случаи, когда я отпрашивался на ночь у дежурного по части, они мне говорили: «Не ходил бы ты сегодня, Ма-

наев лично приказал мне тебя ночью проверить». Меня берег мой ангел-хранитель, но психологически все это выдержать было крайне тяжело.

Перевели меня в казарму роты обслуживания – водители, парикмахеры, телефонисты, повара и т.п. Здесь уже процветала если не махровая, то сдержанная дедовщина – подай-принеси. Молодежь подчинялась. Меня не трогали, хотя по их меркам я был молодым. Их тормозил статус работника политотдела и, как я потом узнал, мои занятия боксом.

Я же в случаях приставания к молодым, да еще в нетрезвом виде, испытывал совершенно пакостные чувства. С одной стороны, я не имею права не обращать на это внимания, а с другой – они тоже знали, что я нарушаю дисциплину, периодически ночуя не в казарме, а дома с молодой женой. Мое заступничество за молодых носило скорее увещательный характер, типа «ну хватит, ребята, надоело, дайте поспать». Но каждый раз это было балансирование на краю моего благополучия.

В таком жутком для меня ритме и психологическом давлении прошло полгода. Полковник Манаев не забыл свои угрозы по поводу испытательного срока. Как-то он собрал всех офицеров политотдела, пригласили и меня. Манаев при всех сказал: «Дайте честное партийное слово, что вы в течение этого полугода не были у жены, кроме официальных увольнительных».

Это был удар ниже пояса, для меня партийное слово было свято. Я сказал, что не могу дать такого слова. И тут он как треснет кулаком по столу, все так и вздрогнули. Я начал выкручиваться, как уж на сковородке, говорил, что иногда заходил домой, когда был по служебным делам в городе, иногда ночевал дома, но только с разрешения дежурного по части. Немного остыв, он отпустил меня и оставил офицеров. Они в один голос встали на мою защиту: аккуратный, исполнительный, требовательный, как работник политаппарата незаменим.

Манаев оставил меня в части, но не в покое. Однако каждые полгода я получал очередное воинское звание. Служба продолжалась, мне оставался еще один год.

По роду своей деятельности мне часто приходилось бывать в городе, в горкоме комсомола, на предприятиях, в частях, я знакомился с молодежью, с ее психологией. Пытался понять, чем мы, тоже русские, отличаемся от своих сверстников из России. Это был уже мой второй после студенческого опыт наблюдений за социумом.

Обращали на себя внимание их бесшабашность, непредсказуемость, пренебрежение своей жизнью и здоровьем, так называемое русское «авось». Это касалось и юношей, и девушек. Например, он (собирательный образ) за то, что ему что-то не понравилось в разговоре, мог, что называется, сдуру полезть на пятерых, не думая о последствиях. Если первая пара ударов попала в цель, остальные просто разбегались, с опаской поглядывая на взбесившегося. Зла никто не держит. Нет мстительности.

Она, молодая женщина, жена офицера, делилась опытом семейной жизни с моей. Если забеременела, надо в горячую ванну и вывести плод растопленным хозяйственным мылом. И не боялась проводить эту варварскую процедуру десятки раз.

Они бескорыстны, прямодушны, участливы, у них совершенно нестандартное мышление. Но об этом наблюдении хорошо писал Задорнов: ворота и калитка в деревне будут висеть на обрезанной крышке десятки лет. Почему не петли и не засов, а веревка? А зачем? Ведь все функционально. Они шумливы, но их много, они расточительны, но у них огромная богатая страна. Да, мы уже другие, хотя и говорим на одном языке, особенно те, кто прожил здесь всю жизнь.

Это было лирическое отступление. А служба шла своим чередом, с большой степенью ответственности, ведь часто приходилось вершить судьбы людей и не всегда военных, часто это были гражданские работники воен-

торга, культпросвета, жены, дети и близкие военнослужащих постоянного состава Лужского гарнизона. И не всегда я, конечно, решал все сам, я докладывал Манаеву, а он принимал решение. Но ведь известно: как доложишь, такое и будет решение.

По служебным делам я часто бывал в Ленинграде, в штабе округа на Дворцовой площади. Ездили мы с Галиной, останавливались в офицерском общежитии Академии тыла флота, у тестя и тещи. Идем мы как-то с Галиной по Невскому в сторону штаба округа. Она – с левой стороны, под руку, а в правой у меня портфель с документами. Навстречу капитан 1-го ранга. В соответствии с уставом строевой службы, когда две руки заняты, военнослужащий приветствует старшего по званию поворотом головы. Я это и делаю. Однако полковника заклонило, он пытается мне доказать, что этот пункт устава касается только офицеров и сверхсрочников. Я настаиваю на своем: в уставе написано «военнослужащий, а не «офицер» или «сверхсрочник».

В итоге он меня отчитал и приказал доложить об этом эпизоде моему начальству. По прибытию в часть я доложил об этом факте заместителю начальника политотдела подполковнику Булатовичу. По общему мнению, я был прав, инцидент спустили на тормозах.

Шел 1971 год. Я готовился к демобилизации, подыскал себе замену, толкового парня с опытом комсомольской работы. Галина за два месяца до моей демобилизации уволилась и уехала в Таллинн.

Я увольнялся из части одним из первых, это тоже надо было заслужить. Полковник Манаев сухо, не вспоминая о плохом, поблагодарил за службу и предложил остаться на сверхсрочную, я вежливо отказался.

И так, со старшинскими погонами, с ушитыми брюками, по случаю в хромовых сапогах, со всеми знаками солдатской доблести, провожаемый сослуживцами, я покидал войсковую часть 11590 и город Лугу.

В Ленинграде на вокзале перед посадкой на таллиннский поезд я чуть не схлопотал от дембелей морфлота. На мой вопрос, чего их так рано, как и меня, демобилизовали, они взъелись. Обступив меня, они в один голос говорили, как я, такой дурной, могу задавать такие вопросы людям, прослужившим на год с лишним больше, чем я. Я извинился, сказал, что сам нахожусь в эйфории дембеля. Инцидент был улажен.

По закону, по возвращении из армии можно было месяц отдыхать, но через неделю я уже работал наладчиком радиоэлектронной аппаратуры в инструментальном цехе своего любимого ЭТЗ имени Пегельмана. Кроме того, что меня интересовала радиотехника, на этом участке была сдельная оплата труда, а для молодой семьи возможность заработать была ценна сама по себе.

Еще перед армией отец получил новую двухкомнатную квартиру в Мустамяэ на улице Моони, для меня же выхлопотал одну комнату в старой двухкомнатной квартире на улице Садама. Жильцов на вторую комнату найти не могли, она оставалась закрытой, и мы с Галиной жили в своей вдвоем.

26 декабря 1972 года родился сын, назвали Олег.

Честно говоря, я и сам не заметил, как на мою семью все большее влияние стала оказывать теща, мама Галины Тамара Михайловна. Она была замужем второй раз, а две девочки, моя Галина и младшая Людмила, были от первого брака. Муж, Новиков Юрий Михайлович, был младше ее, но, как он сам говорил, безумно влюблен в свою жену и ее дочерей. В их семье безусловно доминировала властная, знающая себе цену Тамара Михайловна.

Встречать Галину из роддома мы пришли вместе с тещей. Решили, пока сын маленький, лучше пожить у тещи с удобствами, нежели в нашей комнате без удобств. Мне это показалось разумным. С Тамарой Михайловной жила ее мама Александра Петровна, она пошла в нашу комна-

ту, а нам предоставили большую комнату в двухкомнатной квартире.

В роддоме я получил маленький сверток, но подержал сына всего 30 секунд, теща волевым решением взяла его в свои руки и не выпускала до самого дома.

С этого момента начались мои уступки в знак благодарности за условия жизни. Я даже не сразу заметил, что переместился на третьи или даже на четвертые роли в нашем общежитии. Природой так устроено, что мужчины не сразу психологически принимают факт отцовства. Он не вынашивает ребенка и не рождает и только умом понимает, что это его частица.

Я невольно оказался в роли обслуживающего персонала: поди туда, принеси то, постирай пеленки. Это было моей главной обязанностью по выращиванию сына. Я приходил домой, и каждый раз меня ждала полная ванна пеленок, распашонок и марлевых многоцветных подгузников. Надо было и посидеть с ребенком, и покормить, и постирать, и встать ночью, покачать, успокоить. Но если это делается в атмосфере, что ты больше ни на что не способен, что с поганой овцы хоть шерсти клок, то это отторгает от семьи, разрушает еще не укрепившиеся брачные узы.

Чуть посвободнее я вздохнул, когда Юрий Михайлович получил новую квартиру, а к нам приехала сестра Галины Людмила с молодым мужем Анатолием Шевелевым. Две хозяйки на одной кухне, бытовые проблемы, нужно было разъезжаться, и мы с помощью опять же тещи эту квартиру разменяли. Нам досталась однокомнатная в Ыйсьмяэ.

Вроде личная жизнь налаживалась. Я восстановился в институте на вечернем отделении по специальности «приборы точной механики».

Когда я так неожиданно был призван в армию, секретарем комитета комсомола завода был избран член комитета комсомола, инженер ОГТ Васильченко Юра,

заместителем у него оставался Тыну Вахтель. С комсомольским активом у меня были хорошие отношения, но я как-то отошел от молодежной работы и не думал возвращаться. У меня была сдельная работа, престижная специальность, раз в полгода я повышал квалификацию, сдавал на очередной разряд по своей специальности.

Но однажды, это был 1974 год, меня пригласили в партком, и секретарь Метрик Л. Д. сказал, что Васильченко уходит в ЦК ЛКСМЭ заведующим общим отделом и мою кандидатуру партком выдвигает баллотироваться на должность первого секретаря комитета комсомола завода. Неожиданно, после пятилетнего перерыва, но самое главное – учеба. Я знал, что секретарю учиться просто нереально. В то же время что-то уже стало получаться.

В группе со мной учился Юра Чепкасов, мы подружились и дружим до сих пор. Он целеустремленный, деятельный человек, умница, учась, уже был директором фабрики мороженого на Таллиннском холодильнике. Там была хорошая база, мы вместе делали контрольные работы, курсовые, чертежи, кульманы, справочная литература – все было в нашем распоряжении. Ну и, конечно, мороженое.

Юрина мама маленькой девочкой была вывезена из охваченной Гражданской войной Испании. Выросла в Союзе, получила образование, работала заведомом в Госплане Эстонской ССР. Вскоре Юра привез из Одессы милую девушку Зою, женился, мы дружили семьями.

Но надо было на что-то решаться. Отец советовал секретарство, он тоже работал на Пегельмана, жена Галина – там же в отделе снабжения. Сын и муж секретарь завода – неплохо. Во мне тоже внутри сидел бесенок, и я согласился. На отчетно-выборном собрании присутствовали первый секретарь горкома комсомола Ахто Велломаа и второй секретарь ЦК ЛКСМ Эстонии Евгений Доронин.

Я с головой окунулся в новую старую работу. Для себя стал замечать, что за время моего отсутствия многое изменилось в постановке задач и методах работы. В оргработе мало что изменилось: прием в комсомол, членские взносы, структура комсомольской организации, добавились освобожденные работники в 5-м и 7-м цехах, рекомендации в кандидаты и в члены партии и всякая другая текучка. Производственный сектор традиционно на предприятии – один из сильных, им занимались молодые специалисты Володя Яковлев, Сергей Петин, Володя Марков. Но как-то все застаивалось, те же комсомольские партии приборов с повышенным процентом качества, появились комсомольско-молодежные бригады, придумать что-то новое, интригующее становилось все труднее и труднее.

Зато культмассовый сектор процветал, это неплохо, если бы не было перекосов. Вообще в принципе жизнь улучшалась, улучшились условия труда и отдыха. Был построен новый корпус, в нем разместились шикарная столовая, актовый зал, библиотека, некоторые инженерно-технические службы, была смонтирована радиостудия, редактором стал Анатолий Дунаев, был создан свой вокально-инструментальный ансамбль, закуплена новая музыкальная аппаратура. Но, наверное, самое главное, и это заслуга Ю. Васильченко, на молодежные мероприятия не надо было, как раньше, выбивать деньги у профсоюза.

Расчет был прост. На заводе работают 3500 человек, на 99,9% – члены профсоюза, из них не менее 2000 – это молодежь до 30 лет. Благами от щедрот профсоюза пользуются в основном люди старшего и среднего возраста, а доля профсоюзных взносов заводской молодежи превышает половину от всех взносов. Проблема была сформулирована, главное – чтобы не обвинили в противопоставлении молодежи старшему поколению. При поддержке парткома этого удалось избежать. Молодежную статью

в бюджете профсоюза и заводской бухгалтерии открыть, конечно, отказались, но и унижительное выклянчивание денег тоже кануло в Лету.

Но теперь не стало комсомольско-молодежных мероприятий по зарабатыванию денег на строительство молодежных баз, как это было при Томасе Рауде. А зачем? Ведь деньги были, их надо было только уметь взять.

При проведении мероприятий иногда возникала потребность иметь наличные. Юра перед уходом ЦК ЛКСМЭ, конечно, не рассказал мне, как добывать наличные. Но сказал, что он знает не менее ста способов законного их приобретения, конечно, на общественные нужды. Чтобы не опустить планку и не сделать хуже, чем было, к чему уже привыкли, приходилось крутиться.

Менялась страна, менялся комсомол, менялось отношение людей, не менялась КПСС. В моем случае это партком, райком, горком и ЦК комсомола, они как будто этого всего не видели. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров изменений в обществе.

Молодежные мероприятия превращались в грандиозное шоу с выездом на природу, с бочками пива, подарками, призами, по вечерам работал импровизированный бар, играл вокально-инструментальный ансамбль. Если мне нужно было рублей 100–150 наличных (заплатить за электричество, за воду обычно с какого-нибудь хутора), я договаривался с секретарем комсомольской организации, скажем, «Калева». Она добивалась внеплановой отгрузки в определенный магазин партии дефицитных фирменных коробок конфет. По договоренности с заведующей часть из них я получал по счету на призы, а часть она реализовывала сама и отдавала мне наличные. Все в выигрыше.

Повзрослев, я стал более осмысленно разговаривать в парткоме с секретарем Метриком Л. Д. и его заместителем Бензиком И. С. Не на пустом месте возникали споры о принципах демократического централизма – основы

внутрипартийного и комсомольского строительства. На бумаге все было гладко, а на деле далеко не так. Тебя выбрали, ты облечен доверием молодежи, решения принимаются коллегиально, но рабочие вопросы, текущие проблемы ты не можешь, чуть ли не имеешь права решать сам без консультаций и советов – а вдруг сморозишь глупость.

Национальная политика партии тоже была какой-то двусмысленной. Исходили из постулата Ленина о том, что в национальных республиках и областях в кадровом вопросе – приоритет национального фактора, так как «на окраинах империи мы еще долго будем уходить от произвола российского держиморды». С приоритетом все правильно, но тут и там встречались перекосы.

- Прием в партию, в комсомол эстонцев просто затаскивали, рисуя радужные перспективы. Количество принятых было одним из главных показателей отчетности.

- Повышение квалификации партийных и комсомольских кадров. Легкого желания было достаточно, чтобы работник коренной национальности поехал учиться в ВКШ или ВПШ.

- Не так жестко, но неукоснительно соблюдалась национальная пропорция в руководящих кадрах от центральных комитетов партии, комсомола, профсоюза до предприятий, институтов и учреждений.

- Выборы в органы власти – это кропотливая и ответственная работа партийных органов. Все кандидатуры тщательно отбирались, при этом неукоснительно соблюдался кадровый, национальный и профессиональный состав кандидатов. Демократия! Ау!

В общем, явно наблюдался застой теоретической мысли.

Будучи членом парткома, я часто присутствовал при рассмотрении экономических вопросов и производственных проблем завода. При плановой экономике у нас

тоже творилось что-то не то. Ультрасовременное производство, новейшее оборудование, умнейшие кадры, но основная задача руководства – не получение прибыли, а план, и чтобы спокойно жить, быть уверенным в завтрашнем дне, этот план не должен быть слишком напряженным. Производственные резервы, заделы копились везде – на складах, в сейфах начальников цехов и участков, благо продукция не объемная. В инженерных службах тоже были свои заделы в виде новых идей, скажем, в технологии.

Авралы наступали иногда, но неукротимо, инициатором их были Москва или главк, которые принимали волевое решение об изменении стоимости готовой продукции в меньшую сторону, при том что показатели по объемам производства оставались неизменными или даже увеличивались. На переходный период давали полгода или год, без санкций.

Тут все начинали крутиться, бегать, работать, но не было случая, чтобы к указанному сроку мы не выходили на плановые показатели. Огромный потенциал возможностей, который бы обязательно использовали при рыночной экономике.

Спокойной и уверенной всегда чувствовала себя служба военной приемки. Спорить и конфликтовать с ними было себе дороже. Таким образом, застой наблюдался и в экономике.

Первым секретарем ЦК ЛКСМ Эстонии был Индрек Тооме, порядочный, интеллигентный человек. Он часто бывал на заводе по служебным делам. Кстати, на заводе в ОГТ работала его сестра, которая делилась со мной кое-какой информацией. Однажды после его посещения она мне сказала, что Индреку не понравилось, в какой тональности я ответил на его вопрос о выступлении на заводе президента Академии наук Эстонской ССР.

Проходя мимо заводской афиши с анонсом выступление президента Академии наук перед инженерно-техни-

ческими работниками завода, он спросил, какая тема выступления. Я ответил, что не знаю, встречу организовывал не я, а совет молодых специалистов. Он справедливо посчитал, что лидер молодежи завода не может быть в стороне от таких мероприятий.

Когда в ЦК комсомола с проверками приезжали гости из Москвы, то их по традиции закрепляли за какой-нибудь крупной комсомольской организацией. Это значит, что на период их пребывания здесь мы должны были организовывать досуг по их желаниям и нашим предложениям.

Помню такой случай. Приехал заведомом легкой промышленности организационного управления ЦК ВЛКСМ. Был на «Коммунаре», «Балтике» и «Марате». В один из вечеров культурную программу должен был организовывать я. Гость пожелал посетить варьете. Мы с ним встретились. Это был высокий, солидный молодой человек, по-модному одетый. Зашли в «Каролину», выпили глинтвейна с орешками, я спросил его, как дела на предприятиях, где он был. Он сказал, что все хорошо, вот на «Коммунаре» подарили несколько пар обуви, похвастался ботинками. На «Балтике» – костюм. Про «Марат» ничего не сказал, наверное, нижнее белье. На мой недоуменный взгляд парировал: ничего особенного, на каждом предприятии часть продукции откладывается для выставочных образцов, для проверки износостойкости и так далее. Поэтому он не видит ничего зазорного, если износостойкость будет проверять он. Да! Рыба гниет с головы.

Подошли к варьете, у входа полно людей, очередь. У меня в варьете был знакомый, режиссер-постановщик танцевальных номеров. Поднялись по лестнице к задним дверям. Вызвал своего знакомого, и вдруг внизу за углом у входа в варьете какая-то женщина стала истошно кричать и звать на помощь. Я ринулся вниз, он же крепко сжал мою руку и сказал: «Не смей туда ходить, там

конфликт, милиция. Мне неприятности не нужны». Вот такой моральный облик передовой московской интеллигентности, работника идеологического фронта. Через 10–15 лет такие молодежные активисты без принципов становились первыми миллионерами.

К сожалению, уже работая в МВД Эстонской ССР, мне тоже приходилось встречаться с такой зазвездившейся молодежью, но уже в погонах. Если папа генерал-лейтенант, а он лейтенант, окончивший Омскую высшую школу милиции (следователи), но уже при должности в МВД Союза, он и ведет себя (особенно в быту) так, будто ему все обязаны. Этих молодых людей отличали необузданное высокомерие, вальяжность. Ой, не к добру все это!

Несколько слов о работе совета секретарей нашего главка. Был такой совет. В него входили освобожденные секретари комсомольских организаций заводов микроэлектроники Министерства радиоэлектронной промышленности СССР. Географией таких предприятий был почти весь Союз, и завод им. Пегельмана был одним из самых маленьких.

Возглавлял совет Александр, секретарь комсомольской организации НИИ микроэлектроники в Москве. Саша был женат на дочери второго секретаря ЦК КПЭ Лебедева и частенько бывал в Таллинне. Мы подружились. Надо было видеть лица заводчан, когда Александр заезжал за мной на «чайке» тестя.

Основное направление работы совета – это обмен опытом работы на совместных заседаниях, проводимых на базовых предприятиях Москвы, Риги, Саранска, Ульяновска, Ташкента и других. Есть что вспомнить.

Время шло, учебу, естественно, забросил. Приближалось тридцатилетие. С комсомолом надо было что-то решать, ведь не до седых волос этим заниматься. В комитете комсомола тоже шла ротация кадров. Тыну Вахтель ушел, как его ни уговаривали поступить ВКШ. Стал хорошим барменом в баре «Карика», был секретарем партий-

ной организации треста. На его место был избран секретарь 5-го цеха Виктор Корочкин. Впоследствии наши пути с Виктором постоянно пересекались на партийной работе и в органах внутренних дел. С Виктором мы дружили, дружим и сейчас, он ушел на пенсию в звании полковника с должности начальника секретариата Министерства внутренних дел России.

Ушла на партийную работу завсектором учета Юлле Сууряк, на ее место пришла Алиса Игнатович. Секретарем 4-го цеха стал Юра Гусишный, с которым судьба нас тоже постоянно пересекала и на работе в системе органов внутренних дел в том числе. После школы милиции он служил в эстонской полиции. Не стареют душой ветераны, продолжаем встречаться и поныне.

Новые кадры работали не хуже старых, все было налажено. Наступил и мой черед, попросил в парткоме меня освободить. Мотивировал тем, что надо закончить институт, без высшего образования перспектив мало. Со мной согласились. Я стал готовиться к отчетно-выборной конференции. Она состоялась в октябре 1977 года. На ней меня ждал сюрприз.

После отчетного доклада я вышел на минутку из президиума, чтобы привести себя в порядок. После меня выступала заведующая КП («Комсомольским прожектором»). И вдруг из-за кулис я слышу, что комсомольцы завода категорически против того, чтобы меня заменили кем-то другим. А по договоренности с парткомом этим другим должен был стать Володя Яковлев, толковый, грамотный парень, впоследствии – секретарь горкома комсомола, работник центрального аппарата КГБ.

Зачем? Кто? Почему? Меня, как назло, на сцене нет. Зал взволновался. Увещевания секретаря парткома и секретаря горкома комсомола, что со мной все согласовано, не действуют. Обстановка накалялась. Тогда я вышел, поблагодарил за доверие и сказал, что это действительно мое решение, ибо мне надо получить высшее

образование. Зал немного поутих, объявили перерыв. После него я еще раз выступил с разъяснениями своей позицией, но волновались все, ведь голосование-то тайное.

Впоследствии я узнал, что из самых добрых побуждений все замутил редактор заводского радио Анатолий Дунаев. После этого случая началась целая борьба парткома за его уход, но он был твердый орешек. Правда, методы его борьбы я не одобрял.

Наступали новые времена гласности, хотя до перестройки Горбачева было еще очень далеко.

Пример «подрывной деятельности» Дунаева. Партком на своем заседании обсуждает работу редакции заводского радио. Отмечает недостатки, принимает соответствующее решение, протокол передают члену КПСС, редактору А. Дунаеву для устранения отмеченных недостатков. Он же берет репортерский магнитофон и берет интервью у различных авторитетных людей завода, скажем, у председателя Совета ветеранов, Героя Советского Союза Кругляка Давида Хаскалевича. В ходе грамотно составленных вопросов и заведомых ответов в пух и прах разбиваются выводы парткома. Свою версию он пускает в эфир. Вывод: рупор гласности можно повернуть и в свою меркантильную сторону, практически ничего не нарушая, лишь подставляя людей, ибо это уже моральная сторона вопроса.

С подобными фокусами мне пришлось столкнуться в период и на закате перестройки, но об этом чуть позже.

После комитета комсомола мне предложили работу в ОТиЗ (отдел труда и заработной платы), в бюро НО-ТиУ (научная организация труда и управления). Работа спокойная, планомерная, появлялось время для учебы. Восстановился в институте. «Приборов точной механики» уже не было, пошел на «технологию машиностроения: станки инструменты». Повезло с группой – дружная целеустремленная, работоспособная, меня приняли, я

прицепился к ним, и они, как локомотив, вытянули меня на дипломный проект.

Мы разменяли нашу однокомнатную квартиру в Ый-смяэ на двухкомнатную, но без ванной на улице Орава в районе «Силиката». Товарищ по учебной группе Саша Петрушин работал в конструкторском бюро на «Силикате» и жил тоже рядом в двухкомнатной квартире от предприятия. Его квартира и конструкторское бюро «Силиката» были нашей учебно-тусовочной базой.

По линии научной организации труда у меня была интересная командировка в город Горький (ныне Нижний Новгород) на Горьковский автомобильный завод. Огромнейшее предприятия с курсирующими по территории автобусами для перевозки людей. Был на линии производства «Волги» ГАЗ-32, наблюдал за стендовый сборкой правительственных лимузинов. Всего 4 стенда, на каждом работает бригада 7–8 человек.

Самой серьезной и ответственной работой в бюро НОТиУ, которую мне поручили, было составление плана социально-экономического развития предприятия на пятилетку. В итоге получилась книга-брошюра с аналитическими выкладками, диаграммами, фотографиями, листов 100. Но чтобы ее напечатать в типографии, мне пришлось собрать более 20 подписей-согласований руководителей всех производство-технических служб, общественных организаций завода, естественно, первого отдела и отдела военной приемки, так называемого представителя заказчика. Последняя инстанция, без согласования с которой ничего не печаталось, был Главлит. Он находился на Пярну мнт в районе «Детского мира» напротив театра «Эстония». Только после всех согласований я отнес свой опус в типографию.

Содержание и оформление брошюры всем понравилось, меня премировали в размере оклада.

После армии меня несколько раз призывали на учебные сборы. По военно-учетной специальности у меня

был 061 (ВУС), это политработник, поэтому я попадал на различные по военной специальности сборы, но в последнее время это был войсковой спецназ. Бригада дислоцировалась в Вильянди. Там собирали до 500 резервистов.

Основное средство доставки спецназа на территорию противника – это парашют. Пришлось попрыгать. Один раз меня как офицера отправили с командой солдат на обеспечение прыжков. Что это значит? В моем ведении – грузовая машина с откинутыми бортами и заведенным двигателем, 6 солдат и специальный кусок брезента с шестью ручками. Мы с подветренной стороны, парашюты несет на нас, мы наблюдаем. Наша задача: в случае ЧП подъехать под парашютиста и поймать его на брезент. Может быть, он останется жив. Самолеты по очереди поднимаются и партию за партией выбрасывают парашютистов. Обычно день прыжков с 6:00 до 14:00.

Вдруг видим, как один из парашютистов приземляется на купол нижнего, видимо, потерял сознание, и оба парашюта стали падать. Трагедия неизбежна. Согласно предписанию, мы ринулись их ловить. Мчимся, не отрывая глаз от падающих тел. Слава богу, стропы не запутались, нижний от падения ускорился, и парашют наполнился воздухом, а верхний просто съехал с него, как с горки. Не уверен, что мы смогли бы их поймать.

После таких сборов я каждый раз получал очередное офицерское звание по запасу. Я был старшим лейтенантом, и мне это впоследствии пригодилось.

Мой дипломный проект был конструкторский: полуавтомат для производства гранул. Эти гранулы позже использовались как корпуса различных интегральных схем.

Весной 1979 года я закончил ТПИ и получил диплом инженера-механика, но перипетии учебы мне еще долго снились в кошмарных снах.

Все предвещало спокойную, уравновешенную жизнь ИТР на родном заводе. Но осенью меня неожиданно при-

гласили на собеседование в Ленинский райком партии. Разговаривали в кабинете заведомо райкома Риммы Сорокиной в присутствии моего старого знакомого Евгения Доронина, который теперь стал секретарем райкома партии по идеологии.

Предложили перейти на партийную работу инструктором орготдел райкома, оклад 170 рублей. На заводе я получал больше. Мне намекнули, что если даже не получится с партийной работой, я буду трудоустроен не хуже, типа, как сейчас говорят, «социального лифта». Надо решать. Жена против, меньше буду приносить домой.

Как-то незаметно мы стали больше расходиться. Она ушла с Пегельмана и перешла в пищеблок 5-й колонии на Тислери, аргумент один – ближе к продуктам. Моя вина, конечно, тоже была, я с головой то в общественной работе, то в учебе. Появились разные интересы, окружение, связывает только ребенок. Я согласился, у меня была тайная надежда вернуться когда-нибудь в партком на родной завод, ведь я там проработал в общей сложности 16 лет.

В орготделе райкома партии я курировал строительные, ремонтно-строительные и проектные организации Ленинского района. Первым секретарем была Муртазина Лидия Кузьминична, довольно заметная фигура в партийной иерархии Таллинна и Эстонии. Ее карьерный рост начинался еще в 1957 году с Московского международного фестиваля молодежи и студентов. Поздно вышла замуж за чемпиона Эстонии по боксу А. Муртазина, она была на несколько лет старше его и имела двух сыновей, которые, повзрослев, наводили тихий шорох в милиции. На работе она была безапелляционно деспотичной. Ее побаивались. Она была полноправным хозяином района.

Вторым секретарем был Дамаскин Александр Иванович. Он курировал промышленность. Директора из его кабинета, как он сам говорил, «выходили задом».

Мне чаще по рабочим вопросам приходилось иметь дело с Александром Ивановичем. Впоследствии я подружился с его сыном Михаилом, мы вместе работали в политотделе МВД Эстонии.

Своеобразная структура управления была создана советской властью. Низовое административное звено – это район, сельский или городской. Райком партии – это сосредоточение власти в административной единице. Все предприятия и учреждения района, несмотря на их ведомственную принадлежность, подчиняются райкому. Даже если союзный министр или руководитель главка посещают свои предприятия, они обязаны отметиться в партийных органах, будь это ЦК, ГК, РК, а в ЦК на такую встречу обязательно пригласят секретаря райкома по территориальности. Каждый партийный орган имел свою кадровую номенклатуру и свой резерв кадров, и только оттуда назначались руководители на места. Попасть в этот список – голубая мечта человека с амбициями.

Все слухи о партийных привилегиях гроша ломаного не стоят. В райкомах только секретари имели право по праздникам отовариваться в буфете ЦК, при том что любой товаровед, бармен, любой торгаш имели гораздо больше, но по своим каналам.

Муртазина иногда позволяла себе купить какую-нибудь вещицу на складах ЕТКВ в нашем районе. Ее водитель Гриша как-то позволил себе заехать на склад и от имени Муртазиной прикупить что-то себе. Заведующий позвонила Муртазиной узнать, подошло ли, Гриша был уволен со дня.

Однажды мы с Муртазиной были на отчетно-выборном собрании на Таллиннском фанерно-мебельном комбинате. После собрания и выборов она подозвала меня и попросила отнести в машину три пакета. В каждом были овальное зеркало и стеклянная полочка для ванной комнаты. Она сказала: «Это вам, водителю и мне».

Вот и все известные мне случаи коррупции в партийной номенклатуре.

Начало моей работы в райкоме партии совпало с напряженной общественно-политической ситуацией в стране и в мире. Во-первых, это ввод советских войск в Афганистан. Во-вторых, это предстоящая московская Олимпиада и Парусная регата в Таллинне. И в-третьих, это первые крупные волнения молодежи в Таллинне. Но все по порядку.

Была такая форма информирования партийного актива, как «Бюллетень ЦК КПСС», бывали секретные экзземпляры, но чаще – для служебного пользования. Основным лейтмотивом ввода войск – как тогда говорили, интернациональной помощи народу Афганистана – была предательская деятельность «наймитов ЦРУ», руководителя правящей партии Афганистана Амина. Но были и более прагматичные причины. Афганистан – высокогорная страна на южных границах СССР, и если там будут размещены американские ракеты, они легко достанут до южноуральского промышленного района, не говоря уже о республиках Средней Азии. Короче, Афганистан американцам сдавать нельзя.

Нас послали в трудовые коллективы с разъяснениями политики партии, но каких-то серьезных телодвижений против политики Москвы в стране не было.

Для подготовки и проведения Олимпийской парусной регаты в Таллинне Москвой были выделены огромные средства для совершенствования инфраструктуры столицы Эстонской ССР. Таллинн кипел, как муравейник. По районам были созданы штабы по строительству олимпийских объектов, возглавляли их первые секретари райкомов партии.

Так как я курировал строительные организации, то входил в штаб Ленинского района. Нашим основным объектом была гостиница «Олимпия», на тот момент самое высокое здание в Таллинне. Монтаж его вела нахо-

дящаяся на территории района ПМК-36. Ее возглавлял. Э. Доболен, секретарем парткома была Л. Варфоломеева.

Штаб заседал еженедельно, сверялись графики, изыскивались резервы. Отделку вели финны, помогали наши. Не обходилось и без курьезов. Так, максимальная толщина штукатурки, по финским нормам, 3 мм, соответственно и монтаж блоков не должен был отступать от этого размера. Кое-где приходилось ставить наших штукатуров, которые выравнивали неточности монтажа.

Финны постоянно жаловались, что пропадает инструмент. Для нашей строительной действительности он был просто уникальным. Милиция кое-что находила, возвращала, но это была капля в море. Было обидно и стыдно.

Кроме того ПМК-36 строила очистные сооружения на Пальясааре. Это грандиозное по объемам строительство. При реконструкции Пирита теэ был удален выпускной коллектор недалеко от берега, теперь отходы шли через очистные сооружения, а из Пирита навсегда ушла невыносимая вонь при морском бризе.

Олимпийский штаб был создан и при горкоме партии, просто некоторые строительные объекты одному району было не поднять. Это в первую очередь касалось Горхолла, Олимпийской деревни, Центра парусного спорта, телевизионные вышки. Польские реставраторы приводили в порядок Старый город.

Была проведена огромная работа. Олимпиада прошла, что называется, без сучка без задоринки.

Осенью того же года в Таллинне произошла очень неприятная история. На стадионе «Динамо» в Кадрiorге выступала популярная местная молодежная группа. По городу висели афиши, анонсирующие это мероприятие с приглашением молодежи посетить его. Билеты продавались на месте, в кассах стадиона. По недоразумению билетов было продано несколько сотен, а желающих было несколько тысяч.

Счастливики разместились на стадионе, а многотысячная возмущенная толпа пошла к центру города. Не обошлось и без провокаций: стали останавливать общественный транспорт, бить витрины, переворачивать машины. К этому никто не был готов. Кое-как собрали силовые структуры, пожарных. Толпу остановили и рассеяли на подступах к площади Виру, но группы хулиганствующей молодежи разошлись по всему городу. Были отдельные случаи антисоветских и антирусских высказываний.

Порядок навели быстро и на улицах, и со стеклами. Пару недель компетентные органы вычисляли зачинщиков и активных участников беспорядков. В основном это оказались студенты и старшие школьники. Неприятные моменты испытали их родители. Некоторые из них были высокопоставленными партийными и советскими работниками. Провели разъяснительные беседы и собрания в молодежных коллективах. Особо активные студенты были исключены и отправлены служить в Советскую армию. Полетели головы в МВД. Так, замминистра по охране общественного порядка генерал милиции Александр Мартин был отправлен на должность начальника Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР.

Временно было организовано оперативное круглосуточное дежурство в райкоме. Однажды, это было мое дежурство, в 4:00 мне позвонил оперативный дежурный по райотделу и сообщил, что на огромный портрет Л. И. Брежнева со всеми регалиями кто-то из проезжавшей машины бросил несколько флаконов с тушью. Портрет висел на глухой стене четырехэтажного дома перед виадуком на Пярну мнт. Дом был жилой, а на первом этаже была общественная баня. Стена эта была далеко видна по всему Пярну мнт, фактически от «Космоса».

Это ЧП. Через несколько часов город проснется, и все увидят этот позор.

Звоню Муртазиной, докладываю. Можно только удивляться, как оперативно она все организовала. Были вызваны пожарные с техникой, подняли несколько художников с АРСа и к 6:00 все было убрано, закрашено, как будто ничего и не было.

В райкоме моим наставником был Витас Чепулис, бывший военный политработник, спокойный, рассудительный, профессионал своего дела. У него дома я впервые попробовал настоящие литовские цеппелины.

У меня сложились хорошие деловые отношения с работниками аппарата райкома партии, со многими мы встречаемся до сих пор и вспоминаем минувшие дни. При всей заидеологизированности нашей деятельности общей тональностью, или, как сейчас говорят, парадигмой, были справедливость, помощь людям, их защита от произвола администрации чиновников. По большей части райком был последней надеждой, чтобы достучаться и найти правду. У нас были очень жесткие сроки ответов на обращение членов партии. Иногда дело доходило до стука кулаком по столу в кабинете А. Дамаскина на нерадивого или злопамятного директора: обещали человеку – сделайте!

Кроме всего прочего я курировал Таллинский ДСК, где директором был Г. Шварцер, а секретарем парткома – Алексей Дупик. Вот уже почти сорок лет мы дружим, вместе прошли через многие испытания в жизни, и теперь, наверное, только смерть сможет разлучить нас. Возраст позволяет нам относиться к этому философски.

Существовала определенная специфика взаимоотношений в крупных партийных организациях, таких, как, скажем, ДСК. Формально я вроде как от имени райкома руковожу первичной партийной организацией, но на деле был другой уровень власти, который помимо райкома общался с руководством ДСК. Это министр строительства Эстонской ССР П. Палу, заведомо строительства ЦК КПЭ А. Ананич, первый секретарь горкома партии Н.

Югансон, второй секретарь горкома Н. Ганюшев. Со всеми из них у Алексея были хорошие деловые отношения. Они и слухом не слышали, кто такой инструктор райкома партии, а Алексей на всех мероприятиях тянул меня в их компанию и представлял официально.

Еще деталь, связанная с крупными первичками. Чаще всего у них была успешная финансовая деятельность, и освобожденные секретари парткома премировались на уровне руководителей предприятия. Но их премии должны были утверждаться на бюро райкома. Каково же каждый раз было недоумение Л. Муртазиной, когда премия секретаря парткома превышала ее оклад в 300 рублей! Но, к ее чести, она ни разу не отказалась ее утвердить.

Заканчивался второй год моей работы в райкоме партии, я набирался опыта. После очередного пленума ЦК КПСС и выступления на нем Л. И. Брежнева в райкомах и горкомах готовились конференции по выполнению его решений. С докладом должны были выступать первые секретари, наш орготдел готовил такой доклад для Муртазиной. Р. Сорокина предложила мне написать тезисы к этому докладу, изучив выступление Л. И. Брежнева, так сказать, незамыленным взглядом. Это было серьезное доверие для молодого аппаратчика.

Я погрузился в работу и через какое-то время представил свои тезисы. Мы с Сорокиной пошли к Муртазиной, и я часа полтора по пунктам отстаивал свои мысли, хотя иногда и звучали вопросы типа «Откуда вы это взяли?» Я показывал раздел доклада Брежнева и выстраивал логические цепочки для моих выводов. В основном со мной соглашались. Авторитет мой рос, но перспективы не просматривались. Для дальнейшего продвижения нужен был диплом ВПШ, но учиться меня не посылали, искали национальные кадры, а мне уже 34 года.

Как-то Алексей мне сказал, что у него хороший знакомый, начальник ОПВР (отдел политико-воспитательной работы) МВД ЭССР ищет толкового работника. Мы со-

звонились, я приехал на Пикк, 61, мы побеседовали, его устроила моя кандидатура, и я стал собирать документы. Это был январь 1982 года.

После польских событий и выдвижения в политической жизни Польши профсоюза «Солидарность» у нас стали укреплять профсоюзы партийными кадрами. Муртазина ушла в ЦК профсоюзов Эстонии, на ее место пришла интеллигент до мозга костей Сильви Арнольдовна Виллу, она спокойно отпустила меня в МВД.

В отделе кадров МВД меня ждал сюрприз: мои документы принимала и оформляла на работу Светлана Кулас. Когда-то, будучи секретарем Калининского районного комитета комсомола, она принимала меня в комсомол. Конечно, меня она не запомнила, но я ее узнал. Поговорили по душам.

Началась моя служба в органах внутренних дел, Я бы сказал, звездная часть моей жизни. Мне предложили занять должность помощника начальника ОПВР (отдел политико-воспитательной работы) по комсомольской работе. Да, опять комсомол.

Со званием вообще начались чудеса. Его присваивает Москва по представлению республики. До меня все вновь аттестованные, приходящие с гражданки, получали младшее офицерское звание младший лейтенант или лейтенант и обязательно – в форме внутренних войск (зеленая, общевойсковая). Но я уже был старший лейтенант запаса. Возникла коллизия. Геннадий Гречишкин, царство ему небесное, настоял перед руководством, чтобы меня аттестовали капитаном и сразу – в милицмейской форме. В феврале документы ушли в Москву.

Я трудился в поте лица: ознакомление со структурой МВД республики, его отделами, налаживание политико-воспитательной, культурно-массовой и комсомольской работы на местах, аналитические записки, сбор информации и подготовка коллегии министерства. Мне это все

было знакомо, за спиной – богатый опыт армейской, комсомольской и партийной работы.

В июне к моему дню рождения приходит долгожданный приказ из Москвы, мне присвоено звание капитан милиции и в служебный стаж включены года комсомольской и партийной работы.

Ближе к осени началась подготовка к празднованию Дня милиции (10 ноября). Традиционно основным организационным подразделением министерства по организации юбилеев, торжественных собраний, концертов был ОПВР. В этот раз тоже все легло на нас. Торжественная часть и концерт должны были проходить в ДК «Сальме». В разгар мероприятия из Москвы пришла шифрограмма: принять меры по охране общественного порядка в связи со смертью Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Руководство МВД ЭССР решило довести мероприятие до конца, без особой помпезности. Руководители горотделов, райотделов и управлений министерства разъехались по своим рабочим местам.

Несколько слов о коллегах по ОПВР. Начальник ОПВР Геннадий Гречишкин – бывший комсомольский и партийный работник, к сожалению, рано ушедший из жизни. Его заместитель – подполковник милиции Йоханнес Намме, работага, много лет на партийно-политической работе. Если Гречишкин был требовательный, то Намме можно было поплакаться в жилетку. Он и выслушает, и советом поможет.

Помощник начальника ОПВР по комсомольской работе – ваш покорный слуга. Излагаю в такой последовательности, потому что и по званию, и по окладу я был третьим в отделе. До меня эту должность занимал Евгений Быков, а после него – Виктор Курочкин. Женя – флотский человек, без опыта освобожденной комсомольской и партийной работы. Виктор – мой старый приятель и заместитель по работе на Пегельмана, имел хороший опыт комсомольской работы, но без опыта политработы. Женя

ушел замполитом учебного пункта МВД, а Виктор – зам-начальника Октябрьского РОВД Таллинна. Скажем так: аналитические записки, доклады не были их коньком.

Старшим инструктором ОПВР был Миша Дамаскин, он пришел из Калининского райкома партии за полгода до меня. Кадрами занимался Виктор Трусков.

За райотделами и горотделами были закреплены инструкторы ОПВР Нэлли Балашова, Виктор Григорьев, Норберт Каупужс и Эндель Удрас. Норберт – тоже бывший комсомольский и партийный работник.

В начале 1983 года в системе МВД произошла реорганизация и отделы ОПВР стали политотделами. Изменились структура и статус политработника. Вместо Г. Гречишкина пришел новый начальник, бывший секретарь Калининского РК КПЭ Матти Ирвал, получил полковника.

Если ОПВР курировал замминистра по кадрам В. Лембинен, то политотдел стал более самостоятельной единицей в структуре МВД. Добавились штатные единицы: подполковник милиции Сикенберг стал отвечать за связи с общественностью и прессой. Его жена была секретарем парткома рыболовецкого колхоза имени Кирова.

Колхоз-миллионер не только ловил, но и перерабатывал рыбу и делал еще много другого, что не связано с рыболовством. Попастъ туда на работу было для многих несбыточной мечтой. Там был коммунизм в миниатюре. Сикенберги жили в просторном двухэтажном бунгало под камышовой крышей с финской баней и бассейном. Немногие и сейчас живут в таких домах, а это было почти сорок лет назад. Мы там бывали всем отделом. Незабываемые впечатления!

Мои отношения с Галиной совершенно зашли в тупик: ссоры, скандалы, претензии. И в начале 1983 года мы развелись. Я, прихватив чемодан с личными вещами, сразу ушел из дома, оставив квартиру жене и сыну. Алексей Дупик помог получить 9-метровую комнату в общежитии ДСК на Мянику, 89. Постепенно обжился, только

домогались соседи, привлекая меня к наведению общественного порядка в доме. Но ничего не поделаешь, крутился.

Против моего ожидания руководство политотдела отнеслось с пониманием к моему разводу, оргвыводов не последовало.

Работа в политотделе была и интересной и напряженной. Постоянные многодневные командировки по республике, иногда в составе других коллег из министерства, так называемые комплексные проверки работы управлений и отделов на местах, особенно в беспокойных регионах Ида-Вирумаа – Кохтла-Ярве, Йыхви, Нарва. Часто бывал в Пярну, где замполитом был Юри Мерите, толковый политработник. Министерство беспокоило состояние дел в Тарту, замполит выпивал, искали ему замену.

Как-то после почти месячного пребывания в Тарту меня вызвал замминистра по кадрам В. Лембинен и начал со мной разговаривать по-эстонски. Я извинился, сказал, что не все понимаю. Он заметил: «Жалко, а я бы хотел вам предложить должность замполита в Тарту». Так я чуть не попал на ПМЖ во вторую столицу Эстонии, наверное, моя судьба сложилась бы по-другому.

Как-то во время очередной командировки в Кохтла-Ярве иду в форме по улице, навстречу – колонна заключенных, их ведут без охраны старшие по колонне. Вдруг от них отделяется молодой человек и ко мне – с объятиями: «Привет! Привет!» Это был мой старый знакомый по Пегельману, мы вместе играли в футбол. Он был сыном полковника милиции, даже какое-то время учился в ТШМ в Нымме, за дисциплинарные проступки его исключили из школы и уволили из МВД, за бытовое преступление попал на зону. И вот теперь эмоциональная встреча зэка и капитана милиции. Колонна остановилась, и все с интересом за нами наблюдали. Правда, с тех пор я его больше никогда не видел.

У меня были частые командировки за пределы Эстонии по планам политуправления МВД СССР. В стране 15 республик и 15 помощников по комсомолу в политотделах их министерств, мы часто встречались на различных официальных площадках и так, между собой. Среди нас случайных людей не было. Все были самобытными и молодыми сотрудниками с богатым опытом оперативной и партийно-политической работы. Так уж получилось, но я был одним из «высоковозрастных», мне было 37 лет. Помощник из Узбекистана Равшан в совершенстве знал фарси и имел боевой опыт Афганской войны.

На что я невольно обратил внимание: все помощники были национальными кадрами, кроме меня и моего коллеги из Латвии. Весьма характерное наблюдение.

В конце 1983 года меня и моих коллег из союзных республик пригласили на Всесоюзный слет армейской молодежи. Он проходил в Москве в БКД. На 1000 участников нас, в милицейской форме, было только 15. Грандиозное мероприятие, в президиуме – члены Политбюро во главе с Генеральным секретарем Черненко, министр обороны Язов и новый министр внутренних дел Федорчук. Речевки, лозунги, плакаты умело поднимают патриотический настрой зала, на глаза попадают срочнослужащие, Герои Советского Союза, наверное, из Афгана. Экскурсии по дворцу, Андреевский и Владимирский залы, Гранатовитая палата и самый большой Георгиевский зал, в нем фотографировались с министрами. Грандиозный спектакль в Большом театре и явление времени – распродажа дефицитных товаров для участников слета.

Два эпизода из 1984 года запомнились мне особенно ярко. Это слет молодых сотрудников МВД в Ульяновске и поездка в составе политотдела МВД Эстонии в Москву в Звездный городок. Помпезное мероприятие в Ульяновске возглавлял заместитель Щелокова, зять Брежнева генерал Чурбанов. Мы выстроились каре на мемориале Ленина на берегу Волги. Напротив – большая группа

генералов. Вдруг порыв ветра сдувает за головы Чурбанова фуражку, мы не шелохнулись, устав не позволяет, тогда несколько генералов начинают перед нами бегать за этой фуражкой, пока кто-то ее не поймал. Конфуз, но смешной.

Как она случилась, эта поездка в Москву в составе почти всего политотдела МВД Эстонии? Рутинные дела. К нам в Эстонию приезжала группа сотрудников 7-го главка МВД СССР «Охрана спецобъектов» во главе с их начальником политотдела, милой дамой. Политотделу было поручено их встретить и занять. Мы организовали ряд мероприятий по их желанию. При отъезде они обещали организовать приглашение для нас в Москву. Не всегда эти обещания выполнялись, но через три-четыре месяца мы получили такое приглашение. Сборы были недолгими, нашу делегацию возглавил Йоханнес Намме.

То, что мы получили в Москве, превзошло все наши ожидания. Разместили нас в шикарном отеле, за нами был закреплен микроавтобус. Программу составили хозяева. В нее вошли посещение Мавзолея Ленина, экскурсия по Кремлю, посещение Оружейной палаты и Алмазного фонда СССР, театр Образцова и самое главное – посещение Звездного городка. Никаких очередей, мы везде проходили как ВИП-персоны.

В Звездном городке нас курировал дважды Герой Советского Союза полковник В. Джанибеков. Экскурсии по Звездному, случайные непринужденные встречи и беседы с космонавтами Титовым, Леоновым, с командиром отряда космонавтов генералом Береговым. Закончили торжественным ужином в ресторане «Космос» совместно с Владимиром Джанибековым. Он рассказывал о своей жизни, о военном детстве, как он там впервые «слетал», сорвавшись внутри каланчи для просушки пожарных рукавов, папа был пожарным. Фамилия Джанибеков – от жены. Пили за дружбу, за космос, за космонавтов и за

Эстонии. Мы довезли его до дома и сделали несколько кругов почета, в центре которых в полковничьей форме стоял Джанибеков и отдавал нам честь. Такое не забывается.

Я как сотрудник, необремененный семьей, довольно часто привлекался отделом кадров МВД к проверкам морально-нравственного состояния личного состава подразделений внутренних дел республики. Тогда еще не было подразделений внутреннего контроля и многие эти функции выполняли мы с работниками отдела кадров. В основном они носили форму Внутренних войск, чтобы, скажем, сотрудники патрульно-постовой службы и райотделов знали, с кем они имеют дело. Я был в милицмейской форме. Мы руководствовались своими уставами, внутренними приказами, скажем, № 235 о вежливом и внимательном отношении к гражданам, и морально нравственными принципами. Наверное, нас не очень любили рядовые сотрудники, но мы делали свое дело.

Обычно мы патрулировали ночью на гражданской машине, следили, чем занимаются, как себя ведут сотрудники ППС. К сожалению, негатива хватало. Это и таксоизвоз на милицмейских машинах, это и злоупотребление властью с вымогательством, это выпивка в служебное время, отход от маршрута и многое другое. Меня это сближало с сотрудниками кадровой службы, что в последующем скажется на карьере.

В силу служебной необходимости Я часто бывал в здании министерства на улице Пикк, 19, там располагались оперативные службы МВД УУР (Управление уголовного розыска, возглавлял его Велло Рикас), УБХСС (Управление борьбы с хищениями социалистической собственности, Грищенко), 5-й отдел, спецбиблиотека, архив (заведующая Валентина Кашина) и некоторые другие подразделения МВД Эстонии. Приходилось работать в архиве МВД, изучал историю эстонской милиции. Интересно!

Валентина делала систематические анонсы-аннотации поступающей литературы, новинок для системы МВД, знакомила с ним руководство и рядовых сотрудников министерства.

Политотдел тесно взаимодействовал с парткомом МВД, секретарем парткома был Н. Рагулин, потом – Валентин Воробьевский, он же впоследствии стал и начальником политотдела.

При некотором снобизме работников центрального аппарата, особенно оперативных служб, штаба, следствия, кадров, я нигде не чувствовал себя лишним, везде складывались хорошие деловые и даже дружеские отношения.

Однако наступил 1985 год. Жизнь шла своим чередом, происходили кадровые изменения, так, ушел на учебу в Академию МВД в Москву замполит Октябрьского РОВД Виктор Корочкин, мне предложили это место. Должность полковничья, мне скоро получать майора. Я согласился, хотя понимал, что это нырок вниз, как говорят практики, «на землю», где, кстати, делается основная работа органов внутренних дел. Надо было себя испытать и на этом уровне.

Пришел в отдел (Пагари, 22), меня представили на оперативном совещании, стал знакомиться с людьми, со структурой служб, руководством отдела и подразделений. У Виктора Корочкина был хороший авторитет, ко мне присматривались, я тоже.

Начальник отдела Владлен Антон пришел в отдел из штаба УВД Таллинна. Подполковник, умница, честолобивый, иногда резкий, прямой, говорит то, что думает, уверенный в себе, авторитет и у сотрудников, и у начальства. Такой человек приходит не на век, не дослуживать, это трамплин, это освоение нового опыта, это карьера. Мы поняли друг друга: надо быть лучшими. Но для этого надо засучить рукава и работать, работать, работать.

Территориально отдел был очень сильно разбросан по району. Участковые, кроме опорных пунктов, находились в здании на Лаари, ими руководил замначальника подполковник Хенгер – трудяга и педант. Здесь же были уголовный розыск, следственное отделение, дознаватели, эксперт, кадровик, старшина (хозяйственник), дежурная служба.

Заместителем по оперработе был подполковник А. Полковников – замкнутый, неразговорчивый человек, но хорошо знающий свое дело. Его заместителем и начальником отдела УР был майор милиции Сергей Козлов, амбициозный, знающий себе цену розыскник. С Сергеем, как и с Владимиром, мы подружились, встречаемся и сейчас. Сергей, как и я, был разведен, поэтому мы часто проводили досуг вместе. Начальник следствия Вячеслав Васильев – энергичный молодой человек, хороший юрист, сейчас практикующий адвокат.

На улице Мичурина у нас был медвытрезвитель. В небольших одноэтажных домах в Мустамяэ были паспортный стол, комната милиции по работе с несовершеннолетними, а в Нымме – отдел вневедомственной охраны. На круг человек 350.

Амбициозная задача, поставленная Владленом, быть лучшими в городе требовала напряжения всех сил всех сотрудников. Мотивация, объяснение преимуществ статуса лучших, организация партийно-политической и культурно-массовой работы лежала на мне. Правда, Владлен мне во всем помогал и поддерживал мои начинания.

Идеологическая фразеология требовала практического воплощения в конкретных делах. Своими силами мы завершили ремонт ленинской комнаты, тренажерного зала и сауны в отделе. Договорились об использовании сотрудниками бассейна мореходки на Эндла. Провели санитарный ремонт медвытрезвителя на Мичурина.

Остро нужна была канцелярская мебель практически во все подразделения райотдела. Но как решить этот во-

прос? У нас сложились хорошие деловые и дружеские отношения с руководством исполкома Октябрьского района Я. Моксом и О. Калью. С Ольгой мы возглавляли так называемую антиалкогольной комиссию нашего района после начала всесоюзной антиалкогольной кампании. Я ей рассказал о наших проблемах с мебелью, она обещала помочь. Мы вместе с ней съездили в Тарту и через ее знакомого в горисполкоме без лимитов, сверх плана получили фуру канцелярской мебели из Тартуского мебельного комбината. Все согласования с Госпланом, министерством деревообрабатывающей промышленности республики и горисполкомом я взял на себя.

Мы получили новую мебель в отдел и перераспределили сносную и остатки новый по структурным подразделениям райотдела. Авторитет руководства отдела среди сотрудников стал заметно расти. Что называется, мелочевку – места в ясли, в садики – сотрудники решали сами, через участковых, если надо, мы помогали. А вот крупные проблемы, такие, как новые машины и тем более квартиры, решало только руководство. У нас была негласная договоренность с исполкомом: мы искали квартиры умерших, посаженных по уголовным делам, а они часть из них передавали для сотрудников.

Люди все более чувствовали себя нужными, защищенными, и это отражалось на их работе. По итогам работы за 1985 год коллектив отдела был признан лучшим в Таллинне. Это высокую планку мы держали еще два года.

А так – повседневная рутинная работа «на земле»: преступления, выезд на место, поиск вещдоков, свидетелей, экспертиза, выстраивание версий и их обработка. И все это сопровождается огромным количеством официальных бумаг и душещипательных бесед с подозреваемыми. И это еще только полдела. Надо предъявить обвинение, собрать доказательную базу, передать дело следователю для юридически грамотного оформления дела в и суд. И таких дел в производстве у опера

не одно, а несколько. Изо дня в день, из месяца в месяц. Психологическая нагрузка огромная, человек должен чувствовать заботу о себе со стороны коллег, руководства, семьи, иначе срыв неминуем. Создать атмосферу отеческой заботы, понимания, но не попустительства и видел я свою задачу как политработник. Владлен меня поддерживал.

Работая «на земле», я стал понимать, под каким психологическим давлением ежечасно находятся сотрудники. В силу специфики их труда они постоянно контактируют, так сказать, с отбросами общества. Чтобы понимать и прогнозировать их действия, надо научиться мыслить, как они, но при этом оставаться нормальным человеком.

Оперативный состав розыска – это определенная закрытая каста, у них свои секреты, агенты, то, что они говорят между собой, не для всех ушей. Я с уважением относился к их труду, но знал их закрытые точки. Будучи оперативным дежурным по району, я после полуночи иногда наведывался значные места района и, если застала своих хлопцев, настоятельно рекомендовал идти домой к семьям отдыхать. Но никогда не провоцировал конфликт, не доводил ситуацию до абсурда. Ребята отнеслись к моим действиям с пониманием.

Работа в отделе налаживалась. Я стал искать новые точки приложения своей деятельной натуры.

Возникла идея во время летнего отпуска 1986 года совершить пропагандистский велопробег по Октябрьским райотделам городов Рига, Вильнюс, Каунас и Калининград, посвятив его 70-летию Октябрьской революции. Идею одобрили начальники политотдел УВД Таллинна В. Пурро и МВД Эстонии М. Ирвал. Через замминистра по кадрам В. Лембинена обещало помочь и спортивное общество «Динамо» при МВД Эстонии. Опыт подсказывал, как все организовать, чтобы потом никто не отказался от содействия.

Я написал положение о велопробеге с маршрутом, по этапам подготовки и ответственными за тот или иной раздел этого плана, затем утвердил его подписями замминистра по кадрам В. Лембинена и начальника политотдела МВД Эстонии М. Ирвала.

Теперь на законных основаниях я мог требовать исполнения от служб и подразделений министерства их части подготовительных мероприятий. А это и ГАИ для сопровождения в черте городов, и спортивное общество «Динамо», которое обеспечило нас формой с эмблемой «Eesti», и транспортный отдел министерства, откуда был выделен милицейский мотоцикл с коляской, где везли палатки, провиант, сувениры и наши личные вещи, и штаб МВД, который обеспечивал связи по маршруту.

В. Антон наблюдал за моими приготовлениями с интересом и некоторым недоверием. Но чем ближе был срок, тем более заинтересованным он становился.

Я подобрал команду, велосипеды, благо весть чердак был завален невостребованным транспортом, проводил тренировки по кольцу Таллинн – Хааберсти – Кейла – Клоогаранд – Кейла-Йоа – Таллинн или, для разнообразия, в обратном направлении.

Нужен был хороший специалист по велотуризму и наладке спортивных велосипедов. И такой человек нашелся. Правда, он был не из системы МВД, это Георг Янсен. Он еще до войны был чемпионом Эстонии, ему на момент нашего турне было 65 лет. Своеобразная внешность Георга позволяла ему сниматься в кино, он играл пиратов и разбойников. Этот ветеран в пути ничем не уступал нам, молодым.

В команду кроме Янсена и меня вошли наш кадровик, следователь отдела, помощник дежурного и участковый инспектор. Перед самой поездкой я получил очередное звание майор милиции.

В назначенный день наша кавалькада в сопровождении машин ГАИ, Антона и сотрудников отдела отпрати-

лась в путь. В райотделе была вывешена карта, где ежедневно отмечалось наше передвижение по маршруту.

В райотделах городов мы выступали перед личным составом, рассказывали о целях и задачах нашего путешествия, пропагандировали спорт, здоровый образ жизни и дружбу между нашими республиками. Я видел в глазах встречавших нас руководителей и политработников некоторую в хорошем смысле зависть: почему не мы это придумали?

Служба в отделе продолжалась своим чередом. Понятно, что получить Знамя и завоевать первое место в городе тяжело, а удержать этот уровень еще сложнее.

Наступил 1987 год. В начале года неожиданно позвонил Владимир Сепп, представился, попросил зайти в школу милиции. В. Сепп когда-то сам закончил Таллиннскую школу милиции, работал в министерстве, был первым начальником вновь образованного 5-го отдела МВД, затем был приглашен на работу в ЦК КП Эстонии и после ухода А. М. Мартина возглавил школу милиции. Хороший послужной список.

В. Сепп предложил мне перейти в Таллиннскую специальную среднюю школу милиции на должность начальника политчасти. До этого начальником политчасти был Яко Окк, но в силу различных причин он перешел на другую работу.

Школа милиции подчинялась непосредственно Москве УУЗ (Управление учебных заведений МВД СССР), но кадрами постоянного состава комплектовалась в основном МВД Эстонии. Сепп мне так и не сказал, кто же ему рекомендовал мою кандидатуру.

Для меня это был очень серьезный карьерный рост. Полковничьих должностей в маленькой Эстонии не так много, и занять одну из них дорогого стоит. Ответственности я не боялся, за спиной хороший опыт партийно-политической работы. Сепп не все проговаривал, но я понял, что совместная служба с Я. Окком у него не сложилась,

ошибиться с подбором заместителя он не мог. У меня же никогда не было амбиций первого лица, каждый должен делать свое дело, и работа заместителей должна поднимать авторитет начальника, только тогда получается локомотив общего успеха. Наверное, в ходе беседы он это почувствовал.

Был один нюанс, на который Сепп мне указал. Оказывается, в школе завстоловой работает моя первая жена. Я сказал, что меня это не беспокоит, пусть работает дальше.

Я вернулся в отдел, поведал все Антону. Он немного расстроился: с трамплина первым ухожу я, а Владлен будет ждать своего часа. Скоро академию заканчивает В. Корочкин и займет место начальника Октябрьского РОВД, а Антон перейдет начальником УБХСС города Таллинна.

Я благополучно прошел все инстанции утверждения: отдел админорганов ЦК (завотделом П. Васиков, секретариат ЦК КП Эстонии, К. Вайно спросил, говорю ли я по-эстонски. Я ответил, что в пределах разговорного. Он посоветовал подучить. Далее – Москва, Управление учебных заведений (начальник – генерал-лейтенант Черненко, брат бывшего генерального секретаря), Политуправление МВД СССР. На собеседованиях замечаний не было, все прошло гладко. Были рекомендации, одна из них достаточно пикантная: надо жениться на достойной женщине. Как говорится, спасибо, учту.

Руководство школы милиции – номенклатура Москвы, мое личное дело переслали в кадры Политуправления МВД СССР.

С головой погрузился в новую работу, теперь более плановую и размеренную. Нужно было повышать квалификацию, институтского диплома было явно мало. В ЦК рекомендовали Вильнюсскую высшую партийную школу. Поступил на трехгодичное заочное отделение по специальности «партийное и советское строительство».

Ныммеская школа, тогда еще НКВД, была основана в 1944 году сразу после освобождения Таллинна от немцев. В 1987 году, когда я туда пришел, это было, как я уже говорил, одно из лучших в Союзе средне-специальных учебных заведений с хорошей материально-технической базой, в чем была огромная заслуга бывшего до А. Мартина начальником школы полковника милиции Евгения Назимова, который когда-то сам был выпускником этой школы.

Благодаря трудам Евгения Васильевича школа имела хорошую передовую учебно-техническую базу, новые жилой и учебные корпуса с огромным, оснащенным по последнему слову техники актовым залом, спортивный комплекс с игровым и борцовским залами, современным тиром. Что называется, трудись, учись и радуйся. Вызывала беспокойство только курсантская столовая, расположенная в полуподвальном помещении, но со временем все можно было решить.

Несколько удивляло количество старших офицеров на, что называется, квадратный метр. Такого не встретишь даже в министерстве. Но что поделаешь, это учебное заведение, здесь другие штаты, другие оклады и звания.

Мои впечатления о личном составе. Школа – это единый организм, но в нем два мира: командно-преподавательский состав (постоянный) и учебно-курсантский (обновляемый каждый год).

Курсантами, их повседневными заботами, учебой, личными проблемами занимаются в основном командиры и замполиты учебных курсов первого и второго – выпускного. Они работают в тесном контакте с преподавательским составом, каждый по своей линии, с представителями руководства школы, курсовые – с заместителем начальника школы по строевой полковником Н. Шкапериным (после него В. Рязанов), а замполиты курсов – с вашим покорным слугой.

Преподавательский состав – это особая тема для разговора. В учебные заведения системы внутренних дел подбираются лучшие из лучших, даже попав туда в начале карьеры, это осознание формируется в самом коллективе. Все самобытны, амбициозны, вершители судеб, хотя бы курсантских, специалисты экстра-класса в области своих дисциплин, с годами первоклассные методисты, в общем, интеллектуальная элита милиции.

Их рост как профессионалов-преподавателей обеспечивает учебный отдел школы (начальник – полковник А. Приютов, после него Г. Звонов). Уровнем их политических и морально-нравственных качеств занимаются политчасть и партийная организация постоянного состава. Сфера, как читатель понимает, очень тонкая и деликатная, ее не пощупаешь и не взвесишь.

Политчасть небольшая, всего пять человек: начальник, старший инструктор, отвечающий за оргработу (майор милиции Л. Орочко), инструктор, он же начальник клуба, отвечающий за культпросветработу (старший лейтенант милиции А. Барбаш) и два замполита курсов – В. Фомин и Ю. Буславский (позже Н. Каупужс). На некоторых совещаниях политчасти присутствует секретарь парторганизации постоянного состава.

Вовсю шла перестройка, она охватывала все большие слои общества, затронула и милицию, но больше всего это коснулось школы милиции. Резкое одновременное обновление руководящего состава школы вызывало недовольство, даже неприязнь со стороны ветеранов школы. Поменялся начальник, для некоторых это выскочка из ЦК КПЭ, он привел новых: зам по хозяйственной части (подполковник Р. Адоян, В. Сепп и Р. Адоян когда-то вместе работали в 5-м отделе МВД Эстонии), начальник политчасти (майор Е. Амонтов), зам по учебной работе (подполковник Г. Звонов), чуть позже на пенсию ушел зам по строевой полковник Н. Шкаперин, его заменил тоже не «свой» подполковник В. Рязанов.

Идеи демократизации и гласности будоражили умы людей. Свободные открытые выборы руководящих кадров казались панацеей от всех бед, стали пренебрегать единоначалием, забывать, что все мы в погонах. Как ни странно, передовые люди отрасли, элита милиции была заражена этим больше, чем в подразделениях ОВД на местах.

Постепенно мы все втягивались в это молчаливое противостояние, разумными оставались единицы, большинство же приняло позицию свой-чужой. Что бы ни делал «чужой», это плохо, это не принималось, это саботировалось. Самое скверное, что такая атмосфера недоверия верхам воцарилась по всей стране, явно и по всем признакам наступали новые времена.

Меня также пытались переманить в оппозицию к начальнику, но у меня другие принципы. Это бесило и раздражало оппозиционеров. Не брезговали даже тем, чтобы привлекать к нашим разборкам курсантов на общих партийных собраниях. Нужно было хладнокровно держать удар.

Много для понимания позиции противостоящей стороны мне помогал осознать мой старый товарищ Юра Бондарь. Он был преподавателем спецтехники на цикле ОРД (оперативно-розыскной деятельности). Он объяснял мне ту атмосферу, которая складывалась среди постоянного состава школы. В чем-то я с ним спорил, в чем-то соглашался.

При всей традиционно ритмичной работе школы внутренняя атмосфера накалялась. В. Сепп был все-таки избалован пиететом, уважением к должности, поэтому ему было очень тяжело принимать это внутреннее напряжение в коллективе. Я знаю, что он жаловался на эту нездоровую атмосферу в ЦК партии своему бывшему начальнику, заведующему отделом админорганов П. Васикову. Васиков же и пригласил в школу внеплановую инспекторскую проверку из УУЗ МВД СССР.

В. Сеппа не было (болел), комиссию встречал я. Какое бы хорошее учебное заведение ни было, всегда есть недочеты, любой проверяющий это знает, а если он еще и мотивирован, то спасайся бегством.

Маленький пример. Вновь назначенный начальником цикла боевой и физической подготовки полковник В. Блинцов не смог по приказу проверяющего разобрать и собрать пулемет Дегтярева, стоящий на вооружении в школе. На вопрос, как вы можете учить, если сами не умеете, ответа не последовало. Начальник цикла ОРД полковник Ратасепп, понимая, чем все может закончиться, до проверки подал рапорт на пенсию.

После такого кавалерийского наскока из Москвы многие успокоились или ушли в себя. В. Сепп мне доверял все больше и больше, я часто оставался за него во время болезни или командировок.

В один из таких дней меня пригласили в Москву на совещание начальников школ, которые проводил новый министр Бакатин. Я попал в цветник полковников и генералов. Бакатин мне, как и многим другим, очень понравился. Деловой, демократичный, многие обращения, проблемы решал тут же, на совещании. Как же было обидно, когда через пару лет тот же Бакатин передал нас в республике, оставив без поддержки и пенсий! Но это из прошлого.

После совещания в министерстве был организован концерт, на котором выступили Иосиф Кобзон, Александра Пахмутова, Лев Лещенко и другие союзные артисты.

В начале 1989 года я женился на Ирине Русман. Она работала в Октябрьском райкоме партии и курировала админорганы, в том числе и РОВД, где я с ней познакомился. Встал вопрос о квартире. Работая в Октябрьском РОВД, я заметил одну однокомнатную квартиру на Эхитаяте теэ, владельца который посадили и лишили прописки. Квартира хорошая. Председатель исполкома Я. Мокс никак не решался мне ее предоставить, при-

шлось обратиться к П. Васикову, и тот авторитетом ЦК его обязал. В конце 1988 года я получил свое жилье, куда и привез жену.

В ноябре 1989 года у нас родилась дочка Анечка, а через неделю, 29 ноября, мы всей школой праздновали 45-летие ее основания.

Моя учеба в Вильнюсе успешно продолжалась. Я ездил на сессии раз в полгода. Борьба в школе не закончилась, а перешла в другую фазу. Мне и в голову не приходило, что моя учеба и связанные с ней командировки в Вильнюс якобы незаконны. По этому поводу стали появляться жалобы начальнику и в Москву, но Сепп мне подписывал командировки, а Москва нарушения соответствующих приказов не отметила. Все, кто повышал свою профессиональную квалификацию в нашей системе, командировались на учебу, никаких отдельных разъяснений по поводу ВПШ для политработников не было. Но нервы мне все-таки мотали.

В ходе ошибочной политики М. Горбачева начались национальные волнения на рубежах Союза. Полыхнул Нагорный Карабах в Азербайджане. Нашу школу, как и другие учебные заведения МВД, по ротации решили направить в Карабах на месяц или по обстоятельствам. Но у нас на каждом курсе было по взводу эстонской молодежи, которая не служила в армии и не принимала воинскую присягу, а только милицейскую. Кстати, среди них был и нынешний министр внутренних дел Эстонской Республики Андрес Анвельт. Посылать их на возможное ведение боевых действий, да еще из одной республики в другую было юридической и политической ошибкой.

Нам объявили время «Ч», мы укладывали свои «тревожные чемоданы», при этом шли интенсивные переговоры. Мы обратились в наше ЦК КП Эстонии, они вышли на министра внутренних дел в Москве и УУЗ МВД. В итоге командировку в горячую точку нам отменили, поехала другая школа.

Итак, наступил 1990 год. Я заканчивал ВПШ, тема диплома – «Политико-воспитательная работа с личным составом школы милиции в условиях перестройки и действующих реалиях в республике».

В 1990 году получить диплом по специальности «партийное и советское строительство» было уже как как-то несерьезно, и мы обратились с письмом в ЦК КПСС и лично к Михаилу Горбачеву с просьбой изменить специальность. Но это оказалось делом неподъемным, однако нам в дипломе написали: «партийное и советское строительство, политолог с правом преподавания социально-экономических дисциплин в средних специальных и высших учебных заведениях». Спасибо хоть за это.

В июне я получил очередное звание подполковник милиции.

В 1991 году в школу передали в МВД республики, ее закрывали, открывалась новая в Лайкузе. Но люди, коллеги, друзья, теперь уже бывшие курсанты, с которыми мы все связаны годами милицейской службы, остались, мы встречаемся до сих пор и поддерживаем друг друга, как можем.

Года идут, люди, к сожалению, уходят. Вечная им память.

Встреча с митрополитом Корнелием.

Приезд делегации из США.

Велопробег по Октябрьским отделам милиции Калининграда, Вильнюса, Каунаса, Риги.

В Звездном городке.

Семинар учителей школы.

Досуг в школе.

Папа.

Мама.

Дочь.

На даче.

ТШМ МВД СССР

ЖУРЬЯРИ-
ОСИПОВ
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

ПАМЯТЬ О ТШМ НЕ УГАСАЕТ

Я родился в августе 1933 года в столице Грузии городе Тбилиси в семье служащих. Отец работал инженером в обществе «Автодор», мать – преподавателем в школе.

Счастливое детство было прервано войной. Но она обошла стороной Грузию. В памяти остались трудности той поры: продовольственные карточки, стояние в очередях. Голода мы не испытывали, но случалось ощущение недоедания.

Справедливости ради стоит вспомнить и о том, как в эти непростые для воюющей страны годы проявлялась забота о подрастающем поколении – это летние бесплатные пионерские лагеря. И пусть в них не кормили до отвала, но в них было интересно, познавательно, завязывались новые дружеские отношения, мы возвращались из них загорелыми и окрепшими. Я перебивал во многих: это и горы, и побережье прекрасной моей родины Грузии, и Сочи.

И еще хотел бы сообщить о том, что наше тбилисское поколение 40–50-х в большинстве было занятыми театрами. Нашими любимыми театрами были вначале тбилисский ТЮЗ (Театр юного зрителя), в нем играли такие выдающиеся актеры, как Луспекаев, Лебедев. По мере взросления мы стали поклонниками грибоедовского драмтеатра, а в нем одно время режиссером был великий Г. Товстоногов.

Школу, в которой я учился, на два года раньше окончил Е. М. Примаков, позже – известный философ

М. Мамардашвили. От Евгения Максимовича у меня сохранилось письмо со словами благодарности за напоминание о наших прекрасных учителях.

Не угасла в одной из тбилисских школ память и о моей маме – Ирине Владимировне, которую любившие ее ученики за глаза звали Иринишкой.

В школе меня, как и многих моих сверстников, приняли в пионеры, затем – в комсомол. По окончании школы я поступил в военное училище, закончил его в звании лейтенанта, служил в различных частях Вооруженных сил СССР в Грузии, на Дальнем Востоке, в Белоруссии. Был принят в ряды КПСС, в те годы членство в партии считалось естественным для офицеров.

В связи с сокращением Вооруженных сил я был уволен в запас в 1961 году с семьей приехал в Таллинн. Здесь работал на предприятиях города мастером участка, мастером ОТК, а в 1966 году был призван в органы внутренних дел Эстонии. Окончил Тартуский университет и в 1976 году был назначен начальником курса Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР.

И хотя у меня за плечами уже был опыт службы и я встречался со многими интересными людьми, тем не менее именно в этой школе я оказался в окружении удивительного и сплоченного коллектива преподавателей и начальствующего состава во главе с полковником милиции Евгением Васильевичем Назимовым. Я приобрел в этом общении и совместной службе неоценимый опыт в деле руководства курсом и воспитания курсантов, стал свидетелем и участником замечательных дел по совершенствованию учебного процесса в школе милиции.

И неизменным инициатором и участником их был Е. В. Назимов. Это возведение нового учебного корпуса и спортивного комплекса. Это подготовка и участие нашей школы в обеспечении порядка и безопасности во время Олимпийской парусной регаты 1980 года. В школе

постоянно проводились вечера отдыха, поэзии, встречи с интересными людьми.

Каждый учебный год заканчивался выпуском хорошо подготовленных сотрудников милиции – уполномоченных, работников уголовного розыска. Свыше 25% выпускников получали по окончании школы «красные дипломы», многие впоследствии успешно оканчивали высшие учебные заведения МВД, возглавляли отделы и управления МВД.

Во всем этом – огромная заслуга начальственно-преподавательского состава школы: ныне умерших Ратасеппа, Стуколкина, Гусина, ныне здравствующих Приютова, Лайда, Шарика, Звонова и многих других.

Много лет прошло с тех пор, многих уже не досчитаться в рядах ветеранов, но память о них, о школе милиции не угасает.

Я давно уже на пенсии, но и после увольнения продолжал работать: был военруком в школе, инспектором отдела Министерства образования Эстонии, начальником штаба ГО академического института.

Наступали новые времена, Советский Союз разваливался и Эстония оказалась в числе первых республик, добившихся независимости. Я приветствовал новую Эстонию, ставшую для меня и моих близких второй родиной.

Многие годы я проработал в охранных структурах. Не был чужд и общественной работе – с 1990 года являюсь соучредителем Общества грузинской культуры в Эстонии.

У меня взрослый внук, внучки, я – счастливый не только дед, но и прадед.

Встреча школьных друзей. 2009 год.

На проспекте Руставели в Тбилиси.

У ворот отчего дома с внуком.

ТШМ МВД СССР

ЗАЙЦЕВ
ВЯЧЕСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИСТОРИЯ – КАК К НЕЙ ОТНОСИТЬСЯ?

*Время пришло рассказать,
как это было...*

Время покажет, время расскажет. Каждый из нас проходил те процессы, которые выпали нашему поколению. Каждый смотрит субъективно через призму своего понимания и оценки. Однако есть законы и категории, которые нами либо принимаемы, либо отрицаемы. Эта философия оценки субъективна.

Я родился в СССР в период, когда мы пережили выход из послевоенного кризиса. Когда страна, сломав хребет фашизму, смогла выйти на новый уровень развития. Но школа подготовки кадров для МВД и МГБ уже в 1944 году была поставлена центральной задачей в прибалтийских республиках.

О том, как все начиналось, написали в своих воспоминаниях те, кому выпала задача реализовать на практике решения партийного руководства страны, – мои коллеги Евгений Васильевич Назимов и Иван Михайлович Эспер. Я как продолжатель их воспоминаний хотел бы в этой части передать свою оценку времени, в котором волею судьбы мне довелось жить и трудиться. Хотел бы кратко рассказать о себе.

Родился я в семье рабочих 2 февраля 1955 года в самом центре современной России, в городе Рыбинске Ярославской области (на момент рождения город Щербаков). Ярославская земля стала моей малой родиной и была территорией зарождения духовного величия и со-

зидательной деятельности русского этноса, русской нации. Как писал А. С. Пушкин,

*Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

Эта земля была богата не только природными ресурсами, но и людьми, прославившими ее. Здесь сходились торговые пути юга, центра и северо-запада России. Первое свое название Рыбная слобода она получила благодаря великой водной артерии Руси – Волге, в верховьях которой проходил нерест таких ценных пород рыбы, как жерех, осетр, белуга, которые поставлялись на торговые рынки всей Руси. Здесь шла перевалка и перегрузка на речные суда главного стратегического продукта – зерна.

На этих берегах великой русской реки прошли мое детство, отрочество и юность. Эта земля была родиной моих предков. Здесь жили, трудились и трудятся мои двоюродные братья и сестра, мои родители: отец – Зайцев Александр Васильевич, 1926 года рождения, уроженец села Давыдково Пошехонского района; мать – Зайцева Надежда Васильевна, 1933 года рождения, уроженка города Молога (современной территории Рыбинского водохранилища); сестра – Калмыкова (Зайцева) Наталья Васильевна, 1958 года рождения, уроженка города Рыбинск Ярославской области.

Отсюда отец был призван и проходил службу в СА, участвовал в разгроме Квантунской армии Японии во Второй мировой войне, был награжден орденами и медалями. После демобилизации вернулся домой и встретил ту, с которой связал свою жизнь браком.

Жили, как и все в послевоенные годы, трудно. Первое свое жилье получили в коммунальной квартире, где я и провел свои детские и юношеские годы, пошел в первый класс средней школы № 10 г. Рыбинска (преобразованной позднее в школу № 2). Как и все, пройдя первый этап

обучения (1962–1972), получил аттестат о полном среднем образовании.

Школьные годы – это первая учительница Ада Прокофьевна, первый классный руководитель Запорова Галина Николаева, новые друзья, одноклассники, новые заботы, занятия спортом (борьба – классика и стрельба), первая любовь, мечты и разочарования. Мир казался большим и светлым, и все еще впереди.

После окончания школы поступил работать на завод (современное НПО «Сатурн») в цех производственного оформления и эстетики по специальности художник-оформитель. Выбор специальности предопределили занятия в школе по предмету «рисунок и изобразительное искусство», после короткой практики мне был присвоен высший разряд маляра-художника. Коллектив был небольшой, но дружный. Старшие работники помогали мне в освоении данной специальности, которая впоследствии очень пригодилась в жизни (в армии служил в бригаде художников, оформлял ленинские комнаты, полковой музей и наглядную агитацию, в школе милиции – спецкабинеты, музеи школы, а также входил в состав школьной редколлегии). Чем бы я ни занимался дома, на работе, везде навыки художника давали свой результат. Это хобби растянулось на всю жизнь. Творчество – вот корень любой профессии.

Но судьбе было угодно послать мне новый поворот моей жизни. Открыл газету «Новости Рыбинска» и увидел объявление о наборе на обучение в области кинематографии. Я думаю, что профессия родителей – фотограф – наложила на это свой отпечаток. А результат – поступление в Загорский кинотехникум по специальности кинотехник. Заочная форма обучения давала возможность совмещать учебу с работой, но возраст (19 лет) обязывал отдать свой конституционный долг – всеобщая воинская обязанность. Так я был призван, параллельно обучаясь в кинотехникуме, во внутренние войска МВД СССР.

Служба проходила в родных пенатах. Полк В/Ч 6581 базировался в городе Ярославле, а батальон, в который я попал, – в городе Рыбинске (поселок Волжский). Основное направление – это конвоирование осужденных к местам содержания и внешняя охрана этих учреждений. Зона – это особый режим содержания, зэки – это те, кто попал на зону. Но для меня то, чем я занимался на гражданке, стало базой солдатских будней.

Художественная мастерская и особый статус давали мне много преференций – свободный выход за пределы части. Главное было – поставить в известность дежурного офицера и комбата.

Армейская жизнь – это новые друзья, новые встречи, новый опыт в профессии. Хотя все это уже в прошлом, память постоянно возвращает меня в те далекие годы. И на душе становится тепло от этих воспоминаний.

О России с любовью

*Россия! Сколько в этом слове!
Какой размах, какая стать!
Ей равной нет нигде на свете,
Другой такой не отыскать.*

*Куда бы ни занес мой жребий,
К каким ни вынес берегам,
Неразрешимую загадку
Храню в душе и не отдам.*

*Твои рассветы и закаты,
И трели звона соловья,
И перекаты Волги милой...
Россия! Ты – судьба моя!*

*Душа находит очищение,
Когда я говорю с тобой.*

*Всем сердцем предан я России,
Тебе я предан всей душой.*

*Ты помогаешь мне подняться,
Воспрянуть, выкинуть хандру.
Ты – ангел мой, ты – мой хранитель,
С тобой я говорить хочу.*

*Я мысленно всегда с тобою,
Не обойтись мне без тебя.
Судьбы другой не обозначаю,
О, Русь, великая моя!*
07.09.1999

Два года срочной и два года службы по контракту закончились завершением обучения в кинотехникуме и получением диплома. Демобилизация и опять встал вопрос – что дальше?

А дальше – новая ступень, новое решение. Газета... объявление... принимаем... набираем... в Таллиннскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР. Решение принято – вперед! Пройдено. Поступил. И началась новая работа длиною в жизнь.

С позиции сегодняшнего дня понимаешь: другого выбора и не пожелал бы.

Школа МВД – все снова, все сначала, только уже в новом качестве с определенными обязательствами. Присяга вторая: первая – армейская, вторая – милицейская. Помню, как сейчас, Таллинн, Вечный огонь, глаза будущей жены и слова, как сквозь сердце: Служу Советскому Союзу! Клянусь!

Тогда никто не мог даже представить, что мы получим удар в спину, нас сдадут. Предательство 1991 и 1993 годов, затем развал и почти полный провал. Экономика – на нуль, и чем дальше, тем глубже падаем, и только в 1998 году вдруг пришло осознание: поднимемся.

«Курску» посвящается

*Легли на дно, кругом темно!
А я пишу над пропастью вечности,
На краю у бесконечности.
Но я знаю: нас поднимут, нас найдут,
Весточку любимой принесут.*

*Как сердце стонет и болит душа...
О, Господи, как я люблю тебя!
Как не успел сказать тебе вчера,
Что я люблю! Люблю! Люблю тебя!!!*

*О, как нелепо расстаемся мы с тобой.
Наверно, так разложено судьбой.
Но, несмотря на роковой сей час,
Я благодарен ей за то, что есть у нас.*

*И уходя, смотря судьбе вперед,
Хочу сказать: не виноват народ.
Исполнен долг, и залпа вечный звон
Напомнит людям обо всем.*

*Письмо, которое отписано судьбой,
Получишь ты, о, Боже мой,
Не плачь, родная, не кори себя,
Любовь великая моя!*

*Мы встретимся на новом вираже.
Как благодарен я тебе!
Не досказал... Не долюбил...
А все же не напрасно жил!
23.08.2001*

P.S.

*Ей благодарен тем уже,
Что нас свела на вираже,
Что подарила мне тебя,
Любовь великая моя!*

*В пространстве растворяясь навека,
Я знаю, что опять найду тебя!
09.09.2001*

Встал у руля командир – и «Курск» подняли. А мы, оказавшиеся за бортом истории, поняли: только вперед!

Образование подрывали, но не сдали. Здесь, в прибалтийских государствах, нападки на русское образование резко усилились до такой степени, что необходимость его защиты выдвинула новые задачи сохранения русского языка и возможности получения образования на нем.

События на Украине 2014 года и удар в спину со стороны Турции в 2015 году подтвердили: это начало новой информационной атаки (необъявленной войны) со стороны Запада, попытка поставить Россию на колени. Но Россия уже не та, начался подъем в экономике, стал расти уровень жизни россиян, что вызывает у США и стран Запада неприязнь ко всему русскому. Именно присяга, данная каждым из нас, – вот тот стержень и начало, которые не сломить никому. В. В. Путин в своем послании Федеральному собранию от 01.03.2018 отметил: таких офицеров, как гвардии майор Филиппов, у них не будет никогда.

А как же школа? Таллиннская школа жила своей особой жизнью. В ее основе стоял коллектив единомышленников, понимающих и взявших на свои плечи ту ношу ответственности, которая была на тот момент необходима. Бывали в ней и светлые, значимые события, были, чего скрывать, и отрицательные поступки отдельных офице-

ров и служащих курсантского состава. Но центром всегда оставалась задача подготовки квалифицированных кадров для борьбы с преступностью.

Проходя по карьерной лестнице, рос и я от курсанта до старшего офицера МВД. Помню, как сейчас, 29 ноября 1978 года, сцена, вручение медали от имени Президиума Верховного Совета РСФСР, рукопожатие Евгения Васильевича Назимова (начальник ТССШМ МВД СССР) и слова – «Служу Советскому Союзу!»

Века? Да! В личном деле – галочка, а за ней – 23 года жизни, почти четверть века. Потом будут другие награды, медали и поощрения. Радости и разочарования. Но это – первая и, пожалуй, самая значимая и дорогая с позиции осознания своей значимости происходящего.

В этой связи хотел бы сказать, что награды, которые мы честно заслужили и носили их на своих мундирах, сегодня носить не принято. Но в дни торжеств, на День Победы 9 мая, День милиции и полиции 10 ноября, День защитника Отечества 23 февраля, они должны быть на груди тех, кто их заслужил, выполняя воинскую и милицйскую присягу. Орденские планки – не бижутерия, не украшение. Это дань нашему прошлому и настоящему, оценка наших заслуг перед родиной и страной, которой мы отдавали свои силы, свою молодость и любовь.

А национальность или гражданство здесь не имеют никакого значения. И как бы ни пытались забыть все те, кто сегодня ратует за суверенность и независимость, им не вычеркнуть из нашей памяти эту связь поколений. Связь, которая заложена еще со времен Петра, связь, пронесенная офицерским братством многих поколений как символ духа. Пора, я полагаю, на законодательном уровне закрепить это в современной России.

Георгиевская лента как символ эпохи стала интернациональной. Она венчала высшие награды героям как Первой мировой, так и второй – Великой Отечественной войны XX столетия. Она стала символом «Бессмертно-

го полка», объединившего память всех поколений. И мы, офицеры, ветераны, сохраняем эту память и с честью ее несем.

Позднее пришли награды сына, дочери и жены. Вручение ордена от имени президента Эстонии моей супруге Зайцевой Надежде. Фото на память. Пришли домой накрыли стол, а напротив весь ковер увешан медалями. И кубки на полках – это награды сына и дочери. Жена говорит: пора бы и ремонт сделать. Снял я все это богатство и поставил на весы – 3,5 кг металла, однако! Эпоха! Значит, жили правильно.

А школа? Более 250 выпускников ежегодно. Карта службы – вся страна. Помню, вызвал меня в кабинет Евгений Васильевич, вот приказ-задача: создать музей истории школы. Сможешь? Смогу. Эскизы, работа, учеба, семья... Сделано!

Музей школы мы создали буквально за шесть месяцев. Материалами для стендов стали архивы бывшего замначальника школы по политической работе полковника милиции Геллера Виктора Алексеевича. Он, как и начальник школы Назимов Е. В., также начинал службу в школе с должности начальника кабинета. Вот вам и преемственность поколений! Мой армейский опыт помог мне разработать эскизы музея и совместно с коллегой по курсу Гарбузом Алексеем реализовать давнюю мечту руководства школы. Его открытие состоялось в олимпийском 1980 году. Значимость этой работы несомненна.

Но на смену той эпохе пришло время перестройки как в стране, так и в системе МВД, время смены кадров в руководстве. Бездарность и недальновидность отдельных работников, а порой и национальный уклон привели на первом этапе к превращению музея в стенды коридорного типа, а в конце 1980-х – начале 1990-х – к полному развалу и списанию их за ненужностью.

Так стала разрушаться вся система, создаваемая годами. Библиотека с ее книжным фондом на русском

языке, сжигалась в печах школы вместе с углем, спецтехника списывалась и разворовывалась, спецлитература была вывезена в Финляндию в контейнерах как не представляющая никакой ценности для Эстонии и, как впоследствии выяснилось, была продана на аукционах за то, что на ней стояли архивные штампы бывших организаций КГБ и МВД.

Я описываю эти события, так как волею судьбы сам оказался на развалах нашей истории. Помню, как сейчас, мы ходили по бывшим кабинетам, заваленным книгами, с начальником цикла права Бабаком Валерием и с болю в душе собирали юридическую литературу, пытаюсь сохранить хотя бы то, что могло еще быть использовано в педагогической работе при написании лекций и методик. Но спасти все просто не представлялось физически возможным в тех условиях, когда были отданы указания уничтожить все русское. Эта национальная ненависть пришедших к власти партий сквозила как в политике, так и на всех этажах власти. Позднее вся эта эйфория (пена) сошла на нет. Эстония восстановила независимость, вошла в НАТО, а материалы по школе ушли в госархив, с которым мы сегодня работаем над данным изданием, дополняя свой субъективный взгляд на события, в которых сами участвовали.

Выпускные экзамены, экзаменационный вопрос Сергея Звонарева: подведите итоги значимости победы СССР во Второй мировой войне. Как давно это было и как рядом сейчас! Выпуск в год Олимпиады 1980, лейтенантские погоны. Назначение на первую офицерскую должность начальника спецкабинета оперативно-розыскной деятельности, новые задачи и главное – персональная ответственность за руководство специальной библиотекой, где главное – обеспечить учебный процесс необходимой спецлитературой и спецматериалами, находящимися в ней под режимом секретности (ДСП, «Секретно», «Совершенно секретно») – приказы, инструкции

рабочие тетради курсантов, спецфильмы, слайды и т.д. Все это требовало жесткого контроля и особого режима работы с ними.

За короткий период была реформирована материально-техническая база цикла спецдисциплин, возглавляемая полковником милиции Ратасепом Леонхардом Эриховичем. Коллеги-преподаватели Шарик Юрий Алексеевич, Шлык Всеволод Анатольевич, Капитонов Альберт Николаевич, Сойни Юхан Абрамович помогали и подсказывали, как лучше организовать работу кабинета и готовить материалы для обеспечения учебного процесса. Особую благодарность хотел бы выразить курсантам-«секретчикам» и лаборантам, помогавшим решать поставленные задачи.

За шесть лет работы в должности не было допущено ни одного нарушения. В личном деле – только поощрения от руководства цикла, школы и Министерства ВД Эстонии и Союза ССР.

Позднее, работая над архивными материалами школы, я узнал, что с этой незначительной должности в рамках учебного процесса начинал и мой будущий начальник школы полковник милиции Назимов Евгений Васильевич. В своей книге «Воспоминания о времени и о себе» он подробно описал, чем ему приходилось заниматься в те послевоенные годы, как он выполнял функции начальника спецкабинета. Практически заняв ту же должность, я занимался тем же, но с поправкой на новые нормативные материалы и требования, диктуемые временем.

Вместе со службой и ростом в званиях (старший лейтенант, капитан милиции) параллельно в 1982 году я поступил в академию МВД СССР на заочное отделение. Осваивать учебную программу было нетрудно, так как база по основным предметам была заложена еще в курсантские годы. Сильный состав преподавательского корпуса школы практически обеспечивал качество получаемых знаний. Я думаю, что это подтвердят все выпускники

школы, об этом свидетельствуют и отзывы руководства УВД с мест их дальнейшей службы. Школа по своему статусу являлась средней специальной в системе учебных заведений страны, но уровень подготовки ее выпускников был не ниже высших школ милиции. Так незаметно для меня пролетели пять лет учебы.

В 1987 году после торжественного выпуска я получил диплом, в котором стояли в основном отличные оценки при двух четверках. И это позволило мне получить в 1988 году новое назначение преподавателем на цикл уголовно-правовых дисциплин. Педагог – это уже новая ступень по служебной лестнице. Обучая других, я учился сам методике преподавания. Новый начальник цикла подполковник милиции Лайд Рейн Игоревич, беря меня на преподавательскую работу, предложил мне подготовить и выступить с лекцией, после чего сказал: «Учить сможешь – беру».

Хотя первым, кто озвучил мне эти слова, был мой профессор в Академии МВД СССР Бельсон Яков Михайлович, руководитель кафедры права. На экзамене по теории государства и права он вместо ответов на вопросы по билету, полистав мою курсовую работу, сказал: «Вам давно пора обучать других». У меня от этих слов словно выросли крылья, но преподавателем я стал только в 1987 году и, как ни странно, начал с лекции по теме «государство, право и коммунизм». Как говаривали в народе, вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

А как же на личном фронте? Судьба, как я полагаю, преподала мне на том фронте первый семейный опыт, но время все расставило по своим местам, я думаю, многие проходили через это. Наверное, это молодость, максимализм, но с годами понимаешь, что просто ты сам тогда еще не был готов брать на себя ответственность за семью. Как правило такие браки распадаются, и тот первый не выдержал испытаний. Заключение в 1974 году после призыва на срочную службу он распался в 1976

году. Дочь, Зайцеву Анну Вячеславовну 1975 года рождения за все время до достижения ею 14 лет я практически и не видел, не давали даже встречаться с ней, хотя алименты высчитывали исправно.

Но нет худа без добра. Круто развернув мою жизнь, судьба направила меня в Эстонию и подарила мне новую встречу. В 1978 году после поступления в школу милиции я пришел в школьный ансамбль «ЯНПЭК», который как правило играл на вечерах встреч, организуемых для курсантов школы. Те ноябрьские празднования 1978 года неожиданно для меня и для моей будущей супруги Надежды Рогачевой сложились во встречу двух пар глаз. Шли танцы, и мы встретились глазами, как потом говорила мне моя Надежда. Вот счастливчик, улыбается во весь рот. Я хотел было пригласить ее потанцевать, но подошла моя очередь выхода на сцену, и я потерял ее взгляд. Уже со сцены, играя на гитаре, я опять нашел ее и после этого не отпустил. Проводил до дома, а на День милиции 1978 года предложил руку и сердце.

Вот так началась наша долгая дорога. Пишу эти строки в 2018 году, а все это было, как вчера. Боже! 40 лет за кормой – штиль, шторма, «ванты» пополам и только в 2004 году – венчание, а главное, где! В центре русской духовности, в Сергиевом Посаде, бывшем Загорске, где когда-то я обучался киношному делу. Супруга вместе с подругой осенью 2004 года поехала в экспедицию по святым местам Руси. И вдруг – звонок в Таллинн, меня вызывают в Москву, и я еду. Встречаемся с Надеждой и принимаем решение венчаться. Встал вопрос: где? Я предложил поехать в Сергиев Посад. Доехали до храма. Прошли все таинства обряда и 7 ноября 2004 года обвенчались в соборе Петра и Павла, что на площади в центре, напротив Троице-Сергиевой лавры. Как в песне: вот, новый поворот, что он нам несет. Вышли из храма, пошли в лавру, а там толчея. Моя Надежда говорит: «Давай выходим, не дадим им расплескать нашу благодать».

Возвращаясь мысленно в прошлое, понимаешь, что все, происходящее с нами, – это не воля случая, а цепь событий, связанных друг с другом невидимыми нитями. Даже та первая лекция, первым слушателем которой была моя Надежда, переросла впоследствии в новый этап моей профессиональной деятельности – педагогику.

Подготовка к занятиям занимала много времени и требовала написания тезисов выступления на будущих лекциях, разработки рабочих планов и методик проведения семинарских и практических занятий. Но главным в данной профессиональной деятельности стало освоение и постоянное совершенствование методики их проведения.

За 25 лет (четверть века) мне пришлось пройти большую школу, и великая благодарность всем тем, кто трудился на этой ниве вместе со мной в школе милиции, а позднее – уже и в гражданских вузах. Среди них назову первых моих учителей: Витюшова Валентину Николаевну, Лившица Юзефа Максовича, Стуколкина Всеволода Николаевича, Лайда Рейна Игоревича, Звонова Геннадия Викторовича и многих других, чей опыт помог мне стать профессионалом, хотя этих званий и не присваивали, но оценку нашему труду давали, я полагаю, все те, кто прошел нашу школу, – наши выпускники. Каждый, кто вложил в нас частицу своей души, стал хоть маленьким, но значимым героем данного издания, а это уже дорогого стоит. Несмотря на то, что некоторых из них уже коснулся жребий судьбы они остались в нашей памяти и в наших сердцах на всю жизнь.

Методика проведения каждого занятия строится на множестве составляющих, но, наверное, главным всегда являлось наличие обратной связи с курсантами и слушателями. Как это определить педагогу, как поймать и не потерять связь с аудиторией, как научить их самим искать нужный ответ, находить следы преступления, правильно давать им оценку (квалификацию) для даль-

нейшего использования в доказывании виновности или невинности подозреваемого, как правильно на все 100 процентов квалифицировать содеянное, не заблудиться в трех соснах предполагаемого состава?

Мой коллега по цеху Рейн Лайд говорил на этот счет: «Никто и ничто не освобождает вас от изучения уголовного права», а Юрий Шарик, определяя тактику и методику раскрытия преступления, всегда опирался на опыт уже раскрытых дел и приговаривал: «Вот во времена моей оперативной юности мы строили свои действия по следующему плану».

В этой связи хотелось бы привести ряд примеров активизации работы слушателей на проводимых в милицеской академии занятиях профессором Бельсоном Яковом Михайловичем. Как-то на экзамене по теории государственного права слушатель ответил на первые два вопроса по билету и заявил, что он закончил ответ. Профессор, обращаясь к нему, спросил, а где же третий вопрос. На что слушатель ответил, что его нет в билете. Без тени смущения профессор выставил ему «отлично» по билету, а позднее уже в кулуарах спросил слушателя, куда же подевался третий вопрос, на что последовал ответ: он его отрезал бритвой. Да уж, воистину, голь на выдумки хитра.

Бывало в его практике и много других казусов, свидетелем одного из них я был лично. На сдаче госэкзамена по теории государственного права в академии милиции выпускница в звании майора милиции при ответе на вопросы вошла в ступор. Госкомиссия хотела было выставить «неуд», но председатель комиссии Бельсон Я. М. сказал членам: позвольте задать ей последний вопрос. «Голубушка, ответьте, между кем и кем была Русско-японская война?» Слушательница примерно тридцать секунд мысленно пыталась вспомнить ответ. На ее лобной части выступили капельки пота. Вдруг ее озарило, и она выпалила: «Между Россией и Японией!» «Вот види-

те, уважаемые коллеги, выпускница ответила на поставленный мною вопрос и поэтому заслуживает удовлетворительной государственной оценки». Позднее этот опыт я часто использовал в своей практике, когда видел, что аудитория устала и нужна разгрузка.

Хотел бы сказать о самой важной стороне нашего педагогического коллектива таллиннской школы – он не распался, не растерялся во времени и пространстве, в те трудные годы, которые выпали нашей стране – СССР. Практически уже к 1994 году большинство из нас вернулись в педагогику – в частные вузы Эстонии и филиалы (представительства) госуниверситетов России (МГИУ – Московский Государственный индустриальный университет, МГСУ – Московский Государственный социальный университет). Ряд сотрудников, выйдя на пенсию, продолжали трудиться в средних школах города Таллинна. Эти факты, пожалуй, еще раз доказали, что наша милицмейская кузница кадров являлась одной из самых сильных среди специальных учебных заведений системы МВД.

Мне, молодому педагогу, пришлось ко многим из этих дисциплин вернуться уже перейдя в гражданские вузы. Пришлось, как, думаю, и другим моим коллегам, осваивать новые предметы, как того требовали университетские программы, ведь готовых специалистов в Эстонии не было. Осваивать пришлось и педагогику, и психологию, и даже логику. И именно методика, положенная на практику, помогла мне в этом творческом поиске.

События той эпохи становления и развития государственных институтов определили мой дальнейший этап обучения. В 2002 году я поступил в аспирантуру МГИУ в качестве соискателя. В 2004 году сдал кандидатский минимум и стал собирать материал для написания и защиты кандидатской диссертации. Институт гражданства стал базой моей темы, и я думаю, не случайно. Он корнями уходил в далекое историческое прошлое не только

современной России, но и всех бывших республик, входивших в состав СССР. В период распада он потянул за собой немало проблем для многих соотечественников, оставшихся за бортом истории (более 30 миллионов человек).

Каждое государство самостоятельно и довольно-таки нестандартно стало решать эти вопросы. Кто-то выбрал нулевой вариант, например, в Литве: молчание – знак согласия на вхождение в гражданство. Эстония и Латвия избрали более жесткий вариант получения статуса гражданина, а ведь это люди и их семьи, права и обязанности, а главное – судьбы и их жизнь. Многих опустили за черту бедности, нет работы, отсутствие будущего у детей, запрет на получение образования на родном языке, потеря национального менталитета. Как все это сохранить, защитить, передать нашим детям, внукам и правнукам?

То, что сегодня происходит в современной России, нападки на нее со стороны Запада тот градус накала русофобии ко всему русскому отражается и нас, бывших офицерах МВД. Но бывших не бывает, и я полагаю, не зря мы ежегодно собираемся на 10 ноября, на 29 ноября и на 23 февраля. Вспоминаем всех тех, кто ушел, и поднимаем тост за нас, за тех, кто может сказать с гордостью «Честь имею!», за нашу школу.

Да, школа дала нам очень много, педагогический коллектив – это базис, костяк учебного процесса. Но не только им были заполнены наши будни. Уже с первого момента поступления в школу нас окружали те, кто обеспечивал весь учебный процесс, ведь школьная жизнь – это подчинение внутреннему распорядку. Взвод, командир взвода, классный руководитель – это закрепленный преподаватель, начальник курса, начальники и их замы по учебной работе, политической части, строевой подготовке, цикловая структура построения обучения (цикл ОРД, цикл общеправовых дисциплин, цикл криминалистики, цикл физической подготовки, цикл общественно-

исторических и политических наук). Обеспечение досуга – это клуб и библиотека, обеспечение формой – это ХОЗО. Финансовая часть, автопарк, оружейная служба, служба питания, кадры, секретариат, санчасть. Это целый корпус офицерского и вольнонаемного состава. Сколько их? Примерное соотношение – один к трем.

Наиболее значимым для каждого курсанта был начальник курса. Мой курс вел майор милиции Лугин Николай Николаевич, параллельный курс возглавлял подполковник милиции Журьяри-Осипов Владимир Александрович. Я с благодарностью вспоминаю Николая Николаевича. Он был строг, но все же «правильный мужик». Накладывая взыскание, он понимал, что ты же – человек.

Вспоминая то время в день 60-летия школы, он мне напомнил, как назначил мне наряд на разгрузку дров вне очереди (котельная и столовая работали на дровах и угле) за отсутствие в школе, я ведь тогда и не признался, что ходил на свидание к будущей супруге. Но спустя 30 лет ответил ему на его вопрос и благодарен ему, что он стал соавтором будущей четы Зайцевых.

Добрых воспоминаний заслуживает начальник клуба Мерзликина Вера Николаевна, да-да, родная сестра и тетя династии киноактеров Мерзликиных. Она умела организовать любое мероприятие на все 100 процентов, ведь именно танцевальная площадка сплела наши судьбы с моей Надеждой.

Эту же должность занимал с середины восьмидесятых капитан милиции Барбаш Анатолий Георгиевич. Он много сил и энергии отдавал организации курсантского и офицерского досуга и сегодня он постоянно в строю вместе со своей женой Надеждой как главный организатор наших ежегодных встреч. Та дружба и взаимопомощь скрепила нас и помогла выстоять в те трудные, но светлые по человеческому общению годы.

Особую значимость в школе имела физическая подго-

товка постоянного и переменного состава. Что важно для будущего и действующего офицера? Огневая подготовка и умение применять табельное оружие. Но для меня это переросло в стенах школы в новое хобби. Ежегодные выступления на внутренних, республиканских и межвузовских соревнованиях в системе МВД СССР привели к определенному результату – первый разряд, кандидат в мастера спорта СССР, выполнение нормативов мастера спорта, призовые места, победа команды школы на первенстве Управления учебных заведений МВД СССР. Это ступени профессионального роста, хобби длиною в жизнь.

А еженедельный спортивный день? Я думаю, все офицеры приходили в спортзал не по приказу, а по желанию быть в хорошей физической форме. Самостоятельная разминка, а затем каждый выбирал сам. Я выбирал настольный теннис, волейбол и стрельбу, кто-то качал мышцы, кто-то работал на ковре, отрабатывая подсечку и броски. Главное, что всех нас объединяло от лейтенантов до генерала – это здоровый образ жизни.

Наверное, я не ошибусь, если выражу общую точку зрения: в санчасть мы практически не обращались, поликлинику мы посещали один раз в год, проходя ежегодную диспансеризацию. У меня до 55 лет даже медицинской карты в поликлинике не было. А как же простуда или грипп? Лечился народными средствами, жена помогала быстро стать в строй.

Сегодня спустя 40 лет добрые слова хотел бы выразить в адрес руководства школы. Мне довелось служить под началом трех начальников школы. Первым моим учителем и наставником был полковник милиции Евгений Васильевич Назимов. Ему особая благодарность и мое посвящение.

*Моему учителю и наставнику,
Коллеге и соучастнику моей судьбы
Евгению Васильевичу Назимову посвящается*

*Мудрец Конфуций – Ваш хранитель,
Бог Шаусин хранит пусть Вас.
От всех невзгод, от всех напастей
Пусть счастьем наполняет ваш очаг.*

*И поздравляя юбиляра,
Желал ему от всей души
Здоровья, счастья и удачи,
И многих лета впереди.*

*По жизни сделано немало,
Сей ритм негоже Вам менять.
Года, как вехи, отмечая,
Идти вперед – ни шагу вспять*

*Вам многое еще по силам.
И я надеюсь, что сполна
Вы отдадите нам, юристам,
Коллегам и служителям добра.*

*Жить по законам этой жизни сложно,
Но путь, который Вы прошли,
Он ориентиром будет нашим,
Примером в нашем жизненном пути.*

*Еще раз поздравляя с этой датой,
Которая пришла, увы,
Желаю вам светить во всей вселенной,
Светить на этом жизненном пути!*

Евгений Васильевич Назимов сыграл в моей судьбе очень важную роль, оставив меня при распределении в

1980 году в стенах школы для дальнейшего прохождения службы.

После его выхода на пенсию на эту должность был назначен генерал-майор милиции Мартин Александр Михайлович. Главным в его руководстве, я полагаю, было то, что он не рубил с плеча и не разрушил тех традиций, той атмосферы офицерского братства, которые были сформированы Назимовым Евгением Васильевичем. Он был первым и на спортивной площадке, и в строю. К нему можно было обратиться по любому вопросу.

Я вспоминаю, как он сдерживался от смеха, просматривая стенную газету, изданную нашей редколлегией ко дню смеха (1 апреля). Размер газеты в 6 листов формата А1 позволял вместить много материала. Смех стоял – слышно было за сто метров. На следующий день был издан приказ по школе о материальном поощрении всех членов редколлегии, в которую входили: Сергей Звонарев, Владимир Блинцов, Эмилия Сергеева, Юрий Бондарь и автор этих материалов Вячеслав Зайцев. Вот вам и оценка нашего юмора!

Третьим моим начальником был подполковник милиции Сепп Владимир Августович, впоследствии ставший начальником школы полиции Эстонской Республики. Он также принял участие в моей судьбе – им было принято решение о выделении моей семье нового жилья (трехкомнатной квартиры). Это событие произошло в моей семье в 1987 году в год зайца, когда все сошлось в одну точку: и квартира, и получение диплома об окончании академии, и переход на преподавательскую работу. Хотите верьте, хотите нет, но что-то мистическое в этом присутствует.

Решение руководства школы о выделении трехкомнатной квартиры – это лишь верхняя часть айсберга, а в основе этого решения была очень жесткая борьба между членами жилищной комиссии школы. Как разворачивались события, я описывать не стану, так как это касалось

частной жизни моей семьи. Но то злое письмо, которое написала моя супруга в МВД СССР, дошло до политуправления органов внутренних дел СССР. Главного виновника развернувшихся баталий, председателя жилищной комиссии школы подполковника милиции Окка В. Ф. уволили из школы с понижением в звании до лейтенантских погон, хотя, я полагаю, за подлог документов нужно было возбуждать уголовное дело. Но для моей семьи главное – это получение трехкомнатной квартиры, в которой теперь живет моя дочь с внуками. А мы с супругой на выделенном под Таллинном участке построили двухэтажный дом, в котором живем и по сей день, принимаем гостей и друзей нашей семьи и радуем их своим вниманием и заботой.

За 3–4 года, оставшихся до всем известных событий, школа ежегодно продолжала производить новые выпуски молодых специалистов, но их качество определялось именно уровнем преподавания и той базой, которые заложил Евгений Васильевич Назимов. Ранее я уже отмечал, что структура школы строилась по цикловому принципу. Первым моим начальником цикла ОРД был заслуженный юрист ЭССР полковник милиции Ратасеп Леонхард Эрихович. Под его руководством я окончил Академию МВД и хотел поступать в аспирантуру, но судьбе было угодно выбрать другой вариант развития событий, и все пошло в том далеком 1987 году по другой схеме. Не зря в народе бытует поговорка – бог троицу любит.

Где-то внутри на тот момент запала обида, но, вернувшись к этому вопросу уже в новом качестве педагога новый начальник цикла уголовного права и общественно-правовых дисциплин, на который я перешел в 1987 году, подполковник милиции Лайд Р. И. предложил мне реализовать повышение карьерного роста в 1988 году. Однако изменения, начавшиеся в стране, не дали мне возможности реализовать эти планы, так как начался полураспад всей системы.

Фергана. Настал 1989 год. Школе как резерву МВД было предписано передислоцировать команду личного состава с боевым табельным оружием в эту горячую точку. Я полагаю, сегодня об этом можно говорить открыто, как в той песне: «Это было со страной, это было с нами». А из песни, как говорят, слов не выкинешь.

Наша школа в тот день несла службу по обеспечению правопорядка первого рокфестиваля, организованного в Эстонии на Певческом поле. Мероприятие, я скажу, было вызывающим с позиции марали. Наши курсанты спрашивали нас, как им реагировать на то, что они видели на том празднике «любви по-французски», на что мы говорили: вам дан приказ обеспечить неприкосновенность проникновения на объект. Я считал это аморальным, но противостоять той вакханалии мы уже не могли. Все понимали, что это провокация западных спецслужб, которые только и жаждали социального взрыва в обществе.

Вот вам логика и цепочка той необъявленной войны, которую нам навязал Запад. И как потом выяснилось, это было лишь прелюдией того, что происходит сегодня, в 2018-м. Так и хочется спросить, а когда же наступит конец этому мракобесию.

*Майдан поднял страну, поднял народ
Борьба великая идет.
А на войне, как на войне,
Стреляют по своей стране,
Стреляют в братьев, в матерей,
Стреляют в собственных детей,
Бомбят свои же города.
Горят дома, горит земля,
Горит Луганск, горит Донбасс.
И кто за это им воздаст?
Сгоняют собственный народ
С родной земли, что в них живет,*

*Стирают память о стране,
Что их взрастила на Земле.
А кто же в этом виноват –
Обама или их сатрап?
И что Европе до хохлов?
Россия – вот предел грехов.
Нам мстят за Крым и за Кавказ,
Пытаясь все взвалить на нас
За то, что мы вернули для страны
Мечты о счастье, о свободе и любви
К своим корням, отцам, дедам,
К своей земле и матерям,
За то, что мы поднялись с колен,
Подняв знамена перемен.
А чем закончится гражданская война?
История на это нам дана –
Когда политики поймут
И мир народам принесут.
Ведь все мы – гости представители Земли,
Посланцы Космоса, Всевышнего сыны.
Великая дуэль добра и зла.
Добро непобедимо никогда!*
04.09.2014

Но в тот момент мы не дрогнули. Приказ и верность присяге – вот те начала, которые лежали в основе наших действий.

Вспоминаю ту ситуацию с болью в душе. Поступил приказ о снятии школы с данного мероприятия. Загрузились в автобусы. Едем мимо дома. Я прошу майора милиции Блинцова В. В. разрешить заскочить домой на одну минуту. Он, понимая всю тяжесть ответственности, ответил: решай сам, ты – офицер. Тогда мобильная связь нам еще и не снилась. Заскочил домой, а там – тишина, схватил оперативный чемодан, благо такие имелись у каждого офицера, и бегом на трассу. Вижу, навстречу

идет моя Надежда с подругами и о чем-то смеется – о своем о девичьем. Наши глаза встретились, как тогда на танцплощадке, и она как жена офицера все поняла, прочитав мой взгляд. Но время уже диктовало обратный отсчет. Выскочил на трассу, взмахнул рукой (я был в форме сотрудника милиции) и уже в машине услышал вопрос шофера: «Командир, впереди затор, что делать?» Команда. Встречная полоса. Мигающий сигнал. Внутренне понимал, что так нельзя, но обстоятельства требовали жестких решений. Уже через десять минут мы прибыли к месту расположения школы. Оружейный парк, пристрелянный под меня автомат Калашникова, с которым я побеждал на соревнованиях, ПМ в кобуре. Все по стандарту. И только встав в общий строй, внутренне дошло – успел.

Командовал операцией подполковник Шкаперин Николай Иванович. Он объявил, что в бой пойдут только добровольцы. Из всей команды из 130 курсантов только один остался на месте, я не хочу называть его имени. Все остальные, даже взвод эстонских курсантов, не прошедших срочной службы, не отвернулись от данной ими присяги.

Я довольно-таки большое внимание уделил этой ситуации неслучайно. Это, я думаю, было проявлением интернационального долга, той меры ответственности, которая была присуща нашему постоянному и переменному составу, как и всему советскому народу той страны, которую мы потеряли в те исторические дни. Как позднее я узнал от офицерского состава, данный эпизод стал известным министру МВД СССР генералу Бакатину (бывшему министру строительства), который устно на доклад начальника школы публично заявил: «Расстрелять!» Вот вам и строитель будущего коммунизма, как говорила моя тетушка! Коммунизм скоммуниздили коммунисты!

При всей сложности ситуаций, которые возникали периодически в школе, центральным звеном повсед-

невной жизни продолжал оставаться учебный процесс подготовки будущих специалистов розыска и профилактических служб милиции. Ежедневный труд всего педагогического состава венчали госэкзамены с позиции овладения теорией, но особое место уделялось и практике. Ежемесячно курсанты участвовали в мероприятиях, проводимых на местах отделами внутренних дел города, а перед выходом на госэкзамен школа проводила оперативно-тактические учения. Преподаватели ОРД и криминалистики разрабатывали планы их проведения, а практические работники и слушатели участвовали в качестве статистов. Розыск предполагаемых преступников, отработка и осмотр мест совершения преступлений, фиксация и изъятие следов, составление документов, задержание подозреваемых – в общем, все, как в реальной жизни. В итоге все подтверждалось единой оценкой в дипломе.

Уже позднее, когда я ушел на гражданку, работая в гражданских вузах, я видел, что студентам не хватает главного – это практики. Восполняя этот пробел, я и мои коллеги по цеху организовывали практические занятия. Вот где пригодился опыт их проведения в школе милиции. Завести и довести до реализации макет уголовного дела, откатать пальчики в дактилокарте, сводить группу в тюрьму. После посещения этих мест они начинали оценивать реальность быть свободным по-другому. Вот вам и профилактика!

Когда-то, выходя на практику в отделы, будучи еще сам курсантом, я учился у практических работников выявлять карманников. Как-то уже в зрелые годы едем с семьей в центр города на трамвае. Смотрю, в первую и среднюю двери входят по двое молодых ребят. Я супруге говорю: смотри, сейчас начнут щипать сумки. Глаз у меня наметан, сразу вычислил этих «щипачей». Пристроился один из них передо мной, прикрыл свои действия плащом и начал в такт трамвая прощупывать

свою жертву. Я же имитирую толчки, мешая ему. Поймал он мой взгляд и, думаю, сразу все понял. Соскочили они на остановке, так и не доведя до конца свои намерения. Жена спросила: а задержать слабо? Я ответил, что главное в этом – не само задержание, хотя был бы я помоложе, думаю, сил бы хватило, а фиксация факта задержания с поличным.

Вот это самое трудное, они, как в цирке, разыграют такой спектакль на публику, что диву даешься. Поэтому для борьбы с карманниками как правило работают группами. Да сколько по жизни было случаев! Наверное, это профессиональная чуйка, которая никогда не подводит.

Пишу об этом и ловлю себя на мысли – это еще цветочки. Можно на ровном месте попасть или вляпаться, как говорят, в такое дерьмо, что и врагу не пожелаешь. Попасть под уголовный состав. Это элементарно, доктор Ватсон, как говаривал герой сериала о Шерлоке Холмсе.

Вызвали как-то меня в отдел полиции. Прихожу, а там мой выпускник школы заявляет: в отношении вас, Вячеслав, заведено уголовное дело по статье «хищение в особо крупном размере». И пошло, и поехало, обвинение за обвинением, вплоть до покушения на убийство. В общем, разбирательство затянулось почти на 6 лет. Я думаю, именно знания и умения правильно оценивать ситуацию, приобретенные в школе, помогли мне снять все эти обвинения. Чем же все закончилось? Как ни парадоксально, дело дошло до самой высшей инстанции судебной системы Эстонии – Конституционной коллегии Верховного Суда ЭР. Действия Государственного прокурора решением этой коллегии были признаны противоречащими конституции, и Госпрокурор вынужден был подать в отставку. Вот где сила закона сработала бумерангом по системе. Но сколько внутренних сил потребовалось противопоставить этому беспределу и безграмотности отдельных работников системы!

Гонки по вертикали

*Очередь назначили,
Что-то опять хотят?
Наследство не обозначено –
Где юридический ряд?*

*Вывели аксиому,
А доказательств нет.
Ушедших права присвоили.
Как же найти ответ?*

*Судебной системой прикрылися,
Корпоративно шурша.
Обвинить решился,
В спину удар нанося.*

*Однако ветер сменится,
Правда выйдет в свет,
Водолей поднимется –
В этом сомнения нет.*

*Выпрямится, расправится,
Стряхнет трухи завет.
Как Окуджава, выкрикнет:
«Прошлого больше нет!*

*Молитвою назначено,
Музою прощено.
Жизни предел, однако,
Решать им не дано.*

*Скользя по вертикали,
Скорости не теряй!
Траектории вектор
По жизни не меняй!*

*Может, саморастратился?
Такое не про нас.
Их библиографию
Выведем в анфас.*

*Знаю: все получится.
Горизонт открыт.
Муза непослушная
В зале суда зазвучит.*

*Правда восторжествует,
Смывая тяжесть с души.
Гонщик по вертикали –
В жизни такие нужны!*

*P.S.
Жизни аттракцион
Проходим сегодня мы.
Гонки по вертикали –
Значит, они мне нужны!
13.05.2003*

Позднее, как и в те далекие школьные годы, так уже и в зрелом возрасте, я всегда учил своих курсантов и слушателей: не путайте уголовный состав с железнодорожным – прокатит по жизни так, что мало не покажется. Наделенные особой властью применить закон, оставайтесь всегда людьми, ведь те, чьи судьбы находятся в ваших руках, такие же люди как и вы сами. У них есть такие же права, право на защиту в суде и самооборону.

Пройдя в молодые годы службу в конвойной системе, повидав в тамошних местах столько, что рассказывать хватит на всю жизнь, понял главное: буква закона всегда должна быть выше любого должностного лица. Это не мои слова, это слова президента России Владимира Путина, и я с ними солидарен и как юрист, и как человек.

Из таких вот, казалось бы, мелких случайностей складываются милицейские будни. Учеба, госэкзамен, а затем – жизнь, которая ошибок не прощает. Как минер – он не имеет права на ошибку. Мы идем бок о бок с героями и не подозреваем, что они рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Служил во вверенном мне взводе курсант Оскерко Николай, прибывший из Карелии. Успеваемость средняя, знаниями не блистал, но в том далеком 1989 году он также стоял в строю, готовый выполнить приказ командования. Позднее, за день до выпуска, правительственная награда (орден Мужества) догнала героя. Проходя службу в Афганистане, он попал в плен. Моджахеды поставили его и еще одного солдата к скале и предложили принять исламскую веру, но верность воинскому долгу была ответом. Затем прозвучала автоматная очередь, брызги крови, но волею судьбы он выжил. Главарь отряда террористов приказал его отпустить и наказал ему рассказать русским, за что они воюют. Пройдя эти круги ада, он, вернувшись на гражданку, принял твердое решение и надел милицейские погоны.

Позднее, после выпуска молодых лейтенантов, мы поздравляли их. В актовом зале присутствовала моя супруга. Не знаю, но как-то так сложилось – эта встреча оставила в моей душе благодарность на всю жизнь. Она, зная, что нам предстоит вылет на ту необъявленную войну, высказала свою тревогу о том, что могло произойти там, в Фергане. А он ей ответил просто, без купюр: «Вы не переживайте, все это эмоции. Там, на войне, об этом некогда думать. И если бы встал вопрос, то он первым бы прикрыл командира». Я запомнил эти слова на всю оставшуюся жизнь.

Готовность к самопожертвованию – это национальная черта русского народа, но Западу этого не понять.

Прошло от тех событий всего 15 лет, и неожиданно для членов моей семьи пришло приглашение из канцелярии

президента Эстонии. Моей Надежде в тот праздничный день для Эстонии вручили награду – орден Красного Креста 4-й степени за спасение четырех несовершеннолетних детей. Президент ЭР Леннард Мери, вручая ей эту награду, сказал одну фразу: «Горжусь вами!»

Да, воистину героями не рождаются, героями становятся. Я думаю, рассказ о них необходим. Легко сказать, но сделать этот шаг решается не каждый. Вот это и важно передать нашим внукам и правнукам. Сила духа – вот основа таких поступков.

Наступили 1990-е, «полковое» знамя школы было передано в архив МВД СССР. Настал период перехода в новую реальность нового времени. Парад суверенитетов, перевод подготовки новых специалистов на новые программы в деле борьбы с преступностью. На базе школы была образована другая структура (полицейская академия), в которую нам, офицерам милиции, сложно было вписаться. Каждый определял свой путь сам. Одни ушли на гражданку, другие – на пенсию. Ряд офицеров перешел в полицейскую структуру. Это было трудное и тяжелое время для всех, но нужно было как-то выживать.

С болью и надеждой

Была страна – теперь уж нету.

Как больно в сердце отдалось!

Да, мы заложники системы,

В которой жить нам довелось.

Как время круто развернуло

И седина пришла к вискам,

Как мы тогда не замечали,

Что уготовано всем нам.

*Живем сегодня, не считая,
Но однозначно – не в раю.
Куда идем, сказать хочу я
И жизни перст благодарю.*

*России символ вдохновения
Взойдет опять. Я верю вновь,
Ее спасут – я это знаю –
Надежда, Вера и Любовь!
01.06.1999*

Кто виноват и что делать

*Виноваты ли те, кого выбираем,
Виноват ли народ, за который страдаем,
Виноваты ли мы, что страна развалилась,
Виноват ли ты, что эпоха сменилась?*

*Разворот судьбы в этом мире сейчас.
Обозначило время в каждом из нас,
Раскрутило так, что скулы свело.
А Россию растаскивает воронье.*

*Как ответ найти на извечный вопрос,
Что же ждет нас еще и куда всех несет.
Как страну возродить, как с колен поднять?
Знаю – должен об этом сказать!*

*А ответ очень прост, тривиален по сути.
Все имеет свой круг, обозначен судьбой.
В бренном мире все возрождается вновь.
Побеждает зло лишь только любовь!*

*Нет вины ни в ком, кто пришел в сей мир.
Да велик будет тот, кто его нам открыл.
Пусть тепло души согревает его.
Знаю – каждому это дано!*

P.S.

В этом мире нужно жить и побеждать!

22.12.2000

Я первые годы продолжал обучать в стенах школы – на курсах переподготовки полицейских в статусе вольнонаемного лица. Затем перешел в частные вузы и представительства государственных вузов РФ. Работал директором Ярославского Государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ), которое готовило специалистов в области психологии и педагогики для школ Эстонии.

Педагогическая стезя – это, пожалуй, та нить, по которой пошли и мои дети. Мой сын Евгений нашел себя в тренерской работе. Занятия дзюдо стали не просто хобби, а переросло в профессию. Он окончил в 2004 году названный университет по направлению физической культуры и спорта и в дальнейшем стал тренером по дзюдо в клубе «Пыхья-Коткас».

Дочь Зайцева Ирина Вячеславовна, завершив три курса ЯГПУ по специальности педагогики и психологии, получила диплом о неполном высшем образовании и ушла в декретный отпуск. Она сейчас – многодетная мать, подарила нам четырех внуков и стала заниматься их воспитанием. Это, я полагаю, самая трудная и тяжелая работа, однако очень важная и значимая для семьи и для общества.

Дочь Анна (от первого брака), окончив Костромской педагогический университет им. А. Некрасова по специальности «изобразительное искусство», стала учителем в школе города Рыбинска. Об этом свидетельствует и аттестационный лист. В 2006 году она была признана на конкурсе педагогов лучшей по профессии в Ярославской области.

Профессия – профессионал.

Призвание – учитель.

Вот вам и преемственность в историческом понимании событий!

А мы с любимой Надеждой живем и радуемся за всех нас. В общем, статус «ветерана» коснулся и наших седин, но в душе продолжает звучать молодость.

И ловишь себя на мысли, как в той песне:

Если б снова начать,

Я бы выбрал опять

Бесконечные хлопоты эти!

Работая над материалами для этой книги, я нашел в своих записях лист от 29 ноября 2001 года, в котором писал: мы не стали высшей, но готовили по высшему разряду. Среди наших выпускников, разбросанных по одной шестой части суши и за ее пределами, работали и продолжают работать тысячи наших питомцев, выпускников на всех уровнях и этажах всех ветвей власти. Если бы представилась такая возможность, то мы могли бы созвать съезд наших выпускников. Однако время раскидало нас, и каждому, как и самой стране, выпали свои испытания. Кого-то уже нет с нами, но главное, что мы продолжаем встречаться, общаться, сохраняя дружбу и верность традициям, заложенным в те далекие годы, когда была основана школа.

Через нашу Таллиннскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР прошло не одно поколение. Это – наша история, и каждый вложил в нее свою лепту. И очень важно, что мы сохранили в себе чувство верности и гордости за наше учебное заведение. Наша история – в нас, в том, что мы делали и делаем сегодня. Удачи, счастья всем вам! И помните, что звонок от каждого, кто прошел эту школу жизни, – это праздник для души. Значит, не зря надели мы наши погоны, которые не только приказывают, но и обязывают!

В этой книге собрана история четырех поколений, и у каждого из них – своя память, свои отношения к тем событиям, в которых им довелось жить и служить. Но глав-

ное, что всех нас сегодня объединяет, – это те традиции, которые заложили наши предшественники. Те, кто прошел нашу милицейскую школу.

Перелистывая пожелтевшие от времени страницы документов (приказов, справок, отчетов), я ловил себя на мысли, как это было недавно и в то же время давно. Многих из них я знал лично, а о многих из них написали мои коллеги по цеху. Более 12 тысяч выпускников – это главный итог деятельности нашей школы. А если отмерять армейской иерархией, этот (забытый) полк выпустил в жизнь целую дивизию обученных специалистов, которые, я думаю, дополняют нашу книгу памяти.

Я в этом уверен!

Из цикла «О России снятся сны»

*Извечная дуэль Добра и Зла.
В ней нет побед, есть только божья милость.
Великой драмы жизни нет конца,
Одна лишь вера в «справедливость».*

*Так встань со мною на ступеньку
И загляни в мои глаза.
Где тот предел во временном пространстве,
Где тот предел и где же та черта?*

*Просто время еще не настало,
Знаю, поезд еще не прошел.
Жизнь беспечной казалась когда-то,
Но другой не желал бы потом.*

*Все имеет предел измерения,
В бесконечном движении скользя,
Уходящее поколение.
А иначе, наверно, нельзя.*

*Парадоксов невидимый гений
Разложил нам настолько вперед.
Все сюда мы на Землю вернемся
В неизменный круговорот!
18.07.1999*

*P.S.
И представ опять пред Всевышним,
Будем снова искать ответ,
Что мы есть в бесконечности жизни
И зачем мы пришли в этот свет.*

*И, познав то великое таинство,
Перейдем в состояние звезды,
Чтоб другим освещать дорогу,
По которой сами прошли.*

*И, как солнце, светить беспрестанно,
Согревая души полет,
Побеждая зло и хамство,
Поднимая Русский народ!
20.03.2001*

Взрывая время и пространство

*Вся наша жизнь, как взмах крыла,
Как всплеск волны, искры мгновенье.
Вплетает навека судьбы рассказ
Земли очередное поколение.*

*Теперь я возвожу приказ:
Бессмертие души – горение,
Дарить тепло, творить добро.
И в этом есть ее предназначение.*

*Я знаю: в этом мире все не зря.
Что наша жизнь? Земное притяжение.
Боготворить готов ее,
Благодарить за вдохновение.*

*Судьбою каждому по ней
Отмечено свое знамение.
А звезды зажигают вновь и вновь
Души прекрасное мгновенье.*

*И радость наполняет небеса,
И вся Вселенная под нами.
О, как прекрасен этот мир,
Хотя и создан он не нами.*

*Любовь земная соткала его,
Божественной руки прикосновение.
Мы сохранить обязаны его.
И в этом – наше назначение!
13.04.2000–09.05.2002*

*Взрывая время и судьбу,
Я сквозь века по ней иду,
Сплетая нити серебра
Судьбы земного полотна!
2003*

*P.S.
Жизнь – это профессия.
И выживают в ней только профессионалы.*

Художественная самодеятельность в дни службы.

Молодой лейтенант Вячеслав Зайцев.

Вторая присяга. Таллинн, у Вечного огня.

На занятиях. В окружении курсантов.

Музей ТШМ и его создатели Вячеслав Зайцев и Леонид Гарбуз.

Молодые капитаны, выпускники академии.

Семейное фото Зайцевых.

Вячеслав Зайцев с супругой и коллегами.

В учебном центре МВД Эстонской Республики.

МИНИСТЕРСТВО ВУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
№ 131504

Зайцев
Вячеслав Александрович
род. в 1930 г.

Возрастные группы	Дата и место поступления в службу, наименование и номер приказа по назначению в эту службу	Возрастные группы	Дата и место поступления в службу, наименование и номер приказа по назначению в эту службу
Служба в органах внутренних дел	1948 г. 12.12.1948		
Назначение в службу	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		
Возрастные группы	1948 г. 12.12.1948		

(подпись) _____

Послужной список и спортивная награда.

Начальник ТШМ Назимов вручает первую медаль.

Супругу награждает орденом президент Эстонской Республики.

Семейное гнездо Зайцевых.

На юбилее у Назимова.

Вячеслав Зайцев с коллегами.

ТШМ МВД СССР

ЗВОНОВ
ГЕННАДИЙ
ВИКТОРОВИЧ

С КУРСАНТАМИ И КОЛЛЕГАМИ МНЕ ВЕЗЛО

Родился я 25 августа 1948 года в Вытегорском районе Вологодской области. Точное наименование деревни, где родился, – Лема, в ней всего около 10 небольших домиков. В настоящее время и их уже нет.

Эта деревня находилась в 25 километрах от районного центра. Когда вокруг деревни было много леса, жизнь в ней бурлила. Лес вырубали и вывозили до районного центра, далее – по воде в Финляндию или в другие страны Европы. Лес в тех местах очень хороший, в основном строевые ели и сосны. Люди жили довольно хорошо по тем временам, так как за лес платили. Работники леспромхозов не бедствовали, так как помимо хороших зарплат для них были отдельные магазины, которые снабжались очень хорошо, в особом порядке.

В деревне Лема отец и мать работали в медпункте, отец – заведующим, мать – медсестрой. Медпункт обслуживал несколько близлежащих деревень. Это были только дневные приемы фельдшером и медсестрой и вечерние визиты к больным домой. Район деятельности медпункта в диаметре составлял 25 километров. Часто приходилось оставаться дома только детям, так как родители были на вызовах – то в одной деревне, то в другой. Пока мне не исполнилось пять лет, нас, детей, было двое. В 1953 году родился младший брат – Сергей.

О раннем детстве у меня довольно скудные воспоминания. Помню старушку, у которой мы арендовали часть дома для семьи и медпункта, козье молоко с картошкой, саблю мужа этой старушки, приезд своего дяди, мамин

ного брата в военной форме (старший лейтенант), тогда как раз было большое сокращение армии. Он приехал навестить сестру после сокращения из армии. Приехал на пролетке, двухколесной телеге, в которую была запряжена лошадь. Так как у дяди Петра были золотые руки, он пошел в среднюю школу учителем труда, где и проработал до пенсии. Конечно, его жизнь пошла не так, как он планировал. Он мечтал быть кадровым военным, и это у него хорошо получалось. Не пришлось ему остаться военным, так решили властные органы, сократив армию. Об этом дядя жалел до конца своих дней.

Недалеко от нашего дома протекали две речки, в них мы ловили пескарей, хариусов, а иногда – и лосося. По этим же речкам весной проходил сплав леса. Вязали большие плоты и весной отправляли в низовья рек, где его перегружали на баржи. Плотом можно было очень дешево и довольно быстро отправить лес по назначению. Сплав проходил только весной и в начале лета, пока реки были полноводные.

В речках мы также купались. Плавать умели все. Учили нас плавать, бросая с моста в воду. Было не очень приятно новичкам. Бегали босиком, берегли обувь, да и бегать было легче. Никаких больших повреждений на ногах не было, хотя бегали и по песку, и по камням, и по траве.

Это были беззаботные годы. Мы играли в прятки, войну и в «попа». Это такая игра, что один водит, другие пытаются ударить палкой по «попу», чтобы он улетел как можно дальше, чтобы за это время успели сбегать за своими битами. Если все биты за линией, тот, кто водил, имел право «попом» попасть в чью-то биту, после чего тот становился водилой.

Деревушка стояла на холме. Очень живописные там места, много холмов, густой лес, большей частью хвойный. Население занималось заготовкой древесины. Сельским хозяйством там не занимались. Были личные огороды, только для себя.

Когда мне исполнилось семь лет, в семье уже было трое детей. Семья переехала еще глубже в тайгу – в деревню Ундозерский Погост Вытегорского района, так как там была школа, а мне надо было учиться.

Эта деревня находилась и находится в 50 километрах от районного центра. Вокруг Погоста было еще несколько деревень: Ежезеро, Мишино, Пантелеево, Бараново, Бабино, Куштозеро, Захарьино, Остров. Эти деревни обслуживала в части получения образования школа. Она была 8-летняя, то есть давала неполное среднее образование.

В данную школу я поступил в 1955 году. Здание школы было одноэтажным, длинным деревянным домом. В отдельном здании располагались начальные классы – с первого по четвертый. Школьные здания и еще некоторые постройки, в том числе и жилые дома, были обнесены забором, называлось это место школьным городком. В этом же городке был интернат для детей из деревень, которые находились на расстоянии 10 и 12 километров от Ундозерского Погоста. Почему такое название дали этим домам, никто не знал.

В этой деревне население занималось животноводством, рыболовством. Был небольшой маслозавод, который производил масло из колхозного молока и молока, которое были обязаны сдавать те, кто имел своих коров. Корову держать было очень трудно, так как чтобы на зиму заготовить сено на одну корову, надо было сдать в колхоз сено на двух коров.

Учиться было не очень трудно, хотя из-за того, что классы были очень маленькие, часто спрашивали, поэтому приходилось учить уроки каждый день. В младших классах было по два-три ученика, так как кроме Ундозерского Погоста начальные классы были и в других деревнях. А с 4-го класса было уже до 10 учеников.

Из учителей помню Федотову Екатерину Николаевну, Батаева Николая Ивановича, Борькина Михаила Петро-

вича. Немецкий язык преподавал бывший военный, который и сам языка практически не знал. На физкультуре занимались на школьном стадионе, зимой – на лыжах по озеру.

Школьные годы прошли как-то незаметно, хотя запомнился сельский труд: заготовка сена, уход за животными и поливка огорода. Иногда я ходил в лес за ягодами и грибами, но чаще – на лодке на рыбалку, и это у меня неплохо получалось. Я снабжал семью хорошей рыбой, так как знал много хороших мест для рыбалки. Эти места мне показал муж моей учительницы Федотов Иван Евминевич, который был на рыбалке ежедневно. От рыбалки я получал большое удовольствие. С большим удовольствием выуживал крупных окуней и щук. Окунь были до 1 кг весом, а щуки – до 8 кг. Правда, мне не очень нравилось потрошить и мыть свой довольно большой улов.

Из бывших соучеников я практически ни с кем не встречался со времени окончания школы, так как уехал в Эстонию, где жили моя бабушка – Звонова Ольга Антоновна и тетя – Ражева Зоя Викторовна. Бабушка очень хорошо ко мне относилась, поэтому я больше общался с ней, чем с тетей. Приходил к бабушке в гости пить чай, а иногда принимал там ванну. В общежитии, где я жил, ванны не было, только душ.

Беседовали мы с бабушкой и о жизни. Она многое знала, так как прожила довольно большую и сложную жизнь. Она родилась в 1890 году. Пережила несколько революций и войн. Много путешествовала. В последние годы жила в Таллинне.

В Ундозерском Погосте были магазин, больница, сельсовет, пекарня, клуб. В клубе иногда показывали фильмы. Работала киноустановка от движка, работающего на бензине. Часто он не заводился, и фильм отменяли. Детей не всегда пускали в клуб для просмотра фильма. Часто мы это делали тайком. Иногда смотрели фильм из будки киномеханика.

Вытегорские места славятся большим количеством озер, причем часть из них карстового происхождения. То есть они периодически пропадают вместе с рыбой, потом снова появляются. На берегах озер были деревянные домишки. Они стояли очень долго, 50 или даже 100 лет. Окна были маленькие, чтобы легче было сберечь тепло. Отапливались домики дровами, которых на год надо было очень много. Я с братьями их пилил, колол и складывал в большие поленницы. Зимой приходилось также расчищать дорожки, чтобы можно было подойти к дому.

К нам часто приходили жители за медпомощью. Отец часто ездил на лошади верхом на вызовы к больным. Иногда ходил пешком, хотя он сильно хромал. После ранения нога была неправильно составлена и была короче другой на 10 сантиметров. В 1963 году ему пришлось сделать операцию. Очень сложная была операция, но после нее нога была короче другой только на пару сантиметров. Ходил он уже без палки, но хромал. В сложных случаях отец вызывал санитарный вертолет, встречать который сбегалась вся деревня.

Готовили еду в русской печке или на керогазе, который был далеко не у всех, так как нуждался в топливе и стоил дорого. Дрова для печки заготавливали сами. Примерно с десяти лет я уже сам ездил на лошади в лес, чтобы нарубить дров и привезти их домой. Это было не так легко сделать в глубоком снегу. Чай пили только из самовара, который кипятил воду на углях. Угли готовили сами с помощью тушилки, куда бросали горящие угли из печки. Крышка закрывалась плотно, и угли постепенно затухали. В самоваре варили и яйца по утрам, на завтрак.

У домика был небольшой огород для картошки, лука, чеснока, моркови, свеклы. Часто вспоминаю, как носили воду для полива. Это был тяжелый труд. Братья всегда спорили, кому носить воду.

Много воды надо было и для бани. Ходили мы в баню, в которой также мыли больных из больницы. Эта баня

официально числилась за больницей. Больница находилась в двухэтажном деревянном здании, а баня была отдельно, метрах в 50 от больницы. Особенно тяжело было с водой зимой, надо было прорубать прорубь, а это нелегко.

Время было довольно суровое, жить было трудно. Лучше было охотникам и их семьям, так как у них часто бывало мясо. Но охотились не все. Мой отец не охотился, на рыбалку, правда, ходил. Зимой питались солониной, то есть мясом, которое солили в деревянной бочке на весь год, после того как забивали телят. Рыба была для питания часто. Очень хорошо помню сушеную в русской печке рыбу, из которой варили суп, называемый в тех местах сушкой. Иногда мама пекла пышки, пироги с рыбой и даже калитки. Это тонкие листы из ржаного теста, в которых была каша, картошка или толокно. Мне больше всего нравились калитки с толокном. Чай пили с сахаром в прикуску. Большие куски сахара разбивали молотком, затем раскусывали специальными кусачками и мелкие кусочки складывали в сахарницу. Эти кусачки именовались щипчиками.

Практически все деревни были на берегах озер. Озера были и транспортной артерией, и давали питание в виде рыбы. И, конечно, они же были источником водоснабжения. Вода в озерах очень чистая. Пили ее в сыром виде, и не было никаких болезней.

Такие озера встречаются там, где местность сложена известняками – слабо растворимыми породами, а с поверхности перекрыта ледниковыми или иными нерастворимыми породами небольшой мощности. Вода, растворяя известняки, образует в них полости, а просачиваясь сквозь нерастворимые породы, формирует воронки просасывания с поглощающими отверстиями на дне. Местное население называет их пучинами, а научное название – поноры. Вода уходит в поноры до тех пор, пока поглощающее отверстие как пробкой не закупорит глина. Ворон-

ка заполняется водой, которая поднимается все выше, постепенно наполняя котловину озера. Проходит какое-то время (иногда несколько лет), вода размывает возникшую пробку и уходит из воронки подобно тому, как она вытекает из питьевого бачка, если открыть в нем кран.

Глубина озер достигала 6–7 метров. По краям озер росла осока, середина была свободна от растительности, а на дне – толстый слой ила (местами до 2–3 метров). Это хорошее удобрение для полей и огородов. Размеры озер – от 1 до 5 километров. Часто они соединялись между собой протоками. В этих озерах довольно много рыбы: лещ, щука, окунь, плотва, налим, ерш и др.

Население тех мест занималось сельским хозяйством, охотой и рыболовством. Здесь производилось довольно много вологодского масла, выращивалось много льна.

Климат был довольно суровый, зимой температура доходила до 50 градусов, летом бывало до 35 градусов тепла. Снега в то время было очень много. Сообщение с районным центром – на тракторе, на вездеходе или на лошади. До Вытегры (районного центра) 50 километров.

Свежее мясо ели только осенью, когда забивали теленка. В другое время года мясо было только соленым. Из овощей – картофель, морковь, свекла, лук, чеснок, огурцы. Помидоров не было, не успевали созреть. Хлодильников, как и электрического света, не было, занимались при керосиновой лампе. У нас дома была большая керосиновая лампа, таких в деревне было мало. Называлась она семилинейной. У других в основном были пятилинейные. Питались рыбой, грибами, а их там очень много. Брали только белые грибы и белые масляные грузди, другие считались не очень хорошими.

Очень вкусный белый и черный хлеб пекли на местной пекарне. Мой отец как заведующий больницей проверял санитарное состояние пекарни один раз в неделю и приносил оттуда буханку свежее испеченного хлеба. От него исходил сказочный аромат. Молоко и молочные

продукты были всегда, кроме одного месяца зимой, когда молоком поили телят. На зиму всегда заготавливали клюкву, и мама варила кисель. Это было очень вкусно.

По озерам я часто ездил на лодке – сначала на веслах, потом появились моторы, и стало намного легче. Можно было поплавать по нескольким озерам. На дальних озерах и рыба ловилась лучше. Зимой по льду возили накошенное и высушенное сено. Зимой, конечно, было скучно.

После окончания школы я в этом же 1963 году поступил в Таллиннский политехникум, который окончил с отличием в 1967 году. Получил специальность радиотехника. Поработать по специальности удалось только около шести месяцев, так как я был призван на службу в армию.

Четыре года в техникуме прошли быстро. Учебу в техникуме хорошо помню, практически всех однокурсников. Помню многих преподавателей: Изотамм – наша классная мама, Мардим, Пуро, Вохмин, Смоляков, Сауль, Рейма, Рейман, Тамм и другие.

Питался я в столовой техникума и в комнате общежития, где я и жил. Общежитие располагалось рядом с техникумом. Можно было прожить на стипендию в 20 рублей. Булочки были в столовой бесплатно.

Во время учебы в техникуме я участвовал в олимпиадах по математике, которую очень любил. В свободное от учебы время мы ходили в кино, иногда – в театр, бродили по Таллинну. Время было интересное, так как возраст был от 15 до 18 лет. Большинство ребят были из Таллинна. Те, кто не из Таллинна, жили в общежитии при техникуме. Здесь же была и хорошая столовая.

Таллиннский политехникум дал нам очень многое, особенно мне, мальчишке из деревни. Появилось много новых знакомых, я приобщался к искусству, посещая театр и кинотеатр.

С бывшими однокурсниками дружим и сейчас. Мы встречаемся уже больше 50 лет каждую первую субботу

сентября: сначала на могиле нашего классного руководителя Изотамма Арнольда Мартовича, он оставил глубокий след в нашей памяти, потом – в кафе. Эти встречи очень приятны, мы вспоминаем учебу, рассказываем о себе. Раз в пять лет эти встречи продолжаются в кафе, ресторане или финской бане. Очередная встреча была 2 сентября 2017 года, на ней было 17 человек из 28.

О техникуме можно много говорить и писать, но это уже совсем другая история. После техникума девушки пошли работать, а парни были призваны на военную службу. В армию пошли почти все сокурсники, причем я пошел в армию добровольно, даже просился, так как мне можно было не идти в армию, а сразу поступить в институт как выпускнику с отличием. Мне хотелось пройти все жизненные школы для мужчин, в том числе и армейскую.

Служили первые полгода с сокурсником Сергеем Загрявой в одном полку связи в Риге. Здесь же я окончил учебную роту и получил звание младшего сержанта. После служил в Риге и Гвардейске Калининградской области в частях связи. Сначала получил звание сержанта, старшего сержанта, а позднее – и старшины. Армию окончил в звании старшины, а при демобилизации получил воинское звание младший лейтенант запаса.

Служба была интересной, я многому научился. Армия была хорошей школой жизни, приучила не бояться трудностей, ценить дружбу. Среди сослуживцев были ребята из Эстонии, Латвии. Помню Петрова Игоря, Загряву Сергея, Гужова Вадима, Фиртича Бориса, Терехина Владимира, Ровкача и других. С некоторыми встречаемся до сих пор.

Много интересных эпизодов армейской жизни помню и сейчас. Когда я служил в Риге, к Сергею приезжала его невеста, и мы вместе с ним ходили в увольнение. Во время службы в Гвардейске в увольнение ходить было некуда, разве что в лес, так как часть находилась

довольно далеко от населенных пунктов. Служил я в Гвардейске в должности заместителя командира взвода. Учил солдат работать на аппаратуре связи. Среди командиров хочется отметить командира роты капитана Пульянова. Это был настоящий офицер. Подтянутый, хорошо образованный. Умело руководил подчиненными, хотелось быть на него похожим. Все показывал и воспитывал личным примером. Армия научила меня не бояться жизненных трудностей и настоящей мужской дружбе.

Мои родители: мать Звонова Пелагея (Полина) Ивановна – медсестра в больнице, отец Звонов Виктор Викторович – заведующий участковой больницей. Сельская интеллигенция. Оба воевали, у отца были ордена и медали, у матери – медали. Отец начал воевать на Финской войне в 1939 году и закончил войну на Дальнем Востоке в 1946 году. У отца было несколько фронтовых наград, мне больше всего запомнились две медали «За отвагу» и орден Отечественной войны».

И отец, и мать всю жизнь проработали медиками. У отца были награды и за работу медиком в мирное время, в их числе орден Трудового Красного Знамени. Родители хотели, чтобы я тоже был медиком. Не получилось.

Похоронены родители на кладбище в деревне Анхимово Вытегорского района, где покоятся и их родные.

В семье было трое детей: Вадим 1945 года рождения, я и Сергей, он и стал фельдшером. Оба мои брата рано ушли из жизни: младший умер в 2014 году, ему было всего 60 лет, старший – в 2017 году, ему было 72 года. Старший работал начальником смены большого теплоузла в Санкт-Петербурге, младший был фельдшером на скорой помощи в Приозерском районе Ленинградской области. С братьями мы встречались в основном в Санкт-Петербурге, но иногда они приезжали в Таллинн.

Ездили с братьями и к родителям. Они после ухода на пенсию переехали в город Вытегру. Это небольшой

город, районный центр, практически на берегу Онежского озера. Там красивая река, лес. В Вытегре родители купили часть дома – комнату и кухню. Уже появились некоторые удобства в виде электрического света. Воду брали из колонки.

После службы в армии до поступления на очное отделение Академии МВД СССР я работал в уголовном розыске. В академии учился в Москве с 1972-го по 1976 год, причем на двух факультетах: экспертном и оперативной работы. Учеба была очень напряженной, с утра и до вечера. Много времени занимал проезд в академию и обратно. Квартiry я снимал в разных районах Москвы, мы жили с супругой Светланой и дочкой Анной. Дочь родилась в Москве. Две другие дочери, Людмила и Александра, родились в Таллинне.

В академии преподавали известные профессора юриспруденции и криминалистики, такие, как Белкин Р., Седых-Бондаренко, Божьев, Аханов, Силкин и другие. У них было чему поучиться. Их требования были жесткими, поэтому и знания получились крепкими, что очень пригодилось в ходе работы в ТССШМ МВД СССР.

В 1976 году по окончании академии я хотел продолжить работу в уголовном розыске, но по решению отдела кадров МВД ЭССР был направлен на должность преподавателя в Таллиннскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР. Так как я окончил два факультета академии, один из которых – экспертно-криминалистический, то и направили меня на работу на цикл криминалистики школы милиции. В это время в школе не хватало криминалистов. В школе я работал на должностях преподавателя, старшего преподавателя, начальника цикла криминалистики и заместителя начальника школы по учебной работе. (Старший лейтенант, капитан, майор и подполковник милиции.)

В школе я проработал больше 15 лет. За это время много раз учился на курсах повышения квалификации

в Волгограде, Ростове, Москве, Минске. Принимал участие в работе комиссий по проверке работы школ милиции в Баку, Днепропетровске, Ивано-Франковске, Минске, Черкассах, Елабуге, Брянске, Воронеже. В комиссиях были представители ряда других школ и руководства из Москвы. Проверки длились три недели каждая. Эти проверки положительно сказались на совершенствовании методики преподавания, так как шел большой обмен опытом, и научили меня разным приемам педагогики.

Во время работы в школе милиции я участвовал в соревнованиях на первенстве школ Союза по многоборью и стрельбе, как лично, так и в команде. Школа была и в призерах первенства, и на первом месте (Воронеж).

Работу в ТССШМ МВД СССР я начал в должности преподавателя цикла криминалистики. Вместе со мной на цикле работали Владимир Блинцов, Михаил Ларин, Евгений Макеев, Роланд Райе, Лев Николаевич Пылкин, начальником цикла был Всеволод Николаевич Стуколкин. Позднее на цикле работали Александр Крестин, Наталия Ринго, Николай Татарский. Владимир Содоль. Был очень дружный и сплоченный коллектив. Во многом в этом была заслуга начальника цикла полковника Стуколкина Всеволода Николаевича. Он нас многому научил. Всеволод Николаевич ранее работал следователем прокуратуры, у него был большой опыт работы в следствии, поэтому он в основном и преподавал разделы «Тактика проведения отдельных следственных действий» и «Методика расследования отдельных видов преступлений».

По каждой теме основного курса должны были быть так называемые тексты фондовых лекций. Только опытные преподаватели допускались до их написания. Разработка таких текстов лекций была очень трудоемким мероприятием. На год преподавателю планировалась разработка лекций на 6–10 часов. За это начислялась учебная нагрузка. Тексты лекций подлежали изменениям

и дополнениям каждые 3–5 лет. За этим строго следил учебный отдел. Примерно таким же образом разрабатывались методики проведения семинарских и практических занятий. По ним практически каждый мог хотя бы на минимальном уровне провести семинар или практическое занятие, настолько подробными и содержательными были такие пособия.

На этом же цикле я стал старшим преподавателем, а позднее – и начальником цикла.

Хорошее было время. Мы были молоды, преподавали иногда по 12 часов в день. Годовая нагрузка составляла больше 1200 часов. Преподавали на очном отделении и на заочном. Помимо преподавания я выполнял обязанности классной мамы, участвовал в общественной и спортивной жизни школы.

Помню выпускников очного и заочного отделений, не хочу называть их, так как помню очень многих, и перечисление займет в книге много места. Очень хорошие ребята были из Мурманска, Новгорода, Пскова, Карелии, Архангельска, Вологды, Калинина, Ярославля, Костромы и других мест.

Отбор в нашу школу в регионах был серьезный, многие хотели учиться в ТССШМ. В регионах проходила и практика курсантов. Для руководства практикой преподаватели цикла ОРД и криминалистики выезжали в регионы. Контакт с руководством УВД и районных отделов внутренних дел был хороший. По окончании школы молодые лейтенанты возвращались к месту своей службы. Многие из них позднее закончили вузы, но всегда тепло отзывались о нашей школе. Есть среди выпускников генералы (Торопов в Ярославле, Фесянов в Краснодаре).

Многие выпускники приезжают в Таллинн, где мы встречаемся и вспоминаем нашу школу. Приезжают даже большими группами из регионов. На встречи всегда приглашают сотрудников школы и, конечно, преподавателей.

Много и курьезных случаев было в ходе работы в школе. Приведу пару примеров. Приходит курсант моего взвода и жалуется, что ему незаслуженно поставили двойку по огневой подготовке. Спросил его, как было дело. Говорит, что предыдущего курсанта спросили, из какого материала изготовлен целик пистолета, тот ответил, что из легированной стали. Получил 5. А этого спросили, из какого материала сделана мушка пистолета. Ответил, что из легированной стали. Преподаватель сказал, что неверно, и поставил двойку, пояснив, что в «Наставлении» четко написано: «из того же материала». Второй пример: взвод, где я был классной мамой, получил за хорошую учебу поощрение в виде поездки в Ленинград. Ночевать там было негде, и весь взвод ночевал в одной комнате моего старшего брата Вадима. Весело было всем!

Школа была моим главным местом работы, она занимала все время. Преподавание, воспитание курсантов. Даже в театр ходил со своим взводом. Мне везло, попадались очень толковые курсанты. Вспоминаю их с теплотой. В школе были хорошо оборудованная фотолаборатория, полигон криминалистики, спортзал, тир. Много занятий проводилось на улице для приближения учебной обстановки к реальной жизни.

Мне нравились поездки по регионам для организации практики и контроля за ее ходом. Во время этих поездок я познакомился с такими городами, как Ярославль, Калинин, Псков, Новгород, Рыбинск, где увидел много интересного. Например, памятник тысячелетия России в Новгороде.

Жизнь в школе проходила довольно напряженно. Конечно, на первом месте было изучение учебных дисциплин. Самое большое время отводилось изучению права и специальных дисциплин, таких, как оперативно-розыскная деятельность, спецтехника, административное право, криминалистика, боевая и спортивная подготов-

ка. Проводились лекции, семинарские занятия и практические работы. Особенно нравилось учащимся готовить и проводить оперативно-тактические учения. Все это позволяло в достаточной степени подготовить хороших специалистов для органов внутренних дел.

В 1993 году я больше шести месяцев работал заместителем начальника отдела безопасности, он же – главный специалист по оперативной работе Департамента мест заключения Эстонии (носил 3 больших ромбика). Успел ознакомиться с работой отделов безопасности всех тюрем Эстонии. Начал вникать в тонкости работы. Работа нравилась, но руководство быстро менялось, нужны были места для молодежи.

С 1994 года по 2011 год я работал доцентом кафедры публичного права Социально-гуманитарного института. Институт готовил специалистов с высшим образованием: юристов, экономистов и психологов. Здесь тоже пришлось многому учиться – и преподавать в вузе, и учить новые для себя предметы. Я преподавал уголовное право и административную ответственность, а не только криминалистику и уголовный процесс. Институт проверяло как руководство министерства образования Эстонии, так и международные комиссии Евросоюза и давали очень хорошую оценку. Ценили выпускников и на местах их работы. Студенты не только учили теорию, но и приобретали практические навыки работы юристами. Я преподавал, используя опыт, полученный в Таллиннской школе милиции, а также постоянно повышая квалификацию на различных международных курсах повышения квалификации. Коллектив в вузе был очень хороший, готовили хороших специалистов.

Я работал с такими серьезными учеными, как доктор наук Юзеф Максович Лившиц, профессор Павел Анатольевич Бейлинсон, профессора Дмитрий и Татьяна Листопад, Владимир Брагин, Владимир Пароль и многими другими. Надо было работать и в филиалах

института в Нарве, Йыхви и Тарту. Для этого преподаватели командировались туда. Эти командировки были трудными, но интересными. Там приходилось за два дня проводить по 20 часов занятий. Студенты относились к занятиям очень серьезно. Правда, иначе трудно и представить, они были или действующими сотрудниками полиции, или их работа была связана иным образом с юриспруденцией. Конечно, были и исключения, но и такие студенты добросовестно относились к учебе. В командировках преподаватели ближе знакомились друг с другом, что, в свою очередь, повышало качество преподавания.

Работа в институте была очень похожа на работу в школе милиции, но были и различия. В школе мы привыкли обращаться к курсантам и слушателям по званию и фамилии, в институте же были только имя и фамилия. Преподавание же происходило по тем же правилам и методике, которые были в школе милиции. Конечно, в институте было меньше практики, ее заменяла работа по специальности. Необходимо отметить, что иногда в институте учились те, кто в свое время окончил Таллиннскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР. Встречались и такие случаи, когда у меня учились в разное время целые семьи – отец, сын или дочь, а иногда учились и одновременно.

Праздники, проходившие в институте, были более разнообразными. Это было совсем другое время, появилось очень много возможностей отдыха, которых не было во время работы в школе милиции. Запомнились поездки в Словакию, Чехию, которые были организованы владельцами и руководством института. Также понравились поездки на Чудское озеро и на ловлю форели в специально отведенных для этого местах под Таллинном. Хорошо были организованы ежегодные празднования Нового года в ресторане «Эколанд». Эти праздники помогли сплотить коллектив. Благодаря этому встречи

сотрудников продолжают даже после того, как институт перестал функционировать.

После работы в Социально-гуманитарном институте я четыре года работал в Институте информатики. Преподавал основы права и право в системе ИТ. Но это было довольно короткое время при неполной нагрузке.

Моя семья:

Жена – Мадис Светлана Викторовна, долгое время работала в финансово-плановом отделе Президиума Академии наук Эстонской ССР, позднее – в Учреждении статистики Эстонской Республики.

Дочь – Анна, к сожалению, умерла в 2016 году после тяжелой болезни. У нее две дочери, мои внучки: Даниела, 18 лет, и Дезире, 13 лет.

Дочь – Люся, тяжело писать, умерла в возрасте 19 лет.

Дочь – Александра Мадис, окончила Таллиннский технический университет по специальности инфотехнологии, а также Социально-гуманитарный институт по специальности юрист. В настоящее время работает старшим инженером программного обеспечения в Майкрософте. Ее муж Алексей Суховский работает на заводе.

Мои отец и мать.

В годы учебы в техникуме.

Озера, на которых прошло мое детство.

На берегах озер были такие деревянные домишки.

В Академии МВД СССР.

В Таллиннской школе милиции.

С супругой и старшей внучкой.

Старшая дочь, младшая дочь и внучка.

Младшая дочь и старшая внучка.

С младшей внучкой.

Младшая дочь с мужем Алексеем.

Александра и Алексей.

Моя семья.

Люся, моя средняя дочь...

2011 год.

ТШМ МВД СССР

ЛИВШИЦ
ЮЗЕФ
МАКСОВИЧ

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Иногда кажется, что мое появление на свет и превращение в человека, обоснованно носящего милицейскую форму, оказались в чем-то сходными. Первое, как понятно, не обошлось без папы и мамы. Второе тоже связано с субъектами, имевшими соответственно имена мужского и женского рода: юридический факультет (юрфак) Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и Таллиннская школа милиции (ТШМ).

Никто не рождается по собственному желанию, у меня это тоже не получилось (что не исключает благодарности родителям за дарованную жизнь). Когда же я поступал в университет, а позже учился на юрфаке, мне и в голову не приходило, что начну свою самостоятельную жизнь как преподаватель милицкого учебного заведения.

А случилось вот что*. Романтическая мечта быть популярным исследователем привела на географический факультет ЛГУ. Конкурс был сумасшедшим. Сначала меня «зарезали» на сочинении. Потом – на экзамене по географии, спросив, через какие села и станции предполагается провести Южно-Украинский и Северо-Крымский канал (План Великих Сталинских Работ).

Не дождавшись следующего экзамена, я забрал документы и, обнаружив в университетском дворе дом с вывеской «Ленинградский юридический институт им. М. И. Калинина», решил рискнуть. За один день сдал четыре

* Рассказ о детстве и юности содержится в книге «Юзеф Лившиц. Память склеротика. Реалистический сериал». Юзиздатик, Таллинн, 2010, 281 с.

вступительных экзамена и стал учиться на юриста. Позже институт вошел в юридический факультет университета. В «красном дипломе» (как сейчас именуют подобные документы – *cum laude*) сказано, что поступил я в университет в 1954 году, а окончил – в 1955-м. Все экзамены за годы обучения были сданы с оценкой «отлично».

По какой-то причине, о которой я только догадываюсь, предварительное государственное распределение на работу обернулось в единственное предложение стать служащим почтового отделения в городе Николаевске – на Амуре. А у меня, круглого отличника и коренного ленинградца, ведь была рекомендация для учебы в аспирантуре. К сожалению, она оказалась только дутой надеждой, которая в те дни лопнула. Впрочем, когда началась окончательная распределительная процедура, обнаружилось, что выпускникам, имеющим прописку в Ленинграде, предлагает работу милиция города. Мне досталась должность сотрудника группы по борьбе с карманными кражами.

Чем занимается милиция, в общих чертах было понятно, но методы и способы работы мне казались в свете «Записок следователя» Льва Шейнина или произведений Конан Дойля. Правда, однажды студенты внимали с раскрытыми от удивления и восхищения ртами повествованию о хитроумных оперативных разработках, проведенных Уголовным розыском города. Рассказчик сразу же стал кумиром многих слушателей, вызвав у них желание попасть на оперативную работу. Это был начальник ленинградской милиции, Герой Советского Союза генерал-майор Иван Владимирович Соловьев.

Студентов таким премудростям не учили. Поэтому выглядело совершенно оправданным решение направить новых молодых сотрудников на курсы для приобретения знаний об основах профессии.

В Таллиннской школе милиции, где проходило это обучение в начале осени 1955 года, произошло еще одно,

совершенно не ожидавшееся мной событие. Мне и моему сокурснику Азарию Гусину начальник школы полковник Оскар Юргенсон предложил преподавательскую работу. Мы с радостью и благодарностью согласились.

На жизненном пути судьба расставляет вехи. Это решение для меня приобрело именно такой смысл. Появилась работа, как говорят, по душе. Эта работа открывала осязаемую перспективу на будущее (напомню о старой рекомендации в аспирантуру).

Мое существование началось в условиях не ведомой для меня ранее национальной среды, которая чем-то импонировала, но и вызывала понятную настороженность: кто есть я для эстонцев. Я смог сразу же жениться на любимой ленинградке и привезти ее в Таллинн.

В течение последующих шести лет наша семья вместе с маленьким сыном занимала помещение на закрытой для посторонних территории. ТШМ стала моим домом и в прямом, и в символическом смыслах. В кругу общения появились новые знакомые и друзья. Пришлось расстаться с родительской семьей, родственниками, прежними друзьями и своей малой родиной, что было очень горько. В общем, внезапно открылась не намечавшаяся раньше полоса жизни. На вопрос, когда завершается юность и начинается взрослость, Таллиннская школа милиции ответила конкретно и однозначно*.

ТШМ шел одиннадцатый год, когда я стал частицей этого учебного заведения. Три буквы аббревиатуры вбирали в себя многое. Первое впечатление, конечно же, ограничилось внешним видом и поверхностными знакомствами, но потом кое-что высветилось ярче и глубже.

В Нымме, кажется, самая большая площадь – это Рыночная. Здесь желудок поселения – базар, продовольственный магазин, а еще ресторан. Душа поселка (какое-

* О моем бытии в Таллиннской школе милиции см. в сборнике «Мы родом из милиции. Стихи, проза, фотографии. Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии». Таллинн, 2016, с. 60-85.

то время – города) – Дом культуры и совсем недалеко на холме – лыжный трамплин. Не на самой площади, но рядом с ней – голова, т.е. администрация. До железнодорожной станции, а там – и почтовое отделение, буквально пять минут хода.

Перпендикулярно друг к другу стоят два, пожалуй, самых больших в то время четырехэтажных светлых дома. Здесь располагается ТШМ. Никакого извещения о том, что находится в этих зданиях. В одном из домов на первом этаже – аптека и кинотеатр «Выйт». Вроде бы это жилища для граждан относительно молодой еще советской республики, но только снующие туда и обратно люди в милицмейской форме заставляют понять, что такое предположение неверно. Территория, примыкающая к домам, огорожена забором, а возле закрытых ворот и калиток – будки с людьми в форме. Пропускная система.

Зайдя вовнутрь, узнаешь, что во дворе первого дома, где кино, вход в учебный корпус, чуть поодаль – двери столовой, за стеной которой – зал кинотеатра.

В столовую обучающихся водят строем, хотя пройти-то от одной двери до другой шагов тридцать-сорок. Повара и официантки – бой бабы. Свою работу делают с огоньком.

Отдельно во дворе стоят флигели, один из них – как бы продолжение забора. Здесь помещение начальника хозяйственного отдела (ХОЗО): стол, два стула, сейф, диван и зарешеченное окно. К чему такие подробности? Так это же место, куда на несколько дней по приезде поместили молодого преподавателя с молодой супругой и где они провели первую брачную ночь. Я мог бы запомнить каждую пылинку в этом домишке, но их оказалось слишком много.

Потом расскажу о капустниках, которые мы с Азари-ем Гусиным и Колей Геллером показывали на сцене нымеского Дома культуры для сотрудников школы и курсантов, а сейчас – о том, что имеет отношение к ХОЗО.

Звучат сатирические куплеты, в которых упоминается майор Ильин – главный хозяйственник. У него была своя теория управления: если ты что-то пытаешься делать, могут и посадить, а если бездельничаешь, то в худшем случае только уволят. На одном из исполнителей, которого на сцену вывозят в примитивной детской коляске, – плакат с надписью «ХИЗО». Речь идет о злополучном домике. Надпись расшифровывается так: «Хозяин Ильин Здесь Отдыхает». Ильин – человек незлобивый и не лишённый чувства юмора. К тому же, возможно, директор кинотеатра блондинка в годах, к коей хаживает майор, совсем не против того, чтобы у последнего было больше свободного времени. А начальник ХОЗО с этим мнением считается. Все обходится без скандала.

Еще один домик – медсанчасть. Там работник – женщина-венеролог. Когда курсант появляется у нее с жалобой на сильный насморк, ломоту и кашель, доктор командует: «Снимай штаны!» Убедившись, что в нижней части у больного полный порядок, она прописывает bedside лекарства от гриппа.

Позже на месте доктора оказывается фельдшер. Она прошла всю войну, видела много горя, сама не раз выносила раненых солдат с поля боя, но не ожесточилась, не утратила женственности и доброты. Муж – бывший курсант школы, пьянчуга и дебошир. Симпатичная женщина иногда приходит на работу с синяками на красивом лице. Мой товарищ, начальник кабинета криминалистики, считает нужным ее приласкать и успокоить и (по его рассказам) проводит в медсанчасти немало восхитительного времени.

Во дворе этого дома также бросаются в глаза гараж и помещение кабинета военного дела. Ходили разговоры, что у ТШМ имеется большой склад огнестрельного оружия с боеприпасами, но видеть таковой мне не приходилось. По логике событий, свидетельствующих об опасных очагах сопротивления советской власти, пред-

положение об использовании школы милиции в качестве опорной точки для подавления вылазки «лесных братьев» не лишено основания, особенно в таком районе, как Нымме. Попутно замечу, что преподаватель физкультуры Метсаллик, обитающий в военном кабинете, – мастер спорта по стрельбе, впрочем, и еще по трем видам спортивных умений.

Ко второму дому пристроено деревянное сооружение типа большого сарая. Но это не сарай, а довольно вместительный лекционный зал человек эдак на двести. В 1960-х годах на его месте был возведен новый каменный учебный корпус. Над залом – большой чердак и квартира в четыре комнаты с кухней, прихожей. В квартире проживает с женой, дочкой и сыном преподаватель военного дела подполковник Федор Гаврилович Комаров. Эта семья занимает лишь две комнаты, а в двух других, спустя один учебный год после моего начала, образуется более или менее пригодное для существования жилье для нас с Ритой и появившегося потом Игореша. Комнаты освобождает для нас ранее проживавший в них подполковник, перебравшийся на житье в Черновцы, где его родина.

Ф.Г. – приятный сосед: вежливый, услужливый, аккуратный. Его внешность ассоциируется с образом белогвардейского офицера, созданного Юрием Соломиным в сериале «Адъютант его превосходительства». Он всегда в форме, подтянут. На занятиях по военному делу, в том числе и на стрельбище, максимально внимателен и сосредоточен, объясняет тему так, будто его предмет несет основную нагрузку в обучении обучаемых. На занятиях по радиационной защите, показывая работу счетчика Гейгера, даже держит в руках радиоактивный брусок металла. В середине 1950-х годов последствия такой вольности еще не были очевидными. Его смерть от рака через непродолжительное время становится неизбежной.

Супругу Ф.Г. Татьяну понять было непросто. По отношению к мужу, сыну и дочке у нее проявлялась начальственная потенция. К нам обычно она относилась как к неизбежности, хотя в помощи не отказывала. Ритуся только сейчас напостила один эпизод. Она помыла общую лестницу, ведущую на второй этаж к квартире. Татьяна показала свою неудовлетворенность и стала сама в назидание вновь выполнять эту работу. Увидев расстроенную Риту, я обложил «начальницу» матом, по-слав ее на три буквы. Обида? Скандал? Ничего подобного! Мы стали добрыми соседями и еще долго время от времени встречались, даже когда обрели отдельные квартиры в центре Таллинна на улице Вирмализе. Рите с Татьяной, чтобы выбить эти квартиры, удалось добиться приема аж у замминистра внутренних дел Эстонии. Так мы опять оказались почти вместе с квартирами в одном подъезде, но на разных этажах здания.

Соседний дом – это большая спальня, расположенная в объемных комнатах третьего и четвертого этажей. На первом этаже – умывальня (без душа). Второй этаж занимают кабинеты начальника школы и его заместителя по политико-воспитательной работе, канцелярия, отдел кадров.

Минуя эти важные начальственные гнезда, несколько слушателей (и я в их числе), имевших лежбище на верхнем этаже, спустились ночью на руках по лестнице в умывальню койку со спавшим на ней слушателем. Саша Курдов так громко спал, что от наших толчков, на секунду проснувшись, сразу же впадал в свое сонливое забытие, от звука которого, казалось, качались лампочки на потолке. Идея возникла из-за безысходности. Его тихонько привязали к кровати и сделали свое дело. Хорошо, что он проснулся в окружении раковин до прихода начальства. Шум был неимоверный. В нем смешались крики возмущения с громовым хохотом весельчаков. Эту тайну начальство так никогда и не узнало.

Основное время пребывания в ТШМ связано с первым корпусом. Там в бывших квартирах и коридорах находятся различные помещения для учебного процесса и управления им.

В вузах преподавательские сообщества, ведущие работу по той или иной отрасли знания, называются кафедрами, а здесь – циклами. Циклы оперативно-розыскной деятельности, наружной службы, криминалистики, юридических дисциплин, военного дела и спорта, общественно-политических дисциплин, русского и эстонского языков. Как правило, у каждого цикла свой кабинет.

Преподаватели за шесть лет, что я проработал в ТШМ, частично менялись, но и тех, кто трудился все это время, я помню, к сожалению, далеко не всех. Мне не пришлось близко сойтись с коллегами по преподавательскому сообществу, за некоторым исключением, которое прежде всего представляли мои бывшие сокурсники по университету Азарий Гусин и Николай Геллер, а также, конечно же, Евгения Михайловна Тарасова.

В течение двух месяцев я был слушателем курсов, имел возможность воспринимать и оценивать работу некоторых лекторов и ведущих семинаров и практикумов. В качестве преподавателя посещал открытые занятия, но такое случалось редко. На регулярно собиравшемся совете школы с участием администрации и преподавателей впитывал дух коллектива. Было и другое общение, вне рабочее (например, на вечерах отдыха, во время коллективных поездок в Рижскую школу милиции). Таковы основные источники воспоминаний по освещаемому сюжету.

Угадать, кто из сидевших за столом президиума на первом собрании новоиспеченных слушателей был начальником школы, оказалось просто. По погонам полковника. Они были в единственном экземпляре. Ничем другим этот сидящий мужчина не являл собой руководящую персону, тем более милицейскую. Речь его была

разумной, тихой и вкрадчивой. Никаких приказов, поучений. Отец просто объясняет своим готовым поозорничать детям, что хорошо бы держать себя в рамках приличия, никогда не забывая, что работа в милиции предполагает сочетание инициативы, поиска, дисциплины и самоконтроля. О последнем стоит особо и постоянно заботиться, находясь в Эстонии.

Должен пооткровенничать. Возникающий авторитет начальника еще не мог противостоять шальной молодости новоиспеченных слушателей курсов.

Среди прочих занятий выделялась строевая подготовка, как будто преступников нам надо было научиться ловить, находясь в строю и под песню. Зачем нас муштровали вместо того, чтобы в это время разбирать бесчисленное множество архивных оперативных разработок, раскрывающих уроки мастерства, объяснить невозможно. В молодых умах зрел тайный протест.

Начальник курса майор Рейза выводит строй за пределы школы на Рыночную площадь. Идем, как положено. Вдруг Гришка Пинковский шепотом предлагает станцевать танец маленьких лебедей из «Лебединого озера» П. И. Чайковского. Принято. Гундосим под нос мелодию и через такт подпрыгиваем на одной ноге. Прохожие замирают, впервые видя милицейский балет. Разъяренный майор требует шагать обратно во двор школы, где устраивает разнос. Взвод покорно молчит, удивляясь обилию русских ругательных слов в лексиконе эстонца.

Потом Оскара Юргенсона я неоднократно наблюдал в разных ситуациях. Имея элитное высшее образование как специалист по Японии, он был внутренне интеллигентен и подпадал, как мне казалось, под характеристику дворян, которую Б. Пастернак адресовал персонажу своего романа «Доктор Живаго», сказав, что тот отличался свойственной дворянам простотой.

Сначала узнавание ТШМ происходило через наблюдения и ощущения ее курсанта, а потом – преподавателя.

Курсантское бытие, оно какое? Ты в составе учебной группы на практикумах и семинарах отвечаешь на вопросы преподавателя, когда тебя вызовут, и слушаешь пояснения, а на лекции в большом потоке, если не дремлешь, то внемлешь лектору, который чаще всего читает скучный чужой текст, взятый из книги или приказов свыше. Ярких впечатлений от этой стороны курсантского бытия у меня не осталось. Разве что от практикумов по криминалистике да занятий по военному делу, хоть на стрельбище мне попадать в мишень удавалось не всегда.

Поскольку поначалу мне было 23 года, тридцатилетние, а тем более сорокалетние учителя и командиры казались староватыми, выучка у них была сталинских времен, вели они себя очень осторожно, остерегаясь взболтнуть лишнего, а тем более сделать что-то не так, как предписано сверху.

Проводивший занятия по основному предмету – «Оперативно-розыскная деятельность» (ОРД) – старший лейтенант Рагрин в лекциях старательно перечислял пункты министерских приказов, а потом требовал от нас, чтобы мы их запомнили путем зубрежки. Ребята из другого взвода, которые учились у старшего лейтенанта Назимова, напротив, хвалили его за разумность и связь излагаемых приказов МВД с практикой.

Капитан Перминов, обучавший нас наружной службе милиции, как и Рагрин, не мог сделать шаг влево или вправо от пунктов инструкций, но был мягче и покладистей в смысле требовательности, очевидно, догадываясь об относительной полезности для нас его предмета.

Таисия Петерсон – преподаватель истории КПСС – рассказывала об очередном пленуме ЦК КПСС, причем делала это настолько формалистично, что вызывала у нашей искушенной аудитории каверзные вопросы, от которых у нее выступали капли пота на лбу и чуть ли не начиналась еле сдерживаемая истерика.

Я начал преподавать довольно взрослым людям. Их собрали с разных мест большой страны для повышения в течение полугода (а следующий набор – аж десяти месяцев) квалификации в качестве работников уголовного розыска. Мне легче было иметь дело со слушателями, которые часто бывали старше преподавателя на несколько лет, на занятиях по общей теории государства и права, а также по государственному праву, чем по такому предмету, как уголовный процесс.

Все эти юридические дисциплины в их теоретическом аспекте я неплохо знал со студенческих лет, хотя, как понятно, знать и прочесть лекцию или провести семинар – это далеко не одно и то же. Поэтому приходилось тратить много сил и времени на подготовку к занятиям. Но уголовный процесс оказался еще более крепким орешком, чем два других предмета. Он требовал практических навыков расследования уголовных дел, которых у начинающего трудовой путь педагога не было (если не считать пары месяцев студенческой практики в прокуратуре).

Идет семинар по стадиям предварительного расследования. Вызванный для ответа по обсуждаемому вопросу слушатель разъясняет соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса. Я готов уже подводить итог, как вдруг один из участников семинара заявляет, что он как следователь неоднократно поступал не так, как велит закон, потому что положение закона устарело и нуждается в замене.

Я растерян, но виду не подаю и моментально отфутболиваю вопрос на растерзание всей группы. Начинается острая дискуссия, чем пользуется руководитель семинара. Выделяя при подведении итогов наиболее аргументированные соображения, создаю видимость своей компетентности.

После такой встречи ноги ватные и хочется скорее ползти в специальную библиотеку школы, где хранятся

секретные приказы министерства, практические пособия и старые уголовные дела.

Люди, обучавшиеся в ТШМ, были заметно разными. Встречались энтузиасты уголовного розыска, с увлечением рассказывавшие о своей работе и выражавшие полное неприятие криминального образа жизни. Другие, если судить по их рассуждениям, были более игроками, чем принципиальными борцами. Им нравилась власть над людьми, интеллектуальное напряжение при распутывании сложных узлов криминальных ситуаций, погони, обыски, задержания, стрельба и т.п. Немало встречалось трудяг за зарплату. Их помыслы были сосредоточены главным образом на карьере, чинах, окладах. У меня уже тогда возникали подозрения, что такого опера какой-то криминальный авторитет может перекупить, сделав своим платным агентом.

Но попадались люди и с другой судьбой – бывшие уголовники, завербованные милицией, помогавшие раскрывать тяжкие преступления. Их перебрасывали с места их прежней деятельности в другие районы страны, легализовывали и присваивали милицейские звания. Мне таких встретилось несколько человек в чине младших лейтенантов. Обнаружились они случайно.

На одном из занятий мне пришла идея создать словарь блатного жаргона («блатная музыка», «феня»). Это сейчас имеется несколько изданий по данной тематике, а в то время о подобных пособиях для оперативной работы я ничего не знал. Раздал учебным группам чистые тетрадки и попросил заполнить их соответствующими терминами с пояснениями. Выявилось несколько эрудитов. С каждым из них у меня состоялась индивидуальная встреча. Там и выяснилось, кто кем был и кем стал.

Любой оперативный сотрудник уголовного розыска родом своих занятий поставлен в такие условия, что ему не до интеллигентских тонкостей. Ему нередко требуется не вежливое и уважительное отношение к другому, а гру-

бая сила, напористость и даже хамство, т.е. то, чем отличается большинство «клиентов» милиции. Иначе может возникнуть полное непонимание друг друга, что сводит на нет усилия по раскрытию преступления.

Не прошло и пары лет, как учебному заведению изменили статус, что в наименовании было обозначено как «Таллинская специальная средняя школа милиции». На смену слушателям пришли курсанты, срок обучения которых был определен в два года. Это были парнишки, как правило, прошедшие службу в армии, но в роли будущих сотрудников МВД не имевшие ни малейших представлений ни о юриспруденции, ни о милиции. Количество часов, отводимых на изучение большинства предметов, резко возросло, что способствовало усилению интереса к своему делу и волей-неволей – к развитию преподавательского мастерства. Достаточно сказать, что на изучение такого предмета, как уголовное право, отводилось более 200 часов, что не уступало университетской норме.

Мне пришлось быть куратором одной из курсантских учебных групп. При первой встрече я сообщил, что отныне являюсь их «классной дамой». В ответ услышал громкий смех, положивший начало нашим добрым и доверительным отношениям. Появились и любимчики. В первую очередь – Юра Шарик, а также Сережа Богданов. Они зацепили меня своим внимательным и заинтересованным взглядом, устремленным на лектора. Юмор воспринимали с полуслова, реагируя на мои реплики искренне и с пониманием. Не знаю, догадывались ли они о том, что преподаватель таким приемом желает создать благоприятный психологический фон для усвоения и понимания материала, но это и неважно. Главное, что была адекватная реакция. На семинарах время от времени они ставили интересные вопросы. Видно было, что не лыком шиты, а начитаны и задумываются над своим жизненным опытом. Особенно Юра Шарик. В дальнейшем случилось так, что с Юрой и его женой Юленькой

мы семьями сдружились и провели в веселье и радости много праздничных встреч.

Мы с А. Гусиным стали преподавателями цикла юридических дисциплин. В той же роли выступали Е. Тарасова, А. Романов, К. Мялло. В. Липп и ряд других педагогов, находившихся в штате и вне его. Через пару лет Азарий перешел в учебный отдел и стал его руководителем.

В. Витюшова как начальник цикла никакой инициативы не проявляла, выполняя лишь функцию передаточного механизма распоряжений учебного отдела школы к нам об организации открытых занятий, об отображении в лекциях материалов всесоюзных партийных и государственных документов, о текстах лекций.

По каждой теме требовалось полностью письменно изложить ее содержание. Работа, особенно вначале, казалась изнурительной и формально-бессмысленной. Но все-таки если ты по каким-то причинам не смог учительствовать, то твой «заменщик» имеет представление, в каком ключе ты раскрываешь тему. К тому же и пропустивший занятие ученик получает источник нужной информации. Работавший на цикле после моего ухода из ТШМ мой друг Вадим Гужов обрадовал меня сообщением, что, ведя курс советского государственного права, пользовался моими лекциями.

Кроме этой писанины мне хотелось чего-то большего. Став соискателем ученой степени при юрфаке ЛГУ, по вечерам в кабинете юрцикла я работал над первой своей статьей «Материальное содержание основания уголовной ответственности» как возможной публикации по прогнозируемой теме диссертации «Разграничение преступления и гражданско-правового деликта». Статья появилась позже во всесоюзном журнале «Правоведение» и, как мне рассказывала доцент Н. В. Лясс, получила высокую устную оценку профессора М. Д. Шаргородского*.

* Михаил Давидович Шаргородский – знаменитый теоретик в области уголовного права и общей теории права. На здании юридического факультета ЛГУ помещена мемориальная доска в его память.

Тему диссертации по прошествии времени пришлось изменить.

Событийным стал 1956 год с его XX съездом партии. Спустя несколько месяцев после него в ТШМ прибыла комиссия из Москвы. Ее возглавлял полковник Зуйков. Позже, став доктором юридических наук и профессором (заведующим кафедрой) Высшей школы МВД СССР, он получил известность как один из создателей советской криминологии. (Точнее, из ранее существовавшей, а потом много лет запрещенной эта наука стала разрешенной властями.) Уже тогда было заметно, что по задаваемым им вопросам, манере выслушивать собеседника, по рекомендациям для улучшения образовательного процесса к нам приехал не типичный чиновник.

Мне доверили сделать доклад о влиянии партийного съезда на образовательный процесс в нашем учебном заведении. Зуйков потом похвалил, но и пожурил за слишком уж чрезмерную метафоричность изложения.

За собой я все чаще стал замечать, что написание текстов лекций, теоретических эссе, проведение учебных занятий мне доставляют удовольствие, но практическое соприкосновение с милицейской работой выливается в не очень приглядную картину.

Проходя положенную преподавателю стажировку в таллиннской милиции, я допрашивал вора в связи с предъявлением ему обвинения в крупной краже. В университете учили, что в преступнике надо видеть человека и относиться к нему подобающим образом. Обращаясь на «вы» к допрашиваемому, спрашиваю, признает ли он себя виновным. В ответ получаю презрительный взгляд и гробовое молчание. Разъясняю ему собранные на момент предъявления обвинения доказательства и вежливо предупреждаю, что его молчание может дорого обойтись при вынесении судом приговора. Никакой реакции. Бился я с ним около часа – и все безрезультатно. Тут в мой кабинет заходит замначальника следственного

отдела. Сразу раскусив ситуацию, он обкладывает моего дяденьку трехэтажным матом, переходит на блатной жаргон, грубо загибает вверх рубашку, обнажая шрамы на животе в виде креста, бьет кулаком в ухо. Ответная реакция меня потрясает. Подследственный расплывается в улыбке, говорит, что наконец-то имеет дело не с пионером, а с настоящим ментом, и начинает давать показания.

Начальником следственного отдела милиции города был человек по фамилии Мянни. Имени и звания его не помню, но внешний образ врезался в память. До зеркального блеска выбритый череп, тонкая ниточка поджатых губ, тихий голос, сверлящий тебя насквозь взгляд маленьких глаз. По его распоряжению заместитель начальника Павел Бейлинсон дает мне, стажеру, поручение доставить подследственного, содержащегося в Батарейной тюрьме, в городскую милицию на улице Вакзали.

Я растерян. Поручение, как понятно, невыполнимое по целому ряду причин. Авто не дают, о наручниках даже речь не идет, я не обучен боевым единоборствам и физически не силен, к тому же и опыта нет никакого. Что, арестованного везти, как туриста, в общественном транспорте? Делаю вид, что готов выполнить любое задание грозного начальства, хотя понимаю: надо мной издеваются.

По дороге соображаю, что делать. Перекладываю выданный мне документ во внутренний карман пиджака, да так, что сверху он прикрыт носовым платком, какими-то записочками. Возвращаюсь назад и сообщаю, что документ случайно потерял. Разражается искусно разыгранный скандал. Мянни заставляет вывернуть все карманы. Обнаружив документ, покрывает меня десятиэтажным матом. Больше мне никаких поручений не дают.

Что ж? Как говорят, каждому свое. Можно быть отличным оперативником и никуда не годным педагогом,

а можно – и наоборот. Конечно, встречаются идеальные сочетания и того, и другого, но это не про меня.

Спустя более чем полвека получаю приглашение в Эстонский клуб ветеранов МВД, и бывшие курсанты, а теперь уже седые пенсионеры вручают старику почетную грамоту, а еще и две медали как знаки признания прошлой преподавательской деятельности.

Работа была хоть и интересной, но напряженной и утомительной, особенно в первый учебный год. Лишь постепенно появилось время для продолжения собственного образования. Кроме аспирантуры подготовиться к защите кандидатской диссертации можно было и путем так называемого соискательства. Тебя прикрепляли к избранной кафедре с правом самостоятельно готовиться к экзаменам высшей категории, но без права посещения занятий для аспирантов.

Сначала моя попытка стать соискателем успехом не увенчалась, на юрфаке ЛГУ мне в просьбе отказали. Тогда я обратился к ректору университета академику Александру Даниловичу Александрову, и он, согласившись с аргументами, приведенными в заявлении, решил вопрос в мою пользу.

Ректор знал меня и раньше. На последнем курсе как руководитель комсомола я организовал диспут «Есть ли среди нас обыватели?», в котором участвовало около двухсот человек. В моем докладе прозвучало обвинение в адрес ректората, не обоснованно, на мой взгляд, исключившего из университета однокурсника. Тот, находясь в ситуации необходимой обороны, дал отпор своему обидчику. Конфликт возник на национальной почве.

Не успело под аплодисменты зала прозвучать последнее слово доклада, как из заднего ряда на сцену промчался человек, которым оказался сам ректор. Он кричал, что я не понимаю национальную политику партии, что я не руководитель комсомола, а либеральный «интеллигентик» и т.п. Зал затих и в скором времени

опустел. Неделю спустя ребята из комитета комсомола университета сообщили, что А. Д. Александров просил передать мне свои извинения за оскорбительные слова, произнесенные им на диспуте.

Еще в студенчестве меня всерьез заинтересовало уголовное право, а потом – и криминология, которые многие последующие годы я изучал, как это ни парадоксально звучит, в порядке хобби. В ТШМ мне выпало одновременно вести три предмета: теория государства и права, советское государственное право и советский уголовный процесс. На момент моего появления в школе уголовное право преподавала начальник юридического цикла Валентина Николаевна Витюшова, заменить которую мне представилась возможность на короткое время лишь единожды. Даже кандидатская и докторская диссертации спустя годы были защищены в условиях, когда у меня не было до этого ни одного месяца преподавания этих предметов, а зарплату получал совсем за другой свой труд.

Тем временем пришел день сдачи кандидатского экзамена по специальности. В помещении кафедры уголовного права юрфака ЛГУ мои ответы на экзаменационные вопросы, сформулированные профессором Шаргородским, слушали несколько профессоров и доцентов. Сложилось впечатление, что присутствовавшие заинтересовались трактовкой экзаменуемым проблем соотношения понятий преступления и состава преступления, акцессорной теорией соучастия и уголовно-правовых взглядов И. Канта, Г. Гегеля и Ч. Беккариа. Отличная оценка стала тому подтверждением.

К концу 1958 года все экзамены были сданы. Эти выскотки приходилось брать с большим напряжением сил. Соискателю никакого специального отпуска для изучения экзаменационных материалов не полагалось, а число источников, подлежащих штудированию, было внушительным. Скажем, по философии – более 130

наименований трудов классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС, монографий, учебников, статей в философских журналах. Основная нагрузка ложилась на очередную отпустку.

Как-то мы с Азарием Гусиным летом пребывали по путевкам, полученным на работе, в сочинском доме отдыха МВД. Он на солнечном пляже увлеченно играет в волейбол, а я, пристроившись в тени куста, пытаюсь разобрататься во взглядах Людвиг Фейербаха.

На экзамене, что был на философском факультете ЛГУ, я попробовал схитрить, спросив у экзаменующего профессора, можно ли мне вопрос о необходимости и случайности изложить в аспекте уголовно-правовой доктрины причинной связи. К моей радости, он дал согласие, но каково же было мое удивление, когда из дополнительных вопросов я понял, что экзаменатор философ в курсе той дискуссии, которую по рассматриваемой теме ведут специалисты в области уголовного права.

За время работы в Таллиннской школе милиции я еще дважды пытался стать аспирантом, чтобы получить свободное время для написания кандидатской диссертации.

Однажды, листая журнал «Советская милиция», я обнаружил в нем объявление о приеме в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР в Москве, в том числе и по специальности «советское уголовное право». Направив документы по указанному адресу, я вскоре получил приглашение на вступительные экзамены. В связи с тем, что соискательство не прошло бесследно, мне предложили сдать экзамен только по уголовному праву. Пытали меня больше часа, в конечном итоге, не объявив результата, велели возвращаться восвояси и ждать письменного решения. Сердобольная пожилая лаборантка кафедры сказала по секрету, чтобы я не питал никаких надежд, так как на ее памяти еще не было случая, чтобы человек моей национальности был принят в адъюнктуру.

Через пару недель пришло сообщение об отказе в приеме из-за отсутствия стажа оперативно-следственной работы, хотя приводились данные, что мной было набрано 19 баллов из 20 возможных при отсутствии конкурентов на одно конкурсное место.

Признавать этот эпизод окончательным поражением не хотелось. Исчерпаны были еще не все возможности. Дорога вела обратно на юрфак ЛГУ, но теперь уже в аспирантуру. Единственным экзаменом, который надо было мне сдать, была история КПСС. Испытание проходили несколько человек, претендовавших заняться научной юриспруденцией по разным ее отраслям. Среди вопросов, которые мне надо было осветить, оказался и такой, как критика теории перманентной революции Льва Троцкого. Когда ответ был окончен, экзаменатор заинтересовался, читал ли я публикации этого уклониста в подлиннике. Естественно, ответил я, не читал, так как они многие годы находились под цензурным запретом. Информацию для экзаменационного вопроса я получил в одной из статей И. В. Сталина, где данная теория и ее критика изложены довольно подробно. В ответ услышал, что человек, идущий в науку, должен изучать первоисточники.

Когда после экзамена я вышел в коридор, ко мне обратилась замдекана факультета, Она, назвав меня по имени, попросила о помощи. По ее мнению, мой рассказ на экзамене был блестящим, а вот девушка, которую она опекает и которая готовится к ответу, ничего не знает. Не мог бы я написать ей шпаргалку? Эта просьба очень быстро была мной выполнена.

Слушая объявление о результатах экзамена, я был потрясен. Девушка, которой я помог, оказалась моей конкуренткой в аспирантуру по кафедре уголовного права. Ей поставили оценку «отлично», что позволило занять единственное вакантное место на дневном отделении. Мне же выставили «удовлетворительно» и предложили

заочную аспирантуру. Ничего другого не оставалось, как согласиться. Пару лет спустя кто-то рассказал, что молодая аспирантка не выдержала испытания учебой и добровольно ее прекратила.

Вскоре события развернули мою тропу в другую сторону. Случайно на одной вечеринке в Таллинне я познакомился с человеком, который, узнав о моей заочной аспирантуре, предложил занять место в секторе права Института экономики Академии наук ЭССР. Там можно будет спокойно писать диссертацию и получать за это зарплату. Так и было сделано. Это был 1962 год.

Помню, что уйти в науку пытались еще двое преподавателей ТШМ. Но мне повезло больше, чем им.

Пришла пора расставания с первым местом педагогической работы. О. Я. Юргенсон пожелал мне большой дороги. Таллиннская школа милиции создала условия для роста и надолго стала предметом самых теплых воспоминаний. Привожу фрагмент текста сочиненной мной уже в нынешнее время песни.

*Разве забыть нам возможно
Время начала пути?
Звучало оно тревожно,
Но были молоды мы.*

*По Мустамаяйской вершине
Наша тропа пролегла.
В центре зеленого Нымме
Жизнь курсантская шла.*

*Таллиннской школы милиции
В Нымме давно уже нет следов,
Но без ненужной амбиции
Скажем о ней пару теплых слов.*

*Те, кто школу окончили,
Те, кто знал, как их учить,
Долгом уполномочены
Добрую память о Школе хранить*.*

Защита кандидатской диссертации состоялась в октябре 1964 года на заседании Экономико-юридического ученого совета Тартуского университета. Рукопись, представленная к защите, хранила на себе следы ТШМ в виде красочных схем, выполненных моим бывшим курсантом, позже преподавателем и начальником цикла подполковником Юрием Алексеевичем Шариком.

Через пару месяцев мне была присвоена ученая степень кандидата юридических наук, что по современной «табели о рангах», принятой в Эстонии, означает – доктор философии (*PhD*).

В советское время существовала еще более высокая ступень акцептированной научной квалификации. Это была ученая степень доктора той или иной отрасли науки (в данном случае – доктор юридических наук). Я получил эту степень после защиты второй диссертации на Диссертационном совете юридического факультета ЛГУ в декабре 1974 года.

К этому времени прошло уже десять лет, как началась моя преподавательская деятельность в Таллиннском политехническом институте (ныне ТТУ). Там я стал доцентом, позже – профессором и заведующим кафедрой. Высшая школа заинтересована в росте квалификации преподавателей. Более года я был освобожден от преподавания для написания докторской работы. Диссертация на тему «Криминологические проблемы взаимосвязи личности и общественного порядка» прошла все ступени апробации, включая первую защиту, Экспертный совет Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в Москве, вто-

* Юзеф Лившиц. Мой дом — Эстония, а родина — Питер. Авторские песни. Таллинн, 2017, с. 58.

рую защиту – в московском головном институте, пленум ВАКа. Только в 1981 году я смог облегченно вздохнуть, получив окончательное положительное решение из Москвы. Эта история весьма занимательна и поучительна. Она заслуживает самостоятельного освещения, что, может быть, смогу сделать как-нибудь потом.

После восстановления независимости эстонского государства я работал в нескольких частных вузах: Лех; Эстоно-американская бизнес-академия, Социально-гуманитарный институт и др. Немалое число моих бывших студентов трудится в полиции, прокуратуре и иных органах эстонской юстиции.

Знаменитый русский писатель Максим Горький повесть о своем взрослении назвал «Мои университеты», хотя высшего образования никогда и нигде не получал. Уроки жизни приобретаются самостоятельно в различных ее проявлениях и ипостасях. В моей социализации, как и у каждого, роль учителей сыграли многие обстоятельства. Одним из важнейших стало то, как я стал семейным человеком.

Карл Либкнехт начинает свои воспоминания о Карле Марксе с описания его внешности. Оказывается, у великого ниспровергателя капитализма ноги были непропорционально короче туловища, что вроде бы свойственно многим евреям. Если не головой, то ногами я походил на автора «Капитала». Сидя на подоконнике, я ими покачивал вперед-назад и с удовольствием взирал на двигающиеся в ритме танцевальные пары.

Зал дворца Меншикова, т.е. Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина, студентом первого курса которого мне довелось тогда быть, казался переполненным. Только что закончился концерт студенческой эстрады, которая получила признание далеко за пределами *alma mater*. За несколько месяцев учебного года удалось уже провести пару подобных вечеров, самодельные артисты каждый раз превосходили самих

себя, а их старания породили молву, распространявшуюся по городу, что ЛЮИ – это то место, куда стоит сходить, чтобы от души повеселиться. А тут еще и майское опьянение, усиливающее влечение двух полов потереться о третий: белые ночи, цветение сирени, призрачные красоты набережной Невы... Кто-то из студентов сочинил песню, предугадывавшую будущую тоску по этому времени. Она была популярна. Запоминающийся мотив, романтический текст.

*Вспомню город наш прекрасный над Невой,
Вспомню встречи и прощания с тобою.
Для тебя я каждый день
По садам ломал сирень,
Но не мог лишь объясниться я с тобою.*

*Припев
Не забуду никогда про эти встречи.
Не забуду никогда прощальный вечер.
Пусть дороги далеки,
Для друзей они близки.
Если сильно любишь –
Значит, не забудешь.*

Она подошла ко мне как-то незаметно. Робко спросила, танцую ли я. Так как был объявлен «белый танец», а отказываться от женского пожелания в силу традиции не позволялось, то я прыгнул с подоконника и не очень уверенно начал шевелить ногами, повинаясь музыке и используя руки для соединения с партнершей.

Девчонок я, ранее обучавшийся в мужской школе, не то чтобы боялся, но остерегался. Начитался всякой литературы о женском коварстве, безумии любовной страсти и поломанных из-за любви человеческих судьбах. Пушкин («Евгений Онегин»), Стендаль («Красное и черное»), Л. Толстой («Анна Каренина», «Воскресе-

ние»), Золя («Нана»), Мопассан («Милый друг»), Куприн («Яма», «Поединок»), А. Толстой («Хождение по мукам») Шолохов («Тихий Дон») и т.п. Это впечатляло.

А тут еще монашеские табу, культивируемые комсомолом, маленьким функционерчиком которого мне доводилось неоднократно бывать. Ведь на заседании комитета института заставили одного бедолагу под угрозой исключения из комсомола дать клятвенное обещание взять в жены девчонку, которая заявила, что забеременела от него во время какой-то студенческой вечеринки на ее квартире. Отношение с девочкой как с товарищем – будьте любезны. Но чтобы целоваться – ни-ни! Разумеется, я знал, что поцелуй не является способом оплодотворения, но к этому времени ни к одному девичьему личику я губами не прикоснулся. При этом я гордился воздержанием, считая себя волевым человеком, хотя временами о женщинах все-таки думал и фантазировал.

Танцуя, познакомились. Ее звали Ритой. Меня осветил взгляд ее больших карих глаз. Так на меня еще никто не смотрел, кроме мамы. А еще две наивные девчачьи косы, толстые и плотные, то ли выставленные наружу ради нежелания расставаться с недавним детством, то ли впечатляющие знаками улетающего из нашей теперешней жизни целомудрия.

О чем могут говорить делающие только первые шаги на пути знакомства юные создания? О своих самых непосредственных впечатлениях в неосознаваемой надежде найти некий мостик, соединяющий умонастроения друг друга.

Мы же со спутницей, идя по набережной Невы, вспоминали прошедший вечер, концерт. Естественно, у нее возник вопрос, почему я не танцевал, как многие другие парни. Неужели этому не обучен? Пришлось признаться, что танцевальное искусство дается мне плохо, но также сообщить о другом векторе своих интересов. Тут рассказ пошел о пионерлагерях, связанных с ними увлечениях,

восторгах, переживаниях. Когда я проводил напарницу до ее дома, она уже услышала декламацию пролога театрального монтажа, с которым наши лагерные «артисты» с успехом выступали в Театре юного зрителя города.

*В бурях рожденный,
В боях закаленный,
За партией твердо идешь ты и шел.
Славься, отважный, краснознаменный,
Ленинский, сталинский наш комсомол!*

Могу себе представить, какие ощущения возникли бы у современной девушки, если бы только что познакомившийся с ней молодой человек декламировал ей не любовную лирику, а политически ангажированный пропагандистский текст! Но у Риты мой монолог не вызвал никакой негативной реакции, потому что шел 1952 год, когда для какой-то части молодежи такие настроения были еще вполне естественными.

Много времени для того, чтобы возникло ощущение родства и душевной близости, мне не потребовалось. Любопытно, что наше единение кое-кому было очевидным значительно раньше, чем его понимание пришло ко мне. Один однокурсник еще в самом начале студенчества обратил мое внимание на то, что есть девчонка, которая прямо создана для меня. Рита потом мне рассказывала, что примерно то же самое (уже обо мне) он говорил и ей. А мне все больше и больше хотелось быть рядом со своей Риточкой.

Что это было за чувство, как раньше, так и теперь объяснить затрудняюсь. Тут встречаются разные понимания. Может быть, точнее всего его объясняют малыши. Исследователи как-то попросили мальчиков и девочек в возрасте от 4 до 8 лет ответить на вопрос «Что такое любовь?» Приведу некоторые ответы.

Когда бабушка заболела артритом, она больше не могла нагибаться и красить ногти на ногах. И мой дедушка постоянно это делал для нее даже тогда, когда у него самого руки болели артритом. Это любовь.

Если кто-то любит тебя, он по-особенному произносит твое имя. И ты знаешь, что твое имя находится в безопасности, когда оно в его рту.

Любовь – это когда папа видит маму в туалете и думает, что это не противно.

Наше общение друг с другом обогащалось увлекательными занятиями и встречами. Зимой ходили на каток в ЦПКО им. Кирова. Проникали без билетов через лазейку в заборе. Звучали по радио популярные мелодии зажигательных песен, масса мальчишек и девчонок скользила группками и врозь по льду, освещавшемуся прожекторами. К Ритусе-студентке часто пристраивались школьники отнюдь не старших классов, принимая ее косички за пропуск в их клан. Почему-то у нее появилось прозвище «Дочь Марии Исаковой» (знаменитой в то время покорительницы конькобежных дистанций), хотя она конькобежным мастерством не блистала.

Устанем – посидим, перекусим хлебом с солью, прихваченным из дома, и снова кружим по льду до изнеможения.

Часто занимали друг для друга места в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, где было не только много полезного, но и занимательного в смысле книг, журналов, подшивок газет и просто общения. Чтобы попасть в Публичку, нередко приходилось выстаивать длинную очередь. Наконец-то продвинулся к вешалке, а там такой вежливый гардеробщик скажет «Будьте добреньки!», повесит твою пальто, и улыбка до ушей, а при уходе из библиотеки подаст тебе пальто, поможет его надеть, и все с той же подобострастной улыбкой. Как тут из последних грошей не дать ему «на чай»?!

Кажется, в библиотеке Ритуса и познакомилась с некоторыми моими бывшими одноклассниками. Так что когда нас с ней позвали на встречу Нового года к школьному товарищу, который проживал с родителями в доме Толстого на ул. Рубинштейна, она без колебаний согласилась.

Мы смастерили подобие елки, поставив ее щеткой вверх и прикрепив защипками для бельевых веревок планочки со свечками. Стол был скудный. Вареный картофель, репчатый лук, селедка с душиком, традиционный студенческий винегрет и много водки.

Последнее обстоятельство имело свои последствия. Вдруг исчез один из весельчаков. Вслед за ним пошел другой. Я вышел на лестничную площадку и увидел первого, в бесчувственном состоянии неудобно лежащего прямо на ступенях лестницы, и второго, укладывающегося рядом с ним. «Для друга – все!» – сказал второй, снял с себя пиджак, прикрыл им первого и в белой рубашке лег прямо в грязь, оставленную растаявшим снегом с чьих-то сапог.

Другой случай свел Риту с моими школьными приятелями, когда кто-то из них проявил инициативу пойти в ресторан гостиницы «Европейская». Зачинщиком был явно не я. К ресторанам, как раньше, так и теперь, отношусь с предубеждением. Тебя там неизбежно облапошат, хотя, может быть, и сделают это элегантно. К тому же ты не знаешь, что происходит до того, как официант поставит на стол заказанное блюдо. Чувство вроде бы не обманывало.

Как-то в газетах Эстонии появился материал о скандале, разгоревшемся в одном из ресторанов Таллинна. Клиент выразил недовольство поданным по его заказу бифштексом. Официант отнес блюдо на кухню, отдал его разогреть, а потом на глазах коллег, видно, рассчитывая на их солидарность, трижды плюнул на мясо и с улыбочкой доставил блюдо довольному клиенту. Солидарности

не получилось, а хулигана выгнали с работы. Но гарантии, что в другое время и в другом месте подобное не повторится, никто дать не может.

Все же четверо экс-школяров инициативу поддержали, Рите тоже, видно было, хотелось новых впечатлений, и я сломался. Помещение оказалось шикарным. Мы заняли кабинет на втором этаже (точнее говоря, это были антресоли), откуда открывался вид на большой зал, столы которого лишь в незначительной части были заняты клиентами. Кстати, за одним из них мы заметили одиноко поглощающего водку известного в то время комедийного артиста Филиппова. Камерный оркестр тихо играл популярное танго. Разумеется, наш заказ был скромным. Но Ритуса просто потрясла. На мой вопрос, чем бы она хотела побаловать себя в ресторане, она ответила без кокетства и юмора:

– Макаронами с котлетой.

Наше чувство праздника резко уменьшилось.

Мы стали слушателями лектория Эрмитажа об истории изобразительного искусства итальянского Возрождения. Хотя билеты в театры и на концерты были вполне по ценам доступны для людей среднего достатка, но мы были ниже этого уровня. Использовали контрамарки, доставаемые знакомыми, или уж покупали такие билеты, по которым довольствовались самыми никудышными местами.

Как-то папа провел нас на эстрадный концерт в саду театра Буфф, что на набережной Фонтанки. Зрелище оказалось веселым и поучительным. Конферансье Муравский, высокий грузный мужчина с бархатистым голосом, вышел на сцену с маленькой гитарой и начал рассказ, напичканный анекдотичными ходами, о том, что он собирается на ней сыграть. Сказано было много, да так и не сыграл.

Вместо того чтобы указывать пальцем на вечно злободневный факт эзоповым языком, который, как некоторые

считали, стал нам в те времена дороже языка Пушкина, артистично клеймились болтуны, но мне тогда даже в голову не пришло, что к их числу могли быть отнесены и правители страны, постоянно обещавшие народу светлое будущее, которое все не наступало.

Удалось нам побывать на спектаклях Театра эстрады, где блистал элегантным, но в то же время сатиричным юмором незабвенный Аркадий Райкин, а куплетисты Рудаков и Нечаев веселили народ острыми частушками.

В Михайловский театр (Малый оперный) нас пропустил по благу дядя Ося – двоюродный папин брат, виолончелист оркестра, заслуженный деятель искусств, кавалер ордена Знак Почета, который был гордостью семейства Лившицев.

Музыка была с нами. Слушали с замиранием сердца в Большом зале филармонии Чайковского, Бетховена, Шостаковича. Она в ее лучших оперных, балетных, симфонических, песенных, танцевальных вариантах часто звучала из репродуктора.

А иногда ходили в Летний сад, и там духовой оркестр то исполнял увертюру к «Сороке-воровке» Джоаккино Россини, с самого начала взбадривающую слушателя упругой барабанной дробью, то играл душевно мелодичное попури на музыку оперетт Имре Кальмана.

Не стал исключением и драматический театр. С этим видом искусства у меня сложились сложные отношения. К сожалению, получалось так, что в ту пору, о которой идет речь, мы как-то попадали на невзрачные представления. Пошли на «Дочь прокурора», повинувшись профессиональному интересу будущих правоведов. Спектакль привез украинский театр. Звучала украинская речь. Из того, что мы поняли, а поняли мы мало, складывалось впечатление какого-то серого действия. Ушли, так и не досмотрев до конца,

В Театре комедии смотрели «Софью Ковалевскую». Сидели на приставных стульях далеко от сцены. Было

скучно. Я чуть не заснул. Чтобы этого не случилось, решил подшутить над Ритой, находившейся передо мной. Ножку стула можно было сложить. Это я и сделал своей ногой. Раздался грохот. Рита на меня рассердилась, но со временем простила.

В Александринском театре (Академический драматический театр им. А. С. Пушкина) мы оказались на драме Василия Катаняна (отца) «Они знали Маяковского». Попали туда в составе представительства питерской студенческой молодежи. В зале была избранная публика. В том числе автор и его жена Лиля Брик – бывшая дама сердца Владимира Маяковского. Рыжеволосая с рыжей лисой на плечах. Главного героя играл Николай Черкасов – один из самых знаменитых актеров того времени

Пьеса явно не удалась. Но когда я вместе с несколькими другими студентами после закрытия занавеса был приглашен в артистическую уборную всесоюзной театральной звезды, сказать ему правду не смог.

Черкасов, сидя перед зеркалом, снимал грим с лица. Он, естественно, поинтересовался нашим мнением. Кто-то от имени студентов заверил его, что это чуть ли не гениальный спектакль, а актер в роли Маяковского был бесподобен. Остальные, и я в том числе, не произнесли ни звука, всем своим видом показывая, что молчание есть знак согласия. Зато все были награждены рукопожатием знаменитости.

Не сомневаюсь, что встречаются и драматические шедевры. Но драматический театр, в принципе, берет на себя большую ответственность перед зрителем и редко справляется с этой миссией. Человек, читая книгу, повинуется таланту автора, но зрительный образ героев создает для себя самостоятельно. И в этом качестве он становится как бы соавтором, наделенным свободой воображения, переводящим авторский текст на почву индивидуально-личностного восприятия, что в конечном итоге и требуется. На спектакле же он этой свобо-

ды лишен и должен все воспринимать так, как решил не только автор, но режиссер и актеры с учетом скромных (по сравнению с кино и телевидением) ресурсов сценической площадки.

В опере, балете, оперетте, мюзикле недостатки либретто или артистичности могут быть с лихвой компенсированы музыкой и вокальным (танцевальным) мастерством исполнителей, что чаще всего и бывает. В рассматриваемом же случае таких подпорок нет (хотя и драматические режиссеры все чаще прибегают к поддержке других искусств, но в своей основе это ничего не меняет).

Подобного рода соображения сыграли свою роль. В последующей жизни мы с Ритулей отдавали предпочтение музыкальным жанрам, а не драматическим.

Наш дуэт сложился по прежним нормам семейного бытия и существует уже 65 лет.

Потом было многое, что положено на роду совместной жизни. Но первое знакомство обошлось без страстных объятий, обжимов, залезания руками в засекреченные места и тем более – без пролового секса. Этика освещалась факелами, зажженными Павкой Корчагиным, героями войны в их литературном или кинематографическом воплощении, персонажами Джека Лондона, Этель Войнич, Фенимора Купера, Льва Толстого и т.п. В те годы в моем кругу общения мало кто мог согласиться с афоризмом нынешнего времени: «Раньше я любил лето, но потом понял, что лето может быть в любое время года, были бы деньги... Теперь я люблю деньги». Многое изменилось.

Я родился 12 августа 1932 года. Прожита большая жизнь. Уча других, я все время учился сам. Создал 27 книг, много научных статей. В 2001 году был избран *emeritprofessor* (почетным профессором) Таллиннского технического университета, в 2011 году – членом-корреспондентом Международной академии наук Высшей

школы. На закате лет ударился в сочинительство авторских песен. Их накопилось более ста. Время от времени в Таллинне и других местах проходят их презентации. Пока что успокаиваться не собираюсь.

Узнать больше о моей жизни и творчестве, а также ознакомиться с моими трудами по юриспруденции можно на сайте

www.juzeflivshic.eu

Курсант Таллиннской школы милиции.

Юзеф Лившиц и его избранница Рита.

В студенческие годы.

Перед лекцией во дворе ТШМ.

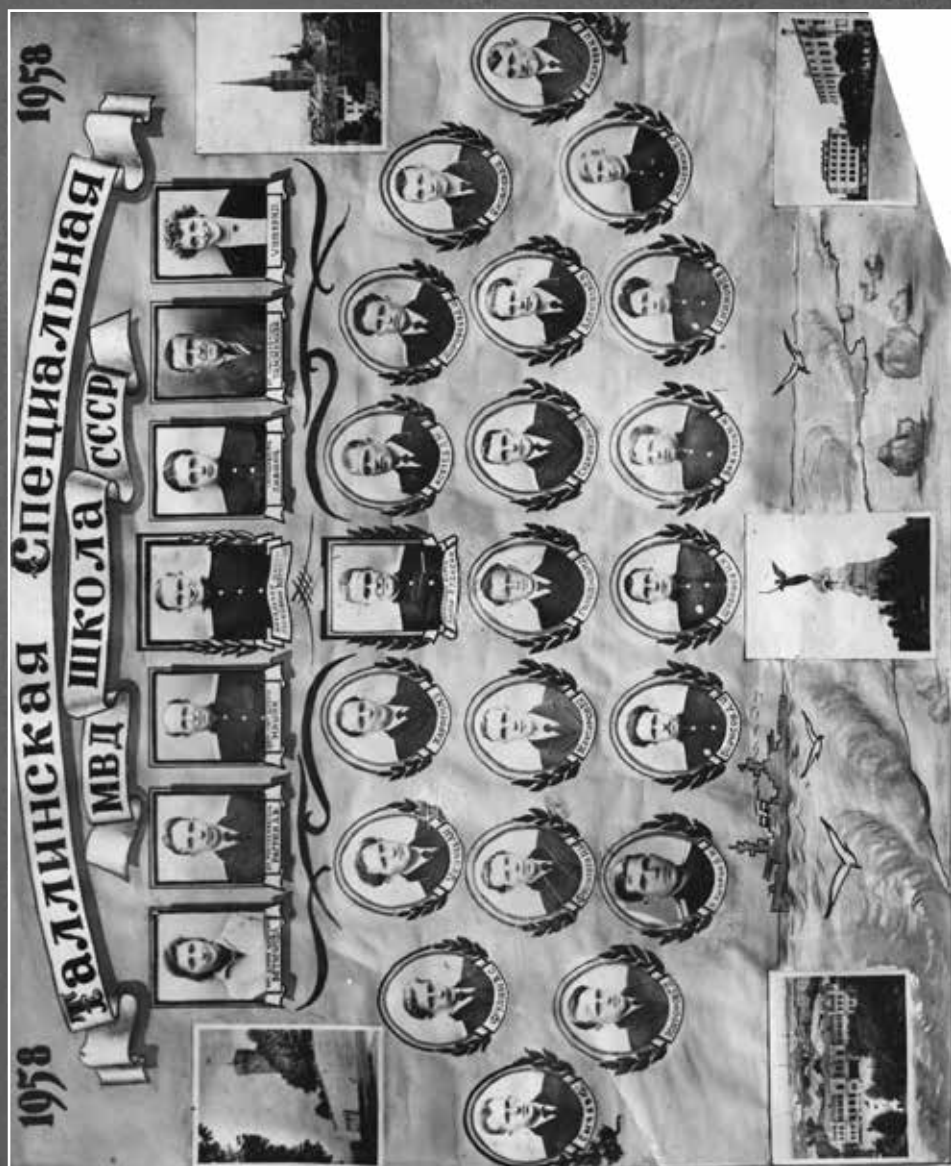
Дежурный по ТШМ.

На экзамене в ТШМ.

Репетиция перед концертом (А. Гусин и Ю. Лившиц, 1957 год).

ТШМ МВД СССР

ПЕТРОВ
МИХАИЛ
ВЛАДИМИРОВИЧ

ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ, ХОТЯ И БЕЗ ОСОБЫХ ЗАТЕЙ: ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ, ЕСТЬ ЧЕГО СТЫДИТЬСЯ, А ЖАЛЕТЬ НЕ О ЧЕМ

Заканчивалась средняя школа, надо было как-то устраивать дальнейшую жизнь. Весь десятый класс у меня было твердое намерение поступать в Киевское военно-морское политическое училище. Ради этого в десятом классе я даже вступил в комсомол. Увы, весной романтика морей обломилась об плоскостолие.

Терять время на армию не хотелось, и я стал подумывать о милиции. В Омске отыскалась высшая школа, единственная в Союзе, куда брали без армии. Правда, пришлось годик поработать ради характеристики и рабочей биографии. Так я оказался в Омской Высшей школе милиции, а вместе со мной в школу приняли вместо одного эстонца двух – Антса Райка и Хенна Хейнсоо. Странные были времена!

Об Омске вспоминаю только самое хорошее – умные преподаватели, мудрый, как оказалось позже, начальник курса, друзья, с которыми было интересно, девчонки, с которыми было весело, научное студенческое общество, будившее интерес к непознанному. Об одном только жалею, что, будучи в последний год учебы на практике в Свердловске, сколько раз ходил мимо дома Ипатьева, но так и не нашел времени разыскать дырку в заборе. И возможность такую уже не вернуть.

В ОВШМ МВД СССР меня научили учиться всю оставшуюся жизнь, за что я благодарен *alma mater*. Учи-

ли не зубрить, а знать, где и что можно быстро найти при случае. Учили не просто искать, а находить. Учили не бегать на время, а гарантированно догонять. Учили не просто стрелять, а попадать. Словом, учили корешкам, а не вершкам и верхоглядству, и все это без занудства, почти играючи. При этом был великолепный курс истории и теории государства и права. На выходе из нас получились офицеры с навыками для работы в уголовном розыске и одновременно вполне сформировавшиеся правоведы.

Генералов среди моих однокашников, как блох на собаке. До сих пор благодарен судьбе, что познакомила меня в студенческом научном обществе с будущим генералом, директором Интерпола в России Владимиром Овчинским из Москвы, будущими докторами юридических наук Андреем Вилксом и Михаилом Черноусовым из Риги, Рафиком Экимяном, который начал свою карьеру в московской милиции, а закончил в полиции Нью-Йорка, будущим министром внутренних дел России Владимиром Рушайло и его заместителем Игорем Зубовым.

Да всех и не перечислишь. Главное, что подавляющее большинство моих сокурсников стали выдающимися людьми и офицерами в полном и точном смысле этого слова. Иных уж нет: кого служба забрала на боевом посту, а кого уморила с помощью *profession de foi* в физиологическом смысле, то есть с помощью профессиональной деформации.

На 80-летие школы я поехал в Омск. На второй день, когда закончились официальные мероприятия, я вдруг разрыдался прямо за дружеским столом. Мне стало страшно, что я больше никогда не увижу дорогих мне школьных товарищей.

Мои слезы были знаменiem: спустя восемнадцать лет потери невосполнимы. А теперь нет и самой школы. В этом году IV выпуску уголовного розыска исполнится 40

лет. Я бы поехал, но Омск далеко, и я не уверен, что соберу денег на дорогу.

На последнем курсе я приболел, и на выходе пришлось искать работу полегче, чем на земле. В Таллинне меня приняли на работу в специальную среднюю школу милиции. На юридическом цикле под руководством подполковника Розина-Розанова я выучился преподавательскому искусству. Главным было не что преподавать, а как. Если умеешь как, то уже не так важно, что. Методология!

Странные были времена: мы разрабатывали лекции по уголовному праву и процессу, гражданскому праву и т.д., в которых применяли идиотские постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. На партсобраниях еще только ставили вопрос о применении постановлений в учебном процессе, а Розин-Розанов отчитывался: мы уже!

Это был великолепный тренинг для ума. На юридическом цикле я научился писать, то есть связно излагать свои и чужие мысли на бумаге – отличное дополнение к умению учиться!

В школе у меня случился залет: загуляли мы с Женькой Макеевым – гусарство, заочницы, коньяк. Кончилось тем, что Женька, подрабатывавший в местном кинотеатре механиком, запустил задом наперед вторую часть боевика «Торговцы смертью» с Альберто Сорди в главной роли. Вышел небольшой скандал с десятком возмущенных зрителей в зале, который легко можно было замаять, но дежурный по школе Слава Москалев, не вылезавший из подобных залетов, заложил нас со всем своим удовольствием. Спасло нас от кровавой экзекуции только то, что Женька в то время был комсоргом школы.

Но нет худа без добра: меня сочли недостойным охраны Олимпийской регаты и назначили синекуру – дежурства по школе. Карточка с аккредитацией в Олимпийском

парусном центре осталась. Магический кусок картона открывал двери в любые городские кабаки, причем без очереди, еще целый месяц после регаты. Мы славно повеселились в то лето.

Любил я захаживать на цикл криминалистики, особенно во время экзаменов. Класс соседствовал с подсобным помещением. В пору экзаменов шел бешеный обмен алкоголем, в приношениях недостатка не было. В классе шли экзамены, а в подсобке мы резались в шахматы на время: взял фигуру, щелкнул по часам и выпил рюмку водки. Гусарство, конечно, но, учитывая совокупность всех залетов, крайне осторожное.

Время такое было странное, когда без этого было никак нельзя. Пила вся страна, и нечто подобное я чуть позже застал в Москве: или ты пьешь наравне со всеми, рискуя новым залетом, или ты чужак – подозрительная личность, возможно, доносчик.

Странные времена, странные персонажи. Этажом выше на цикле административного права был преподаватель, кажется, в то время еще майор, который, приходя на работу, снимал ботинки и носки, поставив ноги на резиновый коврик, наматывал на руку толстую косицу из медного провода, прикрученную к батарее парового отопления, – заземлялся. Глядя в окно, произносил загадочное: «Хочу на гражданку». Тем более загадочное и двусмысленное, что до войны в помещениях школы размещался дорогой бордель. Надо заметить, что по доброй воле на гражданку никто не хотел, гражданкой пугали.

Другой забавный персонаж – начальник курса. Я для него был салага, чуть старше его курсантов, и он публично подкалывал меня при каждом удобном случае. Мне надоело, и я применил к начальнику простенький психологический прием. Каждое утро, не дожидаясь очередной колкости и непременно при всех, я участливо освещался, хорошо ли он спал ночью и как себя чувствует

с утра: «Что-то мешки под глазами у вас сегодня распухли, и кожа бледновата. Не мешало бы и в санчасть заглянуть». В зависимости от настроения, кожа могла быть красноватой, желтой или синюшной. Подколки быстро прекратились.

Помню историю с замполитом по фамилии Геллер. Он был дядей моего одноклассника по средней школе. Общались мы по службе мало, но однажды он пришел ко мне в кабинет, и мы проговорили часа полтора о каких-то пустяках. В тот же день вечером он умер дома на кухне. Потом оказалось, что накануне замполит обошел всех преподавателей, которых нашел не на занятиях. Как чувствовал. Иногда я ему завидую.

Потом я оказался во ВНИИ МВД СССР на улице Воровского (до того и после того – улица Поварская). Против окон моего кабинета располагалось музыкальное училище имени Гнесиных, летом невозможно было работать при открытых окнах из-за какофонии музыкальных инструментов и учебного вокала.

Наш отдел изучал криминогенную обстановку в нечерноземной полосе России – это было не только познавательно, но и поучительно. Я тогда объездил много разных – нечерноземных – мест и повидал всякого на земле и в судах, особенно в судах и в ментовке. С весны до осени отдел был в разъездах, собирал информацию по профилю. В то время моим главным оружием был калькулятор. До электронной счетной машины – прообраза персонального компьютера размером в полкомнаты – меня не допускали.

Осенью начиналась пора застолий по любому поводу. Отмечали все государственные праздники. Кроме этого – защиты диссертаций, очередные звания, дни рождения, сдачу кандидатских экзаменов, зачисление в адъюнктуру, продвижения по службе и т.д. Увильнуть было невозможно, это был тщательно отработанный ритуал. С утра начальник посылал молодых в гастро-

ном за лимонной водкой непременно под винтом. Ближайшее заведение – гастронорм в высотке на Площади восстания. Рабочий день тянулся медленно, умы были заняты ожиданием застолья. За час до окончания рабочего дня лаборантки принимались за оформление пиршественного стола – домашние соленья, заготовки, бутерброды с копченой колбасой.

Застолье не начиналось, пока не приходил замначальника института Бойцов и своим присутствием не освящал пьянку. По сути, каждая такая пьянка была коллективным залетом, с той только разницей, что наказывали не за участие, а за неучастие.

Через год я узнал, что мною просто заткнули дырку в штатном расписании отдела. Я успешно сдал кандидатские экзамены и писал одно за другим обоснования диссертаций, которые начальник отдела Костя Горяинов не читая выбрасывал в корзину прямо у меня на глазах. И ему было плевать, что моим научным руководителем числился тот самый замначальника института – первая рюмка на всех застольях. Но было уже поздно: я продолжал учиться – криминологии, психологии, криминалистике.

Постепенно я в совершенстве овладел методологией и шутя писал обоснования диссертаций по разным юридическим специальностям для желающих учиться в адъюнктуре. Я был единственным научным сотрудником в отделе, чей английский язык позволял свободно читать в закрытой части библиотеки ИНИОН АН СССР (Институт научной информации по общественным наукам) новейшую зарубежную литературу по самой разнообразной, но наглухо закрытой в СССР тематике, включая журналы Интерпола и новейшие труды по криминологии и криминальной психологии.

Это было наслаждение: удрать с работы, проехать по Москве и часа три-четыре посидеть в читальном зале за чтением того, что обыкновенным смертным

было недоступно. Если было лень ехать в ИНИОН, я отсиживался в специальном читальном зале Ленинской библиотеки, до которой было десять минут пешком, тем и спасался.

Параллельно мы с приятелем, специализировавшемся на криминальной психологии, ежедневно посещали с пяток букинистических магазинов в районе Старого и Нового Арбата, начиная с Дома книги. Так пришла вторая специализация – культурология, с акцентом на поэзию и прозу начала XX века. Сережа Кудрявцев специализировался на кубофутуризме, я – на эгофутуризме, и оба охотно собирали и читали «непопутчиков». Был такой термин, обозначавший писателей, существовавших параллельно социалистическому реализму. Как ни странно, все это пригодилось в жизни не меньше криминологии и психологии.

Потом начались еще более странные времена. После смерти Брежнева и Андропова вдруг вспомнили про совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о сокращении ассигнований на науку. Пережив в библиотеках трехкратное выведение за штаты института, я сбежал обратно в Таллинн. Приятель по специальной средней школе милиции Андрес Аавик позвал к себе в следственный отдел Морского РОВД. Работа была необычайно интересная и творческая, позволявшая применять все навыки, полученные за годы учебы – и навыки сыска, и криминалистику, и криминологию, и психологию, и много чего еще. Исключительное удовольствие доставляла работа с уголовным розыском – мы хорошо понимали друг друга, или мне казалось, что понимали. Кажется, что операм тоже нравилось работать со мной, хотя я могу и ошибаться.

Помню такую историю. Закрыли мы в изоляторе временного содержания злодея, а за что, не помню, да это и неважно. Утром кто-то из женщин пошел к прокурору получить санкцию на арест, а прокурор возьми да и отпусти

злодея на свободу. Часов в одиннадцать утра вызывает меня начальник следствия Андрес Аавик.

– Хочешь приколоться над прокурором?

Прикалываться над прокурором дурной тон, а надо сказать, что прокурором Морского района был добрейшей души Прийт Мянник, который приколов не заслужил. Оказывается, пришла сводка из изолятора о том, кто что болтал по камерам. Так вот наш злодей с вечера заявил, что дал взятку прокурору и его утром отпустят. И ведь отпустили!

– Пошли к Прийту, пусть поделится!

Пришли к прокурору. Вместе посмеялись. На этот раз санкцию на арест Мянник выдал нам без звука. К вечеру злодей был уже на попечении Батарейной тюрьмы. Какое-то время, если прокурор не давал санкцию на арест, мы как бы невзначай интересовались:

– А делиться будешь?

Прийт ворчал и нехотя давал санкцию.

Самые теплые воспоминания я сохранил о заместителе прокурора Керсти Юндас. Таких юристов ныне поискать! С полуслова входила в любую следственную ситуацию, могла наподдать за какую-нибудь непроцессуальную ерунду, но могла в случае чего и прикрыть перед начальством, и просить не надо было.

Кстати о прокуратуре. Как-то мне попало в руки уголовное дело с несовершеннолетними, которое разраслось, как снежный ком. Мелкие кражи, но их много, и фигурантов тоже много – человек двенадцать, и состав смешанный – русские и эстонцы.

Дело было под Новый год. Приходит ко мне начальник отдела и вежливо так просит помочь отделу с раскрываемостью, то есть выставить учетные карточки на полтора десятка мелких краж. Отчего ж не помочь, если просят вежливо? Правда, я высказал опасение, что могу сильно подпортить другой раздел статистики, но услышан не был, а зря.

Карточки я выставил, раскрываемость подровнялась, но вместе с ней на полтора или два процента выросло количество преступлений, совершенных несовершеннолетними. Москва не любила таких неожиданных процентов и немедленно накрутила хвоста нашему министру, а тот выдал республиканскому Следственному управлению. В качестве новогоднего подарка управление вздрючило меня, хотя и без особого энтузиазма. Выставленные карточки аннулировали в прокуратуре района аж 31 декабря. Забавно, но начальник даже не извинился.

Потом я узнал, что родители русских подростков из этой группы написали на меня жалобу в республиканскую прокуратуру за то, что я освободил от уголовной ответственности эстонских подростков. Мне даже показали жалобу, в которой я был назван «эстонским буржуазным националистом».

На мою долю выпало посадить первого в Таллинне рэкетира Игоря Калинина. Я его неделю уговаривал оставить в покое предпринимателей из кафе на улице Сикупилли. Он внимательно слушал, кивал головой, но за деньгами все же пришел – жадность победила. Взяли мы его *in flagranti delicto* – с поличным и на месте преступления. На кармане – пачка денег.

– Мое! – решительно заявляет клиент.

Поднесли ультрафиолетовую лампу, а на купюрах надпись: «Игорь, ты дурак». Хохотали до слез, и рэкетиры тоже. Никто тогда не верил в новую статью Уголовного кодекса. Калинин сел, конечно, но ненадолго, а как вышел, то в «Sky bar», что над отелем «Палас», его зарезали, причем исключительно цинично – тупым столовым ножом. Такая вот мелкоуголовная история с драматическим финалом.

Однажды розыск в оперативных целях спрятал в мой железный ящик, заменявший сейф, полтора килограмма травы. Недели две потом, когда я открывал железяку в

присутствии клиентов, по маленькому кабинету распространялся такой смачный конопляный дух, что некоторые, не выдержав соблазна, клянчили травку на косячок: «Ну что вам травки жалко? Вы ж себе еще наконфискуете!»

Мое разложение началось с того, что настали еще более странные времена, предшествовавшие глобальным переменам. Криминогенная обстановка резко ухудшилась. Пошел вал корыстной мелочевки, хулиганства, немотивированного насилия и прочего мусора.

После кратковременной командировки в городское следственное управление в районе мне достались дела без фигурантов – темные. Мои навыки стали не нужны. Очень быстро в железном шкафу не осталось свободного места, и я стал скрываться от работы в одном из кабинетов Дома радио, где мы с Мишкой Рогинским и ныне покойным Валерой Головиным до самозабвения резались в преферанс на интерес: по копейке за вист. Дела копились, но я уже был к ним равнодушен: нет фигуранта, нет интереса.

Только в кино каждый следователь – Мегрэ и Пуаро в одном флаконе, а на практике наличие фигуранта зависит только от сыска. Дело следователя – завоевать доверие фигуранта, грамотно оформить показания и доказательственную базу, лишнего не пришить, уберечь дело от развала и возвращения из суда на доследование. А еще – вовремя распознать самооговор и договорные признания, чтобы розыск в суде не сел в лужу вместе со следствием.

Бывших своих фигурантов, оказавшихся на свободе, я никогда не боялся, потому что, отправляя дело в суд, обрубал все прочие зацепки, кроме главной – в суд и на свободу с чистой совестью! И если применял запас прочности – завышение квалификации, то всегда объяснял клиенту, зачем это делаю и как в суде всего за тысячу рублей адвокат отобьет каждый лишний год отсидки. В

моих делах адвокатские ходатайства были редкостью, разве что это не было вызвано процессуальной необходимостью. Правильное общение с адвокатом – это большое искусство.

Вскоре мне предложили место дежурного помощника начальника отдела – работа сутки через трое. Но выходных оказалось гораздо меньше обещанного, а работа оказалась чрезвычайно нервной. Что бы ни случилось в отделе, виноват дежурный. Например, водитель единственного уазика уехал домой поужинать, вернулся пьяный в хлам – виноват дежурный, не доглядел. И так каждое дежурство.

Если раньше начальник отдела говорил со мной уважительно, обращаясь исключительно по имени-отчеству, то в дежурке на меня орали все кому не лень, даже замполит. После того как ввели должность начальника дежурной части, на ней оказался редкостный ... Ну, вы меня поняли. На время меня спасало обещание закатать ему пулю в лоб, если в мое дежурство он появится на пороге дежурки. Он поверил и до поры обходил меня стороной – затаился. Но я уже понял, что из конторы надо бежать.

Обстановка становилась невыносимой. То опер напьется и устроит стрельбу на улице, то батальон начудит в центре города, то задержанный в обезьяннике вскроет вены... Был у меня один такой – за ночь вскрылся трижды, дважды вызывали к нему скорую. Первый раз у него за щекой была половинка бритвенного лезвия. Второй раз зубами сорвал бинты, а на третий раз я даже смотреть не пошел до тех пор, пока он сам не забинтовал руки. В дежурке неделю пахло, как на скотобойне.

Как-то раз я отправил опергруппу в публичную баню на огнестрел, так они вернулись обратно, не надевая пуленепробиваемых жилетов и даже не передернув затворы на автоматах. Слава богу, что вернулись без потерь. А ведь им просто повезло: злодей со стволом смылся

раньше, чем они добрались до места. Случись что, я был бы виноват.

Помню и такой комичный случай. Грозный опер Леха сидел в засаде в кафе «Кадриорг». Для прикрытия – вместе с продавщицей Галей из продуктового магазина на Паэ. Разумеется, пока сидел, набрался. Ночь весенняя, короткая, вдруг на улице рядом с отделом выстрел из ПМ – спутать невозможно. Похватали оружие, выскочили на крыльцо. В полусотне метров вниз по улице – живописная группа: на асфальте подросток в луже мочи, рядом продавщица успокаивает внезапно протрезвевшего Леху.

Оказывается, к пьяненькому оперу с девахой подвалил эстонский подросток и, поигрывая складным ножиком, невинно поинтересовался: «Mis kell on?» Это в четыре утра-то! Формально настоящий разбой. Леха вынул табельный ПМ и, недолго думая, шмальнул разбойнику под ноги. Галя говорит, что так шарахнуло об асфальт, аж искры полетели. Подросток рухнул как подкошенный. Опер в истерику. Бросил пистолет и, размазывая слезы по щекам, заголосил что было мочи:

– У-убил, су-уку!

Обоссавшегося со страху подростка отвели в обезьянник. И вот я сижу и думаю, что докладывать начальству: опер применил оружие против несовершеннолетнего? И к вечеру нас всех – а меня первого – выставят на гражданку без выходного пособия. Послал машину за родителями, сдали бестолковое дитя им на руки. И слава богу, что никто не вложил, а свидетелей было много. И даже у родителей хватило ума не понести жалобу в прокуратуру.

Бывали ночи, когда вместе со старшиной мы уходили в подвал и в тире по три-четыре часа жгли патроны до звона в голове. И надо сказать, помогало на какое-то время. Кстати, привычка к снятию стресса осталась до сих пор: полчаса с воздушной винтовкой и все печали

до поры рассасываются. Лучшего средства от головной боли, чем сосредоточение на выстреле, а хоть бы из воздушки, я не знаю.

В дежурке на меня орали все начальники, потому что я притащил пишущую машинку и начал во время дежурства писать книгу об Игоре Северянине. Когда меня заставляли за работой над книгой, крик стоял такой, что стекла в дежурке дрожали. Кончилось тем, что нервы не выдержали и я надолго слег. Отлежавшись дома пару дней, пустился во все тяжкие. Это было время «Русского клуба», время сказочного общения – разговоров обо всем, половой распущенности, бутербродов и портвейна. Клуб развратил меня окончательно, в том смысле, что отвратил меня от работы в дежурке.

Отпускать на гражданку меня не хотели. Начальники топали ногами и орали, что я бросаю страну в критический для нее момент. Через год их всех уволили – кого просто так, а кого и с позором. А пока они орали, на гражданку меня вытащил Лейви Шер, который подsunул мой рапорт на подпись депутату Верховного Совета, ведавшему кадрами замминистра МВД ЭССР генералу (?) Лембинену.

И тут началась совершенно другая история.

Семья развалилась вместе с Советским Союзом, практически день в день. Увы, мне некого винить, кроме самого себя – подставился по полной программе. Парадокс Гильденштерна: тот, кто не умел играть на флейте, удачно сыграл на мне. Довольно долго я жил с ощущением морковки, которую выдернули из грядки – кругом вселенная, безвоздушное пространство, – космос, в котором не на что опереться. И хватит об этом.

На гражданке выяснилось, что, хотя я и учился всю жизнь, но ума и богатства не нажил. Хуже того: у меня не оказалось коммерческой жилки, я был изначально заточен совсем под другое. Единственное, что у меня получалось действительно хорошо, это основа основ опера-

тивной и следственной работы – интервью. С этим меня и взяли на Эстонское телевидение в структуру «Русского видеоканала».

Первый год нам не хватало для эфира собственных передач. Мы вещали по несколько часов в день, переходя с одной частоты на другую. Так я стал пионером прямого телевизионного эфира в Эстонии, потому что мог говорить с кем угодно и о чем угодно. Кроме того, я умел внимательно слушать и поощрять собеседника к откровенности. Я оправдал ожидания главного редактора Евгении Хапонен настолько, что в прямые эфиры она предпочитала ходить вместе со мной, и, как это ни странно, проколов не случилось ни разу. Постепенно жизнь наладилась, эфира поубавилось, и мы стали производить собственный видеоконтент. Мне, например, достались программа «Купеческое собрание» и еженедельный прямой эфир с политиками местного и государственного уровня.

Это были славные времена, опьянявшие воздухом свободы. Дышалось легко, и кислород заглушал боль потери. Как потом оказалось, кислорода на всех и надолго не хватило.

Однажды у меня в прямом эфире собрались сразу два премьер-министра – Вяхи, Сависаар и будущий президент Эстонии Арнольд Рюитель. Супруга Рюителя сунула мне толстую пачку бумажек с вопросами, на которые он был готов отвечать. Я поблагодарил ее и с окончанием отсчета перед выходом в эфир выбросил вопросы в урну. Думал, что *proia* Рюитель испепелит меня взглядом прямо в эфире. Но Арнольд справился и говорил с Вяхи и Сависааром на равных. В какой-то мере можно сказать, что я спас его репутацию.

В то время я подружился с несколькими послами. Был вхож и в российское, и в шведское, и в итальянское и даже в китайское посольства – дружил с послами Карло Сиано и Сунь Дадунем. С последним мы даже придума-

ли для журналистов рабочую поездку в Китай. Тогдашний редактор общественного вещания Катрин Сакс ехать со мной в Китай отказалась, я пошел в кабинет напротив и позвал с собой Мати Тальвика. Таким образом, мы стали первыми эстонскими тележурналистами, совершившими рабочую поездку в КНР. Я сделал и свою программу на русском языке и в качестве оператора снял для Тальвика материала на три часовых программы «Oma silmaga Hiinas».

Когда развалили «Русский видеоканал», я уже прижился на «Радио Таллинн». Были две программы: ночная программа со священником и философско-музыкально-поэтическая. Потом была еще чисто музыкальная программа «Граммофон» – слушатели буквально завалили меня старыми пластинками. В каждой программе было живое общение, и я никогда не боялся снять трубку телефона и пустить разговор прямо в эфир. Конечно, риск был, но когда с людьми говоришь на равных, заинтересованно и по-доброму, они отвечают тебе тем же.

Потом я работал политическим обозревателем сначала в «Молодежке», позже – в газете «Эстония». Придумал и несколько лет делал газету на русском языке для Эдгара Сависаара. Газета называлась очень по-эстонски: «Право и правда».

По маминой линии я происхожу из семьи потомственных сибирских казаков, прабабка – семиречинская казачка замужем за сибирским казаком. Однако приютили меня казаки в Луганске. Присягу принес Богу, Дону и России десять лет назад. Какое-то время у нас с казачьим полковником Владимиром Владимировичем Путиным был общий атаман – полковник Павел Николаевич Орлов. Сводки из Новороссии каждый раз ножом по сердцу: все ли казаки живы, все ли целы?

Годом позже в Новочеркасске казачий генерал Водолацкий выдал мне патент на офицерский чин и на-

значил представителем Союза казаков-воинов России и зарубежья. Пару лет спустя уважили сибирский и семиреченский атаманы, наказав носить рядом со знаком Всевеликого Войска Донского знаки Сибирского и Семиреченского казачьих войск. От атамана берлинского получил памятный крест в напоминание о трагедии Лиенца, а от сибирского атамана – памятную медаль в ознаменование 435-й годовщины присоединения Сибири к России атаманом Ермаком Тимофеевичем. Белорусское казачество почтило знаком в память столетия Первой мировой войны. Есть и другие памятные знаки, но эти самые любимые.

Опубликовал в периодической печати больше 70 статей об Игоре Северяnine, написал несколько книг о биографии поэта. Удостоился чести быть внесенным в профессиональный реестр российских литературоведов. Поэзия – это чистый кислород, с тем и живу.

До сих пор активно занимаюсь проблемами российских соотечественников в Эстонии. Кое-что написал и опубликовал о наших общих проблемах. Говорят, спорное. Для меня на веки вечные Эстония – это историческая часть России, живя в которой я не чувствую себя за границей, кто бы ни был тут при власти. Нет власти еще не от Бога. Какая власть есть, такую и заслужили.

Мама ушла летом 1999 года. Так я врос корнями в эстонскую землю. Отец, слава Богу, жив, в мае ему исполнится 96 лет. Так что на сегодняшний день я пока еще не круглый сирота.

У меня трое сыновей. Внук и три внучки. Жена, с которой мы живем больше четверти века душа в душу. Дочь восемнадцати лет. И это, пожалуй, все, что коллегам и досужему читателю должно знать обо мне.

Полагаю, жизнь удалась, хотя и без особенных затей. И хотя в жизни было, чего стыжусь до сих пор, жалеть не о чем. Грех жаловаться: род продолжился, есть кому

передать отцовские и материнские военные награды, казачью справу, боевой клинок и милицейскую фуражку, кстати, тоже.

Март 2018 года
Таллинн

ТССШМ. Юридический цикл.

Новочеркасск. 2016 год.

ТШМ МВД СССР

ПРИЮТОВ
ЛЕОНИД
АЛЕКСАНДРОВИЧ

ТАЛЛИННСКАЯ ШКОЛА МИЛИЦИИ И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЙ

Из памяти 92-летнего

- Курсант школы: 1951–1954
- Слушатель-заочник школы: 1959–1960
- Работа в школе в качестве преподавателя,
начальника цикла специальных дисциплин,
замначальника школы по учебной работе
(начальника учебного отдела): 1965–1987

У меня отпадает необходимость посвящать свою «заметку» организации и осуществлению учебного процесса в этой школе, потому что, во-первых, эту тему довольно подробно раскрыл в своих воспоминаниях бывший курсант, а затем и руководитель школы ныне покойный Е. В. Назимов, во-вторых, прошло уже более 30 лет с тех пор, как я на пенсии, и мне сложно, а то и невозможно рассказать об организации и осуществлении учебного процесса, не имея никаких материалов или записей. А дублировать уже сказанное нет смысла.

Тем не менее, как-то соприкасаясь с учебным процессом, я хочу сказать о том, что осталось в памяти моего «ржавого головного багажника». Но прошу не слишком карать меня за то, что при упоминании моих бывших коллег не всегда будут полностью названы их имена. Думаю, понятно, почему.

Какова роль этой школы в моей автобиографии? Не ошибусь, что – решающая.

После семилетней срочной службы в пехоте, а после большой войны – на флоте, ровно через год судьба привела меня сюда, в школу, которую пришлось заканчивать дважды в связи с известными изменениями ее статуса.

И все же школа для меня остается центром притяжения, и вновь в январе 1965 года я оказался в ее стенах, только уже в роли учителя, вплоть до выхода на пенсию. Почти 23 года педагогической работы именно в этой – «моей» – школе.

Я помню, например, эмоции, которые на первых порах охватили меня при прибытии сюда из города Ленинграда, когда после многолетней срочной службы в армии я вновь столкнулся с казарменным режимом. Оказалось, от чего ушел, к тому же и пришел, только с Тихого океана на Балтику.

Однако скоро эмоции улеглись, подключился разум: ведь учиться поступил сознательно, понял, что выбор сделал правильный, так как закладываю фундамент для дальнейшей самостоятельной жизни. Появилось много друзей, приехавших из Ленинграда, Москвы, Вологды, Новгорода, Пскова и Твери. Из названных регионов была сформирована группа (класс). Всего было десять таких групп, две из которых из Эстонии.

Очень жаль, что мои воспоминания неизбежно носят как бы траурный характер, так как большинства моих сверстников, с которыми два года ел кашу из общего котла курсантской столовой, не осталось в живых. До недавнего времени оставался единственный мой однокашник Борис Смирнов, которого, к сожалению, тоже не стало.

В моей памяти осталось не столько содержание учебного процесса и его организация, сколько люди, отдавшие этому процессу значительную часть своей жизни. Мне поэтому хочется сказать о своем бывшем учителе и руководителе Е. В. Назимове. Именно он внес решающий вклад в развитие школы, отдав ей значительную часть своей жизни.

Конец нашей учебы в школе (1953) совпал со смертью И. В. Сталина, а затем – с арестом министра нашего ведомства Л. П. Берия, поэтому при выпуске офицерских званий нам не присвоили, и в течение двух-трех месяцев я работал в уголовном розыске Ждановского РОВД города Ленинграда без специального звания. Затем где-то через полгода по семейным обстоятельствам я вновь оказался в Таллинне.

Работая оперуполномоченным уголовного розыска Центрального РОВД города Таллинна, в 1964 году я заочно окончил ленинградский факультет Академии МВД СССР. К этому времени я уже был в резерве на выдвижение для поступления на педагогическую работу в школе милиции, где затем отработал в течение 23 лет – до выхода на пенсию в конце 1987 года. Это самый длительный отрезок моей трудовой деятельности.

Вначале я работал на профилирующем цикле спецдисциплин преподавателем, затем – начальником этого цикла, а последние 15 лет – заместителем начальника школы по учебной работе (он же начальник учебного отдела).

Именно учебному отделу школы принадлежала ведущая роль в организации и осуществлении учебного процесса. Всю учебно-методическую и теоретическую работу учебный отдел осуществлял через преподавательский состав, объединенный в цикловые и предметные комиссии. На основе учебного плана, графика последовательности изучения дисциплин, руководствуясь учебными программами, преподаватели готовили и проводили учебные занятия.

Обучение осуществлялось на эстонском и русском языках, с учетом этих особенностей и формировались учебные группы. Лекции, семинарские и практические занятия, групповые упражнения и стажировка – вот основной перечень учебного процесса.

Структурными подразделениями учебного отдела были пять циклов с их предметными комиссиями. Имен-

но на циклах и проводилась учебно-методическая и теоретическая работа.

На профилирующем цикле специальных дисциплин главными предметами изучения были курсы «Оперативно-розыскная деятельность» (ОРД) и «Административное право». Здесь трудились опытные, высококвалифицированные преподаватели, имеющие опыт практической работы в ОВД. В основном это бывшие курсанты школы.

Не могу не вспомнить эпизода из своей давней практики, когда я работал старшим оперуполномоченным уголовного розыска Морского РОВД города Таллинна. Где-то в 60-х годах прошлого столетия ко мне был прикреплен в качестве стажера курсант – выпускник школы Леонхард Ратасепп, к сожалению, ныне покойный. Находясь на десятидневной стажировке, он проявил себя как активный и умелый работник, раскрыв несколько тяжких преступлений (разбои, грабежи, кражи) на территории Ласнамяэ. Именно за заслуги на оперативной стажировке он был награжден знаком «Отличник милиции». На пенсию он вышел с должности начальника цикла спецдисциплин в звании полковника, которое ему было присвоено в порядке исключения, так как по штатному расписанию в школе 2-й категории потолочное звание в этой должности – подполковник милиции. И это уже само за себя говорит, какой вклад он вносил при исполнении служебного долга. К сожалению, тяжелая болезнь коварно распорядилась его судьбой, лишив жизни.

Не могу не сказать о бывшем старшем преподавателе цикла спецдисциплин подполковнике милиции Ю. А. Шарике. Он тоже – бывший курсант школы. Получив затем богатый практический опыт работы в ОВД и высшее юридическое образование, он был принят на педагогическую работу. Ему было поручено вести курс ОРД, а для этого он как бы обрушил все свои незаурядные способности для быстрой адаптации, что и помогло ему стать, как говорится, классным специалистом, настоящим педаго-

гом. Начиненный чувством юмора, он умело использовал его в школьной жизни, украшая ее.

Мне не забыть, как однажды Юрий Шарик прибыл на работу, почти прилетел, окрыленный полученным от жены подарком – Юля подарила ему дочь. Он был настолько восторженным, что готов был отбить что-то плясовое, но воздержался, поскольку был танкистом, а в танке особо не натацуешься, и инстинкта такого не приобрел. Любые виды занятий он проводил доходчиво, с упоением, красиво.

Большой вклад в развитие теоретического и методического уровня преподавания на спеццикле в разное время внесли Е. Назимов, А. Перминов, А. Гусин, Э. Альтсаар, Н. Липп, В. Сытов и В. Шлык.

На цикле криминалистики подробно изучались тактические принципы проведения следственных действий, основы специальной техники, сама специальная техника, применяемая в борьбе с преступностью.

Уместно вспомнить ветерана школы, бывшего начальника цикла криминалистики полковника милиции В. Стуколкина, посвятившего педагогической работе более 30 лет. Ему тоже в порядке исключения было присвоено специальное звание полковник милиции за особые заслуги в служебной деятельности.

На этом цикле успешно трудились опытные педагоги подполковник милиции Г. Звонов, который затем принял от меня должность начальника учебного отдела и заместителя начальника школы по учебной работе. Почти всю свою трудовую деятельность циклу криминалистики посвятила М. И. Куре, с любовью относившаяся к своей работе.

На цикле юридических дисциплин разрабатывались методики преподавания уголовно-правовых дисциплин, таких, как уголовное право, уголовный процесс, государственное право и др.

Уделялось внимание изучению гражданско-правовых дисциплин. На этом цикле работали такие опытные

юристы, как Ю. Лившиц, В. Витюшова, Г. Войнилович, Р. Лайд. Они внесли весомый вклад в подготовку специалистов со средним юридическим образованием.

На цикле общественных дисциплин главными предметами изучения были «История КПСС» и «Политэкономия». Эти и другие дисциплины вели опытные педагоги Т. Гриценко, А. Квашнин, А. Мережко. Я отметил бы еще молодого в те времена, но талантливого преподавателя С. Звонарева, который глубоко вникал в суть учебного процесса и методически грамотно проводил занятия.

Говоря о содержании учебного процесса на этом цикле, не могу не отметить те негативные явления, которые не развивали, а тормозили этот процесс. Правда, это касается не только цикла общественных дисциплин, а всего учебного процесса. И эти явления не считались негативными, а наоборот, приветствовались. Ведущим структурным подразделением учебного отдела считался именно цикл общественных дисциплин, который должен был влиять на другие циклы, внедряя в учебный процесс идеи партии и правительства.

Признаюсь, к иному выводу меня привело время и сегодняшнее сознание. Всегда считалось, что КПСС – руководящая и направляющая сила всего и вся, так говорилось в учебниках, даже в Конституции СССР. Поскольку эта сила сама себя и уничтожила, я не думаю, что в свое время считалось справедливым и теперь оставаться на прежней точке зрения.

Приведу пример, который свидетельствует о том абсурде. Если какой-нибудь преподаватель прочтет лекцию или проведет другой вид учебных занятий, не связав их с каким-нибудь выступлением Леонида Ильича или Михаила Сергеевича, или с каким-то решением ЦК КПСС, значит, учебное занятие проведено на низком идейно-теоретическом уровне. Абсурдность такого явления в основном понимали все, но надо было считать, что КПСС – наш рулевой, а генсек – вождь.

Сам я также молча придерживался и одобрял утвердившиеся в те времена требования, поэтому вынужден теперь носить в своем сознании чувство собственной вины, так как по сути был проводником этих требований. Вспоминать об этом грустно. Однако творческий потенциал преподавателей как бы подавлял цитирование содержанием программного материала.

Большую роль в выполнении задач, стоящих перед школой, играл цикл военных дисциплин, в состав которого в методическом плане входили и начальники курсов. Изучаемые дисциплины носили практический характер, необходимый офицеру милиции, исполняющему свои обязанности в любой службе, особенно непосредственно связанной с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. В распоряжении этого цикла были спортивный комплекс, стрелковый тир, класс автомобильной подготовки с тренажерной установкой. Выпускники школы после сдачи соответствующих экзаменов получали водительские права.

Большой вклад в военно-физическую подготовку внесли полковник милиции Н. И. Шкаперин, подполковник милиции Е. Соколовский, Н. Лугина, В. Осипов, И. Моргуненко, В. Чернятин.

Структурным подразделением учебного отдела было заочное отделение, которое осуществляло организационно-методическую работу со слушателями-заочниками. Учебный процесс в период сессий осуществлялся в форме установочных и обзорных лекций преподавателями циклов. Весомый вклад в организационную работу на заочном отделении внесла ветеран школы Э. Г. Сергеева, которая глубоко вникала в учебную работу слушателей, знала их запросы и на них реагировала. В связи с выходом на пенсию Э. Сергеевой успешно продолжил эту работу опытный офицер, майор милиции Н. И. Кузьменко.

Кроме чтения лекций и классных занятий в целях углубления знаний и развития мыслительной деятельно-

сти курсантов проводились научно-практические конференции, слеты отличников и передовиков учебы.

Высшей формой практического обучения являлись оперативно-тактические учения и стажировка курсантов. К учениям привлекались практические работники соответствующих служб милиции города Таллинна. Перед учениями проводилась большая подготовительная работа. Она особенно касалась циклов специальных дисциплин и криминалистики, преподаватели которых разрабатывали фабулы – задания, содержание которых включало основной замысел, имитирующий состав совершенного преступления на конкретной территории города Таллинна. Сюда же входили задания по раскрытию этого преступления. Создавались оперативные группы курсантов в ранге следователей, инспекторов уголовного розыска, участковых инспекторов милиции и радистов для обеспечения необходимой связи как со штабом учений, так и между группами.

Работу этих групп контролировал посредник из числа опытных практических работников таллиннской милиции. Он следил, чтобы в ходе развернувшейся учебной игры на городской территории не было допущено нарушений нормального жизненного ритма, чтобы правильно применялись в игре уголовно-процессуальные нормы. Словом, учения были настоящим экзаменом для выпускников школы по практике ведения оперативно-розыскной и следственной работы.

На завершающих этапах обучения курсанты первого, а затем и выпускного курса направлялись на стажировку в комплектующие органы внутренних дел, где под руководством наиболее опытных практических работников и вместе с ними выполняли их должностные обязанности. Методическое руководство и педагогический контроль за стажировкой учебный отдел осуществлял вместе с преподавателями, которые выезжали на места стажировки, обобщая и анализируя работу курсантов-стажеров. По

окончании стажировки на каждого курсанта составлялась служебная характеристика с указанием его деловых качеств. Как правило, на местах курсантам давалась высокая оценка их способностей применять на практике полученные теоретические знания. Многие поощрялись за хорошую работу.

Решающее значение в жизнедеятельности школы играл педагогический совет, работа которого носила плановый характер.

На заседаниях педсовета рассматривались узловые вопросы, связанные с учебным процессом, выполнении директив и указаний вышестоящих органов, касающихся улучшения подготовки кадров, их обучения. Это был главный ориентир для работы педсовета.

Большую роль в поддержании надлежащего уровня преподавания, обмена опытом работы имели так называемые взаимопосещения занятий, проводимых преподавателями. Проводились открытые занятия, осуществлялся педагогический контроль. Итоги таких занятий обсуждались теми, кто в них участвовал, а в необходимых случаях – и на педсовете.

Школьное ядро квалифицированных педагогов-воспитателей в разные годы составляли К. Мишин, Е. Назимов, И. Эспер, А. Мартин, В. Сепп, В. Геллер, А. Белов, Г. Звонов, Е. Амонтов, Я. Окк, А. Гусин, Н. Шкаперин, Л. Ратасепп, Ю. Шарик, Ю. Сойни, Г. Войнилович, Э. Сергеева, В. Блинцов, В. Витюшова, М. Куре, В. Стуколкин, Н. Лугина, Волков, Э. Альтсаар, Р. Лайд, Т. Гриценко, В. Шлык, В. Зайцев, О. Розин-Розанов, Е. Растунцева, А. Квашнин, А. Мережко, С. Звонарев, В. Соболевский, В. Осипов, И. Моргуненко, В. Чернятин, Н. Кузьменко, Ф. Алексин. В. Сытов.

Думаю, что не ошибусь, если скажу о значительной роли практических работников ОВД в учебно-воспитательном процессе в школе. Особенно работников милиции города Таллинна, которые учились в этой школе.

К таким работникам я отношу бывших начальников УР МВД ЭССР В. Риккаса, Л. Ходункова, руководителей РОВД С. Богданова, П. Шульца, начальника УР Таллина Н. Ваганова.

За время своего существования школа подготовила большой отряд квалифицированных специалистов для органов внутренних дел Эстонии и России. Большинство работников МВД республики, в том числе и руководящий состав, были выпускниками школы.

Школа, в свою очередь, росла и мужала. Она много внимания уделяла подбору преподавательских кадров и, если можно сделать такой вывод, готовила преподавателей для себя. Большинство этих работников в свое время учились в этой школе.

Выпускники школы высоко держали честь школы, самоотверженно выполняя свой долг, многие успешно продвигались по служебной лестнице от лейтенанта до генерала, от участкового или оперуполномоченного до начальника отдела управления или министра.

Школа была известна не только в Эстонии, но и за ее пределами. Она делилась опытом и обогащала его за счет изучения опыта работы других подобных школ, которых было в СССР более 50.

Март 2018 года

ТШМ МВД СССР

ЭСПЕР
ИВАН
МИХАЙЛОВИЧ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В ТАЛЛИННСКОЙ ШКОЛЕ МИЛИЦИИ

Просьбу коллег по работе в Таллиннской специальной средней школе милиции (ТССШМ) МВД СССР написать воспоминания о том периоде деятельности школы я вначале воспринял в штыки. Трудно, не по душе писать о работе, с которой ты не справился и был вынужден просить начальство освободить тебя. О такой работе сохраняются, как правило, одни неприятные воспоминания, связанные с ней трудности и заботы, которые ты не сумел устранить и преодолеть. Разумеется, и люди, которые «способствовали» твоему уходу с должности. И так как выслуга лет – трудовой стаж 28 лет – позволяла мне уйти на пенсию, то я и просил освободить меня в связи с уходом на пенсию. Но это финал.

Однако после некоторых раздумий я пришел к выводу, что просят написать не о себе и своих просчетах и обидах, а о школе, об ее коллективе и для сборника воспоминаний сотрудников об истории школы. Следовательно, надо писать. Но с тех пор прошло 50 лет. И нынешний возраст – девяносто второй год от роду. Память ослабла, почти все позабыл. Фамилии большинства работников уплыли в небытие.

Шел январь 1968 года. С 18 декабря 1964 года я работал начальником отдела службы Управления милиции МВД (тогда еще хрущевское МООП) ЭССР. Штат отдела состоял из 12 офицеров. Отдел размещался на втором этаже в здании на улице Пикк, 19, где сейчас находится посольство Российской Федерации.

У меня на рабочем столе утром затрепал телефон внутренней связи. Начальник отдела кадров министерства полковник Осуль Тойво Александрович деликатно поинтересовался, не занят ли я срочным делом. Услышав, что я занят рутинной, сказал, что у него гость из Москвы и они хотели бы поговорить со мной.

Прибыв к Тойво Александровичу на Пикк, 61, я увидел у него в кабинете полковника внутренней службы, которого Осуль представил мне: начальник 2-го отдела – отдела средних учебных заведений Управления учебных заведений МООП СССР Павел Васильевич (фамилию не помню). Москвич без предисловий напомнил, что полковник Мишин К. В. снят с должности начальника ТССШМ и переведен в Минскую высшую школу милиции МООП СССР. Должность начальника школы вакантна. Ему поручено подобрать кандидатуру на нее. И в заключение вопрос: согласен ли я занять должность начальника школы?

Вопрос застал меня врасплох. За несколько месяцев до этого полковник Мишин спросил меня, согласен ли я занять должность заместителя начальника школы по политчасти, поскольку он намерен ходатайствовать об отправлении замполита подполковника Бергмана на пенсию. Я тогда решительно отказался, поскольку был доволен занимаемой должностью, руководство министерства было довольно мной и я не считал работу политработника престижной.

Я ответил гостю, что смутно представляю весь комплекс школьной работы, знаком с ней только как курсант и слушатель-студент и не имею педагогической подготовки. Ответ и доводы мои показались собеседнику разумными. Я услышал, что педагогической учебной работой в школе руководит заместитель начальника школы, начальник учебного отдела подполковник Назимов Евгений Васильевич, специалист своего дела, много лет проработавший в школе и прошедший на практике все

ступени учебной работы, вплоть до заместителя начальника школы по учебной части. Заместитель начальника учебного отдела подполковник Виктор Геллер тоже стал опытным педагогом, работая в школе. Поэтому в организации учебного процесса проблем не должно быть. Я сказал, что знаком с обоими руководителями. С В. Геллером мы учились в 1947–1948 учебном году курсантами в Таллиннской офицерской школе МВД СССР, он на первом курсе, я – на втором выпускном. А с Е. Назимовым я познакомился, когда он непродолжительное время работал начальником учебного отделения отдела кадров МВД ЭССР.

Беседа наша длилась несколько часов. Павел Васильевич накоротке вводил меня в курс дела, посвящая в трудности и сложности работы, на которых придется сосредоточить основное внимание. А их было немало, в чем я сам вскоре убедился.

Через несколько дней меня вызвали в Москву, в МООП СССР. Павел Васильевич представил меня начальнику Управления учебных заведений генерал-майору Бокареву Н. И., беседа с которым была кратковременной. Предстояло быть представленным еще заместителю министра по кадрам генерал-майору Никитину, который был в командировке. Спустя два дня он вернулся, и вопрос о моем назначении на должность был решен.

В ожидании приема у замминистра по кадрам сотрудники УУЗ инструктировали меня, знакомя с документами, регулирующими деятельность каждой из служб школы – кадровой, финансовой, политико-воспитательной, культурно-массовой, продовольственной, вещевой, автохозяйства, оружейного дела и др.

Заодно решался и вопрос о заместителе начальника школы по политчасти подполковнике милиции Бергмане: оставить в должности или отправить на пенсию. У меня не было своего мнения, так как я не был с ним лично близко знаком. Но если учесть желание бывшего началь-

ника школы полковника Мишина найти Бергману замену, то, видимо, он не соответствует занимаемой должности. Такое мнение я высказал. И с ним посчитались. Это была моя первая грубая управленческая ошибка в налаживании отношений с личным составом на этом посту.

22 января 1968 года был подписан приказ МООП СССР о моем назначении на должность начальника Таллиннской специальной средней школы милиции и вручено должностное удостоверение личности, подписанное заместителем министра Никитиным. Уволен с этой должности в запас Советской армии я был приказом МВД СССР № 656 л.с. от 21 августа 1969 года (приказом начальника ТССШМ № 134 от 6 сентября 1969 года).

Своеобразно произошло назначение нового заместителя начальника школы по политчасти. Меня пригласил к себе заведующий отделом административных органов ЦК КПЭ В. Е. Порывкин. В порядке вступления Вениамин Ефимович поинтересовался, как я осваиваюсь на новом месте, какие трудности и пожелания возникли, как сказывается отсутствие заместителя по политчасти. Затем сообщил, что у него в отделе работает инструктором окончивший Высшую партийную школу ЦК КПСС, бывший военный политработник (начальник клуба полка) в звании капитана запаса Рейго Хельмут Агович, нуждающийся в самостоятельном участке работы.

«Мы рекомендуем его на должность заместителя начальника школы по политчасти», – сказал он и спросил, есть ли у меня возражения. На мое робкое «возражение», что хотел бы видеть на этой работе другого инструктора ЦК КПЭ Вингисара Рудольфа Карловича, тоже выпускника Высшей школы ЦК КПСС и тоже в звании капитана запаса, который в 1946–1948 годах учился со мной в одной учебной группе в Таллиннской офицерской школе МВД СССР, затем работал в отделе уголовного розыска Управления милиции города Таллинна старшим оперуполномоченным, Вениамин Ефимович сказал, что

Вингисар – не та фигура, которую ЦК поддержит. Я понял, что заведующий отделом ЦК КПЭ хочет избавиться от этого инспектора и достойно пристроить его.

Так Х. А. Рейго, уже в звании майора милиции, оказался одним из руководителей школы.

В 1968–1969 году Таллиннская специальная средняя школа милиции располагалась в Нымме в зданиях под номерами 326 и 328. В первом из них находились учебный отдел, учебные классы, помещения предметных циклов и преподавателей, кухня, столовая, склад продовольствия, медицинская служба. Во дворе этого здания в одноэтажных пристройках были библиотека, финчасть, хозяйственный отдел и гаражные боксы школьного автотранспорта.

В этом же здании с отдельными входами с улицы находились кинотеатр и городская аптека.

Зимой оба школьные здания и пристройки во дворах отапливались центральной школьной котельной, располагавшейся в подвале здания № 326. В штате школы было 4 кочегара. С их укомплектованием осенью 1968 года были трудности. От кандидата требовался диплом, работа была сезонная, зарплата невысокая. Первым наняли кочегара по имени Николай Иванович, жившего в пригороде Таллинна на хуторе и проработавшего до этого в школе уже несколько сезонов. Он помог нанять и других коллег. Вначале он соглашался работать по несколько смен подряд, не требуя оплаты сверхурочных. Он сам предложил такие условия, не соответствовавшие КЗОТу. В предыдущие годы он также трудился на подобных условиях.

Именно Николаю Ивановичу администрация школы обязана бесперебойным обеспечением школы теплом.

В доме № 328 размещались начальник школы, замполит, канцелярия с машинописным бюро, кадровик, цикл военных дисциплин, оружейный техник, начальники курсов с замполитами, спальные помещения курсантов,

спортивные залы, дежурная часть школы на проходной, вещевой склад. Во дворе здания находился небольшой садик с яблонями и плодовыми кустами.

В штате школы было более 80 человек постоянного состава, 250 курсантов очного обучения на двух курсах с двухгодичным сроком обучения и заочное отделение с трехгодичным сроком обучения. Большинство сотрудников школы работали по вольному найму, в соответствии с трудовым законодательством страны, а руководителями школы, учебного отдела, курсов, преподавателями циклов спецдисциплин, криминалистики и военного дела были аттестованные офицеры милиции с установленными им по штату специальными званиями среднего, старшего и высшего (комиссар, генерал милиции) начальствующего состава милиции.

В 1968 году работали начальниками циклов спецдисциплин подполковник милиции Рагрин, криминалистики – подполковник милиции Перминов, ушедший в 1969 году на пенсию. Его заменил старший преподаватель цикла майор милиции Всеволод Стуколкин, дослужившийся на этой должности до звания полковник милиции. Цикл военных дисциплин возглавлял старший преподаватель подполковник милиции Евгений Соболевский, кадровый военный, уволенный из РККА в запас по сокращению штатов.

На очное отделение принимались лица мужского пола со средним образованием, отслужившие срочную службу в вооруженных силах и сдавшие вступительный экзамен.

Для ЭССР было сделано одно исключение: кандидаты в курсанты из лиц, окончивших среднее учебное заведение на эстонском языке, принимались в школу также из числа призывников, пригодных по состоянию здоровья к службе в милиции. С эстонцами учеба проводилась на эстонском языке. На заочное отделение принимались также женщины.

Курсанты носили милицейскую форму с курсантскими погонами. Дисциплина среди курсантов строилась применительно к военной, в соответствии с милицейскими уставами. Военная подготовка была одним из учебных предметов.

По окончании курса обучения и успешной сдачи экзаменов курсанту вручали диплом о среднем юридическом образовании, нагрудный знак установленного образца и приказом министра внутренних дел СССР присваивали специальное звание лейтенант милиции. Однако при отрицательной характеристике – недобросовестное отношение к учебе или грубые нарушения дисциплины – могли в порядке исключения присвоить звание младший лейтенант милиции. Мне, к сожалению, пришлось на двух курсантов из иногородних представить в МООП СССР предложение-представление о присвоении звания младший лейтенант милиции. На этом настояли руководители курса. Одного из этих бывших младших лейтенантов я увидел лет десять спустя в Таллинне в Доме культуры «Линдакиви». Уже уволенного из милиции. Узнал меня, подошел, поздоровался.

В те годы ТССШМ готовила офицерские кадры милиции для МООП ЭССР и пяти УВД областей РСФСР: Калининской, Костромской, Новгородской, Псковской и Ярославской. Для МООП Эстонской ССР был утвержден лимит в 25 мест, для Псковской области – 20, остальным – меньше. Но кроме УВД Псковской области установленное лимитом количество кандидатов в курсанты в 1969 году никто не представил.

Начальник отделения кадров Псковского УВД майор милиции Осинин жаловался, что трудно подобрать и уговорить молодых людей, только что уволенных в запас и желающих хорошо заработать, прилично одеться и обзавестись семьей, поехать учиться вне постоянного места жительства, вне дома. В Новгородском УВД говорили, что вот если бы в ленинградскую школу, а в Ярослав-

ском УВД – вот если бы в московскую школу – тут ведь рядом.

В 1969 году удалось укомплектовать школу сверхштатно: по ходатайству УУЗ руководство МООП СССР отправило в ТССШМ всех не принятых в школах милиции Средней Азии и Кавказа кандидатов в курсанты тамошних школ милиции, сдавших там вступительные экзамены. Позавидовал я тогда своим южным коллегам: никаких проблем с комплектованием. И подумалось: каким калачом там заманивают в милицию работать?

Но все встало на свои места, когда министра внутренних дел СССР генерала армии Щелокова Н. А. сняли за мздоимство и другие служебные преступления, а вскоре за подобные деяния были осуждены многие руководители МВД союзных республик Средней Азии.

Некоторые из принятых в 1969 году в курсанты выпускников ТССШМ остались в Эстонии и дослужили в милиции до ухода на пенсию.

С некоторыми работниками школы, как уже сказано, я был знаком задолго до прихода в школу, соприкасался с ними по прежней службе. Об этом хочется рассказать подробнее.

НАЧАЛЬНИК КУРСА ПОДПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ АЛЕКСИН ФЕДОР МАРКОВИЧ

Участник войны. После окончания Тондиского военно-пехотного училища служил в частях 108-го Эстонского стрелкового корпуса. За подвиг, совершенный в бою по разгрому гитлеровцев в Курляндии 24 марта 1945 года, гвардии капитан Алексин Федор Маркович 1919 года рождения награжден Военным советом Ленинградского фронта 22 июля 1945 года орденом Красной Звезды.

Когда в 1945 году на базе корпуса (тогда уже 41-го Гвардейского стрелкового) сформировали несколько военно-строительных батальонов для работы в народном хозяйстве республики, начальником штаба одного

из них назначили капитана Алексина Ф. М. Батальон дислоцировался в городе Кохтла-Ярве, а его подразделения работали по всему уезду Вирумаа. В одном из взводов батальона служил и я, тогда рядовой стрелок, солдат.

В середине 1946 года батальон расформировали. Восемь сержантов и солдат, в том числе я, а также командир батальона капитан Вилков и начальник штаба капитан Алексин были направлены для обучения в Таллиннскую офицерскую школу МВД СССР. Офицеры были зачислены в учебную группу подготовки руководящих работников со сроком обучения один год, а рядовые и сержанты – курсантами в учебные группы с двухгодичным сроком обучения.

После окончания школы капитан Вилков был назначен начальником Кохтла-Ярвского отделения милиции, а капитан Алексин остался в штатах школы. Алексин Ф. М. высшего образования не имел. С работой справлялся. Ушел на пенсию с должности начальника курса ТССШМ в звании подполковник милиции.

Заместителем начальника курса по политчасти у Алексина был капитан МЯГИ, уволенный в запас по сокращению штатов политработник Советской армии.

ВТОРОЙ НАЧАЛЬНИК КУРСА ПОДПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ ПЯЗУКЕНЕ ВЛАДИМИР МАРТЫНОВИЧ

Кадровый офицер Советской армии, участник войны в составе 108-го Эстонского стрелкового корпуса. Закончил войну гвардии младшим лейтенантом. Уволен в запас по сокращению Вооруженных сил.

До перевода в школу милиции работал заместителем начальника Центрального райотдела милиции города Таллинна. По службе я часто бывал в райотделе. Особых претензий к нему не было. Высшего образования не имел. Как начальник курса соответствовал занимаемой должности.

Его заместителем по политчасти был майор милиции ТКАЧИК ВЛАДИМИР ЯНОВИЧ, 1919 года рождения, чех по национальности. Участник войны. Призван в РККА в октябре 1939 года Таласким РВК Киргизской ССР. Закончил войну в звании старшего лейтенанта в должности адъютанта старшего стрелкового батальона 1057-го стрелкового полка 297-й стрелковой дивизии 10-го Гвардейского стрелкового корпуса 46-й Армии 3-го Белорусского фронта. За подвиг, совершенный 6 февраля 1945 года награжден приказом по 297-й стрелковой дивизии орденом Красной Звезды и за подвиг, совершенный 4 марта 1945 года, награжден Военным советом 46-й Армии вторым орденом Красной Звезды.

Эстонским языком не владел. В середине 1968 года майора милиции Ткачика Владимира Яновича по его ходатайству перевели в одну из республик Средней Азии.

*СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЦИКЛА СПЕЦДИСЦИПЛИН
ПОДПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ ЛИПП НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ*
После окончания ТОШ МВД СССР в 1948 году меня, лейтенанта милиции, назначили начальником паспортного стола 4-го отделения милиции города Таллинна, находившегося в здании на углу улиц Татари и Везерени. В ходе работы я познакомился с заместителем начальника 6-го отделения (находилось на Пярну мнт, 9) по политчасти лейтенантом милиции Липпом Николаем Ивановичем.

Участник войны. Закончил войну в звании гвардии младшего лейтенанта, командира стрелкового взвода 373-го Эстонского Гвардейского стрелкового полка 118-й Эстонской стрелковой дивизии. После упразднения в милиции должностей политработников Николай Иванович работал начальником 7-го (Ныммеского) отделения милиции.

В 1969 году руководство МВД ЭССР предложило ему должность заместителя начальника отдела службы МВД

ЭССР. Николай Иванович просил меня не препятствовать его переводу, и я дал согласие. Новой работой он был очень доволен. Ушел на пенсию с этой должности.

*СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЦИКЛА СПЕЦДИСЦИПЛИН
МАЙОР МИЛИЦИИ ПРИЮТОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ*

До прихода в школу работал старшим оперуполномоченным отдела уголовного розыска Управления милиции города Таллинна. Бывая там, я изредка встречался с ним. Служебных отношений у нас с ним не было – шапочное знакомство.

Участник войны. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией». Из наградных архивных документов узнаем, что Приютов Леонид Александрович, рождения 18 июня 1926 года, уроженец села Нивки Серезинского района Великолукской области, призван в РККА в 1943 году, служил красноармейцем в 353-й отдельной разведроты 284-й стрелковой дивизии 17-й Армии Забайкальского фронта.

Награжден медалью «За боевые заслуги» приказом по 284 СД № 10/ Н от 30 сентября 1945 года (источник ЦАМО, фонд № 33, опись 687572, единиц хранения 1366, № записи 38753245). Медалью «За победу над Японией» красноармеец Приютов Леонид Александрович награжден приказом № 113 Сахалинской ВФЛ от 16 апреля 1946 года.

Из Вооруженных сил СССР Приютов Леонид Александрович уволен в звании старшина первой статьи.

*ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЦИКЛА СПЕЦДИСЦИПЛИН МАЙОР
МИЛИЦИИ АЛЪТСААР (имени и отчества не помню).*

В середине 1962 года в МВД ЭССР поступила жалоба сотрудника Йыгеваского райотдела милиции, суть которой сводилась к тому, что начальник райотдела майор милиции Альтсаар оскорбляет подчиненных, ведет себя высокомерно. Руководство Управления милиции поручи-

ло проверку жалобы мне, тогдашнему майору милиции, заместителю начальника отдела службы. В ходе бесед с несколькими сотрудниками, в том числе с заявителем, суть жалобы подтвердилась. Даже со мной, проверяющим, Альтсаар разговаривал как бы нехотя, снисходительно, если не сказать свысока.

Запомнился один нюанс. Сотрудники отдела заметили, что после оскорбления начальник, как бы понимая, что поступил непозволительно, начинал заискивать, старался задобрить обиженного. Разумеется, я не забыл об этой отрицательной черте характера Альтсаара.

Оказалось, что и в школе он не преодолел ее. Курсанты в частных беседах с начальниками курсов, замполитами и другими сотрудниками рассказывали о ней. Как преподаватель Альтсаар был на месте.

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ПО КАДРАМ МАЙОР МИЛИЦИИ АЛИПОВА ЭМИЛИЯ ГРИГОРЬЕВНА

Вышла в 1968 году замуж за шофера легкового автомобиля школы милиции Анатолия Сергеева и стала Сергеевой Э. Г. Педагог с высшим образованием, заочно окончила и юрфак. До школы милиции работала инспектором по детской преступности в отделе уголовного розыска Управления милиции города Таллинна.

Борьба с детскими правонарушениями и безнадзорностью была важной функцией отдела службы, поэтому мы поддерживали с Эмилией Григорьевной постоянный контакт. Как кадровик она успешно справлялась со своими обязанностями.

НАЧАЛЬНИК ЦИКЛА ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН МЯЛЛО КОНРАД ЭРНСТОВИЧ

С ним я до школы встречался еженедельно, но к службе наши встречи не имели никакого отношения. Приказом МВД СССР предусматривалась физическая подготовка личного состава органов милиции – еженедельно два

раза по два часа. Работники Управления милиции МВД ЭССР занимались либо на стадионе «Динамо», либо в спортзале ДСО «Динамо» в парке Харьюорг. Я регулярно ходил в Харьюорг, куда также ходил К. Мялло. Там играли в волейбол и баскетбол, предварительно разминаясь бегом по кругу до пота.

К. Э. Мялло ушел из школы в адвокатуру в 1969 году.

ЗАВЕДУЮЩАЯ КАНЦЕЛЯРИЕЙ ЛОЙК ЭЛЬВИ ВОЛЬДЕМАРОВНА

В середине 1960-х годов в секретариат Управления милиции поступила на работу делопроизводителем Лойк Эльви Вольдемаровна, дочь начальника Таллиннского адресного бюро МВД ЭССР майора милиции Тимуска Вольдемара. Через непродолжительное время стало известно, что Лойк переведена в школу милиции заведующей канцелярией.

Кроме заведующей в штат канцелярии входили три машинистки: две – русского текста, одна – эстонского.

С остальными работниками и службами школы я знакомился в ходе работы в школе.

Коротко – о некоторых службах и работниках школы.

Твердой и надежной опорой для меня оказались работники учебного отдела, вводившие меня в курс организации учебного процесса, а Е. В. Назимов консультировал по всем вопросам деятельности школы.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НАЗИМОВ – участник войны. Воевал в составе 249-й Эстонской стрелковой дивизии. За подвиг, совершенный в боях по разгрому гитлеровцев в Курляндии, гвардии сержант Назимов Евгений Васильевич 27 мая 1945 года награжден медалью «За отвагу».

В школе осуществлялось круглосуточное дежурство для обеспечения порядка и пропуска на территорию сотрудников и посторонних лиц. Дежурными по школе по

графику назначались офицеры, помощниками дежурных – курсанты второго курса, дневальными – курсанты первого.

В библиотеке работали заведующий и библиотекарь. В те годы (и до меня) там работали женщины. Впечатляет размер библиотечного фонда учебного заведения того времени, обилие художественной литературы разных жанров и стилей и периодики.

В финчасти также работали два сотрудника. Начальником финчасти при мне была назначена в начале 1968 года ТАРЛАМАЗЯН ЛЮБОВЬ ИГНАТЬЕВНА, бухгалтером работала ТАМАРА ЭБЕЛЬ. Серьезных упущений в работе финчасти ревизоры не фиксировали.

Любовь Игнатьевна была избрана председателем месткома профсоюза. С месткомом приходилось согласовывать приказы о премировании вольнонаемных сотрудников школы. Местком организовывал коллективные поездки работников по ягоды и грибы и на другие мероприятия.

Заведующим хозяйственным отделом работал участник войны, капитан интендантской службы запаса ПОРТНОЙ САМУИЛ ВОЛЬФОВИЧ. 1910 года рождения, уроженец УССР. В РККА был призван 1941 году. Служил в 39-м Отдельном истребительном противотанковом дивизионе 102-й стрелковой дивизии 29-го стрелкового корпуса 42-й Армии 2-го Белорусского фронта.

За совершенный 6 октября 1944 года подвиг старший лейтенант Портной Самуил Вольфович награжден орденом Отечественной Войны второй степени.

Задним числом остается только сочувствовать Самуилу Вольфовичу. Его служба была ахиллесовой пятой школы. В ней была самая высокая текучесть кадров, особенно в автохозяйстве. Оклады шоферов были мизерные, приходилось нанимать тех, кто не удерживался в народном хозяйстве на высокооплачиваемой работе, в том числе хронических алкоголиков. За полтора года

пришлось троих уволить за пьянство. Заведующий гаражом механик тоже страдал этим, но при необходимости поехать сажал за руль курсанта – профессионального шофера, которых среди курсантов было немало.

Преподавателем физической подготовки работал мастер спорта СССР по вольной борьбе КОВАЛЕНКО. Спортивная работа была на должном уровне. Школа участвовала во всех спортивных мероприятиях, проводившихся ДСО «Динамо» и между коллективами учебных заведений МООП СССР, а также в местных городских и районных соревнованиях. Курсанты выступали также в составе республиканской команды ДСО «Динамо» на всесоюзных соревнованиях общества.

Хотя у школы не было своего здания культурного центра (клуба, дома культуры), художественная самодеятельность была организована на должном уровне. Для репетиций и организации концертов использовался немеский Дом культуры. Не помню, на каких условиях это делалось. Руководила культурно-массовой работой НОВИКОВА (забыл ее имя и отчество и название должности). Концерты давались также на предприятиях и в учреждениях республики.

В качестве конферансье выступал обычно майор милиции ГУСИН АЗАРИЙ ШМАРЬЕВИЧ (через пару лет он сменил отчество на «Маркович», о чем он проинформировал меня, позвонив домой). Годы спустя его удивительный по тембру голос, которым он артистично владел, оказал, как мне рассказывали, большую услугу: в качестве поощрения за лучшее ведение концерта на смотре художественной самодеятельности органов МВД СССР ему присвоили сверхштатно звание полковник милиции. Азарий Маркович привлекался также к ведению радиопередач при проведении мероприятий на Певческом поле Таллинна.

Активную роль в делах школы играла партийная организация постоянного состава школы. Партийное бюро

обратило внимание на то, что, несмотря на смену руководства школой, положение с дисциплиной и текучестью кадров не улучшается. Воспитательная работа среди работников хозяйственного отдела не поставлена на должный уровень. Замначальника школы Рейго лично мало бывает в подразделениях, в частности, в хозяйственном отделе, в коллективе столовой, ограничиваясь контактами с замполитами курсов и клубной работой.

Х. Рейго считал, что этой работой должны заниматься руководители структурных подразделений и служб, непосредственные начальники, а не он. Мне так и не удалось убедить его спуститься с цековских высот и начать работать в школе, и если обстановка требует, то с каждым работником отдельно и персонально. Ведь мы оба отвечаем за политико-воспитательную работу и морально-психологический климат в школе. Я не спешил поставить его отчет на педсовете или партийном собрании постоянного состава. Хотел, чтобы он сам осознал свое новое должностное положение и стал вникать во все стороны жизни своего нового трудового коллектива.

К сожалению, этого не произошло. Хельмут Рейго, как мне кажется, до ухода из школы милиции чувствовал себя в ней в роли представителя ЦК КПЭ. Во всяком случае, таким он пытался представить себя в общении с другими работниками школы.

На этой неутешительной ноте вынужден завершить свой экскурс в то далекое прошлое – из памяти не выплывает ничего интересного для бывших работников школы и их потомков.

Искренне прошу всех бывших коллег по службе простить меня, если кого нечаянно, ненароком обидел, хотя не менее искренне надеюсь, что этого не совершил и старался ни в коем случае не совершить.

А К Т

" 6 " сентября 1969 г.

гор. Таллин

Мы, нижеподписавшиеся, бывший начальник Таллинской специальной средней школы милиции МВД СССР полковник милиции ЭСПЕР Иван Михайлович и вновь назначенный приказом МВД СССР №-656 от 21 августа 1969 г. начальником Таллинской специальной средней школы милиции МВД СССР подполковник милиции НАЗИМОВ Евгений Васильевич - составили настоящий акт в том, что первый сдал, а второй принял Таллинскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР по состоянию на " 1 " сентября 1969 г.

Сдано и принято следующее:

1. Красное Знамя школы и Грамота Президиума Верховного Совета ЭССР о вручении Красного Знамени школе.

2. Печати гербовые:

для документов	1 шт.,
для хозяйственных документов	- 1 шт.,
для удостоверений личности (рельефная, металлическая)	- 1 шт.

Оттиски печатей прилагаются.

3. Документацию по мобилизационной работе и ГО:

дела №-0072 за 1957-1964 г.	на 88 листах
№-0072 за 1967 г.	на 81 листе
№-0081 за 1968 г.	на 25 листах
№-0081 за 1969 г.	на 2 листах

и приказы МВД СССР от 30 августа 1958 г. №-М/0322 экз. №-200,
МООП СССР от 17.12.1968 г. №-0171 экз. №-25,
МООП СССР от 23.12.1968 г. №-0178 экз. №-34.

4. Личное дело на старшего инспектора группы кадров майора милиции СЕРГЕЕВУ Эмилию Григорьевну.

5. Остаток денежных средств в кассе на 1 сентября 1969 г. 1017 руб. 67 коп.
Согласно контокоррентной выписке Госбанка наличие денежных средств на бюджетном счете №-3011992 на 1 сентября 1969 г. в сумме 2504 руб. 18 коп.

6. Учебно-методическая и политико-воспитательная работа в школе проводилась инспекторской комиссией УУЗ МООП СССР в декабре 1967 г. и ее состояние отражено в акте от 8 декабря 1967 г., а также комиссией УУЗ МВД СССР в июне 1969 г., о результатах которой акт в школе отсутствует, но итоги которой были подведены на совещании руководящего и преподавательского состава школы.

Ревизия хозяйственной деятельности школы проведена Западным окружным управлением материально-технического снабжения и отражена в акте от 8 апреля 1969 г.

7. Числящиеся по книгам учета материальные ценности и имущество школы, в том числе:

- артехникооружение и средства связи,
- автотранспорт и горюче-смазочные материалы,
- квартирное имущество и топливо, строительные и технические материалы,
- вещевое имущество,
- продовольствие,

- столово-кухонная посуда и оборудование,
- спортивное имущество,
- культпросветимущество,
- криминалистическое оборудование и фотоимущество,
- медикаменты, медицинское имущество и оборудование,
- общая библиотека,
- специальная библиотека,
- делопроизводство и канцелярия школы,
- делопроизводство и личные дела в группе кадров,
- бланки строгой отчетности (чековые книжки, перевозочные документы) - находятся на ответственном хранении материально-ответственных лиц, которые подтверждают их полное наличие и сохранность прилагаемыми к настоящему акту документами (докладными записками). Отсутствует

докладная записка коменданта школы, находящего в отпуске. Однако имеется акт инвентаризации имущества, числящегося за ним по состоянию на 1 августа 1969 г. и находящегося на его ответственном хранении.

ПРИЛОЖЕНИЕ: докладные записки материально-ответственных лиц на _____ листах.

СДАЛ

полковник милиции

/ И. ЭСПЕР /

ПРИНЯЛ

подполковник милиции

/ Е. НАЗИМОВ /

*Официальный акт передачи школы И. М. Эспером
Е. В. Назимову в присутствии заместителя министра
А. М. Мартина (в центре). 1969 год.*

*Небольшое торжество после составления акта
о передаче школы.*

Евгений Васильевич Назимов

ВОСПОМИНАНИЯ

О времени и о себе

О времени и о себе

Это содержание воспоминаний Е. В. Назимова.

Те, кто знал его, работал вместе или просто встречался в разных жизненных ситуациях, могут почувствовать в этих записях стремление автора сообщить о своей обычности – так распорядилась жизнь, так было со многими...

Да, было трудное детство (с какой теплотой вспоминает Евгений Васильевич своих родственников), лихолетье войны, участие в боях на территории Эстонии, а затем – непростые мирные дни: работа в органах, учеба, университетский диплом юриста, заботы о семье.

Кто ещё в новой истории милиции сделал столько в организации и подготовке кадров? Впоследствии под руководством полковника Назимова Таллинская школа милиции стала одной из лучших подобных учебных заведений большой страны.

Но об этом в мемуарах ни слова.

Очень сдержанно, как бы между строк, – о трудностях, не названы те, кто подвел, напакостил. Лишь в конце воспоминаний – с горечью о становлении новой полицейской системы, о допущенных при этом просчетах. НЕ понимал многого ветеран с 33-летним стажем службы в органах охраны правопорядка и имеющий громадный опыт и знания в этой области. Только грустная фраза в завершении: "это так, к слову, эмоции"...

Самая добрая память об Евгении Васильевиче Назимове, незаурядном человеке, коллеге, начальнике и просто мужчине останется в нашей памяти. Именно он имел полное право чело- века и офицера на слова "Честь имею!"

И пусть наше скромное участие в издании мемуаров Е. В. Назимова является выражением искренней благодарности от совета ветеранов Таллинской специальной средней школы милиции МВД СССР.

Мы помним Вас, товарищ полковник!

Вступление

Цель воспоминаний – оглянуться на прожитое. К сожалению, делается это с большим опозданием. Подготовку к написанию воспоминаний нужно было начать примерно 40 лет тому назад, когда было еще все свежо в памяти, была возможность не только вспомнить прошлое, но также собрать необходимые документы, чтобы воспоминания базировались на документальном материале, кроме того, что очень важно, здравствовало старшее поколение, от кого можно было узнать очень многое, особенно о деревне, ее истории, о людях.

Приступая к написанию воспоминаний, я имел в своем распоряжении некоторый документальный материал, а именно: документальные материалы о собственности на землю и размере земельных угодий; документы о регистрации рождений, браков и смерти; родословная, составленная на основании данных, полученных от родственников; карты и схемы военных действий части, в которой проходил службу в период Великой Отечественной войны; фотографический материал; трудовая книжка; документы об образовании; копия послужного списка из моего личного дела офицера милиции; медицинская книжка; документальные материалы о правительственных и ведомственных наградах, а также сами награды; красноармейская книжка периода службы в Советской Армии. Этого материала не много, но он позволит соблюсти хронологию событий, с которыми приходилось соприкасаться.

Одна из важных задач воспоминаний – это вспомнить о тех, кто принимал участие в моем воспитании, формировании как личности, вспомнить о тех, кто лепил меня как человека.

Особенно благодарен моим близким родственникам, которые в детстве (и не только) давали мне приют, кормили и поили, окружали вниманием и заботой. Из дальнейшего изложения будет видна их роль в оказании помощи моей матери. Достаточно вспомнить, что, оставшись одна (отец умер, когда мне было 12 месяцев) с маленьким сыном на руках, она оказалась в очень трудном положении, об этом также будет сказано. Без помощи родственников и хороших и добрых односельчан было бы очень сложно выжить в той ситуации.

Приступая к этой работе, понимаю, что встречусь с большими трудностями, в том числе и с тем, что я не литератор, опыта написания подобного нет. Но я не ставлю перед собой задачу создать литературное произведение. Это всего лишь «воспоминания», написанные больше для себя, возможно, для близких, если их прочтение будет представлять для них какой-то интерес. Возможно, молодое поколение, внуки или правнуки, будут заинтересованы узнать о своих корнях, о своих предках.

*15 мая 1999 года,
город Таллинн*

Малая Родина

Родился 21 января 1924 года в деревне Криуши Вирумааского уезда Эстонской Республики. Где-то в документах промелькнуло более раннее название – Старая Криуша. Специально исследованием истории деревни и изучением ее исторического прошлого не занимался. Не слышал об ее истории и от старшего поколения. Иногда в их разговорах проскальзывала мысль о том, что вплоть до 1917 года она тяготела к городу Гдову и входила в состав Гдовского уезда. В 2001 году из уст жительницы деревни Криуши Орловой Веры слышал историю зарождения деревни, якобы услышанную ею от археологов, которые в 1947 году производили археологические раскопки в окрестностях деревни Криуши.

Суть этой исторической версии в следующем. После победы Александра Невского над немцами в 1249 году (Ледовое побоище) Псковское княжество стало укреплять свои западные рубежи, в том числе по естественному оборонному рубежу реке Нарова. На правом берегу реки Нарова стали появляться военные поселения. Одним из таких поселений были Криуши. Имел ли этот рассказ реальную историческую основу или является легендой, трудно сказать. Но независимо, легенда это или быль, оно достойно быть отражено в истории деревни.

Для характеристики истории деревни имеет значение небольшой исторический материал, опубликованный в одном периодическом издании. В древние времена территория Волосовского района входила во владения Великого Новгорода. В тринадцатом веке

территория подверглась вторжению рыцарей Ливонского ордена. Но в 1241 году русский полководец Александр Невский освободил край от захватчиков. В 1278 году Новгородские земли присоединили к Московскому государству. Неудачная Ливонская война, а затем разгром Новгорода Иваном Грозным привели к ослаблению северо-западных рубежей России. В конце четырнадцатого века шведы завоевали часть русских земель, назвав эту территорию Ингерманландией, которая им принадлежала около ста лет. В середине 30-х годов нашего столетия деревню переименовал и она приобрела новое официальное название Кривасоо. Однако на бытовом уровне и в обиходе по прежнему использовали старое название Криуши.

Собственно Криуши – деревня маленькая, всего 28 крестьянских дворов. Но ее увеличивали хутора в округе, а также деревни-сателлиты Пустой Конец и Долгая Нива, расположенные в непосредственной близости к Криушам и составлявшие с ней как бы единое целое. Значение деревни определялось не ее размерами и количеством крестьянских дворов. Она была центром волости Пийри. Здесь были церковь, школа, народный дом и волостное правление. Этим и определялось ее значение и удельный вес в собственной жизни и в жизни всей волости. Кроме того, имело значение историческое прошлое в становлении Эстонской Республики. Здесь на берегу реки Нарова стоял памятник погибшим за свободу Эстонской Республики. Имело также значение геополитическое положение волости как приграничной с Россией.

Деревня Криуши располагалась на берегу реки Нарова, примерно 200 метров на расстоянии от нее. Деревня отделялась от реки в южной части маленькой речкой Криуша, впадающей в реку Нарова. С северной стороны деревня отделялась от реки двумя большими ручьями, образовывавшими водоем, впадающий в речку Криуша. Эти водоемы отделяли деревню от реки Нарова. В узкой части водоема был построен мост, по которому можно было

проехать к реке. В летнее время в водоемах воды было не много, но они никогда не высыхали полностью. А весной речка Криуша и водоемы наполнялись водой до такой степени, что не всегда в период половодья можно было пройти на берег реки Нарова. Бывали случаи, когда мост в период половодья сносило водой.

Непосредственно на берегу реки Нарова, с севера на юг почти компактно расположились: церковь, дом священника, дом церковного регента, дом волостного правления. Рядом с ним – народный дом и шестилетняя школа. Школа расположилась, как бы на полуострове, образованном рекой Нарова и впадающей в нее речкой Криуша.

На острие этого полуострова (в обиходе его называли Носок) находилось кладбище, называемое “военным кладбищем”. Как мне помнится, военных захоронений там не было. Новые захоронения там не производились, и оно постепенно разрушалось, оставалось заброшенным и неухоженным. “Мысок” был любимым местом купания детворы т.к. берег реки Нарова в этом месте был песчаным.

Комплекс зданий на берегу реки (школа, здание волостного правления, народный дом и церковь) можно условно назвать “центром” административным, культурным и духовным. Здесь же находился причал и пристань для пароходов, курсировавших по реке Нарова. Севернее этого центра, вниз по течению реки, находилась единственная на всем протяжении реки Нарова паромная переправа, соединившая правый и левый берега.

Здесь же находился дом паромщика Василия Барыгина и крестьянский двор Михаила Щеглова. Если можно так выразиться, это был передний план деревни. На втором плане находилась деревня Криуши, расположенная на возвышенном месте, выстроившись в основном в одну линию вдоль проселочной дороги, протянувшейся от села Скамья на берегу Чудского озера до города Нарва. В конце 30-х годов нашего столетия эта дорога на отдельных участках стала

непроходимой для гужевого транспорта, не говоря уже об автомобильном транспорте. От деревни Криуши до города Нарва можно было по суше добраться через деревню Низы или через паромную переправу и далее – через Вайвара в город Нарва. В основном сообщение с экономическим центром для Занаровья, каковым являлся город Нарва, осуществлялось по реке Нарова. Перевозка людей и малогабаритных грузов осуществлялась на речных судах, больших грузов – на баржах, а деловой древесины (бревна) – сплавом. В зимнее время сообщение с городом Нарва осуществлялось гужевым транспортом по устоявшемуся льду реки Нарова. Таково было географическое положение деревни Криуши.

Далее перейдем к более подробному подворному описанию деревни. Данные приводятся по состоянию на 1939 год. С юга на север по течению реки Нарова были расположены крестьянские дворы Горлова В., Баранова А., Садовникова Т.

Эта часть деревни была на левой стороне речки Криуша, и называли ее “Верхний край”, вероятно потому, что она была расположена на возвышенности. С юга к этой части деревни примыкали хутора: Румянцев Л., Румянцев П., Дроздов И., Сосновский А., Коровин Т., Дубровский Ф., Серебров И., Шлыпкин И., Шлыпкин М., Шлыпкин С., Ершова С. Эта группа хуторов находилась в местечке, называемом «Подывань».

Вдоль речки Криуша, на правом ее берегу, в части деревни, называемой когда-то «Барский край», были расположены крестьянские дворы: Маркова Н., Ребровой Д.

До пожара 1935 года в этой части деревни было еще 8 крестьянских хозяйств. Во время пожара 1935 года строения в этой части деревни были полностью уничтожены огнем. Погорельцы переселились в основном на хутора, где они имели земельные участки. Постепенно строили жилые дома и хозяйственные постройки. Уцелел от пожара дом Маркова Н. Осталась в деревне и построила новый дом Реброва Дарья.

На юго-востоке к этой части деревни, вдоль речки Криуша, назовем это направление условно «речка Криуша», расположились хутора: Барыгина Н., Назимова П., Глазунова Н., Скворцова И., Лепикова В., Деда Нефеда, Гаранькина Т.

На востоке вдоль «тыловой дороги», направление «Темница», расположились хутора: Беляева Д., Рементова Ф., Баллина А., Бокова И., Стаканова И., Селезнева И., Минина В., Нечаева Г., Пойкан В.

В самой деревне на север вдоль дороги на город Нарву расположились крестьянские дворы: Дроздова В., Сорокина И., Кристьяна Р., Назимовой Т. (это наш двор), Неверова Ф., Рудакова И., Рудакова В., Петухова В., Судакова В., Судакова К., Ботвинского И., Орлова И., Вуич И., Баба Мариша, Минина Н., Волкова С., Галашкина С., Ильюшина В., Можайского В., Щиглицева К., Щиглицева М., Щиглицева А. Эту часть деревни называли «Нижний край» или «Вольный край».

Таким образом, по наименованиям деревня делилась условно на три части, и каждая из них имела свое наименование:

- ▶ Верхний край,
- ▶ Нижний край,
- ▶ Барский край.

Откуда, когда и почему появились эти названия, объяснить не могу и сведениями не располагаю. Старшее поколение использовало эти наименования. Мое и более младшее поколение ими не пользовались.

Вниз по течению реки Нарова в направлении «Коссарь» расположились два крестьянских двора: Щеглова М., Барыгина В.

Здесь же была паромная переправа через реку Нарова. Естественно, постороннему по описанию сложно представить расположение деревни и тем более расположение крестьянских дворов и хуторов. Те, кто там жил или часто бывал, представляют себе, как выглядела деревня. Надеюсь, со временем достать крупномас-

штабную карту, на которую будут нанесены все перечисленные в этом разделе данные. Изложенное в данном разделе будет доступно, понятно и наглядно.

Количественный состав семей

Состав семьи	Деревня	Хутора	Всего
1-2 человека	4	5/9	15%
3-4 человека	13	10/23	40%
5-6 человек	8	10/18	32%
7-8 человек	3	2/5	9%
9-10 человек	-	2/2	4%
Дедушки, бабушки	17	8	25
Главы семьи	52	54	106
Дети старше 18 лет	17	30	47
Дети 14-18 лет	8	17	25
Дети до 14 лет	23	31	54

Наличие скота и домашней птицы в крестьянских хозяйствах

Вид	Количество	Дворов, %
Лошадей	40	70
Коров	50	88
Овец	52	91
Свиней	56	98
Птицы	57	100

Экономическое положение крестьянских дворов

Статус	Дворов	Всего, %
Зажиточные	8	14
Середняки	27	47, 3
Бедные	22	38, 7

К 1939 году деревня, с учетом произошедшего движения крестьянских дворов и переездом на хутора, сформировалась окончательно. В деревне осталось 28 дворов и 29 хуторских хозяйств. Хутора расположились вокруг деревни на различном расстоянии от нее, о чем было изложено ранее. Чтобы иметь представление о деревне, приведу некоторые данные, характеризующие крестьянские хозяйства, а также население деревни. Всего в деревне (вместе с хуторами) проживало 57 семей с населением 257 человек.

Данные об экономическом положении крестьянских дворов носят в большей степени визуальный характер, так как основаны на наблюдениях, в основе которых – внешнее благополучие или неблагополучие крестьянского двора. Эти выводы не основаны на документальных материалах и экономическом анализе эффективности и результативности ведения хозяйственной деятельности. Кроме того, нужно иметь в виду, что эти выводы делались на воспоминаниях 15-летнего юноши.

Заканчивая изложение материала, дающего общую характеристику деревне в целом, а также отдельным крестьянским дворам, следует еще раз подчеркнуть, что этот материал не основан на документальных данных и, следовательно, не может претендовать на полную объективность и дает всего лишь общее представление о деревне.

В заключение хотелось бы высказать некоторые соображения, дающие представление о деревне вне приведенного выше материала.

1. Большинство крестьянских дворов страдало от малоземелья. Наличие в хозяйстве небольшого количества земли не давало возможности вести нормально крестьянское хозяйство.

2. Разбросанность земельных наделов (участков земли). Часто земельные участки находились на значительном расстоянии друг от друга. Так, например, наше хозяйство располагало 8,2 га земли на четырех участках. Один из них, земли под луга, находился на расстоянии 12 км от дома.

3. Качество сельскохозяйственных угодий оставляло желать лучшего:

- ▶ заболоченность и постепенное зарастание мхом лугов;
- ▶ каменистая почва пахотных участков;
- ▶ малоплодородные земли.

Конечно, в условиях крупного крестьянского хозяйства, при наличии достаточных средств и материальных ресурсов эти проблемы можно решать, но на малых земельных участках при чересполосице решить их практически невозможно.

Только сельскохозяйственное производство в силу указанных и других причин не могло обеспечить крестьянское хозяйство необходимыми товарными ресурсами и проживание за счет полученной продукции. Поэтому часть членов семей крестьянского двора постоянно или временно занимались отхожим промыслом, сезонными наемными работами (работа на лесозаготовках, вывозе леса и т.д.). Особенно большим подспорьем в экономическом плане был сезонный сбор и продажа дикорастущих ягод, особенно брусники и клюквы. Эти ягоды шли на экспорт. Ранней осенью, когда начинался сбор клюквы, этим были заняты от мала до велика – женщины и мужчины. Лишь немногие крестьянские дворы не участвовали в этой “массовой работе”.

- ▶ Ранней осенью, когда начинался сбор клюквы, этим были заняты от мала до велика – женщины и мужчины.

Крестьянское хозяйство не было товарным. Практически то, что производилось, то и потреблялось. Большинство крестьянских хозяйств так и организовывали свое сельскохозяйственное производство, ориентируясь на собственное потребление. Лишь некоторые крестьянские хозяйства имели излишки произведенной продукции и реализовывали ее на рынках Нарвы.

В 2001 году имел возможность ознакомиться и проанализировать до 15 хуторских листов (талундилехт) крестьянских хозяйств деревни и убедился в правильности сделанных из анализа материалов выводов.

Представление о деревне будет неполным, если ничего не сказать о культурной жизни. В деревне был “Народный дом”, который размещался в большом отдельно стоящем здании. Это сооружение состояло из: зала, сцены и фойе.

В зале стояли скамейки. Места для сидения были пронумерованы, как в настоящем театре. На сцене, как положено, занавеси, кулисы. В фойе был гардероб для одежды, уголок с окном для кассы. Вся культурно-массовая работа проводилась через народный дом. Действовал отличный и большой хор. Руководил хором церковный регент. На певческом празднике русских хоров в городе Нарве хор нашей деревни занял первое место. Кроме хора работал драматический кружок. Ставили пьесы и даже классику. Регулярно, особенно зимой, проводились вечера танцев. При народном доме была маленькая библиотека. Действовали спортивные площадки для волейбола и лапты. Были гигантские шаги. В работу народного дома была вовлечена не только молодежь, но и старшее поколение. Припоминаю, однажды исполнил удивительную старинную народную песню 70-летний Волков С.

Народный дом активно работал до 1934 года. В последующем его деятельность стали постепенно ограничивать и свертывать. Деятельность кружков и секций заглохла. Были запрещены даже вечера танцев. Полагаю, что это было связано с общепולי-

тической обстановкой в Эстонской Республике, усилением режима власти и ограничением свобод. На политической обстановке в Принаровье сказались многочисленные случаи нелегального ухода в СССР из Принаровья, особенно молодежи, в том числе и из нашей деревни.

В общественной жизни деревни чувствовалась какая-то необъяснимая напряженность. Сократились до предела совместные праздничные застолья, горожане стали реже приезжать в деревню к своим родственникам. Это в частности было заметно на большой семье дедушки Семена Пожарского. Если до 1934-1935 годов она собиралась два раза в год – летом и зимой, то в последующие годы такие встречи, связанные с массовым приездом родственников, прекратились. Взрослое население деревни стало меньше общаться. Стали проявляться факты межнациональной розни. Особенно ухудшились отношения с эстонцами, проживающими на левом берегу реки Нарова. В деревне появились констебль и представитель политической полиции.

Наша деревня была административным центром волости и, несмотря на это, во второй половине тридцатых годов превратилась в “край богом и властью забытый”. Прекратила работу библиотека. Не помню, чтобы кто-то получал газеты, не говоря об иной периодике. На деревню действовал всего один телефон в волостном правлении. Не было врача или иного медицинского работника, хотя бы одного на всю волость. Отсутствовало электричество. Всего 1-2 радиоприемника на все три деревни. Запущенность дорог или точнее сказать их непроходимость.

Все это вместе взятое приводило деревню в упадок и способствовало оттоку молодежи. Это была характерная тенденция для всего Принаровья, а не только для нашей волости или деревни. Волей судьбы (о чем будет сказано) мне пришлось проживать несколько лет в деревне Втроя, на хуторе. Это вообще была добровольная ссылка в резервацию.

Откуда берет истоки наш крестьянский двор? Как он формировался, рос и развивался? По воспоминаниям матери, после вступления в брак вновь образовавшаяся семья не имела своего дома. Жили у бабушки Матрешы в качестве квартирантов. В этом доме я родился. Дом стоял на высоком берегу речки Криуша. Время, проведенное в этом доме, не помню. В последующем заходил вместе с матерью в этот дом. Он казался большим, просторные комнаты, но пустые голые стены, никакой мебели. И только в одной комнате в углу стояла одинокая кровать, а у плиты – стол. Склон, спадающий к речке, казался очень крутым и высоким. Стоять на его краю было страшно. В последующем, когда стал по возрасту старше и приходил на этот склон, он не казался таким высоким и крутым.

Себя и свои поступки начал помнить, вероятно, с возраста 2-3 лет. К этому времени мать приобрела дом. Дом небольших размеров, примерно 8х8 метров, бревенчатый, под соломенной крышей.

В доме не было комнат. Примерно одну шестую часть площади занимала русская печь. Это целое многоцелевое сооружение. В комплекс этого сооружения входило: сама печь, где выпекали хлеб, парили корнеплоды, готовили супы, особенно приготовленные в печке кислые щи или гороховый суп отличались особым, неповторимым вкусом. В печке готовили свиные окорока, запекая их в тесте. Печку использовали также как лечебницу. На пол печи настилали ржаную солому. С признаками простуды человек залезал в печку и лежал там, хорошо потев и выгоняя хворь. Выйдя из печки, залезал на верх печки и спал там до утра. Утром вставал бодрым и здоровым. Лично мне лечиться таким способом не приходилось, но мать неоднократно проделывала эту процедуру, особенно на “свежую” простуду.

- Приготовленные в печке кислые щи или гороховый суп отличались особым, неповторимым вкусом.

На печке было много места, и вполне могли уместиться для сна 3 взрослых человека. В комплексе “печки” была также обычная плита. Сбоку печки была лежанка. Удивительное свойство печки было в том, что независимо, какой очаг протапливался, собственно печь или плита, нагревалась вся печь; печь долгое время сохраняла тепло; в летнее время, когда необходимость в тепле отпадала, тепло вместе с дымом можно было направить прямо в трубу. У этого удивительного сооружения были и другие хорошие свойства.

Дом находился на чужом земельном участке Минина Н., на низком месте, в излучине большого ручья. Весной при таянии снегов и в половодье ручей выходил из берегов и заливал участок земли, на котором стоял дом. В таких случаях приходилось выводить скот к соседям и держать там до тех пор, пока не спадал уровень воды. В период половодья заливало подвал. Поэтому хранившиеся там корнеплоды и соленья поднимались в дом. Вероятно, дом был старой постройки. Зимой в нем было холодно, хотя топили печь и плиту часто. Утром в морозную погоду вода в ведре покрывалась льдом. Спать приходилось на печке или на лежанке. Под одной крышей с домом находились “сени”, где хранилась различная домашняя утварь. Сени не были утеплены и продувались со всех сторон. Зимой в них задувало снег.

Ранее было сказано, что дом не был разделен на комнаты. Но видимость комнат была создана. При входе из сеней в жилую половину дома между печкой и стенкой дома была установлена дощатая перегородка. С ее помощью образовалось помещение наподобие кухни. На кухне стоял сделанный из досок стол. Другая часть дома была разделена шкафом для одежды. В результате образовалась гостиная, а за шкафом – подобие спальни комнаты с большой кроватью. Снаружи дом выглядел ветхим и старым. К сожалению, он таковым был. Крыльцо, ведущее в дом, заменяла сколоченная из досок лесенка. Под домом не было фундамента.

Дом стоял на угловых камнях. Для сохранения тепла в подвале вместо фундамента был нарыт земляной вал, образовавший “заваленку”. Крыша была соломенная и солидно заросла мхом. Рядом с домом находился хлев для домашних животных. В ту пору мы держали корову, свинью и кур.

В 1936 году дом перевезли на новое место на собственный земельный участок в верхней части деревни. Внешне он мало чем отличался от прежнего. Появилось солидное каменное, залитое бетоном крыльцо. Дом поставили на фундамент. В результате образовался подвал, где в нормальных условиях можно было хранить корнеплоды и соленья. Заменяли прогнившие три нижние венца бревен. В остальном все осталось по-прежнему. В доме сложили “русскую печь”, но уже без лежанки. Плита и печка были облицованы керамическим кафелем. Работы каменщика и печника выполнил брат матери Пожарский Петр. Дом, как было сказано, находился на собственном участке земли. За домом находился хлев для скота и огород. Мы были малоземельные крестьяне.

По имеющимся в моем распоряжении документальным материалам крестьянский двор состоял:

1. Участок земли под домом и огородом под названием “Садеме 15” размером 0,15 га.

2. Остальные земли под названием “Маяковское 13 и 13А”, позднее переименованные в “Ахело 13”, составляли 8,31 га различного назначения земли. При этом следует иметь в виду, что луговые земли 2,72 га мы получили в 1940 г.

По своему назначению и расположению участки земли были следующими:

1. Посевные площади состояли из двух, в разных местах расположенных участков земли 0,75 га 0,25 га. Всего 1 га

2. Луга состояли из четырех в разных местах расположенных участков: 0,15 га 0,08 га 0,25 га 2,72 га. Всего 3,20 га

3. Пастбища 0,35 га.

4. Лесные угодья 3,10 га.

В лесу не росло деловой древесины. Лес был смешанным. В нем можно было вести только заготовку дров. Кроме того, местность была низменная, постоянно залитая водой, а в летнее время влажной. Даже заготовку дров можно было вести только в зимнее время.

В имеющихся документах (земельный кадастр) дана характеристика земельных угодий. Так,

- ▶ посевные площади 0,75 га нуждались в осушении,
- ▶ 0,25 га нуждались в очистке от камней,
- ▶ луга 2,22 га временно находились под водой,
- ▶ 0,25 га постоянно находятся под водой,
- ▶ 0,25 га замшелые площади.

Таким образом, имея столь незначительные площади земли и учитывая их состояние и сельскохозяйственное назначение,

во-первых, говорить о нашем хозяйстве и называть его крестьянским двором можно чисто условно;

во-вторых, наше крестьянское хозяйство не производило товарной продукции. Все производилось только для нужд собственного потребления. Кроме того, мы не могли производить зерна в количествах, обеспечивающих собственную потребность. Муку и крупы приходилось закупать дополнительно.

Эти данные, характеризующие наше крестьянское хозяйство, привожу столь подробно с целью показать, сколь сложна была на селе жизнь в условиях малоземельного крестьянского хозяйства. Каким образом в этой ситуации выходила из трудного положения моя мать, особенно в условиях не только малоземелья, но и при отсутствии собственного дома, для меня остается загадкой.

Нужно быть очень мужественным и сильной воли человеком, чтобы выжить в таких условиях. Мать была таковой, и я горжусь ею.

Такова была моя Малая Родина. Хотя она малая, но пишу ее с прописной большой буквы. Нет деревни, но сохранились самые теплые воспоминания о ней и людях, проживавших в ней.

Здесь, как нигде к месту, хочу привести стихотворение М. Ю. Лермонтова «Родина».

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю-за что, не знаю сам
Ее степей холодное молчанье.
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим неизвестной
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.*

Родители. Родословная

Родился 21 января 1924 года, в деревне Криуши. Родители: отец Назимов Василий Антиппович, родился в 1898 году в этой же деревне, в крестьянской семье, мать Назимова (Пожарская) Татьяна Семеновна, родилась 04.01.1900 года на хуторе, недалеко от деревни Долгая Нива, в крестьянской семье.

Вновь образовавшаяся семья практически мало что имела для ведения крестьянского хозяйства. Всего 1 га земли на двух участках, вероятно, доставшийся отцу при разделе имущества, составляли всю основу крестьянского двора. Родители не имели своего дома. Из домашней утвари от отца остались одни настенные часы, исполнявшие мелодию вальса “Тоска по родине”. Я родился в доме у бабушки Матрешы, где родители жили в это время. Это было трудное время для матери. Отец болел и умер 07 февраля 1925 года от рака желудка.

Родители, братья и сестры отца

Отец Антипов Антипп Трифонович, пропал без вести.

Мать Дарья Михайловна умерла 05.1944.

Назимов Петр Антиппов р. 29. 01. 1885г. у. 03. 11. 1949г.

Реброва Дарья Антипповка р. 03. 1886г. у. 28. 02. 1973 г.

Скворцов Иосиф Антиппович, р. 10. 04. 1888 г. у. 09. 10. 1967 г.

Анисимова Мария Антиповна, проживала в г. Ленинграде, умерла.

Назимов Василий Антипович р. 1898 г. у. 07. 02. 1925 г.

Кузнецова Ульяна Антиповна р. 1900 г. у. 02. 1936 г.

В родословной по линии отца всего 147 имен.

По линии Назимова Петра	49
По линии Ребровой Дарьи	14
По линии Скворцова Иосифа	20
По линии Назимова Василия	10
По линии Кузнецовой Ульяны	33

В родословной по линии матери всего 159 имен.

По линии Лупановой Александры	45
По линии Пожарского Григория	13
По линии Назимовой Татьяны	10
По линии Пановой Марии	2
По линии Леоновой Анастасии	2
По линии Стекловой Пелагеи	20
По линии Пожарского Павла	34
По линии Пожарского Петра	33

Родословная составлена по состоянию на июнь 2008 года.

Родители, братья и сестры матери

Родители Пожарский Семен Егорович, Пожарская (Колбасникова)
Варвара Васильевна (умерли)

Лупанова Александра Семеновна р. 23.04.1896г. у. 07.12. 1973.

Пожарский Григорий Семенович р. 02. 02. 1898г. у.10.10. 1950г.

Назимова Татьяна Семеновна р. 04. 01. 1900г. у. 26. 12. 1941г.

Панова Мария Семеновна р. 07. 1902г. у. 05. 08. 1977г.

Леонова Анастасия Семеновна р. 02. 11. 1904г. у. 17. 10. 1977г.

Стеклова Пелагея Семеновна р. 29. 05. 1906г. у. 13. 06. 1986г.

Пожарский Павел Семенович р. 18. 03. 1909г. у. 24. 09. 1964 г.

Пожарский Петр Семенович р. 30. 11. 1911г. у. 09. 11. 1978 г.

О родителях

Отец умер 07.02.1925 года. О нем мало знаю. Практически ничего. Имевшиеся фотографии утрачены, за исключением одной. На фотографии запечатлены отец и мать. От матери об отце ничего не слышал, она об этом не рассказывала. Сам также ничего не расспрашивал. Помню, однажды завел разговор на эту тему, но мать расплакалась. Больше к этому вопросу не возвращался, полагая, что мать болезненно воспринимает воспоминание об отце. Со слов более взрослых двоюродных сестер, знавших отца, узнал, что отец был высокого роста, брюнет, стройный и красивый мужчина. По одной из фотографий, которая мне запомнилась в детстве, отец запечатлен в период службы в российской (царской) армии. По фотографии можно заключить, что он служил в лейб-гвардии Измайловском полку.

После смерти отца мать осталась одна в очень трудном положении. Ранее было сказано, что даже не было своего дома, не говоря о хозяйстве. Не знаю и не представляю, каким образом она вышла из создавшейся ситуации.

Период, о котором начал помнить, мне было, вероятно, 3 года. К этому времени мать приобрела дом, появилась корова. Каким образом и за счет каких средств все было приобретено, не знаю. Конечно, трудом матери. Когда-то мать приобрела профессию швеи. В долгие зимние вечера мать шила для односельчан все: костюмы и платья, пальто и даже шубы и полушубки. Перешивала старую одежду. Помнится, заказов было достаточно. Шить — это была зимняя работа. Летом мать была занята на сельскохозяйственных работах в собственном хозяйстве, а также помогала

другим. Лошади в нашем хозяйстве не было, поэтому мать чаще всего “отрабатывала” у родственников на различных работах: посадка картофеля, сенокос, уборка зерновых и картофеля и другие работы. За счет этого нам помогали на работах с лошадью. Таким путем мать выходила из положения, с выполнением сельскохозяйственных работ.

- В долгие зимние вечера мать шила для односельчан все: костюмы и платья, пальто и даже шубы и полушубки.

Кроме того, нужно было выполнять работы на огороде. Огород требовал большого объема в т.ч. трудоемких работ. Нужно было подготовить землю, посеять и посадить, уход за высаженным и прополка, частый полив. По моему мнению, полив был самой трудоемкой работой. Воду носили из речки ведрами примерно на расстоянии 150 метров, при этом нужно было подниматься в гору. Маршрут пролегал по территории соседа Ивана Сорокина.

Мать была певунья. В долгие зимние вечера, сидя за работой, она пела удивительные, но в то же время грустные, как мне казалось, песни, например, “Узори вы узореньки”, “Вот вспыхнуло утро” и много других. Вообще следует отметить, что род наш (как по линии матери, так и отца) был певучий. У каждой семьи был свой любимый репертуар, но участвовали в его исполнении все присутствующие. Исполнялись хоровые песни, сольное исполнение и дуэты. Особенно романсы и песни, исполняемые дуэтом в составе тети Пелагеи, дяди Павла с участием матери. Уже в зрелом возрасте, вспоминая репертуар, я узнал, что исполнялись также классические произведения и даже арии из опер.

Примерно в 5-летнем возрасте под руководством матери научился читать. В зимние вечера читал различные книжки. Мать слушала и в нужном месте поправляла мои ошибки.

Позднее меня вовлекли в работу. “Дергал наметку”. Дело в том, что перед тем, как прошить швы на швейной машине, при примерках одежда “наметывалась” т.е. швы в ручную прошивались белыми нитками, а затем прошивались на швейной машине. Оставшиеся и больше не нужные белые нитки мне поручалось извлекать, т.е. выдергивать. Работа не сложная, но детская нетерпеливость делала ее непривлекательной. Кроме того готовую одежду перед окончательным глажением мне поручалось чистить.

В доме зимой стоял ткацкий станок. На нем ткали льняную ткань или половики. Если на станке была основа для половиков, мне поручалось резать ножницами узкие полоски из тканей различных расцветок. Нарезанные полоски необходимо было мотать в клубки. Таких полосок требовалось очень много, поэтому работы хватало для меня на несколько зимних месяцев.

В конце двадцатых годов в доме появился мужчина. Мать вышла вторично замуж. Не только в раннем детстве, но и позже меня огорчало отсутствие отца. Появлению отчима в доме я был очень рад. Он относился ко мне очень хорошо. Отчим занимался отхожим промыслом. Он был хорошим каменщиком и печником. С ранней весны и до поздней осени он работал на стороне. Приезжал домой только на выходной день. Вероятно, работал не очень далеко, так как приезжал домой на велосипеде. Как я понимал, жить нам стало значительно легче. В доме появилась даже лошадь. Купили породистую корову. Стали держать овец. Хотя организация сельскохозяйственных работ по-прежнему лежала на матери.

Зимой отчим занимался домашним хозяйством. Эти работы были связаны в основном с использованием лошади. Мои дяди по матери, Григорий Семенович и Петр Семенович, вместе с отчимом стали работать на стороне. Он обучил их этому ремеслу. Они до конца дней своих занимались этим и были хорошими специалистами своего дела.

К сожалению, в скором времени отчим заболел и умер. Для нас снова наступило трудное время. Я видел, каких невероятных усилий требовалось матери, чтобы держать «на плаву» наше скудное хозяйство. Весной, летом и осенью сельскохозяйственные работы поглощали ее полностью с раннего утра до поздней ночи. Зимой – изнурительная и длительная по времени работа швеи. Часто наблюдал, как сидя за швейной машиной она плакала. На мои вопросы, почему она плачет, отвечала, что ей взгрустнулось. Но я понимал, что эта грусть вызвана безысходностью и трудностями жизни. Как мне казалось, она понимала, что одна не справится с хозяйством в создавшейся ситуации. И тот шаг, на который она решилась, я понимал и не осуждал ее. В марте 1934 года она зарегистрировала брак с Зыбиным Александром Ивановичем и переехала в деревню Втроя. Пойти на такой поступок требовались мужество и решительность. В семье Зыбина А. было трое детей. Самой маленькой не было года. Кроме того, в семье была мать Зыбина А. и его брат. Таким образом, она вошла в семью в составе шести человек, хотя с большим, но запущенным хозяйством.

Я остался до окончания школы в деревне Криуши у дедушки Пожарского Семена. Как поступила мать с нашим хозяйством, не знаю. Предполагаю, что земли отдала в пользование близким родственникам по отцовской линии, чьи земельные участки были рядом. Дом остался с забитыми досками окнами. Корову мать взяла с собой.

Через три года мы вновь вернулись в деревню Криуши. Это был 1937 год. В чем причина разрыва, объяснить не могу и не знаю. Мать уехала, я остался заканчивать Скамейскую шестилетнюю школу.

Вернувшись на родину в деревню Криуши, я включился в работу. Особенно запомнился этот сезон сбором дикорастущих ягод. В эту работу включился в полную силу, особенно по сбору клюквы раннего и позднего осеннего, а также весеннего сбора. Клюквы на

болотах в этот сезон было много, а цены довольно высокие. Это объяснялось большим спросом ягод на рынках, куда импортировалась ягода. Ежедневно в составе небольшой “бригады” мы рано утром, примерно в 6 часов утра, уходили из дома. На лодке, на веслах переправлялись через реку Нарова и шли в речку Мустй-ыэ. Лодку оставляли в укромном месте и по болоту шли к месту сбора ягод примерно 5-6 километров. Собрать ягоды на болоте не составляло большого труда, хотя требовались определенные усилия. Нужно было “лазать” по болоту наклонившись примерно на протяжении 5-6 часов. Самое трудное, как мне представлялось, вынести собранные ягоды к лодке.

Ягод собирали много. Ранней клюквы – 50-60 литров. Я не был профессионалом в сборе ягод, но набирал, как правило 35-40 литров.

С этим грузом нужно было идти по болоту. Болото, как правило, влажное, а местами даже топкое. Ноги проваливались в торфяную жижу. Шли медленно с частыми остановками для отдыха. Видно было, что женщины к концу пути выбивались из сил. Ругали проклятую жизнь, но надо идти. И так изо дня в день. Только сильно ненастная погода могла помешать выходу на болото. Мелкий моросящий дождь или пасмурная погода не были препятствием для выхода на болото.

Вечером, по возвращении с ягодами, нужно было заняться домашними делами. В основном домашняя работа ложилась на плечи матери. Нужно было накормить скот, подоить корову. Заготовить корм для скота на следующий день. Попросить соседей задать корм скоту в наше отсутствие. Вечером работа с ягодами возлагалась на меня. Следовало ягоды рассыпать для просушки в сенях или в доме. Если при сборе ягод погода была “сухая”, то можно было ягоды “проветять” на ветру в этот же вечер, избавившись от мусора. Но чаще всего этот процесс затягивался, т.к. ягоды были мокрые и их нужно было предварительно просушить,

рассыпав на полу. Работы вечером было много, и отдых начинался поздно вечером.

Активная работа по сбору ягод в течение всей осени дала свои результаты. Мы заработали достаточно денег, чтобы безбедно прожить в течение года и поправить находившееся в упадке хозяйство. Но это был временный успех.

Поскольку сбор ягод для большинства селян был основным источником дополнительного дохода, а для некоторых крестьянских хозяйств – единственным источником дохода и при массовости этой работы, то сложились неписанные правила поведения и действий, которые свято всеми соблюдались.

Они следующие:

1. Группа ягодников формировалась, как правило, на весь сезон сбора ягод вокруг хозяина лодки. На лодке переправлялись на другой берег реки Нарова и далее следовали вверх по течению, подходя как можно ближе к болоту. Группа состояла из 6-7 человек.

2. Хозяин лодки не садился за весла. Гребцами были другие члены группы.

3. Возглавлял группу “вожак”. Это человек, хорошо знавший болотистую местность и места, где в данном сезоне могут быть ягоды.

В нашей группе такой женщиной была Сорокина Е. Пользовались также лодкой этой семьи.

4. На болото приходили ранним утром, чтобы увеличить время сбора ягод, а также опередить другие группы.

5. Если группа находилась на болоте, то другие группы ягодников на это болото не заходили. Дорогу в направлении движения группы не пересекали. Не знаю ни одного случая, чтобы это правило нарушалось.

6. Группа рассредоточивалась на болоте и двигалась в одном направлении. Недопустимо было идти впереди, заходить в полосу

движения сзади идущего. Если такое случалось, то при выходе с болота на привалах это обсуждалось.

7. Члены группы всегда держались в пределах видимости друг от друга. Поэтому никто не терялся и не блудил по болоту.

Процесс обработки ягод для сдачи заборщику также был своеобразным, особенно для нашей семьи. В больших семьях кто-то оставался на день дома и занимался обработкой ягод. У нас такой возможности не было. Терять день для обработки ягод было непозволительной роскошью. Принесенную ягоду нужно было просушить. Затем проверять, как было сказано ранее. Чаще всего ягоды приносили мокрые. Их просушивали в комнате или в сенях. Затем ягоды прокатывали на столе под уклоном и очищали от болотного мусора. Это медленный процесс обработки ягод, к которому нам чаще всего приходилось прибегать, работая до поздней ночи.

Чистые ягоды, накопившиеся за несколько дней, сдавали закусщику (заборщику). На это также уходило достаточно много времени, т.к. ягоды измерялись литровой емкостью. Ягоды поздней осени и вполне зрелые принимали на вес. В этом случае процесс сдачи ягод значительно ускорялся.

Значительно выше в цене были ягоды (клюква), собранные ранней весной. Как только на болоте таял снег, но мох был еще мерзлый и “держал” человека, т.е. не проваливался, начинался сбор ягод. Клюква, особенно на кочках, как бы выдавливалась на поверхность болота и была хорошо доступна для сбора. Но мох был еще мерзлый, особенно утром, и обдирал пальцы рук до крови. Поэтому ягоды весной собирали в перчатках, у которых были отрезаны кончики пальцев.

Весенняя ягода была мягкая, и ее нужно было собирать осторожно, чтобы не подавить. Поэтому продуктивность сбора была невысокая. Но это компенсировалось высокой ценой весенней ягоды.

Так проходила специфическая для этих мест работа по сбору ягод. Во многом крестьянские дворы держались на этом источнике дохода как наиболее доступном, удобном и выгодном для большинства.

В июле 1940 года мать переехала в город Нарву. Видимо, безысходность и бесперспективность ведения сельского хозяйства заставили мать оставить крестьянский труд. Кроме того, резко ухудшилось состояние ее здоровья. Часто жаловалась на боли в области сердца. В городе была доступна медицинская помощь. В деревне такой возможности не было.

В городе мать устроилась работать на льноджутовую фабрику (парусинка), но часто болела. С мая 1941 года не работала, находилась на больничном. После моего отъезда из Нарвы в августе 1941 года ее состояние здоровья резко ухудшилось. Она переехала на хутор к своим родителям.

28 декабря 1941 года ее не стало. Меня не было на ее похоронах, т.к. находился в это время в эвакуации в Татарии. Так закончился ее многострадальный жизненный путь. Ушел из жизни единственный близкий мне человек – мать. В молодые годы остро не ощущал этой утраты. Иногда в грустные минуты жизни вспоминал о ней, но это не вызывало особой горечи утраты. Лишь в более зрелом возрасте, когда уже появилась семья, стал чаще и чаще вспоминать о матери. Стал соизмерять свои поступки с ее наказаниями в детстве. Особенно на всю жизнь запомнилось ее трудолюбие. Иногда горечь утраты, произошедшая за многие годы в прошлом, вызывала чувство вины, что в последние минуты жизни не оказался с нею рядом.

Детство. Дошкольные годы

Рос я щуплым и застенчивым ребенком, хотя был окружен постоянной заботой матери, много и часто общался в среде родственников. Поскольку мать была занята работой, меня отдавала часто под присмотр родственников. Припоминаю, что жил на хуторе у дедушки и бабушки целое лето, вероятно, ежегодно. У них был большой дом, крепкое крестьянское хозяйство, большая пасека. В ближайшей округе не было детей моего возраста. Целыми днями был один. Хуторские земли были расположены компактно, поэтому свободно ходил к месту работы дедушки и бабушки. Так было вплоть до школы.

Осенью и зимой мною занимались другие. Часто бывал под присмотром бабушки Дарьи в семье Назимовых. Семья была большая, 6 человек детей. Скучать не приходилось. Иногда бывал на хуторе у дяди Скворцова И. Там находился, как правило, несколько дней подряд. Находил приют также у тети по линии отца – Ребровой Дарьи. Очень часто за мной присматривала семья Баллиных. Пребывание в этом доме было уютным, а прием – доброжелательным. Особенно хорошо ко мне относился их сын Николай. Запомнились дни, проведенные у тети Стекловой Пелагеи в деревне Долгая Нива.

Можно было бы и дальше перечислять родственников и просто односельчан, у которых я бывал. Конечно, основное время я находился дома под присмотром матери. Непосредственно в предшкольные годы находился дома один и выполнял некоторые поручения по дому: охранял огород от нашествия как своих, так и чужих кур, иногда на огород проникали овцы соседей. Воевал с

ними. Собирал траву для свиньи. Рубил ее сечкой, заливал оставленным снадобьем и кормил свинью. В обеденное время при возвращении стада принимал корову и загонял ее в хлев. Во второй половине дня выпускал корову в стадо. Иногда вечером при отсутствии матери принимал корову.

Была и другая эпизодическая работа. Находилась время и для общения со сверстниками, но, как правило, вблизи от дома, т.к. уйти на длительное время было сложно. Иногда ухитрялся искупаться в реке Нарова.

Иногда мать брала меня с собой на полевые работы или на сенокос. Так, в одно лето меня взяли с собой на сенокос на дальний участок. Уезжали примерно на 10 дней. Все зависело от погоды. За это время нужно было закончить сенокос, уложить сено в стога. В тот период я не принимал участия в работах, был сторонним наблюдателем, охранял стан. Выезжали, как правило, все владельцы угодий одновременно, возможно, с разницей в один день. Организовывали единый стан на берегу реки Наровы.

В дошкольные годы в летнее время было больше свободного времени. Вместе с ребятами ходили на рыбалку. Ловили пескарей. Бывали случаи, приносил домой несколько десятков рыбешек. Мать отказывалась использовать их в пищу. Я был этим огорчен. Но доволен был наш кот. По мере созревания ягод – земляники, черники и других, ходили в лес для сбора ягод. Однажды собрал и наелся вместо черники т.н. волчих ягод. Получил отравление и несколько дней болел.

В одно лето кто-то организовал при школе группу детей наподобие детского сада. Утром приходили в школу. Встречала учительница и организовывала различного рода занятия с нами. Было в новинку и очень интересно. В хорошую погоду ходили на прогулки, в том числе в лес. В ненастную погоду находились в помещении. Кормили обедом. После обеда укладывали спать в одной из классных комнат, оборудованной под спальную. Спаль-

ной комнатой это можно назвать условно, на полу была настлана ржаная солома. Каждый ребенок должен был приносить с собой простынь или какую-либо иную ткань, чтобы расстелить ее на солому перед сном. Этим начинанием были довольны родители, т.к. их дети были под присмотром и с ними занимались. Но доброе начинание просуществовало только один летний сезон.

Почему не состоялись такие летние лагеря в последующие годы, ответить затрудняюсь. Родители, в семьях которых не было тех, кто мог присмотреть за малолетними детьми, были огорчены отменой летних лагерей.

Осенью, когда начиналась уборка урожая, на огороде помогал матери. Дергал морковь, брюкву и свеклу, обрезал ботву, уносил ее к дому, чтобы использовать в дальнейшем в качестве корма для скота. Убирал и сушил лук. Выполнял и другие работы на огороде. Участвовал в уборке картофеля.

Однако больше запомнились долгие зимние вечера. О них было сказано ранее.

Особо следует сказать о заботе матери о моем образовании. Задолго до школы она научила меня читать и писать. Покупала детские книги, которые с удовольствием читал. Их было в доме несколько десятков. Если за долгую зиму они были прочитаны, в доме появлялись новые книги или вновь перечитывались старые книги. Мать добивалась, чтобы я не только читал книги, но и пересказывал прочитанное.

► Задолго до школы мать научила меня читать и писать. Покупала детские книги, которые с удовольствием читал.

С наступлением зимы, когда выпадал снег, начинал готовить "спортивный инвентарь". Из досок старой бочки мастерил лыжи и катался на них с горок. Кто-то подарил один конек. Радости не

было предела. Сам смастерил санки. Правда, после нескольких спусков с гор они развалились. Активная деятельность ребят моего возраста начиналась, как правило, под вечер. Десятка полтора ребят собирались где-то на улице и затевали различные игры. В зимнее время чаще всего выходили на водоем, расположенный посредине деревни, и использовали его как естественный каток. Практиковали игру “в прятки”, используя для этих целей прилегающие к домам строения: сеновалы, сараи, гумна и т.д. Вечерами выпрашивали у кого-либо рабочие сани (дровни) и ватагой спускались на них с горки на ледовое покрытие.

Сейчас задаю себе вопрос: было ли мое детство счастливым? Да, бесспорно оно было счастливым, но по-своему и только для меня. Я был окружен заботой, вниманием и любовью матери. Это главное в оценке моего счастливого детства. Но мое детство не было безоблачным. Мы жили в бедности и еле-еле сводили концы с концами. Припоминаю, как мать посылала меня в деревенскую лавку, чтобы попросить у лавочника и принести домой селедочного рассола, т.к. иной приправы для картошки не было. Мать, особенно по весне, занимала в долг у дедушки или других родственников муку, обещая в последующем отработать на весенне-полевых работах.

Я не мог позволить себе то, что позволяли моим сверстникам. У большинства из них было больше свободного времени для игр и развлечений. Даже в дошкольные годы я был связан какой-то работой по дому. В то время это вызывало огорчение и даже слезы. Особенно болезненно переживал отсутствие отца. Вспоминаю дошкольные годы, когда находился дома один, особенно зимой, иногда впадал в уныние и даже лил горькие слезы по поводу своей безотцовщины. Но повторяю вновь и вновь. Мое детство благодаря матери было счастливым.

И другой вопрос: был ли я шаловливым ребенком? Конечно, допускал шалости, выходящие за пределы дозволенного. Это не

оставалось без реакции со стороны матери. Иногда следовали не только внушения, но и более жесткие меры воздействия, например, “стояние в углу”, иногда в ход шел прут. При этом мать предлагала самому пойти за огород, срезать и принести ивовый прут. Принос прута растягивался по времени, и мать постепенно “остывала” от гнева, в этих случаях дело ограничивалось приносом прута, вывешиванием его на видном месте и предупреждением, что он может быть использован в будущем. Но иногда наступали реальные меры воздействия, принесенный прут выполнял свое предназначение. Мать была очень строга и требовательна.

Учеба в школе

В деревне Криуши действовала 6-летняя школа. Посещали школу дети не только из деревни Криуша, но также из близлежащих деревень: Долгая Нива, Пустой Конец, а также из хуторов.

В школе было всего три классных комнаты:

- ▶ в одной занимались дети от 1-го до 4-го классов,
- ▶ в другой занимались дети 5-6-х классов,
- ▶ в третьей занимались дети с эстонским языком обучения. В

тот период, когда я учился, их было около 14 человек.

В 1931 году поступил в первый класс этой школы. Учеба не составляла особого труда, т.к. до школы научился читать, писать и считать. Какова была успеваемость, не помню. В этот период в классной комнате были не только малыши-первоклассники, но и переростки, которые пытались закончить четыре класса. Поэтому нам, малышам, уделяли меньше времени, больше занимались переростками.

В школе застал еще время, когда в качестве наказания ставили в угол, в том числе на колени. Директор школы был строг и суров. За шалость на уроке или в перерыве мог “надрать уши” или, взяв озорника за воротник, утащить на расправу в учительскую комнату. Учительница русского языка за ошибки, допущенные в диктанте, наказывала физически. Сколько ошибок – столько ударов линейкой по верхней части кистей рук. Мы, малыши, со страхом наблюдали за такой экзекуцией. Нужно заметить, что такие методы обучения и воспитания применяли педагоги старшего поколения.

Пришедшие в школу молодые педагоги были совершенно с иными взглядами на проблемы обучения и воспитания.

Три года учебы в Криушской школе пролетели быстро и незаметно. Об этом периоде учебы в школе в памяти осталось очень мало. Практически отдельные отрывочные воспоминания.

В 1933 году после окончания школы меня привлекли к труду на постоянной основе. Я стал пасти скот на хуторе у дедушки (Пожарского С.). Стадо состояло из трех коров, нетели и 8-10 овец. Пастбище находилось примерно на расстоянии 300 метров от дома. Прогон скота на пастбище был огорожен забором, т.к. кругом находились чужие луга. Колючей проволокой в три ряда было огорожено само пастбище. Скот выгоняли на пастбище. Никуда, кроме территории пастбища, скот уйти не мог. Проблему составляли овцы. Имеющееся ограждение не было для них препятствием. Они постоянно проникали на соседние луга. Самое сложное для меня в этот период было вставать рано утром. Около 5 часов утра бабушка с большим трудом поднимала меня с постели. Медленно одевался. Бабушка давала мне сумку с продуктами на завтрак. Как правило бутылка молока, хлеб с маслом или медом. Когда выходил из дома, скот уже находился в прогоне. Мне оставалось гнать его на пастбище. Полусонный плелся за скотом, бодро шагающим впереди меня.

Задача пастуха – не просто охранять скот, но, главное, накормить его. Это дело сложное, и, вероятно, за первый год пастушеской практики я это не освоил. Проблема пастушеской профессии – это мокрые ноги. Утром, идя по росе, они намокают. К обеду постепенно высыхают и через некоторое время появляется прелость. Через две-три недели между пальцами ног образуются кровоточащие раны, очень болезненные. Предотвратить их появление не удавалось, несмотря на то, что бабушка применяла различные препараты домашнего производства.

Другая проблема – ненастные и дождливые погоды. Никакие плащи не спасают от намокания, т.к. ходишь по мокрому кустарни-

ку. Нижняя часть туловища все время мокрая. Но при пасмурных погодках есть свои преимущества. Скот более спокойный, т.к его меньше беспокоит "летающая пакость", он не лезет в кусты, скрываясь от кровососущих. При такой погоде и пастуху значительно спокойнее и проще.

В марте 1934 года мать переехала в деревню Втроя в новую семью. Я остался заканчивать третий класс. Жил на хуторе у дедушки с бабушкой. Это примерно 5 километров от школы. Каждое утро шел в школу. Вечером возвращался обратно. Ежедневно проходил мимо осиротевшего своего дома. Окна были забиты досками, на дверях замок. Всегда взгляд на дом навевал грустные мысли, с которыми утром шел в школу, а вечером возвращался на хутор. Тоску навевало и следующее обстоятельство. У нас дома был кот. Мой любимец. При переезде на хутор я взял его с собой. Но через несколько дней кот пропал и объявился вновь у нашего оставленного дома. Каждое утро он встречал меня. Из продовольственной кладки, которую бабушка давала мне на обед в школу, часть оставлял коту. В последующем кот пропал и на встречу со мной больше не появлялся.

- Ежедневно проходил мимо осиротевшего своего дома. Окна были забиты досками, на дверях замок. Всегда взгляд на дом навевал грустные мысли.

Пройти на хутор можно было двумя путями. Первый более короткий. Через деревню Долгая Нива. Но в этом случае нужно было проходить через многие пастбища. Они были отгорожены друг от друга изгородью из колючей проволоки. Эти препятствия нужно было преодолевать. Кроме того, весной пастбища переувлажнены. Поэтому всегда была угроза вернуться домой с промокшими ногами. Второй путь более длинный, окружной. Этот маршрут проле-

гал мимо ряда хуторов. Он использовался гужевым транспортом. Никакого специального дорожного покрытия, даже наипростейшего, не было. Дорога была проложена по обычной местности. Естественно, была "разбита", с ухабами и рытвинами. Весной или в дождливую погоду они наполнялись водой. В таких случаях дорога была труднопроходимой, и пользовались ею редко. В наиболее благоприятное время этим маршрутом приходилось пользоваться и мне. В последующем в некоторых местах вдоль дороги вырыли канавы с целью осушения прилегающих полей. Это несколько облегчило пользование дорогой.

С окончанием школы закончилось мое пребывание на хуторе у дедушки с бабушкой. Нужно было переезжать на новое место жительства. Что ожидало меня на новом месте, в кругу незнакомых людей? Эти вопросы волновали меня. Было и определенное любопытство.

Деревня Втроя

В 1934 году после окончания школы из деревни Криуши я переехал на новое место жительства в деревню Втроя, на хутор Орехово. На территории хутора было 7 крестьянских дворов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Хутор был окружен лесами.

В семье, куда я влился, было трое детей:

Александр – 10 лет,

Зоя – 6 лет

Ребекка – менее года.

Приняли в новой семье хорошо, окружили вниманием и заботой, насколько это возможно было в большой семье. Примерно через неделю адаптации меня подключили к работе. Вместе с Александром стали пасти скот: 3 коровы и 6-7 овец. Пастбище было маленькое, окруженное полями и лугом. Пасти скот было сложно, т.к. кругом были соблазны для скота. Коровы и особенно овцы заходили на соседний луг и даже на поля. На этой почве были неприятности.

Постепенно вживался в семью и окружающую среду. Проходило это не просто. Все же семья была чужая, и я не чувствовал себя в ней своим, а чужаком. Кроме того, была окружающая среда в виде детей с соседних дворов. К ним я относился несколько настороженно. Проживая в деревне Криуши, я привык к деревенским просторам, к реке Нарова. Хутор Орехово, где я поселился, был небольшой – всего семь хуторов, окружен лесами, создавалось впечатление замкнутости и изолированности, идти было некуда.

Осенью пошел в четвертый класс Втроейской школы. Школа была маленькая – одна классная комната и маленькая квартира, где проживала учительница. В одной классной комнате занимались дети от 1 до 4 класса. В классной комнате было тесно, детей много, в том числе переростки в четвертом классе. Незнакомая обстановка в школе, незнакомые учащиеся выбили меня из нормальной колеи.

Я был застенчивым мальчиком, а в новой обстановке оробел, чувствовал себя неуютно, тем более отношение к новичку не было доброжелательным со стороны учащихся. Это, вероятно, повлияло на мою учебу в этой школе. Учительница постоянно подчеркивала, что я слабоуспевающий. Однажды оробевший, я не мог у доски решить задачу. Рассерженная учительница вlepила мне оплеуху пачкой тетрадей. Вообще в этой школе рукоприкладство как средство наказания и воспитания практиковалось довольно часто. Реализовывал наказание муж учительницы. Так, весь учебный год я числился слабоуспевающим, хотя в Криушской школе не возникали проблемы с успеваемостью.

В начале весны 1935 года, перед окончанием школы, на хутор прибыл человек в поисках пастуха. Почему-то мать решила отдать меня в пастухи и предложила мою кандидатуру. Наниматель осмотрел меня с ног до головы и высказал сомнение в том, что справлюсь ли с обязанностями пастуха. Мне было одиннадцать лет, не по годам мал ростом и к тому же робкий. Но мать убедила хозяина, что я имею опыт пастушеской работы и с обязанностями справлюсь.

После окончания школы в условленный день, время и месте мать передала меня будущему хозяину. Это произошло в деревне Васкарва. Хозяин встречал на лошади, и мы отправились в дорогу. Эстонским языком я не владел. Хозяин сносно говорил по-русски, т.к. служил в царской армии. До места будущей работы добирались целый долгий день. Последние 5-6 километров доро-

га проходила дремучим лесом, маневрируя среди болот, по многочисленным холмам и болотистым низинам. Проезжая по этим местам, мое настроение упало. Обстановка угнетала. Оказался в такой глухомани, которую раньше не видывал.

Хутор, где предстояло работать, находился в волости Ийзаку, примерно 8 километров от монастыря Куремяз, в лесу на небольшой поляне, по-видимому, когда-то отвоеванной у леса. На следующий день хозяин ознакомил меня с пастбищем, показал места, богатые травой, а также уязвимые места. Для выпаса скота использовалось собственное пастбище, а также государственные лесные угодья. Площади для выпаса были обширные, но бедные травами. Постоянно приходилось перегонять скот с одного места на другое, чтобы найти необходимый травяной корм. На вырубках был богатый травяной покров, но пасти там скот не разрешалось, так как на них вырастали молодые деревья и скот мог вытоптать их. Хозяин неоднократно предупреждал, чтобы не допустил выхода скота на вырубки и потравы лесопосадок. Это грозило ему неприятностями и лишением права пользоваться государственными лесными угодьями.

Стадо состояло из 7 коров. В основном это были дойные коровы. Поэтому в случае плохого выпаса это немедленно сказывалось на надоях молока. Хозяйка постоянно информировала о надоях, иногда с раздражением и претензией, если надои были низкие. Из этого следовало делать соответствующие выводы. Иногда, особенно в жаркую погоду, когда кровососущие особенно беспокоят скот, а надои в этот период падают, руками на просеках рвал сочную траву и приносил коровам, скрывавшимся в кустах. Но разве таким способом накормишь стадо, состоящее из семи коров?

По условиям контракта хозяева обеспечивали меня одеждой и обувью. Одежда в виде куртки и штанов из полотняного домотканого материала. Обувь – поршни (раздай) с портянками. Портянки

стирал сам, как правило, ежедневно, т.к. в течение дня приходилось ходить по низким и полуболотистым местам.

Режим рабочего дня был следующий: ежедневно в 4. 30 утра после утренней дойки скот выгоняли на пастбище. Около 12.00 скот возвращался обратно. Начиналось самое знойное время, скот в это время тревожили жара и насекомые. Перерыв длился до 15.00 часов, в зависимости от погоды. И снова на пастбище до 21.30-22.00 часов, В таком режиме ежедневно в течение четырех месяцев до 1 сентября, т.е. до начала учебы в школе.

Режим питания. Утром хозяйка давала с собой бутылку молока и хлеб, иногда с маслом, чаще между кусками хлеба клала 3-4 штуки соленой салаки. Салаку ел редко, в основном выбрасывал. Оставалось молоко и хлеб. В обеденный перерыв давали горячую пищу. Как правило, к этому времени в большом котле варили картофель для скота. Доставали несколько картошек для меня и подавали мучной соус. Иногда варили суп. Ужин всегда был очень поздно, т.к хозяйка после возвращения скота начинала вечернее доение. Ужин готовили позже. Иногда, не дождавшись ужина, уходил спать. Утром нужно было рано вставать. При таком режиме питания к осени появились неприятные ощущения, а иногда боли в области желудка. Появилась изжога. Именно тогда была заложена основа для гастрита и язвы желудка в последующем. В течение всего лета за пределы хутора не уходил. Куда было идти, кругом леса и болота. Поблизости не было хуторов.

- Утром хозяйка давала с собой бутылку молока и хлеб, иногда с маслом, чаще между кусками хлеба клала 3-4 штуки соленой салаки. Салаку ел редко, в основном выбрасывал.

Общение также было ограничено до минимума. Иногда перебрасывались несколькими фразами с работником, работавшим

на хуторе. Препятствием было также слабое владение эстонским языком. Практически не было свободного времени. В обеденный перерыв ложился спать, т.к. ночного сна было недостаточно. Приходилось компенсировать дневным сном. Несмотря на систематическое недосыпание, ни разу не уснул на пастбище.

Лето выдалось дождливым и ненастным. Постоянно в течение дня ходил в мокрой одежде, не говоря о том, что обувь и портянки вообще не просыхали по несколько дней подряд. Бывали случаи, что утром приходилось одевать мокрую верхнюю одежду. В течение ночи она не высыхала. Подменной одежды не было. Единственным средством защиты от дождя был мешок из-под сахара, считалось, что он спасает от дождя. Но через некоторое время он намокал. Быть под дождем и постоянно в мокрой одежде крайне неприятно и кроме того, холодно. Почва на пастбище увлажненная, поэтому постоянно ходишь по этой грязной “кашице”.

Отрыв от дома, трудные условия работы, отсутствие общения угнетало. Иногда в одиночестве на пастбище лил горькие слезы, жаловался на свою пастушескую участь, проклинал все на свете. Но никогда не возникала мысль бросить все и убежать домой. Такие случаи в пастушеской практике бывали, когда ребята не выдерживали тягот и лишений и убегали домой.

Таким образом, в детстве познал жизнь батрака не по наслышке, а на своем горьком опыте.

Как оценивался мой труд, точного представления не имею. Но после окончания сезона меня везли в Васкнарву, где встречала мать. Ей передавали какую-то сумму денег и два-три мешка зерна. Здесь же было сделано предложение пойти на эту работу в следующем сезоне, но я от этого предложения отказался. Мать также подтвердила мой отказ.

Село Скамья

Осень 1935 года и снова школа. На сей раз меня определили в Скамейскую школу в 5-й класс, т.к. в деревне Втроя была четырехклассная школа. Посещение школы усложнилось. Приходилось ходить в школу пешком, примерно 5 километров и вечером обратно домой. Особенно неприятно было в ненастные дни. Осенью все осложнилось. Обычно пользовался наиболее коротким маршрутом через луга. Но осенью после дождей ходить лугами было невозможно, т.к. луга становились влажными. Идти по дороге окружным путем увеличивало расстояние примерно на 2 км. Поздней осенью мать смогла определить меня на квартиру к дальней родственнице. Стало значительно легче и проще. Домой уходил в субботу после окончания занятий в школе и возвращался в школу в понедельник утром.

Дома ждала воскресная работа. Семья стала готовить материал для строительства нового дома. Дом, в котором жили, стал совсем дряхлым и тесным для большой семьи. Зимой были заготовлены бревна для стен. Подготовлен соответствующий материал для изготовления дранки (материал для покрытия крыши). Нам с Александром предстояло окорить бревна. Отчим решил материально заинтересовать нас в этой работе и за каждое окоренное бревно выплачивал какую-то мизерную сумму денег. Мы резко активизировали свою работу. Иногда целый выходной день занимались этим.

Взрослые мужчины стали изготавливать дранку. И здесь мы также были задействованы. Стоя у станка, нужно было принимать каждый лист дранки и класть на левую руку по 25 штук в пачку.

Одновременно следовало сортировать дранку, отбрасывая брак. Пачки аккуратно складывали в кипу по 500 штук. Чтобы не задерживать работу взрослых, на приеме дранки мы с Александром работали вдвоем. Эта подготовка к строительству длилась до поздней осени.

Вернемся к школьной жизни. 5-й и 6-й классы занимались в одной классной комнате. Учеников на два класса было 11-12 человек. Один учитель управлялся одновременно с двумя классами. Поскольку классы количественно были маленькие, обучение было индивидуализировано до предела и очень интенсивным. В течение всего урока учащийся был вовлечен в активную учебную работу. Атмосфера в классе была доброжелательная, и я быстро освоился и адаптировался в этой среде, хотя ранее знакомых ребят в классе не было. Занимался с удовольствием, учеба давалась легко. Как отдельные уроки, так и целые учебные дни были напряженными, и приходилось упорно заниматься.

Особых воспоминаний об учебе в этом классе в памяти не отложилось. Директор школы владел удивительным почерком. Мы, старшеклассники, постоянно обращались к нему с просьбами надписать учебные тетради. Он никогда не отказывал. Я решил подражать ему и стал вырабатывать почерк по его типу и примеру. Конечно, общего было мало, но с тех пор стиль и способ письма отрабатывался в едином русле и остался в общих чертах неизменным. Директор, вероятно, заметил, что я ему подражаю, и стал подсказывать, как лучше писать отдельные буквы.

Весной 1936 года перед окончанием школы меня вновь определили на работу в качестве пастуха. В мае 1936 года мать отвезла меня в деревню Ямы, где нас встретил мой будущий хозяин. На лошади поехали на хутор. Хутор находился в деревне Иманту, примерно 6 км от деревни Ийзаку и 4 км от монастыря Куремяз (Пюхтицы). По внешнему виду чувствовалось, что хутор жил в достатке. Имел два жилых дома. В новом жили хозяин с семьей

(в семье было двое детей примерно моего возраста). В старом доме жили отец хозяина, двое работников и я. Часть старого дома использовалась для хозяйственных нужд, здесь была кухня для скота и столовая для работников. Стадо состояло из 8 коров и 2 телят. Условия и режим работы мало чем отличались от тех, которые были в прошлом году.

Работать было легче, т.к. я имел пастушеский опыт. Была возможность общаться с детьми хозяина. Сам хозяин был общительный. Всем хозяйством руководила хозяйка. Она с утра до вечера командовала работниками, отцом хозяина и самим хозяином. Ее громкий и звонкий голос звучал во всех местах на хуторе. Это была женщина с неугомонным характером. Командовать и властвовать было заложено в ее генах. Это был ее хутор. Он достался ей по наследству. Ее муж на этом хуторе был примаком и поэтому смирился с ролью батрака, а не хозяина. Он был очень видным мужчиной, высокий ростом, красавец, образован и весьма общительный. Кроме того, хорошо управлялся с сельскохозяйственными машинами и инвентарем. Работа на лошадях и с лошадьми был его удел.

Хозяин после утренней дойки забирал молоко вечернего и утреннего надоя и на лошади уезжал в Ийзаку на молокозавод. Сдавал молоко, а на обратном пути забирал “обрат” для корма свиней. В общении с детьми хозяина, работниками и другими людьми хутора я за лето значительно расширил знания разговорного эстонского языка, приобрел разговорную практику. К концу лета довольно бойко говорил на эстонском языке.

В отличие от прошлого года, нынешнее лето не было столь дождливым, дожди выпадали умеренно. В связи с этим были и свои проблемы. В жаркую погоду скот начинал тревожить гнус. Животные прятались в кусты, особенно в предобеденное время. Больше всего опасался случаев, когда одно из животных, «доведенное гнусом до крайности», пускалось в бега в сторону дома. За

ним, как правило, устремлялись и другие животные, удержать их было практически невозможно. Эта «лавина» убегала домой.

Такой случай произошел и в моей практике этим летом. К счастью, это случилось по времени непосредственно перед выгоном скота домой на обеденный перерыв. Хозяева с пониманием отнеслись к случившемуся. Для профилактики таких случаев мазали животных специальной мазью, отпугивающей гнуса. Кроме того, перед обедом иногда брал зеленую ветку и отгонял от животных атакующий их гнус. Правда, не всем животным это нравилось, и они не поддавались обмахиванию. К счастью, пастбище было довольно обширным и возможности для выпаса более благоприятные. Кроме того, пастбище не было значительно увлажненным, низкие места были на умеренной части площади. Следовательно, в отличие от лета прошлого года, условия нынешнего лета были более благоприятные для пастуха.

Ранее упоминал, что примерно в 4 километрах от хутора находился монастырь Куремяз (Пюхтицы). По договоренности с хозяином получил свободный день в праздник Успения, который являлся престольным праздником монастыря. Смог посмотреть сам праздник и паломничество, которое привлекло много людей, в т.ч. из Принаровья. Удалось встретиться с родственниками из деревни Криуши. Проживая в деревне Втроя, в течение двух последних лет я не встречался с кем-либо из родственников. Пользуясь возможностью близости к монастырю, в обеденный перерыв неоднократно ходил к монастырю, чтобы искупаться в «святом» источнике, пообщаться со сверстниками-пастухами.

- Пользуясь возможностью близости к Пюхтицам, в обеденный перерыв неоднократно ходил к монастырю, чтобы искупаться в «святом» источнике, пообщаться со сверстниками-пастухами.

У пастухов сложилась традиция при хорошей погоде приходить к источнику. Собиралось нас “тружеников” до десятка человек. Это были в основном ребята из русских Принаровских деревень. В отличие от меня, они были значительно старше по возрасту и опытнее по своей пастушеской профессии, так как несколько лет работали пастухами. Некоторые из них были переростками и в школе уже не учились. Пастушество было их основной трудовой деятельностью в летний период. Они мечтали и на зимний период остаться на хуторе в качестве батрака, чтобы иметь крышу над головой, постоянное питание и незначительный источник дохода.

Незаметно кончилось лето. Прошел еще один рабочий сезон. Он был для меня значительно легче предыдущего, менее удручающим, а отдельные эпизоды невзгод быстро забывались. Я снова вернулся домой, чтобы приступить к учебе. 1936-37 учебный год начался в селе Скамья, но уже в шестом классе. Жил по-прежнему на квартире у родственников. Домой приходил на выходной день. В течение лета строящийся дом был подведен под стропила. До зимы нужно было возвести крышу. В выходные дни приходилось осваивать профессию кровельщика. Крышу покрывали дранкой. Работали активно, используя каждую свободную минуту. Эта работа мне нравилась. Я не мог себе представить, что мальчишкам – мне и Александру – поручат столь ответственное дело, как изготовление новой крыши. Я гордился этой работой, а в школе даже хвастался этим. С удовольствием сидел на крыше, укладывая дранку и прикрепляя ее гвоздями.

Особых воспоминаний об учебе в школе в памяти не осталось. Запомнился один интересный эпизод из жизни Скамьи. С наступлением зимы, как только река Нарова покрывалась льдом и по льду можно было ходить, ребята из сел Скамья и Васкнарва, расположенных на противоположных берегах реки, устраивали “ледовое побоище” в полном смысле этого слова. Начиналось оно с того, что малыши обоих сел выходили на лед и начинали

бросать друг в друга камни. Позднее к малышам присоединялись более старшие ребята, а в разгар боя подключалось и старшее поколение. “Бой” длился до наступления темноты или до тех пор, пока одна из сторон не переходила в наступление и загоняла противную сторону по домам. Откуда такая традиция и с чем она связана, никто объяснить не мог, но старожилы утверждают, что это длится с незапамятных времен. В иное время села жили мирно и не враждовали.

Подходил к концу учебный год. Перед его окончанием произошло событие, которое резко изменило мою жизнь. Весной 1937 года мать ушла из семьи Зыбиных и переехала обратно в деревню Криуши. Отношения в этой семье у нее не сложились. В чем причина разрыва и такого решения матери, я не знаю. Узнавать об этом от матери не считал возможным. Я остался в Скамье заканчивать шестой класс. В школах в тот период экзаменов не было. Но в текущем учебном году было проведено тестирование учеников 6-х классов всего Принаровья. В тестах было 150 различных вопросов, на которые следовало дать ответы. Я смог правильно ответить на 122 вопроса и занял первое место среди тестируемых по всему Принаровью. Об этом я узнал из прессы. Для меня это было большим достижением и радостью. После окончания школы меня премировали книгой “Oitsev meri” August Malk и организовали бесплатную экскурсию в город Таллинн. О посещении города Таллинна в тот период сохранилось несколько фотографий. Руководил нашей поездкой и пребыванием в Таллинне лично директор школы. Всего нас было пять человек. Разместили в какой-то школе. Особых воспоминаний о поездке не осталось.

Закончилась моя учеба в Скамье. Я снова вернулся на Родину в деревню Криуши.

Снова на Родине

После окончания школы вернулся в деревню Криуши и был приятно удивлен тем, что дом был перевезен на новое место на участок, принадлежащий нам. Это было сделано за короткое время. К моему приезду были возведены бревенчатые стены с заменой прогнивших двух нижних венцов и накрыта крыша.

Заканчивались общестроительные работы. В них принял самое активное участие. Работу каменщика и печника выполнял брат матери Пожарский Петр. Я был у него помощником. Подносил строительные материалы. Месил и приносил глину, кирпич, затирал щели в керамическом кафеле, которым была выложена печка. При кладке фундамента и изготовлении крыльца готовил и подносил цементный раствор. В течение месяца эти работы были закончены, и дом был готов для проживания. До полного завершения работ было еще далеко. Не были завершены работы в сенях. Там был настлан временный дощатый пол, не было потолка, не был как следует заделан фронтон и коробки. Все эти работы откладывались на будущее.

В этот летний сезон на меня было возложено много работ по дому и огороду. Уход за огородом во многом лежал на мне. Регулярно нужно было осуществлять полив. Воду носил из речки и выливал в бочки, чтобы она перед поливом согрелась. В течение дня из речки нужно было принести 60-70 ведер воды. Это была тяжелая работа. Использовал коромысло. Руки и плечи постоянно болели. Воду нужно было носить из речки, поднимаясь в гору примерно на расстоянии 150 метров. В течение дня нужно было

заниматься прополкой грядок. Это делалось ежедневно. К прополке изредка подключалась мать. Кроме того, она выполняла “квалифицированную работу”: подсыпка огурцов, картофеля, обработка и разряжение корнеплодов и др. В течение дня нужно было заготовить и приготовить корм для свиньи, накормить ее. В обед встретить, а после обеда отправить в стадо корову. Были и другие хозяйственные поручения.

В середине лета пришлось заниматься заготовкой дров на зиму. Поскольку нас три года не было, естественно, не было их запаса. Привезли из леса 3 воза древесины. Их нужно было распилить, расколоть и уложить в поленницу. Пилить пришлось одному, т.к. мать была занята на других работах. К счастью, помогли сверстники. Основная часть дров на зиму была заготовлена.

В воскресенье, как правило, после обеда, меня освобождали от работы. Я был свободен и смог общаться со сверстниками. К концу лета наступило время сбора дикорастущих ягод: брусники и клюквы.

Как это проходило, было подробно изложено ранее. В виде исключения повторюсь. В результате активной работы по сбору клюквы и ее реализации мы заработали достаточно денег, чтобы рассчитаться с долгами, приобрести необходимое на зиму и возродить наше хозяйство, ибо в течение последних трех лет оно не функционировало.

Мать неоднократно высказывала мысль о том, что мне необходимо дальше учиться. Но где и чему, не было четкого представления. Это была лишь идея. Чтобы не растерять запас приобретенных знаний и лучше подготовиться к дальнейшей учебе, я пошел повторять 6-й класс в Криушской школе. Одновременно с повторением ранее пройденного материала я приобрел много нового. Уровень даваемых знаний, в сравнении с другими школами, был значительно выше именно в этой школе. Весна и лето 1938 года мало чем отличались от предыдущего 1937 года.

По-прежнему занимался огородом. Но весной этого года пришлось участвовать в весенне-полевых работах: убирать с полей камни, высаживать картофель и т.д. Больше было посадочных работ в огороде. Особенно сложной работой оказалась для меня заготовка сена. Дело в том, что наши сенокосы были разбросаны на трех участках. Особенно привлекал внимание удаленный участок сенокоса. Это было основное место заготовки сена, при этом наиболее качественного. Ранее я уже указывал, как проходила жизнь на стану. Но это были наблюдения юноши, смотревшего на заготовку сена со стороны. Сейчас пришлось непосредственно участвовать в заготовке сена.

Технология заготовки сена выглядела следующим образом. Утром рано выходили косить траву. Первый день я был весьма энергичным и бодрым. Скашивание травы длилось примерно до 10.00, пока сохранялась роса, после ухода росы скашивание травы на сегодняшний день прекращалось. Чувствовал, что устал, болели руки, спина и все тело. На следующий день работа продолжилась, но была уже не столь продуктивной. Мать заметила мою усталость и чаще предлагала вынужденный отдых. В этот день я почувствовал, сколь трудно работать несколько часов подряд косой. Ко второй половине дня высухло сено, скошенное вчера. Всю вторую половину дня вплоть до появления вечерней росы сгребали сено и укладывали его в копны. Такой цикл продолжался весь период сенокоса.

По мере появления достаточного количества сена в копнах нужно было приступить к стогованию сена. Для этого нужно было доставить сено к месту формирования стога. В основном копны носили на руках, подкладывая под них соответствующие тонкие брусья. Для стога нужно было подготовить основание из прутьев, поставить штырь и укрепить его. Делал это впервые, не имея опыта. Получилось.

Не менее сложной и тяжелой оказалась работа по стогованию сена. На первом этапе укладывали сено в стог вдвоем с матерью.

Она учила меня, как следует укладывать сено в стог. По мере того как стог «вырос», мать была на стогу, я подавал сено вилами и тройными на стог. Особенно сложен был второй этап стогования. Сено пришлось подавать примерно на высоту трех метров. Это тяжело и требовало большого напряжения сил. Кроме того сено нужно было подавать в нужное место на стогу. С большим трудом и усилием укладку сена в стог завершили и сформировали его. Со стороны посмотрели на свое творение и пришли к выводу, что первый стог этого сезона удался.

Стогование второго стога проходило в таком же режиме, за исключением того, что соседи помогли на лошади подвести копны к стогу. Это было большое облегчение. Третий стог уложили довольно быстро. Приехали с соседнего участка родственники Стекловы, на лошади подвезли копны и быстро сформировали третий стог и тем самым завершили сенокос на этом участке.

Но на этом сенокос не завершился, были еще два небольших участка, где предстояло скосить траву и заготовить сено. Эти участки были особенными. Трава низкорослая, хотя косой приходилось «махать», как и на серьезном сенокосе. Погода была благоприятная, и быстро управились со скашиванием сена на этих участках и его стогованием.

Это был для меня тяжелый сенокос, но дал много крестьянского опыта. Поскольку довольно длительное время, примерно две недели, были связаны с работами на сенокосе, некоторые домашние работы остались без внимания. Особенно зарос сорняками огород. Вдвоем с матерью засели за грядки огорода для удаления сорняков и обслуживания грядок огорода. Этому было уделено основное внимание. Наступила ранняя осень и сезон сбора ранней клюквы. Этим занимались ежедневно, понимая что это основной источник нашего дохода и позволит безбедно прожить до следующего года. Незаметно прошли 1937, 1938 и лето 1939 года. Они были связаны с обустройством хозяйства.

По мере взросления все меньше оставалось времени для детских и юношеских забав. Больше был включен в работу в собственном хозяйстве. Чувствовал, что не по возрасту взрослою. Если ранее делал то, что предлагала или на что указывала мать, то теперь сам стал “видеть” проблемы и недоделки в доме и в хозяйстве. Насколько хватало моих сил, знаний и опыта, делал эту работу с большим удовольствием. Появлялось чувство хозяина и “главы” семьи. Иногда спорил с матерью, обосновывая необходимость выполнения той или иной работы в первую очередь. Она с улыбкой со мной соглашалась.

- Появлялось чувство хозяина и “главы” семьи. Иногда спорил с матерью, обосновывая необходимость выполнения той или иной работы в первую очередь. Она с улыбкой со мной соглашалась.

В какое-то время в голову пришла идея приобрести лошадь. Я всячески обосновывал эту идею, хотя, вероятно, имел смутное представление, где разместить лошадь, как заготовить корм на зиму. Ведь при нашем малоземелье и отсутствии сенокосов решить этот вопрос очень сложно.

Иногда приходилось искать работу на стороне. Так, весной 1939 года представилась возможность пойти на временную работу по расчистке леса в Пустошке. Около усадьбы лесничего стоял маленький домик специально для сезонных рабочих. В этом домике нас поселили. Всего односельчан 5-6 человек. Самим приходилось готовить пищу из продуктов, привезенных с собой. Работа была несложная. Лесник руководил работами. В лесу расставлял нас на определенном расстоянии друг от друга, указывал направление движения. Идя в этом направлении, следовало срубить ку-

сты-сорняки, а также мелкие несортные деревья. Работы длились 10 дней.

После их окончания нам произвели расчет за проделанную работу. Обнаружил, что мне начислили денег за проделанную работу меньше других. При этом значительно меньше. Стал выяснять, почему. Оказалось, что я несовершеннолетний. Этой категории работников платили меньше. Я был страшно возмущен и отказался получать деньги, доказывая всячески несправедливость такого расчета. В итоге мне увеличили сумму выплат, но не полностью. В расстроенных чувствах вернулся домой. До настоящего времени помню нанесенную обиду и проявленную несправедливость по отношению ко мне.

Учеба в Нарве

В 1939-40 учебном году приступил к учебе в Нарвском техническом училище. Вероятно, нашли это училище и определили в него родственники, проживающие в городе Нарве. Не думаю, чтобы мать, проживающая в деревне, знала о существовании училища. В это время из родственников проживали в городе Нарве тети по линии матери: Леонова Анастасия, Панова Мария и Лупанова Александра, а также дядя по линии матери Пожарский Павел.

Училище было частное. За учебу в нем приходилось платить. Думаю, что за учебу также платили родственники – Леонова Анастасия и Панова Мария. У остальных родственников, проживающих в Нарве, были свои трудности и проблемы. Училище было расположено на улице Ластекоду и выходило одной стороной к Темному саду. Оно было своеобразным учебным заведением. В его составе или при училище была шестилетняя общеобразовательная школа с интернатом. В ней в основном учились дети-сироты.

Техническое училище по своему характеру было своеобразным. Первый год обучения была смешанная группа. Юноши и девушки первую половину дня обучались совместно общеобразовательным предметам. Во второй половине дня была специализация. Юноши проходили обучение по профилю “слесарные работы” в Нарвском ремесленном училище (Narva Tööstuskeskkool). Девушки проходили практику-специализацию при техническом училище. Были также старшие группы, но почему-то только девушки. В группе обучались в основном юноши из Нарвы, Принаро-

вья и зоны Кохтла-Ярве. Это были дети состоятельных родителей. Я среди них был “белой вороной”.

Специализация, а точнее, практические занятия, по времени длились 4 часа под руководством мастера. Общение с мастером и другими работниками училища осуществлялось на эстонском языке. Здесь, кстати, пригодились мои знания эстонского языка. Терминология была незнакомая, но осваивалась в ходе обучения. Начиналось обучение с освоения простейших приемов: как стоять у тисков; как держать и работать с напильником. Сначала выдавали деревянную имитацию драчевого напильника. С этим учебным напильником работали довольно длительное время. Требовалось научиться сочетать правильную стойку у тисков с ровным и стабильным движением напильника. На специальном станке проверяли уровень колебаний.

После освоения этой операции выдали настоящий напильник и другой инструмент. За каждым учащимся закрепили рабочий стол и ящик для хранения рабочего инструмента. Обработке изделий из металла предшествовала обработка простейших изделий из дерева. Требовалось при обработке соблюсти заданные размеры и изготовить изделие под прямым углом. После выполнения работ по дереву перешли к обработке металла. Сначала простейших изделий. Затем более сложных.

В течение первого года обучения изготовили:

- ▶ ванну из жести;
- ▶ совок для мусора;
- ▶ молоток;
- ▶ плоскогубцы;
- ▶ клещи.

Освоили пользование сверлильным станком, заточку сверел, паяние медью, закаливание и другие работы. При изготовлении тех или иных изделий или при производстве каких-либо работ необходимо было не только качественно выполнить рабо-

ту или изготовить качественный предмет, но также уложиться в отведенную норму часов. В отведенное время, как правило, не укладывались.

Учеба в училище нравилась. Занимался с удовольствием. В училище работал оркестр народных инструментов. В нем принял участие и я. Играл на домре. Музыкант из меня не получился.

Ранее указывал, что обучение в училище было платным. Полностью оплачивать мое обучение мать не могла. Основную нагрузку несли родственники – тетки Мария и Анастасия. В течение первого года обучения проживал у тетки Марии Пановой, практически на полном обеспечении этой семьи. На улице Кирику они арендовали маленький дом, содержали продовольственную лавку. В этом доме нашлась маленькая комната и для меня.

Зимой несколько раз в промежутке между каникулами на лыжах ходил домой. Как правило, в субботу становился на лыжи и напрямик, ориентируясь на местности, по лыжному бездорожью направлялся домой. Это были хорошие не только лыжные тренировки, но и хорошая физическая закалка. Мать по приезде домой отчитывала меня за такие длинные и, по ее мнению, опасные лыжные переходы, но чувствовал, что она рада моему приезду. На следующий день после обеда уезжал обратно в Нарву. С наступлением весны каждую субботу приезжал домой. От отчима в доме остался велосипед. Мать сохранила его. Хотя в трудные времена было сложно удержаться, чтобы не продать его. Покупатели находились. Весной привел велосипед в порядок и на нем приезжал домой. Зимой более длительное время был дома только на каникулах.

Закончился учебный год. Я уехал домой помогать матери. Весенние полевые работы были закончены. Были закончены посадки в огороде. Предстояли традиционные огородные работы: полив, прополка, уход за высаженным и посеянным. Предстояла большая работа по заготовке сена.

В июне 1940 года в Эстонии грянули революционные события, изменившие коренным образом мою личную жизнь и жизнь нашей семьи. Каковы были перспективы для меня до этих событий? В лучшем случае закончить училище, получить специальность слесаря и, возможно, найти работу по специальности. Но это было маловероятным, т.к. основные работодатели Кренгольм, Суконка и Парусинка сокращали производство, увольняли рабочих. Оставалось маломощное крестьянское хозяйство и роль батрака на отхожем промысле. Поэтому революционные события 1940 года я воспринял с надеждой и ожиданием лучшего.

К концу 1940 года я увидел свою перспективу: возможность учиться, получить работу и жить нормально. Хотя эти перспективы пока были на уровне идей и мечтаний, но они овладели мной. Первое реальное осуществление мечтаний – это бесплатное обучение по ранее избранной профессии. Но это реализуется осенью. Пока дома работаю на крестьянском хозяйстве. Мать считает меня взрослым. Выполняю все сельскохозяйственные работы. Берусь за все, особенно за то, что считается чисто мужской работой. Например, привел в порядок деревянные бочки, набил новые обрuchi. Делал и другие работы, особенно, связанные со слесарным профилем, чему учился целый год.

- Мать считает меня взрослым. Выполняю все сельскохозяйственные работы. Берусь за все, особенно за то, что считается чисто мужской работой.

Серьезным испытанием оказалась работа по заготовке сена. Выехали на дальние луга на весь период заготовки сена. Учусь тому, что не умею делать, хотя в прошлом году на сенокосе приобрел некоторый опыт этой сложной, на вид как будто простой работы. Стал учиться косить. Не знаю, насколько хорошо это по-

лучалось, но мне казалось, что с каждым очередным прокосом я становился совершеннее и овладевал этим сложным мастерством. Идя на прокосе впереди, слышал замечания матери: держи пятку косы ниже, нос косы приподними, не сбивайся с шага, коси ровно, не бери широкий прокос и т.д. Чем меньше было этих замечаний и наставлений, тем больше стал убеждаться в освоении этой профессии. Меня очень порадовало, когда я отбил первую косу, а сосед по лугу, просмотрев мою работу, признал ее качественной. Моей гордости не было предела. “Резание” косы освоил уже ранее.

Сенокос – это трудоемкая и изнурительная работа. Утром, примерно в 5.00 часов, выходили косить по росе. Длилось это до 9.00-10.00 часов. Затем небольшой перерыв вместе с завтраком. Примерно в 12.00 начиналась уборка ранее скошенного и сухого сена. Граблями сгребали сено в ряды, затем в копны. Если сено недостаточно просохло, его ворошили и потом клали в копны.

Тяжелой и ответственной работой считалось, я в этом сам убедился, метать стог. На уровне до человеческого роста больших усилий прилагать не нужно. Но когда стог вырастает в 2,5 метра и выше, поднимать сено на такую высоту тяжело.

Об этом я знал по опыту прошлого года, но в этом году осмыслил по-иному, по-крестьянски. Но медленно и постепенно делаешь эту работу. Мать видела, что мне тяжело, и все время повторяла: не торопись, не бери на тройны много сена, отдохни. Кроме того, внизу приходилось смотреть, не укладывается ли стог криво или однобоко. Метание стога у нас занимало 6-7 часов напряженной работы. Радостное чувство овладевало, когда стог был сметан и наружный осмотр его оставлял приятное впечатление. Таких стогов сена на дальнем лугу мы сметали 4 и таким образом обеспечили скот сеном на всю зиму.

Поскольку мы отсутствовали дома почти две недели, в огороде накопилось много работы. Засели в огороде на несколько дней. А

там наступила пора уборки зерновых. Этим занималась мать. Она серпом убирала зерновые, мне поручалось следить за огородом.

Но не только работа занимала все время. Вечерами собиралась молодежь на вечеринки, чаще всего у народного дома или у школы. По-разному проводили время, задерживаясь до поздней ночи, но никогда это не было связано с употреблением спиртного.

Революционные события в Эстонии внешне мало касались нашей деревни. Среди взрослого населения велись разговоры на злободневные темы. Обсуждали, что и как будет. Молодежь по-своему отреагировала на эти события. Начался отток молодежи в город. Устраивались на работу в основном на текстильные предприятия.

Прошло лето. Вернулся снова в город Нарву и приступил к учебе. Нарвское техническое училище в 1940 году было реорганизовано. Было создано Нарвское ремесленное училище на базе прежнего ремесленного училища. Учеба проходила в тех же помещениях, но в более стесненных условиях, т.к. производственные мастерские ремесленного училища во время пожара были уничтожены. Второй год обучения был своеобразным, переходным на новые программы обучения. Не было ясности по срокам обучения, о профиле учебного заведения. Отвергалось старое, но не было ясности с новым. Несмотря на неопределенность, учеба продолжалась, как теоретический курс, так и практические занятия.

Неожиданным для меня было решение матери переехать в город Нарву на постоянное место жительства. Это она сделала во второй половине 1940 года. Чем это было вызвано, точно не знаю, но могу предположить. Перспективы для выживания у нашего крестьянского хозяйства не было. Об этом я излагал в одном из разделов воспоминаний. Там были не только эмоциональные доводы, но цифровые выкладки о нашем крестьянском хозяйстве. Если я этого в полной мере не осмыслил, то мать это понимала и знала, и приняла такое радикальное решение.

В Нарве она поступила на работу на льноджутовую фабрику. Фабрика выделила нам одну комнату в большой квартире, где проживала еще одна большая семья. Квартира находилась на Ивангородской стороне на Новой линии. В дальнейшем мы переехали на другую квартиру на этой же улице и проживали вместе с родственниками, с семьей Лупановых.

Какова судьба нашего маленького крестьянского хозяйства, точно не помню. Земля была национализирована. Скот – корова, овцы и свинья – были переданы в хозяйство дедушки Пожарского Семена. Дом был сдан в аренду. Так было покончено с основной сельской жизни и крестьянской судьбой. В последующем, бывая иногда в деревне, с грустью смотрел на свой дом. Он казался маленьким и вызывал жалость, не потому, что он такой, а потому, что он покинут. Это ностальгическое чувство сохранилось и по сей день.

В период учебы в училище мы постоянно искали разовую работу. Это было каким-то поветрием, но вполне объяснимым. В училище поступило много ребят из Принаровья, в основном из малообеспеченных семей. На проживание в Нарве нужны были деньги. Единственный источник дохода – работа. В это “движение” попал и я. Иногда удавалось найти работу и немного подзаработать. Но это были редкие случаи.

В конце мая 1941 года закончились занятия в училище. Нам выдали справки об окончании училища без указания полученной специальности. Стал искать работу. Найти работу было сложно. Безработных в Нарве было много. На работу на текстильные фабрики постоянно принимали ранее уволенных специалистов. Кроме того, мне было всего лишь 17 лет. Для этого возраста были ограничения при приеме на работу.

Наконец устроился работать в мастерские только что оконченного училища. Работа была связана с подготовкой к новому учебному году. Но работать пришлось недолго. Началась Великая Отечественная война.

Война

Начавшаяся война, по бытовавшему в тот период мнению среди старшего поколения из моего окружения, считалась далекой, и предполагалось, что до нас не дойдет. Разговоры о войне шли, ход ее обсуждался, но непосредственно нас, нарвитян, мало касалась, хотя признаки ее были налицо.

Что такое война, нарвитяне ощутили непосредственно в июле 1941 года, когда фашистские самолеты бомбили город Нарву. Бомбовый удар был нанесен по железнодорожной станции. Он не был сильным и интенсивным, хотя причинил определенный ущерб, повлек человеческие жертвы. Это несколько отрезвило обывателей с мнением о далекой войне. Люди по-другому стали смотреть на события войны.

В момент бомбового удара я находился в районе Ивангородского кладбища и видел, как из летящего над моей головой самолета стали сыпаться бомбы. Думал, что бомбы упадут на меня, т.к. это происходило над моей головой. Свалился в какую-то яму и ждал, когда начнут взрываться бомбы. Но бомбы упали в совершенно другом месте. Это было первое непосредственное ощущение войны как для меня, так и нарвитян. После авиационного налета из Нарвы стали уходить эшелоны с эвакуированным населением и оборудованием. Такие эшелоны следовали один за другим из глубины Эстонии, все они проходили через Нарву, это оставляло неприятное ощущение.

В начале августа 1941 года линия фронта подошла непосредственно к городу Нарве. Бои шли на реке Плюсса. Это всего в 6 км от города Нарвы. Город стал подвергаться артиллерийскому

обстрелу. Спасаясь от обстрелов, мы устроили убежище и одновременно запасное жилище в подвале рядом стоящего нежилого дома. Стены дома были выложены из бутового камня, без окон. Бетонные перекрытия пола были достаточно прочные. Когда-то этот дом использовался как складское помещение. Подвал был сырой. Под настланными досками хлюпала вода. Особенно много воды набралось после сильного дождя. Воду вычерпывали и выносили ведрами. Но это только до очередного дождя.

Во время артиллерийских обстрелов жители нашего дома прятались в подвале-убежище. Во второй половине августа 1941 года обстрелы стали более частыми и интенсивными. Поэтому основное время суток приходилось проводить в убежище. Прямого попадания в дом не было. Всего лишь один снаряд небольшой мощности взорвался в непосредственной близости у входа в наше убежище. К счастью, никто не пострадал.

- В пожарной команде я считался обстрелянным пожарным, т.к. в составе боевого расчета неоднократно попадал под артиллерийский обстрел.

Лупанов Михаил, с кем проживали в одной квартире, состоял членом Ивангородского добровольного пожарного общества. В деятельность общества вовлек и меня. Я учился искусству тушения пожаров. Получил соответствующую экипировку. Пожаров в городе в этот период было много. Во время артиллерийских обстрелов в разных местах города возникали пожары. Пожарные команды, несмотря на продолжающиеся артиллерийские обстрелы, выезжали для тушения пожаров. Такие выезды были ежедневно и несколько раз. Большого проку от меня на пожаре, вероятно, не было, но что-то я делал, помогая тому или иному пожарному. В пожарной команде я считался обстрелянным пожарным, т.к. в

составе боевого расчета неоднократно попадали под артиллерийский обстрел. Однажды в результате артиллерийского обстрела у нас повредило пожарные шланги. К счастью, пострадавших в этот период в пожарной команде не было.

В добровольном пожарном обществе Ивангорода было более 100 членов. Однако на боевое дежурство выходили немногие. Вероятно, опасались за свои жизни и здоровье. Такие опасения были реальны.

Выходившие на дежурство с осуждением относились к тем, кто под различными предлогами уклонялись от дежурства. Я почти никого не знал, о ком шла речь. Улавливал лишь суть осуждений. Иногда при необходимости выезда боевой расчет не был укомплектован. Поскольку мы проживали через два дома от пожарного депо, в таких случаях вызывали М. Лупанова и меня и включали в состав боевого расчета.

28 августа 1941 года город Нарва подвергся интенсивному артиллерийскому обстрелу. Войска, державшие оборону на реке Плюсса, стали отходить. Нависла угроза окружения, т.к. пал опорный пункт город Кингисепп. Дорога, ведущая на Ленинград, была перекрыта фашистскими войсками. В этих условиях было принято решение эвакуировать часть пожарной техники. Согласился эвакуироваться в составе боевого расчета М. Лупанов, взяв с собой старшую дочь Тамару. За ним потянулся и я. С большим трудом уговорили мою мать дать согласие на мою эвакуацию. Наконец она согласилась.

Была ли необходимость эвакуироваться в тыл? По-моему такой необходимости не было. Оккупация не угрожала нашей семье или мне лично. Просто юношеский задор, желание что-то сделать лежали в основе спонтанно принятого решения. Не нужно было эвакуировать пожарную технику. Она была нужна в городе Нарве. Не следовало эвакуироваться Лупанову М. У него в Нарве оставалась жена с тремя детьми. Но что сделано, то сделано. Я не

сожалею, что эвакуировался из города Нарвы. Оставаясь на оккупированной территории, неизбежно был бы призван в фашистскую армию. Что и случилось с моими сверстниками. Это для меня было противоестественным. Одно это, оправдывает мой поступок, хотя в то время такой мотив не лежал в основе решения на эвакуацию. Конечно, жаль, что не был опорой для матери в трудные последние дни ее жизни. Не мог быть утешением для нее. Она этого заслуживала. Но это переживания сегодняшнего дня, а не того периода августа 1941 года.

Эвакуация в тыл

28 августа 1941 года город Нарва подвергся интенсивному артиллерийскому обстрелу. Предполагали, что фашистские войска готовятся к захвату города и в связи с этим нужно уезжать. В перерыве артиллерийского обстрела удалось выскочить из города. Путь через город Кингисепп был закрыт. Там шли тяжелые бои. Военные утверждали, что город уже захвачен немецкими войсками. Было принято решение изменить маршрут и следовать на Ленинград вдоль побережья Финского залива, через Кейкино.

Пожарная машина, на которой мы следовали, была новая и высокой проходимости. Машину в Нарве заправили горючим, еще с собой взяли запас. Нужно отметить, что мы не собирались уезжать надолго. Предполагали, что вернемся обратно через 2-3 месяца. Было такое впечатление, что в ближайшие дни фашистские войска будут изгнаны с занятой ими территории. Поэтому выезжали налегке. Из одежды с собой оказалось только то, что было на мне: спортивный костюм, запасные брюки, пожарный бушлат и ботинки. Почему-то с собой взял велосипед. Ему также нашлось на машине место. На машине нас было всего 6 человек.

За деревней Кейкино, куда мы благополучно добрались, было тихо. Движение по дороге незначительное. Со стороны города Кингисеппа слышалась артиллерийская канонада, что свидетельствовало, что там идут тяжелые бои. По мере удаления от города Кингисеппа канонады не было слышно. Ночью мы подъехали к пригороду города Ленинграда. Но в город нам въезд не разрешили, а направили по объездным дорогам на железнодорожную стан-

цию Мга. Оказалось, что это довольно большой железнодорожный узел и там комплектовались эшелоны для эвакуации в тыл.

Прибыв на станцию Мга, мы оказались в растерянности. Следовать дальше на машине? Куда? Где брать горючее? Как и за счет чего питаться? Продуктов питания у нас с собой не было. Пересест в комплектуемый эшелон? Что делать с машиной, ведь ее не бросишь. Мы полагали, что потом придется держать отчет о судьбе автомашины.

Но наши сомнения и волнения в связи с возникшими вопросами решились удивительно просто и быстро. Руководство местной военизированной пожарной охраны узнало о прибытии на станцию эвакуируемых вместе с пожарной машиной. Естественно, пожарных заинтересовала эта машина, и они пришли к нам на переговоры о передаче машины местной пожарной команде. Местные пожарные давали нам официальный документ о приеме-передаче автомобиля и гарантировали нашу отправку первым уходящим эшелоном.

Так все и получилось. Передали машину. Получили необходимые документы. В этот же день были размещены в вагон отправляющегося эшелона. Куда? Не было ни малейшего представления. В этот вечер попали под сильную бомбежку фашистской авиации, но из вагона не выходили, хотя большинство эвакуируемых ушли в близлежащее убежище. Сильно устали за предыдущие дни и предпочли остаться в вагоне.

Ночью эшелон отправился в неведомый путь. Последующие дни следовали по Северной железной дороге. Часто останавливались, пропуская встречные эшелоны, следующие в сторону Ленинграда. Запомнилась остановка на станции Муром. Поскольку денег у нас не было, решили на этой станции продать мой велосипед, а на вырученные деньги купить продукты питания. Направились на привокзальный рынок и там продали велосипед за 300 рублей.

Были очень довольны сделкой и тем, что у нас появились деньги. Малую часть денег я положил в карман рубашки, а основную сумму вместе с паспортом положил в задний карман спортивных брюк. Через некоторое время обнаружил, что денег и паспорта в кармане нет. По халатности я их лишился. Ведь я не знал, что существуют карманные воры. Случившимся мы были страшно огорчены и расстроены. Особенно неловкое чувство вины было у меня. Ведь дядя просил, чтобы часть полученных денег я отдал на хранение ему. Но я этого не сделал.

- Малую часть вырученных за велосипед денег я положил в карман рубашки, а основную сумму вместе с паспортом – в задний карман спортивных брюк. Через некоторое время обнаружил, что денег и паспорта в кармане нет. Ведь я не знал, что существуют карманные воры.

На какой-то день нашего путешествия прибыли в город Казань, где нас высадили из вагона и направили на пункт эвакуируемых для получения направления на размещение. Местом нашего размещения и дальнейшего проживания определили Билярский район Татарии. Из Казани по Волге, а затем по реке Каме, нас доставили в город Чистополь. Там нас встретили конные подводы и отвезли в село Билярск в районный центр. Разместили нас по домам в качестве квартирантов. Мы втроем: Михаил Лупанов, его дочь Тамара и я, как родственники разместились одной семьей.

Районный центр Билярск – большое село, около 6 тысяч жителей. В нем было сосредоточено три колхоза. Колхозы большие, примерно 20 тысяч гектаров земли в каждом. Земли хорошие, плодородные, в основном пахотные. Все три колхоза в предвоенные годы были богатыми, люди жили зажиточно и в достатке. Населе-

ние в районном центре в основном русскоязычное. За пределами районного центра были села с татарским населением.

М. Лупанов и еще один пожарный поступили на работу в местную пожарную команду. Меня определили на работу в колхоз имени Калинина и назначили в тракторную бригаду прицепщиком. В задачу прицепщика входило, находясь на плуге, регулировать глубину вспашки, а также смотреть, чтобы плуг не забивало дерном и соломой, которая оставалась в поле после уборки и обмолота зерновых. Если с регулированием глубины вспашки не было проблем, то с очисткой плуга приходилось сильно трудиться, т.к. его постоянно забивало соломой. С палкой в руках приходилось прыгать по плугу от одного лемеха к другому. При этом нужно было быть осторожным, чтобы не оказаться под плугом. В октябре 1941 года погода была дождливая, но вспашка полей не прекращалась.

С работой мне повезло. При назначении в тракторную бригаду, вероятно, учитывали, что я одинокий. В тракторную бригаду один раз в день, на обед, привозили горячую пищу, выдавали 2 фунта хлеба (именно такая единица меры применялась) и пол-литра молока. Правда, молоко привозили нерегулярно. Я по этому поводу молчал, но трактористы тракторной бригады ворчали и были недовольны. Такое обеспечение питанием меня устраивало. Голодным не был. Часть остающегося и сэкономленного хлеба приносил домой для остальных членов нашей временной семьи. Кроме того, трактористы были местные крестьяне, иногда часть остающегося хлеба отдавали мне.

Для работы мне выдали ватник, брюки и лапти с длинными двухметровыми портянками. После окончания осенних полевых работ из колхозных парней моего возраста сформировали бригаду по вывозке зерна в счет госпоставок в город Чистополь. В бригаде было 4 человека и 8 подвод. Старшим был дядя Миша (так мы его звали). Он руководил всем, от засыпки зерна на подводы до обеспечения возниц всем необходимым, в том числе кормом для

лошадей. Возницами были Коробков Николай, Зубарев Алексей, дядя Миша и я. Местные ребята были шустрые и, главное, деловые.

За каждым возницей было закреплено 2 упряжки. Я не имел опыта обращения с лошадьми, но постепенно с помощью дяди Миши и ребят освоился. Они здорово помогали мне во всем. Точнее сказать, опекали. При промахах и неудачах ругали, пуская в ход крепкие словца, но зла не держали.

Лошади достались мне слабые, заезженные и измученные. Ребята в бригаде знали лошадей и выбрали лучших. Мне достались остатки. Но скорость движения обоза определяли не сильные лошади, а слабые. Осенние дороги в Татарии ужасны, особенно в оврагах. Грязь доходила до осей телеги. Чаще всего приходилось вытаскивать из грязи мои подводы. В этом случае дядя Миша брал вожжи в свои руки, а мы толкали телегу, помогая вытащить ее из грязи.

Нужно заметить, что подвижной инвентарь – телеги и дровни – в этих местах были очень примитивными, в сравнении с тем, что было у нас в деревне. Например, у телег были деревянные оси, колеса не были окованы железом. У нас в деревне оси у телег были из металла и никогда не ломались, колеса окованы железом. Это было крепкое подвижное средство перевозки грузов.

Еще примитивнее были дровни. Оглобли крепились к саням не с помощью металлических крюков и петель, а с помощью вязка из лыка. В дорогу нужно было брать с собой несколько таких вязков, т.к. они протирались и рвались, а чаще всего вытягивались под нагрузкой и особенно под воздействием влаги. В таких случаях их нужно было заменять.

Перевозимое зерно засыпали в полог и накрывали брезентом, чтобы в дождливую или влажную погоду не промокло и не повысилась влажность зерна. Зерно с высокой влажностью не принимали. Зерно нужно было не только доставить на элеватор,

но и сдать его. При сдаче зерна из каждой подводы брали пробу на влажность и засоренность. При превышении нормативов по одному из показателей зерно не принимали, и его нужно было доводить до кондиции. К счастью, нашей бригаде не приходилось сталкиваться с такой проблемой, так как дядя Миша с большой заинтересованностью все устраивал. Правда, возвращаясь домой в колхоз, он постоянно ругался с заведующей током, сушилки и председателем колхоза, предъявляя претензии по поводу плохо просушенного или провеянного зерна.

Один рейс в Чистополь и обратно длился двое суток и три световых дня. В первый день, примерно в 10.00, выезжали в дорогу. Пытались как можно ближе подъехать к Чистополю. В каком-либо селе останавливались на ночлег. На следующий день рано утром нужно было выезжать в дорогу. Чем раньше прибудешь в Чистополь, тем лучше, займешь очередь на сдачу зерна. На элеваторе образовывались длинные очереди. Некоторые возницы оставались даже на ночь у элеватора.

Здесь также постоянно проявлялись находчивость и разворотливость дяди Миши. Во-первых, мы всегда рано прибывали на элеватор, хотя и не были первыми. Во-вторых, дядя Миша иногда каким-то образом вклинивался без очереди на сдачу зерна. Тут нельзя было зевать возницам. Нужно было вклиниваться в образовавшуюся брешь, так как дядя Миша, пролезший вне очереди, перекрывал движение другим подводам, давая возможность своим подводам выезжать вперед. В связи с этим возникали шум и ругань, но этим инцидент исчерпывался.

Зерно возили до поздней осени. С наступлением зимы эта работа активизировалась. На подводу стали насыпать больше зерна. Бригада работала в том же составе.

Несколько усложнились условия работы, так как на обратном пути довольно часто приходилось везти товары для сельпо. Товары были разнообразные. Груз брали неохотно. Порожняком

возвращаться значительно удобнее. Кроме того, при остановке на ночлег груз нужно было охранять, особенно когда везли керосин или спиртное.

Зимой с лицами призывного возраста, к коим относился и я, проводили занятия по военной подготовке. Мне также нужно было присутствовать на этих занятиях, но часто меня освобождали от них, т.к. я работал на вывозке зерна.

Зима 1941-1942 годов в Татарии выдалась холодной. Температура понижалась до 42 градусов мороза. На случай морозов мне выдали настоящий тулуп. Закутавшись в него, можно было спокойно сидеть в санях. Если становилось холодно, можно было пройти пешком за санями. Только теперь понял, почему местные жители зимой носят лапти, предпочитая их валенкам. Ноги, завернутые несколькими слоями портянок, в лаптях никогда не мерзли. Даже местные парни, имея валенки, пользовались лаптями. Морозы были настолько сильными, что однажды замерзла перевозимая для сельпо водка. Приходилось дополнительно утеплять ящики с водкой, а лопнувшие от мороза бутылки, складывать в ведра, чтобы предъявить в сельпо.

- Только теперь понял, почему местные жители зимой носят лапти, предпочитая их валенкам. Ноги, завернутые несколькими слоями портянок, в лаптях никогда не мерзли.

Возвращались из Чистополя, как правило, ночью, добираясь до места ночлега. В один из таких поздних зимних вечеров нас сопровождала стая волков. Неприятное ощущение. От обоза они держались примерно на расстоянии 300 метров. По бокам обоза виднелись бегающие и сверкающие огоньки волчьих глаз. Лошади стали волноваться. Поэтому обоз связали, т.е. лошадей привязали к впереди идущим саням, чтобы лошади не шарахались в сторону.

Возницы всегда имели при себе в санях топоры. На санях всегда на этот случай имелась солома, которую приготовили, чтобы в случае необходимости поджечь ее и отпугнуть волков. В скором времени показалась деревня, в которой обычно останавливались на ночлег, и стая волков отстала от обоза.

На ночлег останавливались, как правило, в одном и том же доме у знакомого хозяина. Был обеспечен горячий кипяток. С нашей стороны скромный ужин. У меня, как правило, замерзший кусок хлеба, который отмачивал в горячем кипятке. У других возниц ужин также был весьма скромным. В зимний период с питанием было хуже, чем во время работы в тракторной бригаде. Там я получал горячее питание и твердый паек.

В зимнее время на период поездки мне из правления давали испеченный хлеб. Им я должен был также поделиться с членами семьи. Они получали скромный паек по карточкам: дядя – паек служащего, его дочь – паек иждивенца. Иногда я приносил небольшое количество пшеницы, которую давали мне на току сердобольные кладовщицы, понимая мое сложное положение. Из этой пшеницы варили что-то наподобие каши. Иной раз, проезжая мимо оставшегося необранного поля гороха, останавливался около него и собирал стручки. В последующем Тамара варила гороховый суп или гороховую кашу из собранного “урожая”. Вообще, голодной смертью не умирали, но сытыми также не были. Преследовало постоянное желание еды.

О лошадях проявляли особую заботу. По прибытии на ночлег лошадей распрягали, ставили под навес, накрывали пологом или тканью типа попоны. Каждый возница заботился о своих лошадях, спасая от холода. Задавали корм. С кормом не было проблем. По пути домой вдоль дороги стояли скирды убранного хлеба. Как правило, это была пшеница. Из скирды брали пару снопов пшеницы, клали в сани, а вечером задавали лошадям вместе с сеном. Овес в колхозе не выращивали. Иногда для корма лошадям давали от-

ходы от работы на веялке. Но там было больше мякины, чем полезного корма для лошадей.

После прибытия на ночлег через 1,5-2 часа лошадей поили. Воду подогревали при комнатной температуре. Поить лошадей холодной водой остерегались. На ночь кто-то оставался дежурным и проверял наличие корма у лошадей. Всю лошадинную сбрую на ночь брали с собой в дом, дабы обеспечить ее сохранность.

Спали на полу, на соломе, снимая только верхнюю зимнюю одежду. Накрывался тулупом. Днем возвращались домой. На следующий день снова в дорогу. Так длилось всю зиму.

Однажды вывоз зерна переадресовали на другой элеватор в село Тетюши, за Волгой. Обоз тщательно готовили. Ведь ехать нужно было по незнакомому маршруту, и дорожные условия были незнакомы. Путь был долгим по времени. Перед поездкой два дня лошади отдыхали. Ремонтировали сани, чинили сбрую, проверяли ее пригодность. С собой брали запасные оглобли и закрутки (приспособления, с помощью которых оглобли крепились к саням). Зерно хорошо просушили и провевали на месте. Засыпали в мешки. Ранее возили в пологе. Взяли достаточно фуража и сена для лошадей. Подготовили все необходимое также для себя.

Маршрут в один конец длился три дня. Наш вожак дядя Миша и здесь оказался на высоте. До пункта назначения добрались благополучно. Сдали зерно. Вернулись домой. Для меня эта поездка была интересна с точки зрения познавательной. Увидел новые населенные пункты и Волгу в зимних условиях. Ее зимний размах и простор впечатляли.

В этой поездке произошла интересная встреча. На ночлег в дом, где мы остановились, попросился молодой мужчина. Вечером в разговоре выяснилось, что мы земляки и даже дальние родственники. Проживали в деревнях на расстоянии 5 км друг от друга. Он в 1938 году нелегально ушел из Эстонии в СССР. В данный момент шел в село Алексеевское для призыва в Красную Армию.

Делясь воспоминаниями, проговорили всю ночь. Бывают же такие встречи.

С наступлением весны и началом весенне-полевых работ меня определили в тракторную бригаду учетчиком-заправщиком. В довоенные годы, как утверждали трактористы, эту работу выполняли два человека, один был заправщиком, другой учетчиком. В военное время эти обязанности возложили на одного человека.

В мои обязанности входило:

- ▶ заправка тракторов горючим и обеспечение смазочными материалами;
- ▶ учет и отчетность по горюче-смазочным материалам;
- ▶ ежесменный учет объема выполненных работ трактористами за смену;
- ▶ составление ежедневных и пятидневных сводок объема выполненных работ на каждом тракторе и бригадой в целом.

В бригаде было 6 тракторов, на каждом тракторе по два тракториста. Объем выполненных работ приходилось вести как днем, так и ночью. После завершения смены трактористом сразу нужно было провести замер выполненной работы, произвести расчет израсходованного горючего и заправить трактор для передачи сменному трактористу. Так круглые сутки, несмотря на погоду и время суток. Работа не тяжелая, но утомительная. Постоянно недосыпал, все время хотелось спать. Иногда бригадир тракторной бригады подменял меня, чтобы дать мне отоспаться. Но это было редким явлением, у него самого было много работы.

Жили непосредственно в поле, на стане. Так называлось место, где базировалась бригада. Здесь размещались емкости для горюче-смазочных материалов и стоял вагончик с двумя стационарными лежаками на два человека. Постоянно жили в вагончике бригадир и я. Трактористы из близлежащих деревень после окончания смены уходили домой и редко оставались на ночлег в вагончике. На середине вагончика стояла печка-буржуйка. На ней

можно было закипятить воду и сварить чай. Членам тракторной бригады один раз в день привозили горячую пищу и выдавали два фунта хлеба. Для меня это было вполне приемлемо. За каждый день работы начисляли два трудодня.

Трактористы в бригаде были молодые ребята, только окончившие курсы трактористов. Опыта работы не имели, а иногда допускали халатность и небрежность. Как пример халатности и небрежности – это частые простои в связи с выплавлением подшипников. Это случалось тогда, когда тракторист не следил за наличием и давлением масла в моторе.

Восстановление подшипников – работа медленная. Ее выполняли в мастерской МТС. Сначала заливали подшипники бабитом, затем на месте подгоняли под каленчатый вал. Подгонка и пришпиривание подшипников – ювелирная ручная работа. На завершающем этапе подгонки этим занимался сам бригадир, т.к. эта работа требовала большой точности.

Были и другие поломки, которые в основном устранялись на месте. Я как слесарь активно включался в ремонтные работы, хотя это не входило в мои обязанности. Изучение тракторов в ходе ремонта мне нравилось. Я даже стал в бригаде специалистом по регулированию нормальной работы магнето. Восстанавливал старые свечи зажигания и держал их в запасе для трактористов на случай выхода из строя на тракторе. Пора весенних полевых работ была горячая, и простои тракторов волновали не только бригадира, но и руководство колхоза.

В село Билярское приходил очень редко. В основном находился на стане, выполняя в том числе обязанности сторожа. В это время был призван в Красную Армию дядя М. Лупанов. Его дочь Тамара переехала на другую квартиру. Она так и не поступила на работу. Не знаю, почему. Жили на квартире у женщины, имеющей двух маленьких детей. Она нигде не работала, как существовала, не знаю. Мне всегда было больно смотреть на эту семью.

Закончились весенне-полевые работы. Тракторная бригада активно готовилась к уборочной страде. Ремонтировали трактора, принимали завозимое горючее. Особенно много внимания обеспечению горючим уделял бригадир. Он постоянно куда-то уезжал, выпрашивал горючее, и действительно, через несколько дней после таких поездок на стан поступало горючее. Урожай зерновых созрел. Началась выборочная уборка зерновых, чтобы не терять дорогое время. Началась уборочная страда. Принять в ней полностью участие не смог. 31 августа 1942 года был призван в Красную Армию.

Призыв в Красную Армию

В конце августа 1942 года меня вызвали в Билярский военный комиссариат и вручили повестку о призыве в Красную Армию. На сборы дали двое суток. Собираться, собственно говоря, было нечего. В правлении колхоза попросил на дорогу хлеба. Написал доверенность, что в случае начисления на трудодни, заработанные мною, все получит за меня двоюродная сестра Тамара.

31 августа вновь прибыл в военный комиссариат, где мне вручили закрытый пакет и продовольственный аттестат. На пакете был указан адрес, куда следовало прибыть: “1-й Эстонский запасной стрелковый полк, станция Еланск”. Где находится станция, как до нее добраться, в военном комиссариате объяснить не могли и рекомендовали поехать в город Казань и обратиться к военному коменданту железнодорожной станции Казань.

На попутных подводах добрался до города Чистополь. С помощью военного коменданта сел на пароход, следующий до города Казани. На железнодорожной станции обратился к военному коменданту. Он был крайне удивлен, почему я прибыл на сборный пункт без сопровождающего. На сборный пункт он меня не направил, а предложил здесь же, в комендатуре, ждать, когда вызовут и посадят на поезд, идущий в нужном направлении. На пункте питания по аттестату получил продукты питания на два дня. Сколько дней ожидал поезда, точно не помню, вероятно, двое-трое суток, ежедневно являясь к коменданту. Вероятно, я ему надоел, однажды он даже рассердился на мою назойливость быстрее уехать в часть, заявив, что еще успеешь наслужиться.

Однажды посадили в товарный вагон, следующий за Урал, и объяснили, что Еланск находится за городом Свердловском. Нужно было остановиться в этом городе, там проводят в часть. До места назначения добирался примерно две недели. Поезда, в которые меня сажали военные коменданты по пути следования, часто расформировались, меня просто высаживали из вагона и направляли к очередному военному коменданту. Приходилось идти на станцию и добиваться очередной посадки. Поскольку я следовал один, особой заботы о моем быстром отправлении не проявляли. Другое дело, когда следовали команды в сопровождении офицеров, их отправляли довольно быстро. Кроме того, по собственной инициативе приходилось высаживаться на станциях, где были пункты питания, чтобы получить продукты по аттестату. Продукты в пути следования, выдавали только на двое суток.

1-й Эстонский запасной стрелковый полк

Наконец, после частых посадок и пересадок, длительного по времени путешествия прибыл на станцию Еланск. Часть, в которую должен прибыть, расположена в пяти километрах от железнодорожной станции. Это расстояние преодолевал пешим порядком. Удивительное впечатление производило то, что на всем протяжении пути следования не встретил ни одной живой души. Даже стал сомневаться, в правильном ли направлении я иду. Наконец добрался до части и разыскал штаб полка: сдал документы.

Было послеобеденное время. Меня проводили в столовую полка и накормили гороховым супом. Суп оказался очень вкусным. Вероятно, с тех пор люблю гороховый суп. После сытного обеда вновь явился в штаб полка, откуда в сопровождении посыльного направили в роту противовоздушной защиты. Подразделение было малочисленным: всего 28-30 человек. Это были люди в основном старше 35 лет. Из разговоров с ними понял, что все они проходили службу в Эстонской буржуазной армии в частях и

подразделениях противовоздушной защиты. Люди, знающие свое дело и искушенные в военной службе.

Через несколько дней меня экипировали в военную форму одежды. Занятия проходили спокойно, размеренно, без особой суеты. В программу обучения входила строевая подготовка, тактические занятия, огневая подготовка, рукопашный бой и др. Какую-то военную подготовку я прошел в Нарве в Техническом училище по начальной программе, поэтому минимальные знания по программе молодого бойца я имел, но тем не менее старался не отставать от других. В тактической подготовке и метании гранат даже выделялся в лучшую сторону.

В скором времени меня перевели в 11-ю роту. Это подразделение, как и две другие роты батальона, были укомплектованы лицами призывного возраста. В составе этой роты мы должны были пройти первоначальную военную подготовку. В составе этого подразделения познал и ощутил на себе все “прелести” военной службы в военное время. Офицерский состав был укомплектован офицерами Эстонской армии. В их сознании и в методах обучения крепко засела муштра мирного времени в Эстонской армии, сочетаемая с требованиями современного военного времени. В этой роте познал тяготы военной службы, соединенные с лишениями военного времени: плохое питание, на грани выживания, скудная экипировка, доставшаяся с плеч других, плохие бытовые условия, ведь жили в землянках, спали не раздеваясь и т.д.

Рота размещалась в одной большой землянке. Нары были в четыре ряда и в два яруса. В землянке размещалось 120 человек. В качестве матраса использовался своими руками из тонких прутьев сплетенный матик. Вместо подушки использовался солдатский вещевой мешок с солдатским скарбом. Шинель заменяла одеяло. Вся служба строилась на строгом выполнении распорядка дня. Осенью и зимой подъем в 7.00. Обязательная утренняя зарядка, независимо от погоды, при этом только в гимнастерках.

Исключения из этого правила были очень редкими. Затем проводился утренний осмотр. Каждое утро проверялось что-то.

Но была обязательная ежедневная утренняя проверка по форме 20, т.е. проверка на педикулез (на вшивость). Эта проверка проводилась очень тщательно. Следует заметить, что несмотря на скученность и ненормальные бытовые условия, пораженные педикулезом были редким явлением. При обнаружении вшей человека отправляли в санпропускник для санитарной обработки одежды и тщательного телесного осмотра и обработки тела санитарно-гигиеническими средствами. Санпропускник обслуживал весь полк, поэтому в зависимости от количества клиентов на обработке приходилось быть иногда целый день, ожидая очереди.

Попасть в санпропускник означало освобождение от полевых занятий на целый день. Кому хотелось в дождливую или холодную по-сибирски погоду ползать по-пластунски на полевых занятиях? Конечно, предпочтение отдавалось санпропускнику. Ваш покорный слуга однажды имел возможность воспользоваться такими “благами” и провел целый день в санпропускнике. Поэтому во время утреннего осмотра каждый искал у себя вшей очень тщательно. Как ни странно, вшей продавали и покупали. Одна “букашка” стоила 10 рублей. Покупатели приходили даже из соседних рот.

- Во время утреннего осмотра каждый солдат искал у себя вшей очень тщательно. Как ни странно, вшей продавали и покупали. Одна “букашка” стоила 10 рублей. Покупатели приходили даже из соседних рот.

Нужно заметить, что санитарно-гигиеническим вопросам в полку уделяли очень пристальное и серьезное внимание:

► регулярно, один раз в 10 дней, посещали баню. Помывка проходила, как правило, в ночное время. Меняли нательное белье. Верхняя одежда подвергалась санитарной обработке;

- ежедневно проверяли чистоту белого подворотничка;
- ежедневно проверяли чистоту котелка;
- еженедельно меняли портянки.

Прием пищи летом проходил в столовой полка по строгому расписанию. Определялось не только время начала приема пищи, но и время окончания. Если не уложился во время, отведенное для приема пищи, тем не менее приходилось встать по команде и уступить место другим. Чтобы накормить полк, 6-7 тысяч человек, иначе не могло быть.

Поздней осенью и зимой пищу принимали непосредственно в землянке. Независимо от погоды все занятия проводились на местности. Утром построение роты с “оружием”. В качестве оружия были деревянные макеты винтовки. С помощью макетов оружия отрабатывались приемы рукопашного боя, а также строевые приемы. Тяжело было в осенние, с ненастной погодой дни. Несмотря на дождь или слякоть, все виды занятий, в том числе тактическая подготовка, проводились на местности. После таких занятий были не только мокрыми, но и грязными.

Особенно напряженными были ночные занятия в поле. Учебное поле было изрыто сетью окопов различной глубины и профилей. Осенью они наполнялись водой. В ночное время можно было свободно угодить в такой “бассейн”. Искупавшегося отправляли в роту сушить одежду и обувь. Солдаты под любыми предлогами пытались уклониться от таких занятий: пытались попасть в наряд, на хозяйственные работы и т.д. Были случаи болезни “куриной слепотой”, когда человек с наступлением темноты терял способность видеть. Такой болезнью переболел и я. Болезнь освободила меня от ночных занятий. Это заболевание связано с недостаточностью витаминов в организме.

С наступлением зимы стало несколько легче. Избавились от “мокроты” и вечно сырой верхней одежды. Но наступили холода. Сибирская зима суровая. Нужно заметить, что нас к зиме экипировали надлежащим образом. Выдали телогрейку и ватные брюки, теплое белье и теплые портянки, зимний головной убор “буденовку” и подшлемник, теплые рукавицы. Выдали также валенки, но ими пользовались очень редко, в случаях нахождения в наряде, на наружных постах. При такой экипировке холода не были страшны. В зимнее время на занятиях стали больше уделять внимания тактической подготовке и выработке выносливости.

Частыми стали марш-броски пешим порядком и на лыжах. При этом они сочетались с решением хозяйственных задач, в частности с доставкой дров для роты. Делалось это так. Как правило, взводу ставилась задача на марш-бросок после обеда, например на 8 километров. По пути следования отрабатывались различные тактические задачи. По прибытии на конечный пункт тебе давали древесину, которую нужно было доставить в роту. Если марш-бросок не был длинным и не был обременен доставкой дров, на конечном пункте разводили костер. Время регулировали так, чтобы в роту прибыть непосредственно перед ужином. Руководил такими марш-бросками командир взвода.

С наступлением зимы началась лыжная подготовка. Ранее еще в Нарве я довольно много ходил на лыжах, при этом совершал длинные переходы. Сейчас на соревнованиях на первенство роты я оказался в числе хороших лыжников. В роте создали команду лыжников в составе трех человек. Я был также включен в состав этой команды. Соревнований по лыжам различного уровня было много. В них принимал участие. Это внесло некоторое разнообразие в мою службу в роте. Команда добилась неплохих результатов. На первенство полка по лыжам команда заняла первое место.

Команда роты приняла участие в соревнованиях военного округа по марш-броску на 50 километров с пулеметом на санях.

Этим соревнованиям предшествовал 10-дневный тренировочный лагерный сбор. На время сбора нам даже усилили питание. На этих соревнованиях мы уложились в отведенное нормативом время. Вероятно, за достижения в боевой подготовке в зимнее время нас троих наградили нагрудным знаком "Отличник РККА".

В декабре 1942 года, меня вызвали к командиру роты, а затем – в штаб батальона и сообщили, что направляют для прохождения дальнейшей службы в учебный батальон. Так оказался в новом для меня подразделении, среди незнакомых людей. В условиях армейской жизни люди быстро сходятся. Условия быта были такие же. Единственное отличие – землянка была на одно отделение и рассчитана для размещения 9-10 человек.

Начались учебные занятия. На них решались две двуединые задачи: приобретали новые знания и учились тому, как учить других. Нас готовили в качестве младших командиров, поэтому на занятиях обращалось внимание на выработку методики обучения подчиненных. Было предусмотрено время для самостоятельной работы как для изучения уставов, так и для составления планов проведения различных видов занятий. В этом подразделении требования к курсантам были повышенные, но обстановка более спокойная, без излишней муштры.

В апреле 1943 года я заболел и был помещен в полковой стационар. Видимо, заболевание было серьезным, т.к. на лечении пробыл более месяца. О характере заболевания не помню. Единственное, что осталось в памяти, это постоянные в бессоннице кошмары. При выписке из стационара был очень слаб, с трудом передвигался и держался на ногах.

Для выздоровления и выздоровления меня направили в роту выздоравливающих. Небольшую группу выздоравливающих в количестве 8-9 человек направили в один из колхозов, недалеко от станции Еланск. В меру своих сил помогали колхозу. Помощники, особенно в первый период, мы были плохие. В последующем на

заготовке сена мы оказали колхозу какую-то помощь. Колхоз был бедный и “подкормить” нас не мог. Довольствовались солдатским пайком и весенними дарами природы. Постепенно на свежем воздухе восстановился, почувствовал себя значительно лучше.

После работы устраивали танцевальные вечера, приглашая местных девушек. Один из выздоравливающих имел аккордеон и на вечерах выполнял роль музыканта. В июле 1943 года нас отозвали в полк. Меня определили в 9-ю роту командиром отделения. Оказалось, что ранее мне было присвоено звание “младший сержант”. Начались плановые занятия. Рота не была полностью укомплектована, но взвод, в котором я служил, был укомплектован полностью. Занятия в составе отделения поручалось проводить командирам отделений. К проведению занятий относился серьезно и добросовестно, хотя и испытывал определенные трудности.

Дело в том, что в отделении были не только “новобранцы”, но и старослужащие, отслужившие в армии в мирное время и получившие хорошую военную подготовку. Было в отделении несколько фронтовиков, прибывших в запасной полк после ранений и лечения в госпитале. Больше всего напряжение вызывало мнение фронтовиков. Они пользовались в отделении уважением, к их мнению прислушивались. К счастью, в большинстве случаев находил у них поддержку в своих требованиях.

В сентябре 1943 года меня включили в состав маршевой роты, т.е. в состав временно сформированного подразделения, направляемого в действующую армию. Деятельность в маршевой роте в основном была связана с решением хозяйственных вопросов и оформлением документов. Занятия не проводились, ожидали отправки эшелона.

Момент отправки наступил. На станции Еланск нас определили по вагонам. Эшелон отправился в Европу. Путь был долгим. Осень была теплая, двери вагона открытые (требовалось во вре-

мя движения поезда двери держать закрытыми), наблюдали за природой Урала и мелькавшими городами и селами.

1-й Эстонский отдельный запасной стрелковый батальон

В начале октября 1943 года мы прибыли к месту назначения. Предполагали, что нас направят непосредственно в действующую армию. Вопреки нашим ожиданиям мы оказались в 1-м Эстонском отдельном запасном стрелковом батальоне. Батальон входил в состав 45-го фронтового запасного полка. Этот полк считался прифронтовым и находился во втором эшелоне действующей армии. Батальон дислоцировался недалеко от города Торопца Калининской области. Там же находился штаб полка.

Батальон размещался в лесном массиве в землянках на 10-12 человек и был хорошо подготовлен к зиме. К моменту нашего прибытия здесь уже находилась часть личного состава. Они провели всю необходимую подготовительную работу к зиме. Занятия в батальоне проводились нерегулярно. В осеннюю ненастную погоду в основном занимались в землянках. Изучали материальную часть оружия, уставы, особенно боевой устав пехоты и т.д.

До нашего прибытия в часть прибыли фронтовики Эстонского стрелкового корпуса. Они нас посвящали в боевые эпизоды, рассказывали о боях под Великими Луками. Здесь нам выдали оружие и боеприпасы, как положено во втором эшелоне. На этом участке фронта было затишье, активных боевых действий не проводилось.

Занятия на местности проводились вдали от места дислокации батальона. Руководил ими, как правило, заместитель командира взвода. Взвод уводил подальше “с глаз начальства”. Занятия проводились до обеда. После обеда в распорядке дня был предусмотрен отдых. Иногда в ходе занятий “заглядывали” на колхозное поле, собирали оставшийся необрунным горох, картофель и капусту. Вечером варили каши, супы и разную другую еду, в зави-

симости от добытых днем продуктов. Офицеры батальона относились к этому отрицательно, но смотрели на все происходящее “сквозь пальцы”. Делали вид, что не замечают нашей бурной деятельности. Дополнительный промысел продуктов был серьезной прибавкой к солдатскому рациону. В отличие от запасного сибирского полка, где постоянно ощущался голод, здесь такого ощущения не было.

В батальоне чувствовали себя довольно свободно. Например, на занятиях по теме “в разведке” шли на ближайшую железнодорожную станцию, ожидали очередной товарняк и следовали на очередную станцию. Если поезд не останавливался, делали посадку “на ходу”. В случае, если поезд не останавливался на очередной или нужной нам станции, прыгивали с движущегося поезда. Так, при очередном довольно длинном перегоне оказался на станции Назимово. Оказывается, есть и такая станция. На станциях “добывали” уголь, керосин и другие нужные для части материалы, например, доски.

- Лично я был удивлен, что меня отобрали в противотанковую артиллерию. Об артиллерии не имел ни малейшего представления и вообще не разбирался.

В один прекрасный день этому вольному образу жизни пришел конец. Нас отправили на распределительный пункт Эстонского стрелкового корпуса. Это случилось в январе 1944 года. Прибывших построили, как на “смотрины”, перед представителями воинских частей. Первыми отбирали свое пополнение представители артиллерийских частей. Представители противотанковой артиллерии выбрали 10-12 человек только молодых ребят. Лично я был удивлен, что меня отобрали в противотанковую артиллерию. Об артиллерии не имел ни малейшего представления и вообще

не разбирался. Весь период службы до этого был связан с пехотой. Не представлял, как дальше пойдет служба. Нас усадили в автомашину и увезли в часть. Это было также неожиданным, ведь пехота всегда отмеряла расстояния своими ногами.

307-й Отдельный Эстонский истребительный противотанковый артиллерийский дивизион

Воинская часть в моем представлении и понимании оказалась очень своеобразной, отличающаяся от подразделений пехоты. По численному составу всего немногим более 300 человек.

По структуре:

- ▶ штаб,
- ▶ взвод управления,
- ▶ три артиллерийских батареи,
- ▶ рота противотанковых ружей,
- ▶ тыловые подразделения.

Часть была хорошо вооружена и мобильна. Артиллерийская батарея состояла из четырех 45 мм пушек с тягачами “Виллис”. В роте противотанковых ружей было четыре взвода, всего 130 человек и 52 противотанковых ружья.

Личным составом часть была укомплектована полностью. В основном это люди в возрасте до 30 лет. Личный состав был хорошо обучен и подготовлен для ведения боевых действий. Сложнее было с офицерским составом. Немногие из них были артиллеристами и тем более не имели военное артиллерийское образование. Это были в основном офицеры запаса или офицеры, получившие офицерские звания в период службы сержантами. Все офицеры и командиры орудий имели боевой опыт участия в боях под Великими Луками. Часть была чисто “эстонская”. Лиц другой национальности в части были единицы. При этом лица другой национальности владели эстонским языком, ибо были из Эстонии. Например, в первой батарее не было ни одного лица неэстонской

национальности, во второй батарее было три человека (отец и два сына), все из города Нарвы, в третьей батарее я был один. Обучение и общение в части было только на эстонском языке. Русская речь звучала довольно редко.

За боевые отличия часть была награждена орденом Александра Невского. Личный состав гордился этой наградой. Часть находилась на некотором удалении от линии фронта. Батареи были расположены так, что образовывали ПТОП, т.е. образовывали противотанковый опорный пункт. Это было свойственно для противотанковых подразделений занимать такие позиции на танкоопасных направлениях. Часть находилась в постоянной боевой готовности. Личный состав все время находился на боевых позициях, занятия и тренировки проводились непосредственно у орудий. Землянки, где располагался личный состав, находились непосредственно у артиллерийских позиций и были оборудованы как укрытие и соединены с ними ходами сообщения полного профиля, т.е. в полный человеческий рост.

При зачислении в часть я был назначен в третью батарею, в отделение управления, старшим разведчиком. Отделение было только что сформировано и не имело своего постоянного места расположения. Личный состав отделения: командир отделения, старший разведчик, разведчик и радист были разбросаны по позициям батареи и обитали в землянках личного состава расчета орудий. В тот период функции отделения не были четко определены, не были поставлены задачи и не были проведены действия по сколачиванию отделения как боевой единицы. Мы были разобщены и несли боевое дежурство в составе расчета орудий.

В январе 1944 года войска Ленинградского фронта перешли в наступление, прорвали оборону немецких войск и успешно развивали наступление в направлении Нарвы. Было ясно, что в ближайшее время нам предстоит передислокация и участие в боях за освобождение Эстонии. Это вызвало чувство радости, что на-

конец-то мы сможем участвовать в освобождении своей Родины. Но было и чувство тревоги. Никто не знал, что произошло и что происходит у каждого дома? Какова судьба родных и близких? Где и на каких направлениях нам предстоит участвовать в боевых действиях? Было много вопросов, но на них не было ответов.

Действительно, в конце января 1944 года часть начала передислокацию. Но пока не было ясно, на какой участок фронта нас перебросят. Сначала следовали своим ходом. Отделение управления не имело своего транспорта, поэтому следовало пешим порядком в колонне роты противотанковых ружей. Было совершено несколько маршевых пеших переходов, примерно 25-30 км в день. Переходы были сложные и утомительные. Световой день короткий. Рано утром в темноте начинали движение и поздно в темное время заканчивали. Зима была снежной, дороги замело, скорость движения ограничена, частые остановки и привалы.

К концу каждого дневного перехода в пункте остановки части была готова горячая пища и места для расквартирования и отдыха. Нам пешим не приходилось искать места для ночлега. Нас щадили и не ставили в ночные дозоры. Все хозяйственные и охранные функции выполняли механизированные части. Механизированные подразделения части прибывали к месту расквартирования значительно раньше и решали все вопросы питания и расквартирования.

Представляется, что в тот период не были до конца решены вопросы мобильности части и ее боевого потенциала. Артиллерийские подразделения части были механизированы, мобильны и маневренны. Однако рота противотанковых ружей со своим мощным огневым потенциалом была пешим подразделением, не могла совершать быстрых маневров, особенно при передвижении на опасные участки, в ближайшие временные сроки. Таким образом, в маневренной войне часть лишалась возможности в комплексе использовать свой боевой потенциал, особенно в наступательных

операциях при прорыве обороны противника. Эта проблема проявилась частично в наступательных операциях при освобождении территории Эстонии, когда рота противотанковых ружей отставала от артиллерийских подразделений и не могла в силу этого своевременно вступать в бой. Не припоминаю ни одного случая, когда рота противотанковых ружей приняла участие в боевых действиях в наступательных операциях по освобождению Эстонии.

Но это уже послевоенные размышления человека в зрелом возрасте и не специалиста в формировании подразделений армии. Однако вернемся к повествованию о движении части. После нескольких переходов мы оказались на железнодорожной станции (названия не помню), где нас погрузили в эшелон со всей техникой и отправили в путь. Конечно, командование части знало, куда нас направляют, но основная масса военнослужащих была в неведении, и высказывали различные предположения. Оказалось, что конечным пунктом нашего движения по железной дороге стала станция Котлы. Часть выгрузилась из эшелона и приступила к расквартированию.

Котлы – большой населенный пункт. Рядом с ним большой аэродром, где к моменту нашего прибытия уже базировалась штурмовая авиация ИЛ-2. Многие свободные дома в населенном пункте были заняты авиаторами. Поэтому в первоначальный период нас разбросали по всему населенному пункту и разместили в свободных домах. Однако в дальнейшем постепенно нас стали размещать более компактно, в основном в нежилых помещениях: бани, сараи, гумны и т. д.

Наше отделение впервые разместилось компактно в одном месте. Заняли большое гумно, в основном разместились в риге. Натопили ее как следует. Известно, что рига топится по-черному. Впервые за долгое время представилась возможность лечь спать раздетым до гимнастерки, без шинели и ватника. В качестве матраса использовали имеющуюся на гумне солому.

Но блаженствовать пришлось короткое время. Нас переселили ближе к своему подразделению и разместили в бане. Баня топилась по-черному. Стены были закопченные. Мы были грязные от копоти. Пробовали топить баню. В этом случае в ней было жарко. В дальнейшем от топки бани отказались.

- Заняли большое гумно, в основном разместились в риге. Натопили ее как следует. Впервые за долгое время представилась возможность лечь спать раздетым до гимнастерки, без шинели и ватника.

Через несколько дней после прибытия в Котлы начались регулярные занятия. Впервые после комплектования нам разъяснили задачи отделения управления. В дальнейшем занятия проводились на местности. Разведчики тренировались в выработке наблюдательности, маскировки, в определении расстояния на местности, ориентировании на местности, изучении карты и работа с картой и на карте, разведке местности и т.д. Уходили, как правило, за пределы населенного пункта, где проводили основное время. Подальше от начальства – значительно спокойнее. В гарнизоне был военторг. В нем можно было приобрести зубную щетку, зубной порошок и одеколон. Другой товар не интересовал.

Значительным событием для меня в тот период стало прибытие на станцию Котлы эшелона с эвакуированными родственниками и односельчанами из деревни Криуши. Известно, что войска Ленинградского фронта в ходе начавшегося в начале января 1944 года наступления вышли на рубежи реки Нарова, а в районе деревни Криуши форсировали реку и образовали на противоположном берегу плацдарм до станции Вайвара. Карателями, а также в ходе боев деревня Криуши и соседние деревни были преданы огню. Местное население с началом боевых действий скрывалось

в близлежащих лесах, часть, кто не успел скрыться, были принудительно выселены в глубь Эстонии.

В апреле 1944 года, после освобождения территории от фашистских захватчиков, людей, скрывающихся в лесах, собрали и привезли на станцию Котлы для последующего расселения в близлежащих пустующих населенных пунктах. На станции встретил многих родственников и знакомых, чему был очень рад. Узнал печальную для меня весть о смерти матери и дедушки Семена. Со смертью матери я остался один. Больше близких родственников у меня не было.

Для перевозки эвакуированных из частей корпуса был выделен автомобильный транспорт. Для оказания помощи родственникам в их размещении и обустройстве на новом месте мне предложили краткосрочный отпуск. Эвакуированные были размещены в пустующих деревнях недалеко от станции Котлы. Крестьяне, народ основательный, прибыли со своим хлебом (мука, крупы), домашними животными (лошади, коровы, овцы, свиньи) и сразу занялись обустройством хозяйства. Нужно было добывать корм для скота.

Вести весенне-полевые работы на новом месте собирались немногие, возможности такой не было. Отсутствовал сельхозинвентарь и посевной семенной фонд и многое другое. Кроме того, все считали, что изгнание фашистов с территории Эстонии – дело ближайшего будущего и к весенним работам они вернуться к своим очагам.

В июне 1944 года была предпринята попытка освобождения города Нарвы, но она не увенчалась успехом. К этому времени нашу часть передислоцировали за реку Луга, в район деревни Кейкино, ближе к реки Нарова. Вначале артиллерию расположили на перекрестке дорог в районе Кейкино, где был образован противотанковый опорный пункт. Затем этот пункт был ликвидирован, а часть сосредоточили в лесу, примерно в 5 км от города Нарвы.

При выходе из леса по прямой дороге был виден город. Иногда разведчики нашего отделения по моей инициативе подходили ближе к городу. Любопытно было увидеть город, узнать, в каком он состоянии. В бинокль были хорошо видны руины города, в том числе Ивангородская сторона, где я жил в предвоенные годы.

Однажды, потеряв осторожность, мы обнаружили себя и были обстреляны вражеской артиллерией. Обошлось без потерь. После этого самостоятельно на передовую не ходили. Командир батареи, узнав о случившемся, строго-настрого запретил ходить на передовую. Протекала размеренная военная жизнь, свойственная для второго эшелона – нет боевых действий, но нет и мира. Шли плановые занятия, но больше для вида. В части была напряженная обстановка, все ждали чего-то. Наиболее вероятным, как мы полагали, было очередное наступление в районе Нарвы. Фронт без движения здесь задержался довольно надолго.

Но случилось то, чего мы не ожидали. 6 сентября 1944 года нашу часть своим ходом перебросили к Чудскому озеру, в окрестности Мехикоорма. Рассредоточили в нескольких километрах от переправы. Несколько дней ждали своей очереди на переправу на эстонскую землю. И так, мы вновь оказались на эстонской земле за Чудским озером. Подразделения, переправившиеся на эстонскую землю, занимали заранее определенные для них рубежи, недалеко от передовой линии на реке Эмайыги. Для нас, разведчиков, определили место наблюдательного пункта непосредственно на передовой линии.

Я занял ранее кем-то подготовленный в саду дома окоп полного профиля и неглубокую траншею, уходящую в глубь сада. Использовал их как наблюдательный пункт. Это было в районе мызы Луунья. Противоположная сторона реки Эмайыги хорошо просматривалась. Движения на стороне противника в дневное время почти не наблюдалось. Ночью засек несколько вспышек пулеметных очередей из зданий на противоположном берегу. Нам было извест-

но, что оборону на противоположном берегу держат эстонские части дивизии СС.

На нашей стороне также не было никакого движения. Не наблюдалось соседей справа и слева. Складывалось такое впечатление, что на передовой линии никого нет. Действительно на расстоянии 50 метров справа и слева от моего наблюдательного пункта никого не было. Ночью в одиночестве становилось не по себе. В течение трех суток меня никто не посещал. Съеден сухой паек, а смены нет. На четвертые сутки ночью пришел командир отделения, принес сухой паек и отдал распоряжение: “сиди и наблюдай, придет время – сменим”. Было по меньшей мере странно. У меня не было постоянной связи с частью. О любых непредвиденных обстоятельствах не мог немедленно доложить в часть. Даже не знал, где находится наша батарея. Но приказ нужно выполнять. То, что предстоит наступление, было ясно, но никакой подготовки в моем секторе наблюдения заметно не было.

17 сентября 1944 года утром началась артиллерийская подготовка – предвестник наступления. Наблюдал, как последовательно и методично в течение часа артиллерийским и минометным огнем обрабатывался передний край обороны противника. Особенно интенсивному артиллерийскому обстрелу подвергались позиции противника справа от меня. Понял, что прорыв обороны противника будет на этом участке. После перенесения огня в глубину обороны противника передовые части приступили к форсированию реки Эмайыги. Подавленный огнем противник особого сопротивления не оказывал. “Ожившие” огневые точки были подавлены огнем артиллерии.

Части успешно форсировали реку и, судя по удаляющемуся огневому шквалу стрелкового оружия, врезались в оборону противника. Примерно через два часа наступающие части ушли далеко вперед, и только изредка были слышны отдельные разрывы мин.

На участке прорыва шла интенсивная работа. Саперы заканчивали возведение понтонного моста. Через некоторое время после начала наступления на наблюдательном пункте появился разведчик отделения управления батареи и снял меня с наблюдательного пункта. На месте, где ранее находилась батарея, никого не было, кроме хозяйственной машины, загруженной боекомплектом. Оказывается, батарея снялась с позиции и уехала на передовую поддерживать огнем наступающую пехоту. Нас усадили в машину, и мы отправились искать боевые расчеты и позиции батареи. Таким образом, разведка оказалась не впереди, а сзади наступающих частей. В течение всего дня мы метались по передовой, разыскивая свою батарею. Ведь на батарее в любой момент могли понадобиться боеприпасы. Все зависело от интенсивности поддержки пехоты огнем артиллерии. К вечеру настигли батарею где-то в районе Торма. Так вплоть до 21 сентября 1944 года мы постоянно догоняли и искали в темпе наступающие передовые части. Как правило, настигали их при остановках на ночь.

В ходе наступательной операции запомнился один любопытный эпизод. На третьи сутки после начала наступления, т.е. 19 сентября, наша часть к исходу дня сосредоточилась в районе Вяйке-Маарья. Нас, двоих разведчиков, направили для обследования местности, непосредственно прилегающей к месту остановки части. Шли по дороге, соблюдая все меры предосторожности, которым нас учили. Изредка перебрасывались отдельными фразами, в основном же разговор вели жестами. В какой-то момент нас окликнули на эстонском языке. Следовательно, за нами пристально наблюдали. Мы залегли на обочине. Говорившему предложили выйти на дорогу. Из кустов вышел человек в немецкой форме одежды, без оружия и на эстонском языке сообщил, что в лесу на расстоянии одного километра от дороги находится группа противника в количестве 45-48 человек. Все они вооружены стрелковым оружием. В составе группы до 18 человек немцев, остальные

эстонцы. Они готовы сдаться в плен. Предложили, чтобы он группу вывел на дорогу. Но он заявил, что ему не поверят, и предложил нам пойти с ним к месту нахождения группы.

Не задумываясь о последствиях такого шага, направились в лес. Придя на место, увидели солдат немецкой армии. Предложили военнослужащим-эстонцам отойти от немцев и разоружить их. Но разоружение осуществить не получилось. “Братья по оружию” на этот шаг пошли неохотно. Часть немцев были разоружены с нашей помощью. Изъятые оружие передали эстонцам, чтобы донести до пункта сбора. Колонну военнопленных построили так, чтобы впереди шли немцы, за ними – эстонцы. Колонна вышла на дорогу и направилась в сторону расположения части. Впереди колонны шел разведчик, его фамилия Индус, ныне здравствует. Проживает в городе Раквере. Замыкающим в колонне был я. При подходе к части нашу колонну заметили и приняли за отступающую немецкую часть. Батарея развернулась в боевой порядок, намереваясь встретить колонну картечью. Впереди идущему разведчику удалось подать сигнал на батарею об отсутствии опасности. Это удалось сделать с большим трудом, т.к. стало уже совсем темно. Так, вдвоем пленили, точнее, приняли добровольную сдачу в плен солдат немецкой армии с полным вооружением. При проведении акции пленения страха не было. Действовали, не задумываясь о возможных последствиях.

В дальнейшем, когда обсуждали эту акцию и возможные ее последствия, то пришли к выводу, что здесь не было героизма, а в большей степени безрассудство и опрометчивость. Наша жизнь в тот период висела на волоске. В последующем в мирные годы, встречаясь с Индусом, вспоминали этот эпизод из боевой деятельности, не давая ему никакой оценки.

В наступательных операциях на материковой Эстонии наша часть участвовала во многих боевых операциях и стычках с противником. Участвовала в освобождении города Таллинна. С боя-

ми, штурмовым броском прошла до города Хаапсалу и освободила его. Нашей группе на машине тыла была обеспечена участь догонять передовые части. В день освобождения города Таллина 22 сентября 1944 года мы прибыли уже в освобожденный город. Поломалась наша машина с грузом боеприпасов. Водителя и меня оставили для охраны боеприпасов. Остановились во дворе хлебозавода Ротермана. В городе Таллинне находились несколько дней, пока боеприпасы с нашей машины не перегрузили на другую и не уехали в сторону Виртсу.

- В наступательных операциях на материковой Эстонии наша часть участвовала во многих боевых операциях и стычках с противником. Участвовала в освобождении города Таллина.

К 26 сентября 1944 года части сосредоточились в этом районе для форсирования пролива Суур-Вяйн. Тыл нашей части был расположен примерно в 6 километрах от Виртсу. Там были сосредоточены боеприпасы, продовольствие, техника и другое имущество части. Отделение управления оставили для охраны тыла, выдачи боеприпасов и другого имущества.

Боевые действия 307-го Отдельного Эстонского противотанкового артиллерийского дивизиона на территории Эстонии в какой-то мере нашли отражение в книгах Ф. И. Паульмана "От Нарвы до Сырве" и А. Курме "Мы помним Техумарди", поэтому повторять и детализировать их не намерен. Коснусь лишь тех событий и боевых эпизодов, в которых принимал непосредственное участие.

7 октября 1944 года был освобожден город Курессааре. В предшествовавших этому боях на острове Муху и Сааремаа наша часть понесла потери, особенно среди артиллеристов. Напряженными были бои на острове Муху и особенно при завладении дам-

бой, соединяющей остров с Сааремаа. Дамба длиной более трех километров хорошо оборонялась противником. Каждый метр дамбы был пристрелян артиллерией противника и находился, кроме того, под перекрестным пулеметным огнем. Потребовалось время и большие усилия сначала подавить артиллерийские позиции и пулеметные огневые точки, а затем, по существу, штурмом завладеть дамбой, занять позиции на острове Сааремаа и обеспечить переправу основных частей дивизии.

Эти бои были напряженными и кровопролитными. Наше отделение управления доставили в город Курессааре в место расположения части для доукомплектования поредевших артиллерийских бовых расчетов. Дальнейшие действия частей, участвовавших в освобождении острова, были направлены на то, чтобы быстрее прорваться к полуострову Сырве и не дать противнику возможности закрепиться на ранее подготовленных рубежах обороны. Для решения этой задачи был сформирован специальный штурмовой отряд под командованием командира нашей части майора Миллера. Наша батарея не была включена в состав штурмового отряда и в связи с этим не участвовала в ночном бою Техумарди и около деревни Сальме, которое произошло 8 октября 1944 года. По свидетельству участников боя, это было редкостное по своему характеру, жестокости и тактике сражение и очень кровопролитное.

Подробно об этом сражении написано в книге Алексея Курме “Мы помним Техумарди”. Поскольку наша батарея была полностью укомплектована и вполне боееспособна, ее ввели в бой для поддержания огнем наступающей пехоты, а также для борьбы с танками.

С 9. 10 по 19. 10. 1944 года она участвовала в боях на рубеже Уйгру-Пагила.

С 20. 10 по 18. 11. 1944 года – в боях на рубеже Лыпе-Каймири.

С 19. 11. по 20. 11. 1944 года – в боях на рубеже Винтри.

Весь этот период характеризуется постоянными атаками наших частей с незначительными перерывами. Но наступательные бои не приносили ожидаемых успехов, хотя на этом узком участке фронта сил было сосредоточено достаточно. Каждая наступательная операция позволяла продвинуться всего на 2-3 км. В перерыве между наступательными операциями велись артиллерийские огневые дуэли. Задача разведчиков была “засекать” огневые средства противника. Местонахождение наблюдательных пунктов постоянно менялось в связи со сменой артиллерийских позиций. Наиболее длительную разведывательно-наблюдательную деятельность пришлось вести на рубеже Лыпе-Каймри. Ежедневно письменно приходилось докладывать о замеченном на передовой линии противника.

Особенно расположение траншей, огневых точек, дотов, дзотов и вообще о режиме противника на передовой линии. Особенно запомнилась деятельность на последнем наблюдательном пункте на указанном ранее рубеже. Он был расположен на небольшом изгибе дороги, ведущей через передовые позиции к конечному пункта полуострова Сырве. С него хорошо просматривались: залив, дорога, ведущая на передовые позиции, и передовые позиции противника. Он был удобно расположен, но одновременно очень уязвим по многим причинам. Грунт здесь каменистый, поэтому “вгрызаться” в землю было сложно, но не только из-за грунта. Всегда была угроза быть замеченным противником.

Наблюдательный пункт расположился в придорожной канаве глубиной примерно 60 см. С правой стороны на берегу моря, примерно в 50 метрах от наблюдательного пункта, находилось одно орудие нашей батареи. С левой стороны – два орудия. Удобно расположенный наблюдательный пункт был уязвим. Днем выходить из него было опасно, т.к. местность была открытая, просматривалась и простреливалась противником. Наблюдатель мог быть в нем только в положении лежа. Я предпринял попытку создать

новый наблюдательный пункт, более удобный. В течение нескольких ночей я оборудовал его, носил камни. Он был расположен на некотором удалении от имеющегося наблюдательного пункта. Занять позицию в нем еще не успел. Противник заметил новое сооружение и артиллерийским огнем уничтожил его.

На наблюдательном пункте в течение длительного времени бессменно находился один. Сухой паек приносили через двое суток в ночное время. Ежедневное донесение передавал командиру огневого взвода, расположенного рядом. Ненастная дождливая погода приносила много неприятностей. Сверху между камнями постоянно сочилась вода, в канаве она тоже набиралась. С конца октября, когда атаки наших войск на рубеже Лыпе-Каймри прекратились, вражеская артиллерия и минометы стали систематически обстреливать позиции и тылы наших войск. В тылу было сосредоточено довольно много войск, поэтому эти обстрелы тыла приносили большие неприятности, связанные с бессмысленными потерями личного состава и техники. Особенно неприятен был обстрел с моря.

Неоднократно подходил немецкий крейсер и эсминцы. При взрыве снаряда, выпущенного с крейсера, меня отрывало от земли и подбрасывало вверх. Опасно было и то, что наблюдательный пункт, сооруженный из камней, в результате обстрела мог обрушиться и захоронить меня под этими развалинами.

- Неоднократно подходил немецкий крейсер и эсминцы. При взрыве снаряда, выпущенного с крейсера, меня отрывало от земли и подбрасывало вверх.

Утро 19 ноября 1944 года не предвещало ничего особенного с позиций неосведомленного артиллерийского разведчика. Ведь в течение длительного времени я общался с ограниченным кругом людей и не знал, что происходит в тылу и идет интенсивная под-

готовка к очередному наступлению. Но в 10.00 началась артиллерийская подготовка. В последующем узнал, что в артиллерийской подготовке участвовало 200 артиллерийских и минометных батарей, и это на линии фронта шириной 3 км. Нетрудно представить, какова была плотность огня, тем более если учесть, что длилась артиллерийская подготовка 1 час 57 минут. В какой-то момент над побережьем на бреющем полете пролетели десятки наших штурмовиков. От сотен орудийных выстрелов и разрывов снарядов, от взрыва бомб земля вздрагивала на всем полуострове.

В последние минуты артиллерийской подготовки гул артиллерийской канонады слился с шумом и лязгом гусениц танков и самоходных артиллерийских установок, которые выдвигались с тыла к переднему краю, чтобы вместе с пехотой двинуться на штурм вражеских позиций. Танки выдвигались на передовую мимо наблюдательного пункта, поэтому вынужден был вылезти из него, дабы не быть подмятым под гусеницы танков. Наша батарея не сопровождала пехоту и не участвовала в наступательной операции последнего этапа боев за освобождение полуострова, а осталась на прежних позициях.

В первые три дня боев две линии обороны противника были прорваны и войска с боями медленно продвигались к южной конечности полуострова Сырве. Хотя линия фронта отодвинулась далеко вперед, артиллерийские обстрелы нашего тыла не прекратились. Ежедневно корабли противника обстреливали, в т.ч. район позиций нашей батареи. Создавалось такое впечатление, что противник готовит высадку десанта с моря и предварительно подвергает артиллерийскому обстрелу береговую линию нашей обороны. Учитывая такой вариант возможных действий противника, нашу батарею развернули для отражения возможного десанта с моря. Усилили наблюдение за морем, особенно в ночное время. Бои на полуострове не прекращались ни днем, ни ночью. Артиллерийско-минометная канонада слышалась круглые сутки.

На рассвете 24 ноября 1944 года вдруг установилась непривычная тишина, и мы поняли, что враг добит и изгнан с земли Эстонии. Это было радостное событие. Последняя пядь эстонской земли была освобождена от фашистов. Закончились изнурительные бои, длившиеся непрерывно два месяца. Без дополнительного приказа батарея стала готовиться к отъезду на материк. Куда? Как обычно, высказывались различные предположения, куда могут направить нашу часть. Было одно ясно, что в настоящий момент Эстонский корпус на фронт не направят. В течение двухмесячных непрерывных боев корпус понес определенные потери личного состава и боевой техники. Нужно было восполнить потери. В течение нескольких дней ожидали переправы на материк. Войск на острове сосредоточилось довольно много. Для вывоза потребовалось определенное время. Наконец постепенно нашу часть стали переправлять на материк.

Клоога

К нашему удивлению, местом дислокации части определили местечко Клоога. Технику и пушки разместили в специальном парке. Личный состав разместился в домах, где в период оккупации содержались заключенные. К моменту нашего прибытия эти дома были приведены в порядок. Сделан минимальный ремонт и проведена тщательная дезинфекция и дезиорация. Условия для проживания были вполне нормальные. Впервые оказались не в землянках, а жилых домах с нормальным отоплением. Тем более, после ноябрьских пребываний в окопах, при жутких погодных условиях это казалось раем.

Жуткое впечатление оставило посещение места, где на кострах сжигали людей. Трупов не было, но обгоревшие бревна, между которыми штабелями укладывали людей, сохранились. Из армейской прессы знали о злодеяниях фашистов в Клоога, но увидеть последствия этого воочию оставляло жуткое впечатление. Не

все фронтовики, видевшие смерть и кровь, могли выдержать это зрелище.

В часть стало поступать пополнение. В основном это люди с территории Эстонии и среди них – служившие в немецкой армии. В части среди солдат и даже среди офицеров их приняли настороженно и даже враждебно. Политработники проводили большую работу, чтобы примирить нас с новым пополнением. Но тщетно. Отторжение было сильным. Командовать отделением управления нашей батареи назначили одного сомнительного парня, служившего в немецкой армии. Среди личного состава поднялся ропот и недовольство. Командование было вынуждено откомандировать из части нескольких человек, служивших в немецкой армии. В один прекрасный день пропал наш командир отделения. Вероятно, дезертировал.

В этот период проходило перевооружение части. Сдавали на склады бывшие на вооружении 45 мм пушки, боеприпасы к ним и автомобили-тягачи “Виллис”. В части хорошо освоились с этим вооружением. Оно обеспечивало маневренность и мобильность подразделений, что очень важно для противотанковых артиллерийских подразделений. Даже было жаль расставаться с этим вооружением. На вооружение поступили 76 мм пушки. Они были более мощными в сравнении с предыдущими пушками, но подразделения теряли в маневренности. В качестве тягачей получили автомобили ЗИС-5. С получением этого автомобильного транспорта была решена проблема перевозки боеприпасов полного боекомплекта. При занятии орудием огневой позиции проблема доставки боеприпасов была решена. Не нужно было ждать машины тыла с боеприпасами.

Для орудийных расчетов начались напряженные дни. Пушки нужно было снять с консервации, изучить их материальную часть, правила стрельбы и т.д. Практических стрельб провести не удалось. Вероятно, не было поблизости полигона. Отделение управ-

ления также получило на вооружение радиостанции, мощные бинокли и буссоли. Начались регулярные и напряженные занятия. В первую очередь осваивали работу на радиостанциях. Специфика использования радиостанций заключалась в том, что запрещалась работа открытым текстом. Нужно было шифровать передачи и работать ключом. Большинство призванных в армию из Эстонии побывали дома. Мне ехать было некуда. Связь с родственниками была потеряна. Не знал, где они находятся. Деревня Криуши, как известно, была уничтожена. Родственники были эвакуированы в район Котлы.

Снова на фронт. Курляндия

В середине января 1945 года ночью часть подняли по тревоге и своим ходом направили в Палдиски. Началась погрузка в эшелон. В эту же ночь эшелон отправили в неизвестном для нас направлении. Было ясно, что часть направляют на фронт, но куда? На следующую ночь мы прибыли в Литву. Выгрузились из эшелона и направились на запад. Полагали, что направляемся в Германию. Однако, покрутив немного по литовским дорогам, мы оказались в Курляндии. Эта группировка фашистов была прижата к морю и оказалась в глубоком тылу наших войск. Эстонскому стрелковому корпусу, в т.ч. и нашей части, предстояло принять участие в ее ликвидации. Первоначально мы несколько дней курсировали вдоль линии фронта. Создавалось такое впечатление, что не знают, куда нас пристроить.

Наконец определили боевые позиции для части. Нашу батарею рассредоточили на широком участке фронта. Орудийные расчеты с пушками были размещены на позициях на значительном расстоянии друг от друга. Перед каждым орудийным расчетом стояла самостоятельная задача. Через разведчиков в качестве связных поддерживалась связь с орудийными расчетами, ибо иных средств связи задействовано не было.

На данном участке фронта не было сплошной линии обороны. Линия обороны была очаговой. Части занимали более выгодные позиции, как правило, глубоко вклиниваясь в оборону противника. На этих рубежах были выставлены также наши пушки. Странно, но на этих выступах, глубоко вклинившихся в оборону противника, было мало или вообще не было пехоты. Чтобы добраться до позиции орудийного расчета, нужно было хорошо знать местность и маршрут движения. Несколько отклонившись в сторону от маршрута движения, можно было наткнуться на позиции противника или зайти на минное поле. Кроме того, даже следуя по правильному маршруту, можно было получить пулю от своих пехотинцев. Пароли менялись каждую ночь, но их мы не знали, т.к. пехотные подразделения нам их не сообщали. Разными способами приходилось объяснять, кто мы. Чаще всего сообщали, что мы эстонцы.

Выходы на артиллерийские позиции осуществлялись, как правило, в ночное время. Это осложняло движение и ориентирование на местности. В связи с тем, что нас было двое разведчиков, а орудий четыре, в течение ночи каждому разведчику приходилось бывать на двух позициях. Нужно было пошевеливаться. Днем также не было особого покоя. Никто не спрашивал, успел ты отдохнуть после ночных хождений или нет. Если требовалось, давали очередное задание. Поэтому мы старались на день оставаться на позициях орудийных расчетов. Хотя там более опасно, но можно спокойно отдохнуть.

В середине апреля 1945 года нашей батарее определили новые позиции. Практически она находилась во втором эшелоне, примерно на расстоянии 1700 метров от линии фронта и там образовала противотанковый опорный пункт. В случае необходимости батарея выдвигалась для стрельбы прямой наводкой. Позиции для этого были оборудованы и даже завезены частично боеприпасы.

Наблюдательный пункт был выдвинут на передовую линию окопов и расположился на возвышенности, господствующей над

данной местностью. Линия обороны противника хорошо просматривалась. Возвышенность была изрыта окопами полного профиля. Сооружены блиндажи, укрытия и подходы к ним. Подступы к возвышенности были заминированы. Достигнуть возвышенности можно было только по ходу сообщения. Днем движение по нему не было безопасным, т.к. с флангов простреливалось противником.

“Старожилы” возвышенности утверждали, что ходить ночью одному также небезопасно. Были случаи похищения военнослужащих разведкой противника. К сожалению, это не было сказкой или легендой. Пропал без вести радист нашего отделения управления, следовавший на наблюдательный пункт на смену мне. Направившие его командиры знали о такой опасности и пренебрегли ею.

На данном участке фронта, вероятно, намечался прорыв обороны противника, поэтому перед нами поставили задачу основательного изучения его обороны. Большую помощь в изучении линии обороны противника оказали девушки-снайперы. Они длительное время базировались на возвышенности и многое изучили, особенно в расположении огневых точек противника. С их слов нанесли эти данные на карту. Наша задача заключалась в том, чтобы перепроверить эти данные. В течение длительного времени пришлось находиться на передовой вместе с девушками-снайперами. Они несли боевую службу по особому графику. Утром рано появлялись на позициях и вечером уходили к месту базирования.

Меня удивлял их образ жизни и поведения на передовой линии. Придя утром, они начинали наводить личный “марафет”: причесывались, делали укладки волос, подкрашивали брови и т.д. При этом обменивались мнениями, как прошел вчерашний вечер. Из их слов понял, что у них в тылу каждый вечер бывают танцы, у них есть свои ухажеры. Идет вполне мирная беззаботная жизнь. На передовую они ходят, как на работу. Это меня несколько удивляло.

В связи с тем, что мой напарник пропал без вести, задачу наблюдения на передовой пришлось решать мне одному и безвылазно находиться на наблюдательном пункте. На позиции батареи ходил один раз в сутки для сдачи суточного донесения и получения сухого пайка. Линия обороны противника на данном участке была изучена довольно обстоятельно и нанесена на карту, находившуюся на наблюдательном пункте. Правильность карты удалось подтвердить и уточнить во время разведки боем силами штрафной роты, когда многие огневые точки проявили себя. Была выявлена система огня и взаимодействия огневых точек, подвижные огневые точки, особенно позиции пушек малого калибра.

В ходе разведки боем была зафиксирована интересная деталь. Когда штрафники в ходе наступления вплотную подошли к фашистским позициям, немцы дрогнули и стали отходить. Но с тыла появились “власовцы” и под силой оружия заставили вернуться отступающих в окопы.

- Когда штрафники в ходе наступления вплотную подошли к фашистским позициям, немцы дрогнули и стали отходить. Но с тыла появились “власовцы” и под силой оружия заставили вернуться отступающих в окопы.

Все признаки деятельности на нашем участке давали основание полагать, что в ближайшее время начнется ликвидация курляндской группировки. Возвышенность немцы часто подвергали артиллерийско-минометному обстрелу. Противника, вероятно, очень раздражали снайперы, действовавшие довольно активно и, вероятно, результативно. Кроме того, противник понимал, что на возвышенности, занимающей столь выгодное стратегическое положение, находятся наблюдательные и командные пункты.

Что касается наблюдательных пунктов, это предположение верно. Однако на возвышенности не было ни одного командного пункта, даже отсутствовали линии проводной связи.

В ночь с 7 на 8 мая 1945 года командиры огневых взводов и командиры орудий провели проверку ранее подготовленных на передовой линии огневых позиций. Имелось в виду, что вечером 8 или утром 9 мая орудийные расчеты займут огневые позиции. В эти дни погода была ненастная. Третий день шел дождь. Низкие места на местности наполнились водой и грязью. С 8 на 9 мая 1945 года ночью был устроен общий "аврал" по доставке снарядов на передовые позиции. Снаряды носили все, в т.ч. писари, повара и все работники тыла. Расстояние от тыла батареи, где находились снаряды, до передовой примерно 1700 метров.

Маршрут, по которому носили снаряды, пролегал через заболоченный лес и мелкий кустарник. Ноги вязли в жидкой грязи. Можно было передохнуть, найдя небольшую кочку. Ящики со снарядами довольно тяжелые. Во второй половине ночи, ближе к утру, когда расчеты были обеспечены полным боевым комплектом, мы основательно устали. Орудийные расчеты ушли к орудиям, чтобы с рассветом доставить орудия на огневой рубеж. Я усталый остался здесь на передовой вместе с охраной. Несмотря на дождь, расположился на снаряжных ящиках, накрылся плащ-палаткой и уснул.

Проснулся от сильной автоматной-ружейной стрельбы. Не понимая, в чем дело, полусонный, схватился за автомат и залег за ближайший бугорок. Не мог понять, в чем дело. Стреляли кругом. Сначала пришла в голову мысль, что фашисты прорвали нашу оборону и захватили огневые позиции. Когда окончательно "проснулся", увидел, что стреляют свои, причем вверх. За сильной стрельбой невозможно было разобрать, о чем кричат. Подойдя ближе, узнал об окончании войны. О Победе. В общей массе внес свой скромный вклад и разрядил автомат до пустоты диска.

В первый период не особенно осознал, что произошло. Внутренне понимал, что окончилась война, завоевана Победа. Но наступивший мир еще не завладел моим сознанием. Произошло это через несколько дней мирной жизни, хотя и в бывшей прифронтовой полосе. Постепенно стал понимать, что не будет больше артиллерийских обстрелов, не нужно будет прислушиваться к звуку пролетающих самолетов и определять, свой или чужой. Нужно вживаться в другой, мирный образ жизни.

- Постепенно стал понимать, что не будет больше артиллерийских обстрелов, не нужно будет прислушиваться к звуку пролетающих самолетов и определять, свой или чужой. Нужно вживаться в другой, мирный образ жизни.

Только понимания того, что война закончилась, было мало, нужны были фактические, пусть маленькие крупинки мирной жизни. И они постепенно появлялись. Часть передислоцировали подальше от бывшей линии фронта. Расположились рядом с военно-полевым госпиталем. Работники госпиталя организовали концерт художественной самодеятельности. На следующий день дал концерт военный ансамбль. Организовали вечер танцев.

Начались поздравления с Победой. Сначала это сделал командир части. Торжественное построение. Вынос знамени. В строю непарадного внешнего вида, но торжественно радостные воины. Перед каждым подразделением командир части останавливался: поздравлял с Победой и благодарил за вклад в ее достижение. Искренность командира и намернувшиеся на его глаза слезы радости вызвали соответствующую реакцию, многие солдаты плакали, не стыдясь своих слез. Это плакали воины-победители.

Когда командир поздравлял воинов роты противотанковых ружей, эмоции у них “вышли из берегов”. Строй нарушился, воины с криками “Ура” подхватили командира части и стали подбрасывать его вверх. Этому последовали и другие подразделения.

Так происходило на официальном уровне. Неофициально военнослужащие встречаясь поздравляли друг друга, даже если они не были знакомы. Таким мне запомнился День Победы. Таким остался в моей памяти навсегда. Воспроизвести и нанести на бумагу это состояние невозможно. Оно неопишимо. Это нужно пережить. Нужно быть участником этих событий. Сейчас, излагая эти строки, возвращаясь мысленно к памятным событиям, невольно обронил слезу. Так происходит каждый ежегодный День Победы.

Мирное время. Продолжение службы в армии

Через некоторое время после окончания военных действий в Курляндии мы стали готовиться к передислокации в Эстонию. В том, что Эстонский стрелковый корпус будет дислоцирован в Эстонии, мы не сомневались. Но где именно? Путь в Эстонию был радостным и торжественным. На территории Эстонии нас встречали с цветами. Особенно теплая встреча состоялась в местечке Керну. Здесь нас ожидали и встретили довольно тепло и радушно. Встреча вылилась в настоящее народное гулянье. В народном доме организовали танцы. В гостях задержались несколько часов.

Местом дислокации нашей части определили лесной массив недалеко от местечка Клоога. Стали готовиться к армейской жизни в условиях летних лагерей. Определили место расположения палаток. Разметили прохождение дорожек и начали активно обустриваться. Работы предстояли большие, т.к. необходимо было вырубать лес, корчевать пни и т.д.

Рядом с нашей частью расположились зенитчики. Это было чисто женское подразделение. Наши части разделяла полоса для построений. После вечерней поверки дневальные разглаживали

полосу. Она превращалась в “следовую полосу” по типу пограничной следовой полосы. На ней утром были видны следы “перебежчиков» из одного лагеря в другой.

Не успели закончить работы по созданию и благоустройству лагеря, нас перевели в поселок Клоога в военные казармы. Материальную часть (пушки и автомобили) разместили в артиллерийском парке. Личный состав разместился в казарме. Помещение казармы большое. В ней разместился личный состав всех трех батарей. Впервые за годы войны мы оказались на нормальных кроватях с постельным бельем. Появились элементы армейской казарменной жизни: единообразная заправка кроватей, размещение одежды, различного рода построения, утренний подъем и утренняя зарядка и другие атрибуты армейской жизни. Нам, фронтовикам, это не нравилось. С нетерпением ожидали демобилизации, полагая, что мы свое отслужили и со спокойной совестью можем возвращаться домой.

До этого произошло важное событие, имевшее значение для каждого военнослужащего. Эстонскому стрелковому корпусу и частям, входившим в его состав, было присвоено гвардейское звание. Это был значимый акт признания заслуг корпуса в Великой Отечественной войне и, следовательно, признание заслуг каждого воина корпуса. Воины корпуса были довольны признанием их заслуг и гордились гвардейским званием. Всего через несколько дней у каждого воина появился на груди знак “Гвардия”.

В связи с присвоением гвардейских званий переименовали также воинские части. После этого наша часть стала именоваться “224-й Гвардейский отдельный эстонский противотанковый ордена Александра Невского артиллерийский дивизион”.

Но торжества, связанные с присвоением гвардейских званий, не затмили желания уволиться из армии. Нам стали активно и повседневно разъяснять, что демобилизация будет проходить постепенно. Сначала увольят лиц старшего возраста.

В июне 1945 года началась демобилизация старших возрастов. Провожали демобилизованных торжественно. Мы с двойственным чувством провожали своих боевых товарищей. С одной стороны, были рады за них. С другой стороны, с грустью расставались с ними. Ведь вместе мы переносили тяготы и лишения, теряли боевых друзей, вместе завоевали Победу и торжествовали в связи с этим. И вдруг нужно расстаться. Великое чувство – боевое товарищество. Оно сохранилось в нас на всю жизнь. В послевоенные годы мы часто встречались на организуемых слетах бывших воинов части. Сейчас таких встреч нет, но общение на индивидуальном уровне продолжается.

Одновременно с увольнением старших возрастов проводилась реорганизация частей корпуса. Вместо двух дивизий осталась одна. Ликвидировались также воинские части. Слились противотанковые дивизионы двух дивизий. Личный состав вновь образовавшейся части готовил технику и вооружение к консервации и сдаче на армейские склады. В связи с этим в части учебные занятия не проводились.

К началу лета часть передислоцировали в район станции Аэговийду, местечко Трепоя. Разместили часть в лесном массиве. На единственном поблизости хуторе разместили штаб дивизиона. Началась знакомая со времен войны работа: расчистка в лесу места для артиллерийского парка, строительство домов типа казарм небольшого размера.

Меня определили в бригаду по изготовлению дранки для покрытия крыш домов. Когда-то в юношеские годы видел, как изготовлен станок для производства дранки, и даже стоял на приеме дранки. Технология изготовления была ясна. Где-то изготовили ножи и другое приспособление. После некоторых проб и наладки работа пошла полным ходом. Дранка стала поступать на строительные площадки. Если в юношеские годы я снимал с ножа дранку и считал ее, то сейчас пришлось засесть за строгающий нож.

Убедился, что эта работа требует определенных навыков и больших физических усилий. Станок работал без остановки в течение всего дня. На строительстве домов требовалось большое количество дранки. В связи с большой потребностью дранки нашу бригаду увеличили.

Однажды в конце лета 1945 года меня вызвали в штаб дивизиона и объявили, что назначают делопроизводителем штаба дивизиона. Пытался отговориться от такого варианта продолжения службы, выдвигая различные доводы, и в первую очередь то, что не имею представления о работе делопроизводителя. Кроме того, нежелание стать делопроизводителем было связано с большим объемом работы и практически с круглосуточной занятостью. До этого делопроизводителем был хороший знакомый, и я видел его постоянную занятость. Он постоянно жаловался на большой объем работы. В строевом подразделении действовал распорядок дня, которым было предусмотрено время отдыха. В летнем лагере послеобеденное время было, как правило, свободным. Этими возможностями делопроизводитель не пользовался. Кроме того, на делопроизводителя практически возлагалась охрана штаба. Таким образом, в штабе приходилось находиться круглосуточно, здесь же за сооруженной из палатки ширмы находилась кровать. В любое время суток был на месте.

Начальник штаба был непреклонен и вопреки моему нежеланию я был назначен делопроизводителем штаба. Начальник штаба был опытным специалистом штабной работы. Ввел в курс моей деятельности и ознакомил с приказами по ведению делопроизводства. Одновременно пришлось вести секретное делопроизводство и шифровальную работу. При штабе дивизии прошел специальные курсы по ведению шифровальной работы. В этот период большое внимание уделялось учету личного состава и приведению в надлежащее состояние всех учетных документов. В военное время этот учет был запущен. Пришлось заново оформлять всем

красноармейские книжки, подтверждать службу в Красной Армии, т.к. от этого зависела сумма выдаваемого единовременного пособия в связи с демобилизацией. Часть личного состава находилась на работах в Кингисеппском районе Ленинградской области. Для уточнения различных данных о каждом военнослужащем приходилось неоднократно выезжать в командировку к месту их работы. В одну из таких командировок заехал в город Нарву, где встретился с многими родственниками. Теперь я знал, кто из них и где находится. Война разбросала их по разным уголкам Эстонии.

Осенью 1945 года штаб перевели в расположение части в один из вновь построенных домов. При строительстве дома предусмотрели помещение для штаба. Дом был рассчитан для летнего проживания в условиях летних лагерей. Стены были сложены из бревен, расколотых или распиленных вдоль пополам. Естественно такие стены плохо держали тепло. В штабе зимой было холодно. В казарме было теплее, там “буржуйка” топила круглые сутки. Но перезимовали. Фронтовики привыкли к тяготам и лишениям и не роптали, считая, что скоро будут демобилизованы.

В январе 1946 года имел возможность встретиться с многими родственниками. Двоюродная сестра Лупанова Тамара, с которой вместе находились в эвакуации, проживала в Раквере и вышла замуж. Я был в числе приглашенных на свадьбу. Там встретил родственников, проживающих в городе Раквере, а также прибывших из других мест. Это было значительное событие для меня. Многих родственников не видел последние 7-8 лет, а своего дядю Пожарского Павла не видел 12 лет. В разговорах и в воспоминаниях прошли многие часы наших встреч. Сама свадьба оставила также глубокое впечатление по своему размаху и количеству участников. Застолье с небольшими перерывами длилось два дня.

В феврале 1946 года прошла очередная реорганизация, и я вновь оказался в гарнизоне Клоога, в том же здании, где находился год тому назад. От штабной работы не избавился, но теперь нас

было двое. Нагрузка и объем работы снизились. Условия работы были значительно лучше, чем на прежнем месте в районе Аэгвийду. Большая, светлая и теплая комната, хорошая по тем временам мебель. Начальником штаба был офицер, знающий штабную работу. Требователен. Изредка, но в меру придирчив. Во многом от него научился пунктуальности в работе. В этот период было много работы в связи с увольнением в запас офицеров, а также в связи с очередной демобилизацией рядового и сержантского состава. Часто штаб дивизии требовал различные отчеты и справки, порой невероятного содержания и объема.

Вопросы, связанные с увольнением в запас офицеров и демобилизацией рядового и сержантского состава, а также сбор материалов и составление различного рода отчетов и справок входили в мои обязанности. Второй штабист занимался учетом личного состава и составлением ежедневных строевых записок.

В июле 1946 года мне был предоставлен 10-дневный краткосрочный отпуск. Отпуск просил для оказания помощи родственникам. Это был предлог для получения отпуска. Кому буду помогать, в чем помощь должна выражаться, пока не знал. Приехал в Нарву и оказался у дяди Петра Пожарского. Он проживал в Нарве, но собирался переезжать на хутор дедушки в деревне Долгая Нива, где он проживал ранее и вел крестьянское хозяйство. Хутор во время войны был полностью уничтожен. Для обоснования на прежнем месте строений хутора нужно было построить дом. Бывая после окончания войны на хуторе, дядя знал, где можно приобрести материал для строительства дома.

Запаслись продуктами и отправились в путь. В то время по реке Нарова ходили пароходы. Хотя рейсы пароходов не были регулярными и строго по расписанию, добрались на одном из них до Усть-Жердянки. До хутора нужно было пройти пешком примерно четыре километра. Разместились в сенном сарае, чудом уцелевшем во время боевых действий. В период военных действий

в этом районе, почти от самого хутора до реки Нарова и деревни Коссарь, была построена дорога из бревен. Поскольку местность, по которой проходила дорога, заболоченная, дорогу построили полностью наземной с бревенчатым настилом. Настил состоял из брусьев длиной 4 и 6 метров. Более идеального материала для строительства дома желать было невозможно. Брусья были хорошо распилены строго по единым размерам и хорошо просохли. При постукивании материал звенел.

Но были и сложности. Брусья соединялись между собой и с каркасом большими скобами. По этой дороге двигался не только автомобильный транспорт, но тяжелая артиллерия и танки. Стоило большого труда отодрать скобы. Но труд вознаграждался хорошими брусьями и нужными при строительстве скобами. За несколько дней заготовили большое количество брусьев. Дядя полагал, что их будет достаточно для строительства дома и надворных построек.

Трудность и сложность была в доставке брусьев к месту строительства дома. Большая часть из них была на значительном удалении от места строительства, до двух километров. Не к каждому месту, где складировались брусья, можно было подъехать на лошади. В места, куда можно было подъехать на лошади, 4-метровые брусья доставляли на плечах. Сложнее было с 6-метровыми брусьями. Их доставляли к месту складирования волоком вручную. Когда необходимое количество брусьев было заготовлено, дядя уехал в город Нарву за лошадью.

- Пока дядя был в Нарве, я посетил свою родную деревню Криуши. Деревни как таковой не было, осталось сплошное пепелище или отдельные фрагменты домов.

Пока дядя был в Нарве, я посетил свою родную деревню Криуши. Деревни как таковой не было, осталось сплошное пепелище

или отдельные фрагменты домов. Посетил места, где раньше находилась школа, народный дом, церковь. Такая же удручающая картина. Первоначальное желание узнать что-то о родных и милых сердцу местах переросло в горькую досаду, и даже появилось чувство неопишуемого страха. Не очень комфортно чувствовал себя один среди развалин, пепелища и разрушений. С неприятным чувством горечи ушел из деревни. Путь на хутор дяди лежал через Пустой Конец и Долгую Ниву, такие же разрушенные и сожженные деревни.

Возвращение дяди из Нарвы и начавшаяся работа отодвинули на задний план грустные мысли и печальные воспоминания. Началась вывозка брусьев и доставка их к месту строительства. Начали вывозить брусья с дальнего участка дороги. На телеге добраться до места, где находились брусья, было невозможно. Дядя изобрел оригинальный способ перевозки брусьев. От телеги оставил только передние колеса, т.н. передок. На подушку передка закрепил брус. Длинные брусья по несколько штук укладывал на передок, закреплял веревкой и таким путем полуволоком перевозили брусья.

Работали полный световой день. Поторапливались, т.к. мой отпуск подходил к концу. Одному дяде на вывозке брусьев и их складировании не управиться. Они довольно тяжелые, ведь это бревна. На этой работе довольно сильно устал. Вечером валился усталым на сено и засыпал. Уезжал с хутора один. Дядя остался решать какие-то хозяйственные дела. В этом же году дядя успел построить дом, но жить в нем не остался, т.к. земли хутора, до войны принадлежавшие дедушке, ему возвращены не были. Дом, а также оставшиеся строительные материалы были проданы.

Усталым, но довольным вернулся в часть. Служба в армии продолжалась в ожидании демобилизации. Но при очередной демобилизации 1946 года мой возраст не подлежал увольнению в запас. Продолжал службу в штабе. В связи с постоянным увольне-

нием личного состава в запас людей в части осталось мало. Силами этих людей удавалось нести караульную службу и содержать в надлежащем состоянии вооружение и технику. Наша штабная работа значительно осложнилась в связи с ликвидацией финансовой службы, а ее функции передали штабу дивизии. В период увольнений в запас оформление денежных аттестатов и оформление документов на единовременное пособие приходилось оформлять в штабе дивизии, расположенном в городе Таллинне. После оформления этих документов представитель финансовой службы штаба дивизии приезжал в часть и производил необходимые выплаты.

Приближался новый 1947 год. Небольшая группа военнослужащих решила встретить новый год вне части. Коллега по штабу был из города Йыгева. Пригласил свою сестру и еще несколько девушек на это торжество. Они привезли многое для стола. Мы также смогли принести что-то из столовой, т.к. многие уехали в увольнение и продукты остались. Нашли хутор недалеко от расположения части. Впервые за долгие годы “по-человечески” и весело встретили новый год. С большим сожалением должен был удалиться от стола и приятной компании и заступить дежурным по штабу. Но несмотря на это встреча нового 1947 года оставила приятное воспоминание. Что приготовил для меня новый 1947 год?

Гражданка. Новый этап в жизни

4 февраля 1947 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об очередной демобилизации. Под действие Указа подпадал мой год рождения. Был рад, что в ближайшее время демобилизуюсь. Но начальник штаба охладил мой пыл, заявив, что я буду демобилизован в последнюю очередь, т.к. нужно оформить документы на всех подлежащих увольнению в запас по данному Указу. Этим решением был огорчен, но понимал, что это решение правильное, ибо кто будет оформлять документы на демобилизованных. К счастью, нас, увольняемых в запас из части, было немного – со всеми вместе был демобилизован и я.

Находясь в армии, я не задумывался над целой серией жизненно важных вопросов, которые предстояло решать при выходе за ворота части. Эти вопросы следующие.

1. Куда ехать? Ведь у меня не было «ни кола, ни двора».
2. Поехать в город Нарву? Это наиболее вероятно. Там проживают родственники.
3. Где и у кого остановиться и обосноваться на жительство? Все жили в очень стесненных условиях. Известно, что город Нарва был практически разрушен.
4. Как быть с работой? Чем заняться? На работу нужно идти на следующий день после приезда в Нарву. Кормить и содержать меня никто не будет. У родственников нет такой возможности. Все они погорельцы военных действий.
5. Что одеть сейчас и весной? Из одежды было только то, что на мне из армейского гардероба.

С этими проблемами столкнулся сразу же по прибытии в город Нарву. Но решались они с какой-то юношеской легкостью. Как-то сам по себе решился вопрос с жильем. Остановился у Стекловых. Они жили на Кулге 2 в отдельном доме. Имелись надворные постройки для скота. Имели свое хозяйство и домашний скот: лошадь, корову, свиней и овец. Проблема питания не стояла так остро, если бы продукты питания получали только по карточкам. Имелись запасы зерна.

При оформлении документов в военном комиссариате мне выдали ордер на одежду. По этому ордеру получил бесплатно: демисезонное пальто, костюм и ботинки. Таким образом, проблема одежды на первое время была решена.

В течении нескольких дней отдыхал. Посещал родственников. Ходил на вечера танцев, наверстывая упущенное за годы войны. Знакомился с городом. Разыскивал довоенных знакомых как по деревне Криуша, так и по городу Нарва. Затем включился в решение домашних проблем семьи Стекловых. Они задумали построить свой дом. Получили земельный участок. Представилась возможность очень выгодно приобрести древесину на участке, подлежащем затоплению. Древесину нужно было заготовить на корню. Иван Васильевич Стеклов привлек для заготовки древесины меня.

Ежедневно рано утром выезжали из дома и с рассветом, прибыв в лес, начинали «валить деревья», т.е. заготавливать бревна. Ранее такой работой не занимался, и она мне казалась очень тяжелой. Особенно уставал первые два-три дня. Болели руки, спина. На руках появились мозоли. Постепенно освоился. Стал рассчитывать силы на весь день работы. Приобрел навыки, облегчающие эту тяжелую работу. В течение короткого светового дня удавалось заготовить 10–12 бревен. Их нужно было вывезти из леса по частям на лед реки Нарова. Затем загрузить на сани все бревна и примерно 8 км по реке довести до Кулги. Там часть бревен сгружалась, т.к. перевезти все бревна сразу было невоз-

можно. Вторым рейсом перевозилась оставшаяся часть бревен. Заготовку бревен, их перевозку нужно было осуществить за световой день, т.е. с 9.00 до 16.00 часов. Этой работой занимались в течение марта 1947 года. Заготовили достаточное количество древесины для строительства большого двухэтажного дома с надворными постройками.

Настало время искать постоянную работу. Растерялся. Не знал, чем заняться. Куда пойти работать. Правда, до этого приглашали в исполком города Нарвы и предлагали работу заведующего статистическим бюро. Отказался. Не имел ни малейшего представления о статистике. Поскольку до войны изучал слесарное дело, обратился в отдел главного механика (ОГМ) Кренгольмской мануфактуры. На работу был принят в слесарную мастерскую на должность слесаря 4-го разряда. Там встретил своего бывшего соученика по ремесленному училищу. В дальнейшем нам поручали работы, где мы работали в паре. Вероятно, наша совместная работа была вызвана многими обстоятельствами: ранее учились вместе и хорошо знали друг друга, молодые ребята, фронтовики, не обремененные семьями, безотказные, справлялись с любой работой.

Работа была действительно разнообразная и разноплановая. Например, нам поручили восстанавливать паровоз с узкоколейной железной дороги. Вообще в механической тяге мы оба не разбирались, но паровоз был крайне нужен – надо было делать. Постепенно вникали в «паровозную проблему», консультировались на железной дороге, и через некоторое время маленький паровозик дал первый звуковой сигнал и вышел на линию.

Более трудоемкими оказались работы по ликвидации частых аварий на турбине Иоальской фабрики. От турбины вращались все трансмиссии фабрики, а следовательно, все станки, подключенные к ним. Турбина была «древняя» и требовала особого ухода, особенно качественной смазки подпятника. Не вникая в

тонкости конструкции турбины, отмечу, что в качестве смазки использовался животный жир, доставляемый из города Ленинграда. По специальным трубопроводам ручным насосом жир нагнетался в нижнюю часть подпятника. Если трубопровод засорился, например, забивался куском свинины и смазка не поступала в нужное место, подпятник плавился (говорили что сел подпятник). В этом случае турбину останавливали. Останавливалась вся фабрика. Начинался аврал.

Мы с напарником, его звали Николай, стали постоянными участниками и специалистами ликвидации таких аварий. Сначала нужно было закрыть шлюзы и прекратить доступ воды в турбинную камеру. Вручную, с помощью мощной тали поднимали ствол турбины вместе с лопастями. Вес этого агрегата около 30 тонн. Слесарю следовало спуститься вниз, примерно на глубину 15 метров, изъять из гнезда бронзовые подпятники, каждый весом 30 кг, поднять для осмотра в турбинный зал. Поставить на место заранее заготовленный подпятник. Находиться внизу турбинной камеры было неприятно, а иногда даже становилось страшно.

- Ты знаешь глубину камеры и находишься в ее нижней части, кругом дряхлые заслонки, находящиеся под напором воды, над головой 30-тонная глыба металла. Очень неприятное ощущение.

Представьте себе такую обстановку: в турбинную камеру из дыр в шлюзах фонтанами бьет вода, сами шлюзы дряхлые, спустившись вниз, через пять минут ты был мокрый до ниточки, видимость плохая, осветительная техника слабая, многое приходилось делать на ощупь. Оказавшись внизу, ты знаешь глубину камеры и находишься в ее нижней части, кругом дряхлые заслонки, находящиеся под напором воды, над головой 30-тонная глыба ме-

талла. Очень неприятное ощущение. Не случайно «старики» отказывались под различными предлогами от этой работы. Лезть в этот «ад», вероятно, заставляло чувство долга и партийная ответственность в понимании того, что ликвидации аварии ждали сотни людей. Во время ликвидации аварий в турбинном зале часто появлялись директор комбината и директор фабрики. Они просто интересовались ходом работ, не было никакого нажима, но было ясно, что их волнует простой фабрики.

Специалисты Ленинградского института, включенные в работу по замене вида смазки подпятника, разработали другой вариант подпятника. Его смазка осуществлялась водой. Нам с Николаем поручили изготовление нового пластикового подпятника. В работах по монтажу нового подпятника я не участвовал, т.к. уволился с комбината.

Параллельно с работой на комбинате происходило следующее. Меня пригласили на беседу в городской комитет партии (я был кандидатом в члены партии) и рекомендовали перейти на работу в Нарвское отделение МВД. Не отказавшись от предложения сразу, обещал подумать. Желания переходить на работу в военизированную организацию я не имел, тем более, что только несколько месяцев тому назад уволился из армии. Продолжал работать на комбинате, полагая, что про меня забыли. Через некоторое время меня вторично пригласили на беседу, настоятельно рекомендуя работу в МВД. На беседе присутствовал начальник отделения МВД. Я от предложения отказался, мотивируя неустроенностью своей жизни, а также тем, что намерен продолжить учебу по ранее избранной специальности. На этом наш разговор был закончен.

При выходе из здания горкома партии начальник городского отделения МВД пригласил зайти к нему для продолжения беседы, т.к. у него якобы появились для меня интересные предложения. В ходе беседы он обрисовал мою возможную работу в МВД и гарантировал, что в следующем году будет рекомендовать

меня на учебу в школу МВД, и ознакомил с условиями учебы в школе. Перспективы и условия учебы меня заинтересовали и, вероятно, были решающим фактором в пользу принятия решения – поступить на работу в МВД. Были заполнены соответствующие документы. Прошло более месяца с момента беседы, меня пригласили в МВД и предложили поехать в город Таллинн для оформления на работу. В городе Таллинне прошел медицинскую комиссию и был назначен на должность секретаря Нарвского городского отделения МВД.

Как случилось, что я оказался на работе в МВД? Вероятно, главная причина, как было сказано выше, – это возможность учиться на довольно приемлемых условиях; настоятельная рекомендация Нарвского городского комитета партии, а также мнение коллег по прежнему месту работы. Когда на прежнем месте работы рассказал коллегам, что одной из причин перехода на другую работу является возможность учиться на стационаре, один из них высказал такую мысль: если есть возможность учиться, переходи на новую работу, слесарем ты можешь быть всегда.

Итак, я оказался на новой работе, в новом коллективе. В Нарвской милиции в ту пору работали в основном довоенные жители города Нарвы. Среди них было много знакомых. Проблем адаптации в коллективе практически не существовало. Работа также во многом была знакомая по штабной работе в армии. В мои обязанности входило: ведение общего и секретного делопроизводства, ведение оперативных учетов и шифровальная работа.

Отделение МВД и входящее в его состав отделение милиции были малочисленными, поэтому часто, минимум 2 раза в неделю, выходили на патрулирование все, независимо от занимаемой должности. Оперативная обстановка в городе была сложная. Работы было много у всех. Рабочий день начинался в 10.00 часов и длился до 14.00 часов. Обеденный перерыв до 17.00 часов, затем работа в зависимости от обстановки.

Вопрос с жильем не был решен. По-прежнему жил у Стекловых. В июле 1947 года переехал к тете Анастасии Леоновой, проживавшей на Ивангородской стороне, на Парусинке. Комната была большая. В ней проживала еще одна семья, состоящая из двух человек. Комната была разделена шкафом и невысокой перегородкой на две половины.

Таким образом, была частично решена проблема жилья и другие бытовые проблемы. Все они легли на плечи тети. Искренне признателен ей за поддержку и заботу, которые она проявляла обо мне, став для меня второй матерью. Она жила одна. Мы с женой бывали у нее в Нарве и настаивали на том, чтобы она переехала к нам в Таллинн. Особенно настойчивые предложения мы делали после того, как она ушла на пенсию. Однако она от этих предложений отказывалась. Мы понимали ее. Она очень рано овдовела. Основную часть жизни прожила одна. Одиночество стало ее образом жизни. Жить в семье, хотя и небольшой ей, было бы трудно.

Незаметно прошел год работы в Нарвском отделении МВД. Идея учебы на стационаре в Таллиннской офицерской школе МВД не покидала. В июне 1948 года написал рапорт о поступлении на учебу и получил согласие руководства отделения. Ждал вызова для сдачи вступительных экзаменов.

Таллиннская офицерская школа МВД СССР

В середине июля 1948 года получил вызов прибыть в школу. До убытия в школу сдал дела, полностью рассчитался по прежнему месту службы, выписался по месту жительства.

В школу прибыл в конце июля 1948 года. Для поступления в школу вступительных экзаменов не было. Следовало написать диктант. Зачисление в школу осуществлялось мандатной комиссией. Мандатная комиссия зачислила меня на оперативное отделение с трехгодичным сроком обучения. Это отделение было открыто в 1947 году. Наш прием оказался вторым и, как впоследствии оказалось, последним. Занятия начались 1 августа 1948 года. В школе были созданы хорошие условия для учебы. Остановлюсь на некоторых вопросах, связанных с учебой в школе.

Состав курсантов оказался очень своеобразным. Примерно 30% курсантов были участниками Великой Отечественной войны. Незначительная часть зачисленных на учебу до школы служили в органах МВД. Примерно 50% курсантов – лица призывного возраста, не служившие в армии. Такое смешение состава курсантов не устраивало нас, фронтовиков, или лиц, уже отслуживших в армии. Мы с роптанием и недовольством занимались первоначальной военной подготовкой, тем более нас раздражала «муштра», которая нужна была лицам, не служившим в армии. Большинство поступивших на учебу в школу не имели среднего образования. Стремление получить образование у всех было велико.

Учебный процесс в школе был организован хорошо. Весь распорядок дня был рассчитан на создание условий для успешной

учебы. Учебный план был очень насыщенным и напряженным. За первый год обучения необходимо было изучить общеобразовательные предметы в объеме средней школы. Предполагалось, что после окончания школы можно будет сдать экзамены на аттестат зрелости. Учебный план перегружали учебные дисциплины, не свойственные для учебных заведений такого уровня. Эти предметы изучались в высших учебных заведениях, например, всемирная история государства и права, история государства и права СССР.

В школе была создана хорошая учебно-материальная база, хорошо оборудованные учебные кабинеты, библиотека с читальным залом. Почти по всем учебным дисциплинам было достаточно учебников и учебных пособий. Правда, все они были предусмотрены для высших учебных заведений. Их выдавали персонально каждому курсанту.

Серьезным недостатком было отсутствие спортивного зала. Частично отсутствие спортивного зала компенсировалось возможностью проведения спортивных мероприятий на свежем воздухе. Школа находилась в пригороде города Таллинна в живописном местечке Нымме. Рядом был лесной массив паркового типа. Большинство спортивных мероприятий летом и зимой проводились в парковой зоне. На расстоянии примерно 300 м от школы находилось стрельбище ДОСААФ. В то время Нымме был тихим спокойным пригородом Таллинна.

Особое внимание в школе уделялось самостоятельной работе. Распорядком дня было предусмотрено 4 часа самостоятельной работы в учебном классе или учебном кабинете. Часы самостоятельной работы были как обычные классные занятия. Начинались и заканчивались по звонку. Ходение только в перерыве. На каждом цикле был дежурный преподаватель, который организовывал и контролировал самостоятельную работу курсантов.

Требования к знаниям учащихся были высокие. Учиться, особенно в первом семестре, было трудно. Шесть часов классных

занятий и четыре часа самостоятельной подготовки солидно изматывали и утомляли. Не все выдерживали такую нагрузку. Думаю, что преподаватели не всегда хорошо продумывали объем рекомендуемого для изучения учебного материала. Отсюда получалась перегрузка. Изучить весь рекомендованный учебный материал не успевали. Занимались также в свободное от занятий время, в т.ч. в выходные дни.

Для меня трудности возникали на первом году обучения при изучении общеобразовательных дисциплин. Ведь я имел образование 6 классов. Освоить программу средней школы за один год было очень сложно. Трудности возникали при изучении математики, геометрии и тригонометрии. Материал осваивался с большим трудом.

Были сложности при изучении литературы. Обстоятельно изучить этот предмет можно было в том случае, если было прочитано значительное количество художественных произведений. Чем больше, тем лучше. Упущенное время 1941–1948 годов безвозвратно ушло в прошлое. С ним вместе ушли в прошлое неиспользованные возможности. Изучение литературы было беглым и поверхностным. Изучение общеобразовательных дисциплин закладывало материалистическое представление о мире, основы философских суждений и т.д. Отсутствие прочного базового среднего образования ощущал и ощущаю по сей день. Естественно, часть знаний, особенно гуманитарного профиля, удалось компенсировать, восполнить в дальнейшем, но многое было упущено.

Бытовые условия и материальное обеспечение

Курсанты находились на полном государственном обеспечении. Кроме того получали стипендию 40 рублей. В то время это было довольно прилично. Курсанты находились на казарменном положении. Во всем в деятельности школы руководствовались уставами Вооруженных сил.

Спальные помещения были казарменного типа по 15–18 человек в комнате. В спальнях помещениях был идеальный порядок. Паркетные полы натирались мастикой ежемесячно. На кроватях – белые покрывала и чехлы на спинках, на тумбочках – салфетки. На полу в комнатах, коридорах и на лестнице – ковровые дорожки. На окнах – шторы и занавеси. Содержать помещения в идеальном порядке было сложно, но требования к порядку в казарме были высокие и несмотря на сложности соблюдались. В течение всего дня в спальнях помещениях дежурили уборщицы. Везде была идеальная чистота.

На базе школьной столовой было организовано трехразовое питание. К качеству приготовления пищи иногда предъявлялись претензии, но в целом оно было вполне удовлетворительным. Обслуживали в столовой официантки. Сервировка столов по тем временам была приличная: вилки, ножи, ложки из нержавеющей стали, посуда из фарфора или под фарфор. Начальник курса систематически наблюдал за приемом пищи и требовал, чтобы пользовались предметами сервировки. В начальный период проводились специальные демонстрации и занятия о культуре приема пищи, пользования столовыми приборами.

Обмундирование было хорошего качества (по тем временам). Выдали три комплекта верхней одежды: летнее хлопчатобумажное, зимнее и парадно-выходное. В школе был портной, который занимался подгонкой обмундирования. Внешний вид курсантов был отличный. Школа не была военным учебным заведением. Но воинский порядок царил во всем, начиная от подъема, кончая отбоем. Особенно следили за внешним видом и соблюдением правил личной гигиены. Ежедневно, кроме выходных, проводился утренний осмотр. Перед увольнением в город проводился осмотр внешнего вида.

Здания школы были расположены на разных территориях. Передвижение с одной территории на другую осуществлялось

только строем в составе учебной группы. Действия строго по уставу порой были доведены до абсурда. Это возмущало. После трех месяцев учебы, будучи не согласен с такой муштрой, я вынашивал мысль бросить учебу, о чем сказал начальнику курса. Но успокоившись и обдумав все, решил продолжить учебу. Несмотря на отдельные шероховатости, в целом условия для учебы были хорошие. Практически не было никаких забот. Единственная забота – учеба.

Прошел первый год обучения. Испытания этого учебного года, и не только связанные с учебой, выдержал успешно. По моему мнению, первый год обучения был самый сложный и напряженный. Он потребовал много усилий. Успешное его окончание вызывало гордость и радость. В течение года, экономно расходуя стипендию, собрал определенную сумму денег и перед летним отпуском купил некоторые вещи: костюм, плащ, ботинки, рубашки и некоторые мелкие вещи. На лето был обеспечен гражданской одеждой.

- В течение года, экономно расходуя стипендию, собрал определенную сумму денег и перед летним отпуском купил некоторые вещи: костюм, плащ, ботинки, рубашки и некоторые мелкие вещи. На лето был обеспечен гражданской одеждой.

Во время летнего отпуска решил поехать в город Ленинград, ознакомиться с его достопримечательностями. В качестве гида был соученик по школе, проживающий в городе Ленинграде. За четыре дня побывали во многих местах Ленинграда. Город оставил неизгладимое впечатление. Оставшуюся часть отпуска провел в городе Нарве. Помогал родственникам, в частности семье Стекловых, в заготовке и вывозке сена.

Отпуск пролетел незаметно. Снова школа и учеба. В новом учебном году приступили к изучению юридических и специальных дисциплин. Учеба стала интересной. В новом учебном году стал заниматься спортом: лыжами и стрельбой. Если лыжи были сезонным видом спорта, то стрельбой занимался круглогодично. В течение года команда школы активно готовилась к соревнованиям по стрельбе на первенство милиции Эстонии. В сентябре 1949 года на проходивших соревнованиях заняла первое командное место. Это было сенсацией и неожиданностью для других сильных команд, т.к. до этого школа не участвовала в подобных соревнованиях.

В команде не было мастеров спорта по стрельбе, но все участники выступали «ровно», добиваясь результатов первого спортивного разряда. Этим обеспечили себе первое место. Большая заслуга в достижениях команды принадлежала тренеру В. А. Йыесаару. Он в течение года настойчиво готовил команду. На этих соревнованиях в стрельбе из боевой винтовки на 300 метров в упражнении «5 + 5» я завоевал первое место.

Участвовал также в стрельбе мелкокалиберного стандарта. Команду не подвел. В сентябре 1949 года нас стали активно готовить для участия в параде войск Таллиннского гарнизона в связи с праздником 7 ноября. Поскольку отрывать курсантов от занятий в ущерб учебе было невозможно, подготовка к параду проходила в свободное от занятий время и в выходные дни. Участвовать в соревнованиях по стрельбе и одновременно готовиться к параду было сложно. Поэтому нас троих стрелков определили знаменосцем и ассистентами знаменосца. В подготовке к параду мы участвовали только на генеральной репетиции.

В 1949–1950 учебном году нас стали активно привлекать к несению службы по охране общественного порядка в городе Таллинне. Практически 2-3 раза в неделю мы выходили на патрулирование в вечернее время. Довольно часто, особенно в субботние

и выходные дни, патрулирование затягивалось до раннего утра следующего дня. И тем не менее распорядок дня не менялся. В установленное время подъем, посещение занятий и т.д. Никакие доводы об отмене занятий не помогали.

В сентябре 1949 года на общем партийном собрании был принят из кандидатов в члены ВКП(б). Этот шаг сделал вполне сознательно и не сожалею об этом. Жить в казарме надоело. Представилась возможность перейти на частную квартиру. В феврале 1950 года переехал на частную квартиру. Комнату снял в пяти минутах ходьбы до школы. Комната была маленькая. Поместились кровать и маленький столик. За комнату платил 10 рублей в месяц. Проживая на частной квартире, приходил в школу к началу занятий на курсовое утреннее построение. Вечером уходил из школы после окончания часов самоподготовки и ужина. Таким образом, свободно мог распорядиться ограниченным временем и выходными днями.

- В сентябре 1949 года на общем партийном собрании был принят из кандидатов в члены ВКП(б). Этот шаг сделал вполне сознательно и не сожалею об этом.

Тем не менее в выходные дни также был привязан к школе, приходя 3 раза в день для приема пищи. Проживая на частной квартире, получил некоторую свободу передвижения, но отрыв от коллектива учебной группы, хотя и на ограниченное время, все же чувствовал. Поэтому перед летней экзаменационной сессией переселился обратно в общежитие.

Учебный год закончил успешно. Отпуск проводил в городе Нарве. Чем-то особенным отпуск не запомнился. Нарва в то время – провинциальный город. Создание промышленных предприятий и строительство жилого фонда шло очень активно. В июле

1950 года побывал на родине. Практически это был заросший сорняками и мелким кустарником пустырь. С трудом удалось найти остатки фундамента дома. Посидели вместе с родственниками на берегу реки. Поделились воспоминаниями, разбередили душу, некоторые всплакнули от воспоминаний. На следующий день вернулись в Нарву.

Этим летом встретился с тетей по линии отца Анисимовой Марией Антиповной. Она проживала в городе Ленинграде и гостила у своей сестры в Нарве. Ранее ее никогда не встречал, т.к. до войны мы были разделены границей.

Новый 1950–51 учебный год был связан со многими организационными изменениями. Сменилось руководство школы. Школа была переименована и стала называться Таллиннская школа милиции. В учебном плане существенных изменений не произошло, но в преподавании почувствовался милицейский уклон, стало ясно, что из нас стали готовить работников милиции. Требования в учебе по-прежнему оставались высокими, особенно по специальным и юридическим дисциплинам.

В связи с переименованием школы нас одели в милицмейскую форму одежды. Почувствовали ухудшение материально-технического снабжения. Заметно снизились требования дисциплины и строгого выполнения распорядка. В режиме школы наступили определенные послабления и неопределенность. Произошла реорганизация учебных групп. Наша 7-я учебная группа была пополнена курсантами из параллельной группы. Я был назначен командиром учебной группы. Забот заметно прибавилось, особенно в вопросах организации учебы группы, а также в вопросах быта.

Во втором семестре настоящего учебного года курсанты нашей группы стали активно искать работу после окончания школы. Многие не желали оставаться на службе в милиции Эстонии, в основном из-за незнания эстонского языка. Как правило, пожела-

ния выпускников были удовлетворены, т.к. их просьбы были связаны с назначением в отдаленные и северные районы СССР, где было достаточно вакансий. Указания о направлении на службу в эти районы поступали из управления кадров МВД СССР и были обязательны для комиссии школы, занимавшейся распределением выпускников.

В текущем учебном году стал больше проявлять интерес к изучению курса оперативно-розыскной деятельности. Кроме обязательной литературы изучал дополнительную, анализировал статистический материал, практику работы, уголовные и оперативные дела. Почувствовал, что по многим вопросам оперативной работы имею хорошие знания. Этот интерес сохранился до конца учебы. На цикле специальных дисциплин не осталось незамеченным мое стремление к углубленному изучению оперативно-розыскной деятельности. Поэтому на период стажировки меня оставили на цикле специальных дисциплин в качестве стажера в учебном кабинете. На цикле занимался в основном разработкой учебно-методических и наглядных пособий.

Увлечся изучением вопросов использования технических средств в оперативной работе, готовил методические разработки по этим вопросам. За годы учебы освоил фотографию. Эти знания использовал при разработке и изготовлении фотографических учебно-методических материалов.

Закончились текущие занятия в школе. Сданы государственные экзамены. Можно подвести итоги трехлетней учебы в школе. Учеба в школе оставила неизгладимое впечатления и приятные воспоминания.

С большой теплотой мы, выпускники, вспоминаем о школе.

Что мне дала школа?

1. Школа дала прочные знания по специальности в области специальных и юридических дисциплин. Мне лично в дальнейшем учеба в Тартуском университете не составляла особого труда при

изучении тех дисциплин, которые основательно изучались в школе, такие, как уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, административное право, вопросы теории государства и права и др. Полученные знания по специальным дисциплинам способствовали успешной учебе на Высших академических курсах при академии МВД СССР.

2. Полученные знания (хотя и скудные) по общеобразовательным дисциплинам позволили в 1953 году за один год практически экстерном сдать экзамены на аттестат зрелости.

3. В течение трех лет напряженной учебы в школе меня научили методике самостоятельной работы, пониманию того, что без самостоятельной работы над учебным материалом невозможно его успешное усвоение.

4. Школа, учеба в ней воспитали трудолюбие, настойчивость в преодолении трудностей и достижении поставленной цели.

5. Четкий распорядок работы дисциплинировал, вырабатывал чувство самодисциплины, исполнительность, четкость и пунктуальность в работе. Насколько важны эти качества, я понял и осознал в дальнейшем.

6. Важное чувство коллективизма закладывалось постепенно всем образом жизни, учебы и быта в школе. Практический коллективизм формировался на базе коллектива учебной группы. В коллективе учебной группы формировалась и раскрывалась личность. Ребята в группе были отличные. По-разному сложились их судьбы. Мы разъехались по разным местам, редко встречаемся, но по-прежнему остались друзьями.

7. Полученный опыт курсантской жизни, учебы и быта позволил мне лично в дальнейшем успешно решать вопросы организации учебно-воспитательной работы, будучи начальником этого учебного заведения.

Таллиннская школа милиции

(01 августа 1951 г. по 29. апреля 1960 г.)

За несколько месяцев до окончания школы с нами, выпускниками, беседовали представители территориальных органов МВД. В ходе этих бесед мне было сделано несколько предложений о работе. Поскольку до школы работал в городе Нарве, то, естественно, кадровый аппарат МВД предложил вернуться в Нарву. Управление милиции предлагало работу в своем аппарате. Было предложение пойти на службу в пограничные войска. Однако я согласился с предложением остаться работать в школе на должности начальника кабинета специальных дисциплин.

На работу в школе меня рекомендовали преподаватели специальных дисциплин. С этим предложением согласилось руководство школы. Поскольку должность начальника кабинета была вакантной, то мне предложили приступить к работе сразу, не уходя в отпуск. Такое решение было вызвано тем, что начиналась подготовка к новому учебному году. На следующий день после окончания школы, т.е. 1. августа 1951. г., приступил к работе в новой должности. Начальник кабинета специальных дисциплин временно выполнял обязанности библиотекаря, выдавая учебные материалы. В кабинете хранились только секретные материалы. Их было около 20 тысяч наименований.

Прием-передача материалов происходила очень тщательно, проверялся каждый учетный документ полистно. Эта работа затянулась на три недели. В результате такой тщательной проверки получил полное представление о наличии учебных материалов и их месте нахождения.

До начала учебного года предстояла большая работа: распределить имеющуюся учебную литературу по учебным дисциплинам, а внутри учебной дисциплины – по темам. За выполнение этой работы взялся очень активно. В помощь подключились преподаватели специальных дисциплин. К началу учебного года эту работу завершили. Проведенное распределение литературы в дальнейшем значительно облегчало ее поиск. В период подготовки к новому учебному году в кабинете было много чисто технической работы. Так, по линии цикла специальных дисциплин изучалось пять учебных дисциплин. В школе одновременно обучались 250 человек. Для каждого учащегося нужно было подготовить по всем требованиям ведения секретного делопроизводства, 5 тетрадей. Всего 1250 тетрадей. Оформленные надлежащим образом тетради нужно было поставить на учет. Все это отнимало много времени.

1 октября 1951 года начался учебный год. Для меня он был первым, т.к. участвовал в нем в новом качестве. Время работы кабинета было с 8.30 до 20.30 ежедневно, кроме субботы. Работу кабинета в это время приходилось обеспечивать одному. Условно работу кабинета можно было разделить на два периода.

Первый период. В это время необходимо было обеспечить курсантов и слушателей учебными материалами в соответствии с расписанием занятий. Обеспечить методическим и учебным материалом преподавателей специальных дисциплин по их заявкам. В этот период учебные материалы выдавались и принимались через каждые два часа.

Второй период – часы самостоятельной работы курсантов и слушателей. Это время было самым напряженным в режиме рабочего дня кабинета. С учетом расписания занятий на следующий день необходимо было до начала часов самостоятельной работы отобрать учебный материал для каждой учебной группы на период часов самоподготовки. Учебных групп было двенадцать. С на-

чалом самоподготовки учебный материал выдавался под расписку уполномоченному учебной группы для работы в классе. В течение первого часа самоподготовки учебный материал необходимо было выдать во все учебные группы. Последующие часы самоподготовки посвящались работе с индивидуальными посетителями. Эта часть работы носила методический характер: подбор дополнительной литературы, консультации и так далее.

Рабочий день заканчивался 20.45 часов. Кроме того, учебный кабинет необходимо было обеспечивать фактическим материалом из практики работы милиции, обновлять и готовить наглядные пособия, обеспечивать техническими средствами и т.д. Рабочий день был не только продолжительным, но и напряженным. В течение рабочего дня отлучиться куда-либо не было возможности. Работа даже в таком режиме нравилась, посвящал ей всего себя.

Материальная сторона была обеспечена достаточно хорошо. Оклад по должности составлял 1400 рублей, плюс выплаты за звание и за выслугу лет. Для сравнения: должностной оклад начинающего преподавателя составлял 1300 рублей. Питался в столовой школы за плату. Стоимость дневного рациона составляла 1,1 рубля. Это вполне устраивало. Проблема была в связи с отсутствием жилья. В первый период ночевал непосредственно в кабинете. В рабочее время постельные принадлежности убирал в спецхранилище. Затем какое-то время ночевал в курсантском общежитии (комната на четверых).

Но все это было временно. Весной 1952 года снял комнату летнего типа, примерно 30 минут ходьбы до школы. Летом вполне устраивало. С наступлением холодов снова перебрался в общежитие школы. Учитывая, что мною в 1951 году не был использован очередной отпуск, мне предложили «горящую» путевку в санаторий. Охотно согласился. Санаторий находился в Крыму в городе Ялте. Пребывание в отпуске на юге оставило приятное впечатление. Санаторий «Ореанда» находился в центре Ялты, на берегу

моря, вновь построенный люкс класса. Это было первое посещение юга, первое пребывание в санатории, поэтому впечатлений было много. Для ознакомления с Крымом принимал участие во всех организуемых экскурсиях. Несмотря на ноябрь месяц, погода стояла отличная. Купался до последнего дня пребывания в санатории.

После возвращения из отпуска в связи с отсутствием одного преподавателя мне предложили проведение занятий в двух учебных группах по криминалистике по разделу тактики проведения следственных действий. За работу взялся заинтересованно, с энтузиазмом и элементами гордости, что такую работу мне поручили. Основы знаний по этому разделу были свежи в памяти после их приобретения в школе.

В 1951–52 учебном году много времени пришлось уделить созданию кабинета по криминалистике как части кабинета специальных дисциплин. Совместно с коллегой преподавателем криминалистики занялись разработкой эскизов кабинета. Нашли подходящее помещение. Разработали эскизы кабинета и план его оборудования. Руководство школы выделило средства на ремонт помещения и изготовление оборудования. На меня возложили руководство изготовлением оборудования и его монтажом. Коллега занялся изготовлением эскизов наглядных пособий. В дальнейшем организация работ по изготовлению наглядных пособий также была возложена на меня. К началу 1952–53 учебного года кабинет был готов. По тем временам он выглядел солидно, хорошо оформлен эстетически, оснащен техническими средствами. Я гордился своим участием в первой серьезной работе.

Подготовку к новому 1952–53 году проводил с учетом опыта предыдущего учебного года. По опыту работы понял, что совмещать преподавательскую работу с основной работой в кабинете очень сложно, и поэтому написал рапорт с просьбой освободить от преподавательской работы. Вместо того чтобы освободить меня

от преподавательской работы по совместительству, меня освободили от должности начальника кабинета и назначили на штатную должность преподавателя специальных дисциплин. Это было неожиданностью для меня, тем более, что предварительно никто со мной на эту тему не переговорил. Сдал кабинет и 1 декабря 1952 года приступил к преподавательской работе.

Мне поручили преподавание курса оперативно-розыскной деятельности. Хотя материалом по данному курсу владел свободно, но одно – иметь знания по предмету и совершенно иное – умение преподнести эти знания учащимся. Над этим предстояло серьезно работать, пересмотреть весь курс с позиции методики преподавания. Довольно часто рабочий день длился до поздней ночи. Кроме того, следовало учитывать, что учебным материалом можно было пользоваться только по месту работы в связи с его секретностью. Занятость и нагрузка увеличились и в связи с тем, что поступил в десятый класс вечерней школы при Доме офицеров. Занятия проводились 4 раза в неделю в вечернее время. Сейчас, мысленно возвращаясь к прошлому, не представляю, каким образом смог выдержать такую нагрузку и главное – успеть провести занятия по месту работы, подготовиться к следующему учебному дню, работать над составлением учебно-методического материала и посещать занятия в общеобразовательной школе.

- В октябре 1952 года написал злое письмо в Правительство республики и в ЦК компартии Эстонии, обрисовав свое бездомное положение. В начале декабря 1952 года меня пригласили в Ныммеский райисполком и сообщили, что мне выделена комната.

Жилищный вопрос по-прежнему не был решен. Обитал в общежитии. Однажды в октябре 1952 года написал злое письмо в

Правительство республики и в ЦК компартии Эстонии, обрисовав свое бездомное положение. В начале декабря 1952 года меня пригласили в Ныммеский райисполком и сообщили, что мне выделена комната. Необходимо было сразу пойти в жилищное управление и посмотреть предлагаемую комнату. Жилищное управление возглавлял бывший работник школы. С ним пошли знакомиться с комнатой.

Комната 14 кв. метров находилась в общей квартире, на втором этаже на улице Самбла 8. Работник жилищного управления просил сразу занять комнату, т.к. на нее многие претендуют. Снял милицескую шинель и милицескую фуражку, повесил их на стене, закрыл дверь на ключ. Соседа по квартире просил никому не разрешать входить в комнату. Полураздетый пошел на работу. До работы было 7–8 минут ходьбы. В этот же день принес вещи на квартиру. Все «имущество» уместилось в одном чемодане. Ранее были приобретены: стол, шкаф и четыре стула. Все это хранилось у коллеги по месту жительства в Нымме. В ближайший выходной перевез мебель к себе в комнату. Окончательно переселиться пока не мог, т.к. не было кровати и всего необходимого для нее. Позаимствовал в школе матрас и другие постельные принадлежности. Иногда ночевал у себя дома, расположив матрас на полу.

На этаже было еще четыре комнаты. В них проживала практически одна семья, точнее две семьи, тесно связанные родственными узами. Познакомился с соседями. Они ввели меня в курс вопросов совместного проживания и о порядке расчетов за коммунальные услуги. Дом был двухэтажный. На каждом этаже по одной квартире. В доме было центральное отопление с автономной котельной в подвале, на кухне электроплита, в ванной подогрев воды электрическим бойлером. Для того времени это была роскошь. Был очень доволен полученным жильем.

Особо следует остановиться на соседях, проживающих в квартире. За долгие годы совместного проживания в коммуналь-

ной квартире мы практически стали единой семьей. Глава семьи Пресс Эдуард Оскарович в прошлом был репрессирован. После освобождения прибыл на свою историческую родину и поселился в городе Таллинне. Работал мебельщиком на фанерно-мебельном комбинате. Затем был избран председателем профсоюзного комитета комбината. После освобождения из мест лишения свободы был восстановлен в партии. Несмотря на перенесенные лишения в течение 10 лет не озлобился на Советскую власть. Был образованным и рассудительным человеком. Как коммунист уже в тот период был критически настроен по отношению к тому, что происходило в 1952 году. Это было не просто критическое молчаливое настроение, но истинно бойцовская критика, с которой он не боялся выступать открыто, несмотря на свое прошлое. Был свидетелем его очень жесткого и критического выступления на одной из городских партийных конференций.

Его жена Плоом Эльфрида Густавовна, уроженка Ленинградской области. Работала завучем, а затем – директором средней школы в Мустамяе. Полностью отдававшая себя работе, поэтому до предела загруженная. Семье уделяла внимание в основном в выходные дни. Имели двух дочерей в то время детсадовского возраста. С ними проживал отец Эдуарда – дедушка Оскар. Молчаливый, больше слушающий и думающий, чем говоривший человек, с редкими, но умными изречениями. В отдельной комнате проживали две племянницы Эдуарда Оскаровича. Зинаида работала, Ира училась в школе. Жили они самостоятельной семьей, но без помощи дяди, конечно, обойтись не могли. В таком окружении я оказался.

Вначале ко мне отнеслись настороженно. Общение было ограничено до минимума и носило строго официальный характер. Постепенно отношения стали добрососедскими, особенно когда у меня появилась семья. Как правило, в выходные дни готовили общий обед, праздники проводили и отмечали вместе. В последу-

ющем к нашей «дружной семье» присоединились жильцы первого этажа. Так длилось до июня 1960 года, когда мы получили двухкомнатную квартиру на ул. Якоби. Уезжали с сожалением и не только потому, что расставались с хорошими соседями, но и потому, что место было хорошее. Большой сад, где в весеннее и летнее время можно было приятно отдохнуть. Выходишь из дома – и ты уже на природе. В зимнее время во дворе одеваешь лыжи – и оказываешься на лыжне. Не было проблем с местом для игр дочери. Сад был не только местом отдыха для взрослых, но и местом игр для детей. Кроме того, улица Самбла была тихим местом с большим количеством зелени. Соседи также не хотели нашего отъезда и даже предлагали взять одну им принадлежащую комнату.

Наши семьи расстались, но мы по-прежнему поддерживали добрые отношения, часто встречались, посещая друг друга. В 80-летнем возрасте ушел из жизни Эдуард Оскарович, через некоторое время не стало Эльфриды Густавовны. Но память о них, о нашей совместной в течение 8 лет квартирно-коммунальной жизни осталась. С младшим поколением этой семьи встречаемся редко. Это в основном случайные встречи.

Однако вернемся к событиям декабря 1952 года. Важным в жизни стала женитьба. С будущей женой Графовой Лидией познакомился в декабре 1951 года на вечере в театре «Эстония». В течение года встречались, а летом 1952 года вместе провели часть отпуска в городе Нарве. В Нарве познакомились с ее бабушкой и дедушкой. На одном из застолий, где присутствовали почти все мои родственники по материнской линии, проживающие в городе Нарве, познакомил их с знакомой девушкой.

В то время не стоял и не был решен вопрос, станет ли она моей женой. Вопрос о женитьбе возник после того, как в декабре 1952 года получил комнату. Предложение стать моей женой Лидой было принято. На следующий день познакомился с ее родителями. Решили свадебное застолье совместить с празднованием но-

вого 1953 года, т.е. 31 декабря 1952 года. Однако возникли проблемы с регистрацией брака, т.к. со дня подачи заявления в органы регистрации до регистрации брака требовался срок один месяц. Через исполком города Таллинна добились разрешения зарегистрировать брак раньше.

Регистрация брака состоялась 29 декабря 1952 года. Для этого было отведено всего 10 минут, так как регистрация брака проходила вне графика. На церемонии присутствовали только бракосочетающиеся и два свидетеля. В предновогодние дни был перегружен работой, поэтому отметить как-то это событие не смогли. Я пошел на работу, жена поехала к своим родителям. В связи с тем, что свадьба получилась «неожиданной», я не был готов к ней материально. Накоплений не было, заработную плату должен был получить только в январе 1953 года. Незначительная сумма денег была при мне, которую и отдал на организацию свадебного стола. Практически свадебный стол был организован со стороны жены.

С молодой женой встретились только 31 декабря 1952 года за свадебным столом. Свадьба была скромной. Присутствовали 4 человека со стороны жены и 4 человека с моей стороны. На следующий день после свадьбы пошли осматривать нашу комнату. В ней пустота. Кроме стола, стульев и шкафа ничего не было. Пришлось начинать с нуля. Какое-то время спали на полу на полутораспальном матрасе.

- С молодой женой встретились только 31 декабря 1952 года за свадебным столом. Свадьба была скромной. Присутствовали 4 человека со стороны жены и 4 человека с моей стороны.

Постепенно благодаря активности жены стали обзаводиться необходимой мебелью, кухонной и столовой посудой. В домашних

делах я был плохим помощником. Много приходилось работать в связи с преподавательской деятельностью, а также заниматься и посещать общеобразовательную школу. Повторюсь – нагрузка была большая. Рано утром уходил из дома и поздно вечером возвращался.

В апреле – мае 1953 года график работы и учебы еще более уплотнился. Предстояла экзаменационная сессия в школе. Она длилась три недели. Кроме того предстояло сдавать экзамены в общеобразовательной школе. На период сдачи экзаменов на аттестат зрелости было предусмотрено освобождение от работы, однако такую возможность использовать не мог в связи с занятостью по работе.

В конце мая 1953 года закончил среднюю общеобразовательную школу и получил аттестат зрелости. На «домашнем совете» решили, что в текущем году поступать в высшее учебное заведение не буду, нужна небольшая пауза – передышка. Однако мой постоянный наставник (бывший начальник курса) В. А. Йыесаар, с кем вместе заканчивали общеобразовательную школу, убедил меня, что откладывать поступление в ВУЗ и тем самым терять один год неразумно. Сдавать вступительные экзамены в высшее учебное заведение со свежими знаниями значительно легче.

Было две возможности продолжать учебу. Высшая школа МВД СССР. Полученное там высшее образование было ценным в системе МВД. За пределами системы МВД оно котирировалось не очень высоко. Правда, в период учебы были солидные льготы материального порядка: во время экзаменационных сессий сохранялось полностью денежное содержание, выплачивались суточные, оплачивались частично квартирные расходы, бесплатный проезд к месту учебы и обратно. Однако мы остановились на Тартуском государственном университете. Университет – престижное высшее учебное заведение, недалеко от Таллинна, имел консультационный пункт в городе Таллинне, что было очень удобно.

Через несколько дней после окончания общеобразовательной школы собрал необходимые документы и отправил в Тартуский государственный университет. Документы были приняты, и в июле 1953 года получил вызов для сдачи вступительных экзаменов. Вступительные экзамены: сочинение и историю СССР, вопреки ожиданию, сдал на отлично. Поскольку на заочном отделении юридического факультета обучение проводилось на эстонском языке, прошел собеседование по эстонскому языку и был зачислен в группу с эстонским языком обучения. Все установочные занятия проводились на эстонском языке. Трудности вызывало усвоение терминологии на эстонском языке. Однако к концу установочной сессии выяснилось, что на заочное отделение юридического факультета поступило 14 человек, слабо владеющих или не владеющих эстонским языком. Руководство факультета сформировало отдельную группу и разрешило обучение на русском языке. Установочные и обзорные лекции по-прежнему проводились на эстонском языке. Контрольные и курсовые работы, а также зачеты и экзамены можно было сдавать на русском языке.

Учитывая, что в группу входило 14 человек, иногда преподаватели по нашей просьбе установочные и обзорные лекции проводили на русском языке. На заочном отделении группа славилась своей заинтересованностью в получении знаний, организованностью и дисциплиной. Например, если была назначена консультация, то на нее в установленное время приходили все. Так же обстояло с экзаменами и зачетами. Конечно, такой организованный приход устраивал также преподавателей. В дальнейшем появилась возможность приглашать преподавателей для сдачи зачетов и экзаменов при Таллиннском консультационном пункте.

Ранее указывал, что учеба в университете не вызывала больших затруднений, особенно по предметам, которые основательно изучались в школе милиции. Кроме того, курс оперативно-розыскной деятельности и его преподавание базировалось на уголов-

но-процессуальном законодательстве и других правовых актах. Естественно, я был достаточно хорошо знаком с этим нормативным материалом, и его изучение в университете не составляло особого труда. Единственный предмет, который вызывал затруднения, был латинский язык. Он изучался на первом курсе и завершался сдачей зачета. Однако знания по этому предмету были настолько скудными, что сдавать зачет не пошел. К концу учебы в университете сдача зачета по этому предмету была отменена (к моему великому удовольствию).

Имел слабые знания по иностранному (немецкому) языку. Но в университете был выбор между иностранным и эстонским языками. Выбрал изучение эстонского языка в качестве иностранного, т.к. посещал лекции, проводимые на эстонском языке. Кроме того, контрольные и курсовые работы по некоторым предметам выполнял на эстонском языке. В школе иногда приходилось замещать преподавателя, ведущего занятия на эстонском языке, поэтому знание эстонского языка было необходимо не только в университете, но и на работе, не говоря о необходимости знания языка для общения на бытовом уровне. В семье также часто общение проходило на эстонском языке, т.к. мать жены была эстонка. В семье родителей жены общение осуществлялось на эстонском языке.

В 1953 году произошла реорганизация в системе МВД. Она коснулась также школы. Изменились профиль подготовки кадров и наименование школы. Она стала многопрофильной на основном отделении со сроком обучения 2 года. Вновь открылось заочное отделение. Изменение профиля обучения коснулось, в первую очередь, цикла специальных дисциплин как профилирующего в школе. Потребовалось пересмотреть учебные программы, тематические планы и учебный план. Это, естественно, повлекло пересмотр и переработку всего учебно-методического материала по специальным дисциплинам.

Нагрузка на преподавателей увеличилась. Наряду с основной работой стали давать дополнительные разовые поручения. Например, стали поручать различные служебные расследования, особенно связанные с хозяйственной деятельностью. Наиболее трудоемкое поручение было связано с инвентаризацией библиотечного фонда. Эта работа длилась 2–3 месяца. Библиотека имела около 30 тысяч учетных единиц. Каждую книгу необходимо было поднять с полки и по ее инвентарному номеру сделать отметку в инвентарной книге. Одновременно могли работать только 2 человека. Такую же проверку поручали в библиотеке специальной литературы. Нудная и отнимающая много времени работа.

Постепенно стали вовлекать в общественную работу. В декабре 1953 года избрали членом партийного бюро партийной организации постоянного состава школы. Таким образом, к началу 1954 года был загружен до предела как в преподавательской работе, в учебе в университете, так и в общественной работе. Свободного времени практически не было. Все было расписано до предела. Конечно определяющим было расписание занятий. Под него подстраивалась вся другая работа.

К концу 1954 года увеличилась семья. 24 ноября 1954 года родилась дочь. Это было в семье радостное и знаменательное событие. Но появление в семье ребенка принесло с собой массу проблем, которые необходимо было решать. Жена бросать работу для того, чтобы ухаживать за ребенком, не хотела. Стали искать приходящую няню. Но несмотря на активные поиски результатов не было. Найти приходящую няню в Нымме не удалось. Даже если удалось бы найти приходящую няню, ее оплата обходилась очень дорого. Для содержания няни уходила заработная плата жены. Наконец няню нашли в городе. Одна хорошо знакомая женщина согласилась быть няней, но ребенка следовало ежедневно приносить к ней на квартиру (она жила в центре города) и вечером забирать. Условия жесткие и трудновыполнимые, но выхода не было.

Основная тяжесть ложилась на жену. Она утром, идя на работу, брала ребенка с собой, а вечером приносила домой. Вместе с ребенком нужно было нести приготовленную для него еду на целый день.

Особенно сложно было зимой 1954–55 года. Ненастная зимняя погода, не отапливаемый общественный транспорт. Понимал всю сложность ситуации, но помочь удавалось очень редко. В течение рабочего дня я был занят на занятиях. Летом 1955 года стало несколько легче. Для ухода за дочерью использовали летние отпуска. К этому подключилась мать жены, используя свой отпуск для ухода за внучкой. Но проблема была решена временно. Осенью вновь нужно было искать выход.

В июле 1955 года стали готовиться к новому учебному году. Он был связан с очередной реорганизацией и изменением профиля обучения. Школе предстояло заниматься переподготовкой работников уголовного розыска. Срок обучения 9 месяцев. На учебу направлялись работники уголовного розыска из всех республик СССР. В очередной раз большая нагрузка легла на плечи преподавателей цикла специальных дисциплин.

Профиль обучения для школы был новый, учебных материалов было мало. Преподаватели разъехались по близлежащим областям для сбора материалов из практики работы уголовного розыска. За короткое время удалось кое-что собрать. Какими-то материалами помогло Управление уголовного розыска страны. В школе побывал начальник Управления уголовного розыска, ввел в курс проблем уголовного розыска, определил, что должна сделать школа.

Конечно, основная нагрузка в разработке лекционного фонда и других методических материалов легла на плечи преподавателей специальных дисциплин. За разработкой этих материалов приходилось засиживаться до поздней ночи. Занятий по расписанию было, как правило, 6 часов в день при норме 3 часа. Осо-

бенно напряженной была работа с этим профилем в первом году обучения. В последующие годы был накоплен опыт проведения занятий и разработаны необходимые методические материалы.

Много интересного фактического материала из практики работы уголовного розыска было собрано с помощью слушателей. Часть из них имели опыт работы в уголовном розыске, но не имели теоретической подготовки. Слушатели к занятиям относились с большим интересом, особенно в изучении нормативного материала. На семинарских и практических занятиях часто возникали дискуссии, носили творческий характер. Сталкивались практика и теория. Работать в группах было интересно. Слушатели охотно шли на разработку рефератов, которые были связаны с обобщением практики работы.

Из числа слушателей учебной группы, в которой вел занятия, была создана инициативная группа, которая занялась сбором и записью жаргона преступного мира. Было собрано около 1100 слов и отдельных выражений. Мне представлялось, что это является нужной работой, а знакомство с жаргоном необходимо для работников уголовного розыска. Однако при очередной инспекторской проверке комиссия сочла эту работу не только не нужной, но и вредной с точки зрения этики и предложила собранный материал уничтожить.

Творческой группой преподавателей в составе трех человек, в которую входил и я, в течение двух лет было разработано пособие по методике преподавания курса оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска, включающее:

- ▶ методику чтения лекций,
- ▶ методику проведения семинарских занятий,
- ▶ методику проведения практических занятий.

Это были не общие методические рекомендации, а указания о методике проведения занятий по конкретным темам (частные методики). Пособие было отрецензировано рядом школ милиции,

одобрено Управлением учебных заведений МВД СССР, но издано не было, так как к этому времени появился учебник по оперативно-розыскной деятельности. Однако в школе эти материалы были востребованы.

В июле 1995 года при ликвидации специальной библиотеки в Таллиннской школе полиции мне показали сохранившийся экземпляр пособия, в том числе переведенный на эстонский язык. Когда был осуществлен перевод, мне неизвестно. Хотелось бы сохранить пособие на память, но, увы, материал секретный.

В октябре 1956 года представилась возможность пройти стажировку в уголовном розыске города Таллинна. Стажировка была краткой, всего один месяц. Передо мной стояла задача изучить опыт организации работы уголовного розыска. Изучая этот узкий вопрос, столкнулся с ассами уголовного розыска города. Этих людей я знал ранее, с некоторыми вместе учился, но сейчас они раскрылись совершенно по-иному. Я заглянул в их деятельность изнутри. Это были специалисты высокого класса в области оперативной работы, личного сыска, аналитической работы, специалисты ведения разведывательных опросов и т.д.

Хотя стажировка была кратковременной, но очень полезной и результативной с позиции оценки собранного и обобщенного материала. Этими обобщениями заинтересовалось руководство управления милиции города Таллинна. С этими материалами я выступал на совещании оперативных работников города. Кроме того, материалы рассматривались на заседании учебно-методической комиссии МВД ЭССР.

По плану Управления учебных заведений МВД СССР представилась возможность пройти стажировку в уголовном розыске города Ленинграда. Такая возможность была предоставлена в связи с тем, что в школе на курсах усовершенствования училось много работников уголовного розыска города Ленинграда. Стажировка длилась три месяца, с марта по май 1957 года. В ходе ста-

жировки имел возможность ознакомиться с организацией работы уголовного розыска в целом и отдельных его линейных отделов. В пределах отведенного времени участвовал в работе всех линейных отделов, будучи включенным в состав оперативных групп по раскрытию и предотвращению преступлений. Почти на два месяца задержался в отделе по борьбе с убийствами. Именно в этом отделе была хорошо поставлена оперативная и организаторская работа по борьбе с убийствами. В отделе работали специалисты высокого класса. У них можно было многому научиться.

В ходе стажировки собрал большое количество фактического материала, необходимого в процессе преподавания. Имел возможность наблюдать, как возникают массовые беспорядки, каким образом массовый психоз влияет на людей и определяет их поведение, как и какими силами и средствами ликвидируются массовые беспорядки. Речь идет о массовых беспорядках 3 мая 1957 года на стадионе имени Кирова во время футбольного матча. Жуткое впечатление оставляют действия погромщиков.

Во время стажировки часто бывал у двоюродной сестры Зои Базилевской. Их семья проживала в городе Ленинграде. Иногда во время моего посещения у них бывали их ленинградские друзья и знакомые. Общаясь с ними, имел возможность узнать истинный ленинградский дух довоенного времени. Понял, что это люди особого склада и суждений.

Свободное время использовал для ознакомления с городом и его достопримечательностями. Посещал музеи, театры и другие достойные внимания места. Довольно часто пользовался карточкой уголовного розыска, дающей право бесплатного посещения музеев и театров, а также иных учреждений культуры.

По возвращению со стажировки включился немедленно в работу. С нового 1957–58 учебного года в школу на учебу направлялись выпускники высших учебных заведений, отобранных на работу в милицию. Для их обучения с учетом отведенного времени

необходимо было разработать программу и тематические планы. Времени до начала учебного года оставалось мало. Эта категория лиц имела высшее образование. В течение шести месяцев их необходимо было ввести в специальность. Поэтому в основном с ними изучались специальные дисциплины и учебные дисциплины, которые не изучались в высших учебных заведениях.

С ними работать было трудно и сложно. Они считали себя специалистами высшего класса, а оперативную работу – сплошным произволом и беззаконием. Стоило больших трудов, чтобы обосновать законность проводимой оперативной работы и обеспечить глубокое изучение ими ведомственного нормативного материала. Но в то же время с ними было интересно работать, т.к. возникавшие вопросы вызывали живое обсуждение и дискуссии на семинарах и конференциях.

С введением еще одного профиля обучения работа преподавателей цикла специальных дисциплин значительно осложнилась. Обучение шло четырем самостоятельным потоками:

- ▶ основное отделение – курсантские группы,
- ▶ курсы усовершенствования работников уголовного розыска,
- ▶ курсы повышения квалификации специалистов с высшим образованием,
- ▶ слушатели заочного отделения.

На каждом потоке (профиле обучения) – своя программа и тематические планы. С учетом того, что я учился в университете, свободного времени не было.

В конце ноября 1957 года мне предложили поехать на высшие академические курсы при Академии МВД СССР. Предложение мною было принято. Может возникнуть вопрос: почему именно мне было предложено поехать на курсы? Ведь я только несколько месяцев тому назад прошел оперативную стажировку. На цикле были и другие преподаватели. Объяснялось это тем, что на цикле

были в основном преподаватели предпенсионного возраста и направлять их на курсы не имело смысла.

Курсы проводились в период с января по июль 1958 года. На курсы собрались преподаватели специальных дисциплин. Изучали в основном вопросы оперативно-розыскной деятельности с теоретическим уклоном, пытаясь заложить под эту деятельность правовую основу. Изучение было организовано с активным участием слушателей: дискуссии на семинарах, конференциях, рецензирование учебных пособий, обсуждение рецензий и т.д. Эта часть занятий носила творческий и активный характер. Однако значительно меньше было уделено внимания вопросам методики преподавания данного курса. Этот недостаток частично компенсировался тем, что на курсах обучались преподаватели большинства школ МВД, общение с ними давало возможность обмениваться опытом преподавания учебного курса.

На курсах была идеальная возможность сдать кандидатские экзамены. Поэтому дополнительно были введены занятия по теории государства и права. В виде итогов завершения курсов была организована сдача кандидатских экзаменов по оперативно-розыскной деятельности и теории государства и права (по желанию). Кандидатские экзамены мною были успешно сданы, но официального документа я не получил, т.к. в тот период не имел высшего образования. Однако полученные знания позволили успешно закончить университет. Во время обучения на курсах прошли ознакомительную стажировку в Московском уголовном розыске. Особой пользы от стажировки не было. Академия позаботилась о нашем свободном времени и досуге. Каждое воскресенье проводились какие-либо мероприятия: экскурсии по достопримечательным местам города Москвы, посещение музеев и театров. Посетили Кремль, Оружейную палату, что в то время было редким явлением. Даже были на гостевых трибунах во время Первомайского парада. Удалось посмотреть многое другое.

Во время учебы получил тревожное письмо из дома, в котором сообщалось, что дочь Галина страдает астмой. Для лечения астмы нужно менять климат. В МВД СССР стал зондировать возможность перемены места службы. Такая возможность была предоставлена: перевестись в одну из школ милиции центральной России. Однако такой возможностью не воспользовался, т.к. из дома пришло сообщение о том, что тревога была напрасной – диагноз не подтвердился.

Одновременно с учебой на курсах писал дипломную работу для университета. Все экзамены и зачеты были сданы. Хотел закончить университет досрочно осенью 1958 года. Тема дипломной работы была утверждена, руководитель назначен. К моменту окончания учебы на курсах была закончена также дипломная работа. Оставалось отпечатать ее и сдать руководителю для просмотра. Возвратившись в Таллинн, дипломную работу отпечатал и передал руководителю. Работа была им одобрена и передана на кафедру, однако к защите принята не была по независящим от меня и качества работы причинам.

Сдачу государственных экзаменов пришлось перенести на следующий год. В июле 1959 года приступил к завершающему этапу учебы в университете. Первый этап – защита дипломной работы. Ожидалась дискуссия между мной и рецензентом, который не только опровергал изложенную мною точку зрения, но вынес заключение не утверждать дипломную работу. Решение неприятное и малообещающее. На заседании комиссии, как и ожидалось, развернулась серьезная дискуссия. Мне пришлось не только отвечать на вопросы рецензента и членов комиссии, но и опровергать точку зрения рецензента в более широком плане вне темы дипломной работы.

В дискуссии приняли участие и высказали свою точку зрения не только руководитель дипломной работы, но и другие преподаватели университета и практические работники МВД. Вопрос в

теоретическом и правовом плане был довольно интересный, но спорный. Следовало учитывать, что дискуссию пришлось вести с доктором юридических наук. В своей заключительной речи он отметил, что от ранее данной оценки дипломной работы не отказывается и с сожалением отмечает, что он остался в единственном числе и не получил поддержки у других выступающих. Комиссия дипломную работу оценила положительно. Путь для сдачи государственных экзаменов был открыт. Из дискуссии, проходившей при защите дипломной работы, сделал определенные выводы, а именно – отстаивать свою точку зрения нужно аргументированно, заручаясь поддержкой своих сторонников и единомышленников. Побеждать в ходе дискуссии только энтузиазмом невозможно.

- Из дискуссии, проходившей при защите дипломной работы, сделал определенные выводы, а именно – отстаивать свою точку зрения нужно аргументированно, заручаясь поддержкой своих сторонников и единомышленников. Побеждать в ходе дискуссии только энтузиазмом невозможно.

Сдача государственных экзаменов прошла успешно. Университет закончен. Завершился этап напряженной учебной работы продолжительностью 6 лет. На основе дипломной работы мною было разработано учебное пособие и издательским отделом академии МВД СССР оно было издано. Совместно с коллегой было переведено на эстонский язык.

После окончания университета вздохнул свободнее и имел возможность больше времени уделить педагогической работе, особенно индивидуальной работе с курсантами и слушателями. Больше имел возможность находиться с семьей. За время учебы в

университете практически свободных выходных дней не было. От дома надолго отрывали стажировка в городе Ленинграде и учеба на курсах в городе Москве.

Осенью 1959 года вовлекли в активную общественную работу – был избран секретарем партийного бюро партийной организации постоянного состава. Партийная организация была небольшая всего 32–34 человека, но очень своеобразная, как любая общественная организация в учебном заведении. Ведь каждый педагог сам себе на уме и считал, что только его точка зрения и позиция единственно верные. Опыта партийной работы, хотя бы в партийной организации такого уровня, не имел, поэтому испытывал определенные трудности в ее организации.

Оглядываясь в прошлое, нужно отметить, что в работе был излишне активным и принципиальным до ортодокса, отсутствовала гибкость, не всегда мог избрать надлежащую тактику в достижении поставленной цели. Конечно, это мешало в работе. Порой вызывало нарекания и критику со стороны коллег. Но в целом одобряли мою активность и принципиальность. Несколько позднее был избран в состав партийного бюро первичной партийной организации школы. Сложилась традиция, что секретарь партийного бюро партийной организации постоянного состава избирался в состав партийного бюро партийной организации школы.

Через некоторое время в связи с сокращением штатной должности секретаря партийного бюро вопреки моему желанию был избран секретарем партийного бюро первичной партийной организации. Начался новый этап общественно-политической деятельности, который занимал много времени, отрывая от основной работы, и принес мне также много неприятностей. Неприятности начались с обсуждения недостойного поступка члена партии (двоеженство). Партийное бюро, рассматривая этот вопрос, вынесло члену партии строгое партийное взыскание. Партийное собрание с решением партийного бюро не согласилось и ограничилось об-

суждением этого вопроса. Считал такое решение неправильным и обжаловал его в городской комитет партии. Таллиннский городской комитет партии отменил решение партийного собрания, а на члена партии наложил строгое партийное взыскание. Соответствующее внушение получили руководители школы.

Мне казалось, что моя позиция была правильной и принципиальной, но не нашла одобрения в школе. В первую очередь были обижены руководители школы. Кроме того, я активно выступал против большого отрыва курсантов и слушателей от занятий на культурно-массовые мероприятия. Это также не вызывало одобрения в школе, особенно у ее руководителей. Открыто противодействовать позиции секретаря партийного бюро не решались, но закулисная работа велась активно. Особенно она усилилась перед отчетно-выборным собранием в партийной организации. Противники моей позиции открыто не выступали против меня, не критиковали мою позицию и деятельность, а прибегли к машине голосования.

Понимая, что дальше в такой обстановке вести общественную работу невозможно, при выдвижении кандидатур в состав партийного бюро я заявил самоотвод. Но самоотвод удовлетворен не был. При голосовании моя кандидатура не набрала достаточного количества голосов. Таким образом, на выборах партийного бюро меня "прокатили". Это не явилось для меня неожиданным и тем не менее было неприятно. Так завершилась моя партийная карьера. В дальнейшем, учитывая горький опыт, всячески избегал быть избранным в партийные руководящие органы низового звена.

К концу 1959 года имел семилетний опыт педагогической работы и чувствовал себя уверенно. Проведенные аттестации также дали положительную оценку моей педагогической деятельности. Возвращаясь мысленно к прошлой педагогической работе, мог бы отметить, на мой взгляд, интересные самооценки.

На первом году педагогической работы чувствовал себя уверенным и большим знатоком в предмете обучения, а также в ме-

тодике обучения. Поэтому на заседаниях методических комиссий вступал в дискуссии по любым вопросам педагогической деятельности, считая свою точку зрения единственно правильной.

На втором году педагогической деятельности стал критически относиться к своим знаниям предмета и методики обучения. Внимательнее прислушивался к мнению других.

К концу третьего года педагогической работы пришел к выводу, что имею слабые знания по своей профессии и в дальнейшем нужно начинать все заново. Так и случилось. Стал критически анализировать и оценивать свою прежнюю работу и приобретенный опыт. Особенно много пришлось менять в методике преподавания.

В январе 1960 года я был назначен старшим преподавателем цикла специальных дисциплин и председателем методической комиссии оперативно-розыскной деятельности. В этой должности проработал до апреля 1960 года.

Отдел кадров МВД ЭССР

В апреле 1960 года был приглашен на беседу к заместителю министра внутренних дел и получил приглашение перейти на работу в аппарат МВД ЭССР. Предложение принял и 29 апреля 1960 года был назначен начальником учебного отделения отдела кадров МВД.

Сейчас задаю себе вопрос – почему перешел на работу в аппарат МВД республики? Работа в школе была интересная творческая. Профессия преподавателя специальных дисциплин заставляла быть в курсе всего нового в этой области, особенно в отслеживании нормативного материала. В школе была перспектива роста, т.к. руководство цикла было предпенсионного возраста. Кроме того, зарплата по новому месту службы была меньше той, которую получал в школе. И тем не менее перешел в аппарат МВД республики.

Вероятно, повлияли многие факторы. В школе в связи с моей позицией по некоторым вопросам, в том числе и учебной работы, сложилась не очень приемлемая для меня обстановка, особенно среди тех, кто не был согласен со мной в вопросах организации учебно-воспитательного процесса. Были, вероятно, элементы обиды. Думается, что новое неизвестное и неизведанное всегда вызывает интерес и привлекает. Это также повлияло на принятие решения о переходе на службу в МВД. Сожалею ли сейчас о таком шаге? Нет. Работая в отделе кадров, многому научился, на многие вопросы стал смотреть совершенно по-иному, в более широком плане, а не только с позиций и интересов школы.

Работа в отделе кадров была напряженная, требовала четкости, особенно в переписке с подразделениями, но рабочий день

был регламентирован. Отпали ежемесячные дежурства по школе, длительные по времени рабочие дни в связи с дежурствами на цикле и вечерними консультациями. Появилось больше свободного времени для того, чтобы уделить больше времени семье и для общения с родственниками и знакомыми.

Работа для меня была новая, неизведанная. Масштабы ее были значительно шире, в основном это была организаторская деятельность. В моем подчинении было три человека. Функции учебного отделения можно было свести к трем группам задач:

- ▶ организация комплектования очных и заочных отделений учебных заведений МВД,
- ▶ организация и руководство профессиональной подготовкой работников МВД,
- ▶ организация общеобразовательной подготовки работников системы МВД.

За каждым направлением был закреплен один работник, отвечающий за организацию и координацию деятельности в этом направлении. По времени работа протекала циклично. Особенно напряженными были весенние и летние месяцы. Февраль-июнь – комплектование учебных заведений МВД. В четыре высших учебных заведения необходимо было направить: на очное отделение – 28 человек, на заочное отделение – 25 человек. В средние специальные учебные заведения необходимо было направить: на очное отделение – 110 человек, на заочное отделение – 80 человек.

Таким образом, за короткий отрезок времени необходимо было отобрать на очные отделения учебных заведений 138 человек, на заочные отделения – 105 человек. Кроме того, часть работников поступали на учебу в гражданские учебные заведения. На них также нужно было готовить соответствующие материалы для дачи рекомендаций. В работу по комплектованию учебных заведений были включены не только работники учебного отделения, но и весь аппарат отдела кадров. На учебное отделение возлага-

лась организация работы: разработка разнарядки для территориальных органов по комплектованию, планирование командировок, проведение инструктажей, определение ответственных за формирование учебных личных дел и контроль за ходом работы по комплектованию.

Из средних специальных учебных заведений МВД основное внимание уделялось комплектованию Таллиннской специальной средней школы милиции. На очное отделение необходимо было направить 75 человек, на заочное отделение – 80 человек.

Комплектование школы шло с большим трудом. Желающих поступить на учебу в школу было мало, кроме того обучение шло на эстонском языке. Следует отметить, что уровень общеобразовательной и специальной подготовки работников МВД был крайне низким. МВД Эстонии по этим показателям было в числе отстающих. Большинство работников МВД, в том числе и офицеры, не имели среднего образования. В решении задач специальной подготовки большие надежды возлагались на Таллиннскую специальную среднюю школу милиции. В результате реорганизации в системе МВД школа перешла в подчинение МВД Эстонской ССР. Это давало возможность более оперативно и самостоятельно решать многие насущные задачи подготовки кадров.

Был принят ряд радикальных мер для совершенствования и расширения сферы деятельности школы, а именно: разработан и утвержден специальный учебный план подготовки на базе неполного среднего образования со сроком обучения на очном отделении 3 года, на заочном отделении 4 года. В результате расширилась база для комплектования и удалось направить на обучение на это отделение 50 человек. Обучение осуществлялось на эстонском языке, при этом обучение общеобразовательным дисциплинам осуществлялось общеобразовательной школой.

На заочном отделении школы учебные группы были сформированы по районам, всего 8 учебных групп, где обучение строи-

лось по такому же принципу. Основная работа по организации обучения по районам была полностью возложена на школу. Учебное отделение через начальников отделов МВД содействовало этой работе. Руководители подразделений были заинтересованы в такой организации обучения, т.к. занятия проводились в вечернее время и в выходные дни. Работники не отвлекались на длительное время на экзаменационные сессии при школе.

На практике возникали трудности в комплектовании очного отделения Таллиннской специальной средней школы милиции. В 1960 году очное отделение школы в полном объеме укомплектовать не удалось из-за отсутствия желающих учиться в школе. Анализ практики прошлых лет показал, что за последние восемь лет МВД Эстонии ни разу не выполнило разнарядки по комплектованию школы.

- Анализ практики прошлых лет показал, что за последние восемь лет МВД Эстонии ни разу не выполнило разнарядки по комплектованию школы.

В конце 1960 года по инициативе учебного отделения МВД Эстонии обратилось в Генеральный штаб Вооруженных сил с ходатайством разрешить комплектовать школу лицами призывного возраста эстонской национальности. Такое разрешение было получено. Уже зимой 1961 года началась подготовительная работа по отбору кандидатов. Сложности возникали в связи с тем, что кроме обычной оформительской работы нужно было оформлять документы на их отсрочку от призыва в Советскую Армию. Вся организаторская работа возлагалась на меня как начальника отделения. Прodelанная работа дала результаты только в 1963 году, когда окончили школу выпускники различных форм обучения.

Так, закончили школу 46 человек, обучавшихся на базе неполного среднего образования, 48 человек лиц призывного возраста. Все они обучались на эстонском языке. Кроме того закончили школу 28 человек с русским языком обучения. Таким образом, МВД Эстонии пополнилось 120 молодыми специалистами – выпускниками школы. 72 работника МВД закончили школу заочно.

Вторым направлением в деятельности отделения была организация общеобразовательной подготовки работников системы МВД. Подготовительная работа начиналась в июле месяце, как правило, совещанием работников кадрового аппарата МВД всех подразделений. Подводились итоги завершившегося учебного года и определялись задачи на новый учебный год. Руководством отдела кадров ставились жесткие задачи по ликвидации «малограмотности». В подразделениях проводились беседы с каждым работником, не имеющим среднего образования. При наличии достаточного количества учащихся в школах комплектовались классы из работников МВД. В течение всего года работниками отделения по подразделениям осуществлялся контроль за ходом учебы. Для этого систематически осуществлялись поездки в подразделения. Хотя желаемого результата мы достичь не смогли, но из года в год количество лиц, получающих среднее образование, увеличивалось.

Третье направление деятельности учебного отделения – это организация и руководство профессиональной подготовкой работников МВД. Большинство работников не имели необходимой в соответствии с занимаемой должностью профессиональной подготовки. Выдвигалось требование, чтобы работники МВД имели высшее или среднее специальное образование. Каким образом эта задача решалась через учебные заведения, было изложено ранее. В режиме рабочего времени также проводилась специальная подготовка. Учебное отделение для каждой линии деятельности МВД разрабатывало учебные и тематические планы, как

правило на три года, готовило методические рекомендации, вело подготовку инструкторов-методистов и руководителей занятий, осуществляло контроль за ходом специальной подготовки.

Столь подробно остановился на деятельности учебного отделения потому, что до моего прихода в аппарат МВД такого отделения не было. Оно создавалось и комплектовалось мною. Отсюда трудности в решении стоящих задач. Следует заметить, что к этому времени была проведена реорганизация системы МВД. Было ликвидировано союзное министерство. Республиканские министерства получили полную самостоятельность в решении задач своей компетенции и были переименованы в Министерства охраны общественного порядка. Ожидать рекомендаций по организации работы извне не следовало. Нужно было решать все на месте, не оглядываясь и не останавливаясь на полпути.

Не переоценивая свой вклад в организацию работы отделения, замечу, что много труда и сил было вложено в его деятельность и достижения. Они неоспоримы и были по достоинству оценены руководством министерства. По истечении первого года работы мне было досрочно присвоено очередное звание.

Это был первый год работы и его первые итоги. В дальнейшем возникало множество других довольно серьезных вопросов, которые необходимо было решать. И один из них – перспективы развития Таллиннской специальной средней школы милиции МООП ЭССР. Школа была передана в подчинение Министерства Республики со своим бюджетом и профилями подготовки кадров, в т.ч. комплектуемыми органами Российской Федерации. В школе на основном отделении обучалось 100 курсантов и на курсах усовершенствования – 150 слушателей, в основном из России. Руководство министерства это не устраивало. При многопрофильности обучения это не устраивало и школу.

Нашему отделению было предложено совместно с руководством школы внести предложения об увеличении количества кур-

сантов, направляемых на учебу из Эстонии. Руководство школы игнорировало наши предложения о встрече и самостоятельно внесло предложения о решении этого вопроса, но заместитель министра внутренних дел, курирующий школу, отверг эти предложения как несостоятельные и нереальные. Руководство школы обиделось и отказалось участвовать вместе с нами в решении этого вопроса. Учебное отделение стало готовить этот вопрос самостоятельно. Мы понимали, что необходимо решать не только организационные вопросы, но главное – финансовые. Нами был разработан подробный план действий и решения этих вопросов. Суть его заключалась в следующем:

1. Предложить Управлению кадров МООП России отказаться от обучения в школе на курсах повышения квалификации работников уголовного розыска России.

2. За счет мест на курсах усовершенствования расширить основное отделение на 150 курсантских мест.

3. МООП России финансирует переданную ей часть мест для комплектования школы. Другую часть финансирует МООП Эстонии.

4. МООП России определяет близлежащие к Эстонии области, которые будут комплектовать школу.

Коллегия МООП Эстонии одобрила предложенный план и предложила обеспечить его реализацию начальнику финансово-планового отдела министерства и мне. Был определен срок его выполнения к 10 марта 1962 года. В середине февраля 1962 года мы выехали в гор. Москву, предварительно договорились в учебном отделе Управления кадров МООП России о встрече. Выяснилось, что Россия также не считает целесообразным дальнейшее обучение своих работников уголовного розыска на курсах усовершенствования в Таллиннской школе милиции, но желает получить все освобождающиеся места себе. Мы настояли на равном распределении мест, с чем учебный отдел Управления кадров МООП

России согласился. Однако финансировать свою часть мест Россия отказалась. Вопрос финансирования реорганизации остался нерешенным. Вопросы организационного порядка: комплектующие области, порядок, сроки и условия комплектования школы в течение нескольких дней были согласованы и предварительно решены, т.к. для их окончательного решения требовалось согласие руководства МООП Эстонии.

По возвращении об итогах поездки доложили руководству Министерства. С нашими согласованными в МООП России решениями оно согласилось и поручило мне вести дальнейшую работу по реорганизации Таллиннской специальной средней школы милиции. Благодаря настойчивым действиям начальника финансово-планового отдела МООП Эстонии, на месте был решен вопрос финансирования намеченной реорганизации. Так удалось увеличить количество приемных мест для МООП Эстонии на 75 человек.

Другой важный вопрос для Эстонии – это подготовка специалистов высшей квалификации в высших учебных заведениях МООП России. Количество мест, предоставленных для обучения на основном (дневном) отделении, нас устраивало. Однако для заочной формы обучения мест было недостаточно. Наша просьба об увеличении количества приемных мест в высших учебных заведениях МООП России удовлетворена не была.

Решили вступить в контакт непосредственно с учебным заведением – Ленинградским отделением Высшей школы МООП России. Моя поездка в город Ленинград увенчалась успехом. К нашей просьбе отнеслись с пониманием и выделили и предоставили 15 мест на заочном отделении, начиная с 1961–1962 учебного года. Первый прием в Ленинградское отделение Высшей школы прошел успешно. Было зачислено 16 человек, направленных на учебу. Заочники на вступительных экзаменах, несмотря на языковые трудности, показали хорошие знания, организованность и дисципли-

плину. Присутствовал на заседании приемной комиссии и был искренне рад тому, что все сдававшие экзамены были зачислены на учебу, и тем похвалам, которые были адресованы заочникам. В последующем Ленинградская школа стала самостоятельным высшим учебным заведением и с нею установились хорошие деловые отношения и взаимопонимание. По мере увеличения количества слушателей-заочников для них в Таллинне проводились лекции, семинарские и практические занятия, а также принимались зачеты и экзамены. Занятия проводились с использованием учебно-материальной базы Таллиннской специальной средней школы милиции.

В апреле 1960 года написал рапорт на улучшение жилищных условий. Предполагалась сдача в эксплуатацию строящегося ведомственного жилого дома. Комната в Нымме для нашей семьи была мала. В мае 1960 года жилищная комиссия выделила для семьи двухкомнатную квартиру. Стали ждать сдачи дома в эксплуатацию.

8 июня 1960 года получил ордер на квартиру. Дом находился на ул. Якоби у Центрального рынка. Двухкомнатная квартира (хрущевка) находилась на втором этаже. Конечно, были рады получению квартиры. Место нешумное. Недалеко от трамвайной остановки. Следование на работу не занимало много времени. Близко была школа, в которую должна была пойти дочь. Занялись обустройством нового жилища. Постепенно приобретали мебель. В одной комнате в Нымме мебели было минимум. В первую очередь пришлось обставлять кухню.

При переходе на работу в аппарат МВД Республики свободного времени стало больше. Рабочий день был регламентирован. Было больше времени уделить благоустройству квартиры и решению домашних дел. Дочь находилась в детском саду на летней даче в Клоога. Довольно часто выезжали в Клоога на так называемые родительские дни. Осенью 1960 года дочь определили в дет-

ский сад на улице Сюда. Довольно часто выпадало и мне отвозить ее в детский сад, а вечером привозить домой.

С переселением в новую квартиру жене стало значительно легче: дочь ходила в детский сад, у меня было больше свободного времени, чтобы помогать по хозяйству, заниматься домашними делами, больше уделять внимания дочери.

- С переселением в новую квартиру жене стало значительно легче: дочь ходила в детский сад, у меня было больше свободного времени, чтобы помогать по хозяйству, заниматься домашними делами, больше уделять внимания дочери.

Летом 1961 года дочь отправили вместе с детским садом в летний лагерь Клоога. В родительские дни приезжали ее навещать. На целый день уходили к морю. Это были «вынужденные» приятные дни отдыха. Так все лето. Остальные выходные дни часто проводили на участке у отца жены Графова Георгия Ивановича.

Земельный участок находился недалеко от города, в дачном районе Мяхе, был освоен, но требовал ухода за посадками и посевами. Дачного дома не было. Стояла маленькая будка, где можно было укрыться в ненастную погоду и хранить садовый инвентарь. Однако Георгий Иванович ухитрялся там жить до поздней осени и лишь зимние холода переселяли его на городскую квартиру.

В сентябре 1961 года дочь пошла в школу. К нашему удовольствию, 23-я школа находилась близко от дома, что было очень удобно. В первые месяцы дочь провожали в школу и встречали при возвращении из школы.

На новой квартире стали чаще общаться с родственниками. Часть из них жили в весьма стесненных условиях, поэтому различ-

ные праздники, как правило, встречали у нас. Проходили они весело. Люди собирались голосистые, любители песен, много пели. Частыми гостями были двоюродные сестры и братья:

Нина Лопатюк с мужем,
Валентина Новикова с мужем,
Владимир Лупанов с семьей,
Петр Кузнецов с семьей.

Всегда в праздники были у нас родители жены. Нередкими гостями были родственники из города Нарвы. В тот период общение с родственниками считалось естественным и нормальным.

В 1962 году весной было принято постановление Правительства СССР о работе милиции. В нем в том числе предусматривалось отмечать 10 ноября День милиции. В МООП Эстонии была создана комиссия по подготовке и проведению празднования этой даты. Я также был включен в состав комиссии. Мне было поручено:

- ▶ подготовить справочный материал по истории милиции, и в первую очередь Эстонской милиции;
- ▶ подготовить материалы для доклада на торжественном собрании.

За работу взялся активно, надеясь найти необходимый обобщенный материал в республиканских и городских архивах. К сожалению, в течение двухмесячной активной работы обнаружил отдельные факты из истории Эстонской милиции, начиная с революции 1905 года. Удалось получить воспоминания от 9 работников, служивших в милиции в 1940 и 1941 годах. Собранный материал был минимален, на его основе невозможно было изложить стройную поэтапную канву истории Эстонской милиции.

Обратился за помощью к знакомым работникам МООП России. Они обещали помочь в получении имеющегося у них материала. Руководство Министерства согласилось с моей поездкой в город Москву и поручило, кроме того, ознакомиться с планами

проведения торжеств, посвященных Дню милиции. В Москве пробыл примерно 10 дней. За это время получил справочный материал по истории милиции, ознакомился с планами подготовки и проведения торжеств не только в МООП России, но и в разных подразделениях милиции города Москвы и Московской области.

По возвращении в город Таллинн стал готовить справочный материал, насыщая его фактами из истории Эстонской милиции. Работниками учебного отделения этот материал был переведен на эстонский язык и направлен в подразделения милиции. Мне было поручено готовить доклад на торжественном собрании, с которым выступал министр, а также разработать проект плана проведения торжеств, посвященных Дню милиции в городе Таллинне. Торжественное собрание было проведено 10 ноября 1962 года во Дворце культуры на ул. Сальме. Это было первое такое торжество. Проводилось широко и с большой «помпой».

Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР 31.10.1962 был утвержден текст присяги работника милиции. Принятие присяги было приурочено к празднованию Дня милиции. Эти мероприятия проходили также 10 ноября 1962 года.

В декабре 1962 года руководство Министерства решило провести инспектирование Таллиннской специальной средней школы милиции. Мне было поручено разработать план инспекторской проверки, определить кандидатов в комиссию и сроки проведения проверки. План проверки был разработан. Трудности возникли с комплектованием комиссии. В системе МООП Республики не было специалистов, хорошо знающих организацию учебно-методической и воспитательной работы в учебных заведениях подобного типа.

Комиссия была сформирована и приступила к работе во второй половине января 1963 года. Инспектирование следовало провести в течение 10 дней. Итоги проверки предполагалось заслушать на коллегии Министерства. Однако в силу того, что члены комиссии

плохо представляли работу школы, проверка была проведена поверхностно, особенно слабо подверглась анализу учебно-методическая работа. В составленной справке по итогам проверки не было глубокого анализа состояния дел в школе, отсутствовали предложения по совершенствованию работы школы. В силу этого, вопрос на коллегии МООП Эстонии не рассматривался.

В начале апреля 1963 года заместитель министра, курирующий школу, неожиданно для меня вновь решил поставить на коллегии Министерства вопрос о работе школы. Поводом послужило неприятное событие, произошедшее в школе. Дело было связано с коллективной пьянкой преподавателей, хотя и в нерабочее время, но в служебном помещении. Событие для школы неприятное, тем более, что руководство школы не дало принципиальной оценки случившемуся.

Заместитель министра – куратор школы предполагал поручить проверку случившегося и подготовку материала для коллегии мне. Однако я просил поручить проверку кому-либо другому, т.к. у меня не было хорошего контакта с руководством школы и мое участие в проверке могло быть неправильно истолковано. Мою точку зрения поддержал начальник отдела кадров. Проверка была поручена группе работников отдела кадров Министерства.

На состоявшейся коллегии после доклада начальника школы очень резко выступил министр, даже не предоставил слова работникам, проверявшим школу, и внес предложения по кадровым вопросам. От должности освободили начальника школы и его заместителя по политической части, уволили из органов милиции начальника одного из циклов и старшего преподавателя. Несколько работников школы приказом министра были наказаны в дисциплинарном порядке. Такое решение коллегии для меня было неожиданным и суровым.

После освобождения от должности начальника школы, стал вопрос о его приемнике. Я рекомендовал на эту должность за-

местителя начальника школы по учебной работе полковника Мишина К. В. С моим предложением согласились, хотя, возможно, руководство Министерства обсуждало и другие кандидатуры. В обсуждении кандидатур на замещение других освободившихся должностей участия не принимал.

К этому времени представилась возможность получить две путевки в санаторий. Активно готовился к отпуску. В семье были обсуждены и согласованы все вопросы. За дочь в период нашего отпуска обещала присмотреть бабушка. Однако ход событий развернулся совершенно по-иному сценарию. Спустя несколько дней после коллегии меня пригласили к министру, где было предложено перейти на работу в школу на должность заместителя начальника школы по учебной работе. Предложение для меня было неожиданным и, вероятно, ошеломляющим, так как министр дал два дня на обдумывание этого предложения. После обсуждения этого вопроса в семье пришли к выводу, что переходить на работу в школу не следует. В отделе кадров у меня была перспектива роста и продвижения по службе. Начальник отдела кадров в одном из разговоров высказал мысль, что он планирует в будущем меня назначить своим заместителем. Считалось, что этот вопрос решен, т.к. я был включен в список резерва на выдвижение на конкретную должность.

- Меня пригласили к министру, где было предложено перейти на работу в школу на должность заместителя начальника школы по учебной работе. Предложение для меня было неожиданным и, вероятно, ошеломляющим, так как министр дал два дня на обдумывание этого предложения.

Ранее указывал, что рабочий день в министерстве, как правило, строго нормирован и не сравним с рабочим днем в школе.

Об этом хорошо знала моя семья по опыту прошлых лет работы в школе. Кроме того, мои отношения с руководством школы (ныне освобожденным от работы) были прохладными. Это, естественно, передавалось также части работников школы.

Кроме того, сам факт обсуждения на коллегии Министерства вопроса о школе и последовавшие за этим кадровые изменения могли быть поставлены в «заслугу» мне. Работать в таких условиях, постоянно встречая оппозицию, было бы очень сложно. Об этом мнении рассказал начальнику отдела кадров Министерства. Он выслушал меня внимательно, но с удивлением, не предполагая такой ход событий, но и не опровергая мой вывод.

На следующий день ко мне на работу пришел вновь назначенный начальник школы и повторил предложение перейти на работу в школу. В разговоре с ним стало известно, что мою кандидатуру на должность своего заместителя предложил руководству Министерства он сам. Убедившись, что на новой работе у меня не будет противника в лице начальника школы, я дал согласие перейти на работу в школу.

В семье было некоторое разочарование, так как отменялся очередной отпуск и «ускользали» две путевки в санаторий. Так, 4 февраля 1963 г. я оказался на новой работе.

Таллинская специальная средняя школа милиции Эстонской ССР

(04.02.1963 по 12.02.1981)

Ранее было отмечено, каким образом происходило мое назначение на должность заместителя начальника школы по учебной работе. Замечу, что при беседе у министра обратили внимание на мое звание «капитан,» в то время как руководство школы и начальники циклов все в более высоком звании. Поэтому мне было досрочно присвоено звание «майор».

Итак, 04.02.1963 года перешел на работу в школу. Меня и вновь назначенного заместителя начальника школы по политической части представили преподавательскому и начальствующему составу, а затем и курсантам школы.

Конечно, переход в школу вызывал некоторую озабоченность. Вопрос в том, как я буду принят в школе? Об отношении ко мне начальника школы было сказано ранее. Он предлагал мою кандидатуру на должность своего заместителя. В коллективе преподавателей и офицеров отношение ко мне было различное. Некоторые отнеслись к моему приходу враждебно или оказались в роли обиженных, претендуя на эту должность. Например, начальник цикла специальных дисциплин подал рапорт о переводе на работу в территориальные органы милиции (известно, что он претендовал на занятую мною должность).

Часть, особенно вольнонаемных, преподавателей отнеслись к моему назначению скептически, полагая, что я не дорос до этой должности. Ведь когда-то они были моими педагогами и видели меня своим учеником, однако я стал их руководителем. В последующем какой-то период времени они игнорировали меня, решая

все учебные вопросы, относящиеся к моей компетенции, непосредственно с начальником школы, минуя меня. Это было для меня не только неприятно, но и мешало работе, особенно когда нужно было внедрить что-то новое в практику учебного процесса. Часть просто заняли выжидательную позицию, наблюдая со стороны за происходящим. Ожидали, что получится.

Но в школе были друзья и коллеги по прежней совместной работе. Они отнеслись к моему приходу доброжелательно, приходили с предложениями по совершенствованию учебной работы, предостерегали от ошибок и опрометчивых решений. Знание большинства работников учебного отдела и циклов позволило обеспечить индивидуальный подход к каждому, используя его потенциальные возможности в интересах дела.

По своему положению циклы, в сравнении с тем периодом, когда я работал в школе, значительно изменились. Так, работники циклов общественных наук и юридических дисциплин из категории офицеров были переведены в разряд служащих со всеми вытекающими отсюда последствиями. Их правовое положение и материальное обеспечение отличалось от офицеров других циклов. Преподаватели-служащие добросовестно проводили занятия, выполняли задания по методической работе, но не более того. Внеклассную работу они выполняли в виде разовых поручений. На преподавателей-офицеров возлагалась основная внеклассная и воспитательная работа.

Придя на работу в школу, знал ли ее проблемы? Да, знал, но в глобальном общем плане. Это проблемы:

- ▶ воспитания,
- ▶ комплектования школы переменным составом,
- ▶ дисциплины, особенно среди переменного состава,
- ▶ слабой учебно-материальной базы,
- ▶ слабого материального обеспечения ресурсами, в том числе учебного процесса.

Знал ли проблемы учебного процесса? С позиций преподавателя знал, так как в прошлом сам был преподавателем и председателем предметной комиссии оперативно-розыскной деятельности. Но с того времени прошло три года. С позиций заместителя начальника школы по учебной части знал хуже. Предстояло вникнуть и глубоко проанализировать:

- ▶ состояние теоретической и методической работы на каждом цикле и в школе в целом;
- ▶ уровень работы циклов, вклад и место каждого цикла в учебном процессе;
- ▶ уровень преподавания каждой учебной дисциплины и каждого преподавателя в отдельности;
- ▶ знания курсантов;
- ▶ состояние планирования учебного процесса.

За работу принялся энергично. Задача анализа состояния учебного процесса значительно облегчалась тем, что начальник школы, будучи ранее заместителем по учебной работе, хорошо знал состояние дел в учебной работе и оказывал мне постоянную помощь, особенно в решении принципиальных вопросов организации учебного процесса. Через некоторое время, когда более глубоко вник в суть проблем, понял, что сделать что-то радикальное и немедленно очень сложно. Шел второй семестр, т.е. середина учебного года. Ломать и перестраивать учебный процесс практически невозможно. Продолжал вникать в проблемы учебного процесса и готовиться к новому учебному году. Таким образом, второй семестр 1962–63 учебного года был посвящен, наряду с текущей работой, проблемам будущего.

Учебный план

В период работы в отделе кадров министерства постоянно общался с практическими работниками органов внутренних дел, с выпускниками школы, знал недостатки в знаниях выпускников. Придя

в школу, понял, что дальнейшее совершенствование знаний курсантов связано с совершенствованием учебного процесса, в том числе с изменениями в учебном плане. Такие изменения циклами были предложены, но вносить радикальные изменения в учебный план школа не имела права. Нужно было искать иные пути. В первую очередь, пересмотреть тематические планы по учебным дисциплинам. Они страдали некоторой оторванностью от практики и недостаточно отражали профиль обучения.

Особенно это касалось цикла общественных наук и цикла юридических дисциплин. На цикле общественных наук были внесены серьезные изменения в тематический план курса по л и т и - ко-воспитательной работы. На цикле юридических дисциплин пересмотрели тематические планы по всем учебным дисциплинам. Серьезные изменения были внесены в тематический план по уголовному процессу. На каждую тему этого курса, где сталкивались с оформлением процессуальных документов, были предусмотрены часы на практические занятия. Предусматривался перечень процессуальных документов, которые должны быть отработаны в течение учебного года каждым учащимся и являться образцами собственноручно отработанных процессуальных документов. Линия профилирования была четко определена и предусмотрена и по другим учебным дисциплинам юридического цикла.

Особую работу пришлось проводить на цикле специальных дисциплин, а именно:

- ▶ пересмотреть распределение часов между отдельными темами внутри учебных дисциплин;
- ▶ внутри учебной дисциплины найти время на практические занятия непосредственно в органах внутренних дел.

Пересматривая тематические планы, ставили задачи:

- ▶ приблизить преподавание всех дисциплин к нуждам и запросам практики милиции;
- ▶ привития практических навыков и умений учащимся;

► готовить не просто юристов со средним специальным образованием, а специалистов – работников милиции.

Очередной отпуск в 1963 году

Работая в отделе кадров министерства, еще в январе 1963 года написал рапорт на получение семейной путевки в санаторий. Комиссия тогда удовлетворила мою просьбу и на март 1963 года выделила две путевки в санаторий. Но в связи с переходом на работу в школу вынужден был отказаться от путевок. В конце мая 1963 года позвонил начальник медицинского отдела и сообщил, что поскольку есть решение комиссии о выделении мне путевок, то при желании могу в июне получить две путевки в санаторий. Конечно, дал согласие и стал оформлять необходимые документы.

Дома договорились, что поедem всей семьей, в том числе и дочь. Стали готовиться к отпуску. Особенно много забот было у жены. На себя взял получение путевок, оформление проездных документов и бронирование билетов. Нужно отметить, что получение путевок и проезд, с точки зрения материальной, очень выгодные: мне путевка и проезд в купейном вагоне бесплатно, жене – путевка 25% стоимости и проезд в купейном вагоне бесплатно. При переходе на работу в школу я значительно выиграл в заработной плате. Если в отделе кадров моя заработная плата составляла 160 рублей плюс надбавка за выслугу лет, то в школе – 230 рублей, плюс надбавка за выслугу лет. Поэтому, с точки зрения материальной, мы могли себе позволить поехать на курорт всей семьей.

► Если в отделе кадров моя заработная плата составляла 160 рублей плюс надбавка за выслугу лет, то в школе – 230 рублей, плюс надбавка за выслугу лет.

К месту отдыха в город Сочи решили лететь самолетом с целью экономии времени на дорогу. Правда, было некоторое опасение, как перенесет полет дочь. У нее часто болели уши. Проконсультировались у врача и решили рискнуть и лететь самолетом. Полет перенесли на удивление безболезненно, в том числе и дочь. Единственное неудобство, которое она испытывала, – во время подъема и спуска у нее закладывало уши. Полет для нас всех был первый и этим интересен, так как все было впервые: и подъем, и спуск, и впечатления в полете. Единственное неудобство в том, что самолет прибыл в аэропорт Адлер поздно вечером, около 23.00 часов.

В аэропорту нас встречал микроавтобус из санатория. Мы были единственные пассажиры до санатория. В санаторий «Салют» прибыли поздно ночью. Разместили нас на первую ночь в изоляторе. Утром выполнили необходимые формальности по регистрации и стали устраиваться в отведенной для нас комнате. Комната была небольшая, по тем временам хорошо меблированная и главное, с видом на море. Дочь устроили на пансионат у женщины, проживающей на территории санатория. Это было очень удобно, т.к. она находилась «под рукой».

Санаторий по тем временам комфортабельный. Большая территория, разделенная на две части проходившей железной дорогой. Проход к морю был по мосту над железной дорогой. Территория санатория хорошо спланирована и озеленена, но деревьев мало, т.к. санаторий вновь отстроенный и функционировал всего несколько лет.

Главный «больной», кому требовалось лечение в виде воздушных и солнечных ванн, была дочь. Она страдала астматическим кашлем, зимой часто болела, особенно болели уши. Врачи рекомендовали хорошо «прогреть» ее южным солнцем. Целыми днями жена и дочь пропадали на пляже. Я солнечными ваннами особенно не увлекался. Предписанные процедуры мы с женой принимали и

выполняли добросовестно. Но после третьего сеанса грязей Мацесты меня стало слегка подташнивать и появились головные боли. Процедура была отменена. В свободное время пользовались экскурсиями, а также самостоятельно знакомились с курортом.

Примерно 15 дней нашего пребывания в санатории стояла отличная погода. Но в последующем начались неприятные природные явления. Первое из них – это землетрясение. Оно не было сильным, всего, как сообщили, 3–4 балла. Ощущалось оно во время обеда. Несколько секунд на столе звенела посуда, чувствовались короткие колебания здания. Землетрясение не вызвало никакой паники, наоборот, в большей степени любопытство. В этот день после обеда погода испортилась. Ночью поднялся штормовой ветер и пошел сильный ливень. Дождь как из ведра лил несколько дней. Протекающая по границе санатория горная речка наполнилась водой до краев. Где-то в верхнем течении она вышла из берегов, снесла несколько строений. С потоками воды в море неслись не только остатки строений, но и домашняя утварь, мебель. Санаторий не пострадал. Но потоки воды в некоторых местах на территории размывали грунт и смыли насаждения. Мы опасались за дочь. Она жила в деревянном доме, стоящем на склоне холма. Наши опасения были напрасны, дом не пострадал.

Несмотря на плохую погоду мы ежедневно выезжали в город. Примерно за пять дней до окончания срока путевки у меня появились сильные головные боли. Врачи не могли помочь, медикаментозные препараты не снимали головную боль. После двухдневных мучений решили раньше срока уехать из санатория. К этому времени ливневые дожди усилились и отъезд отдыхающих из Сочи резко увеличился. Достать билеты на ближайшие поезда, как нам представлялось, было сложно.

Прибыли на железнодорожный вокзал и оказалось, что зал билетных касс залит водой, примерно на уровне 70–80 сантиметров. Кассы работают, но нет желающих лезть в холодную воду.

Снял обувь и брюки и в трусах полез в холодную воду. К моему удивлению, достал билеты на следующий день, на утро, на поезд, следующий до Москвы. С сильной головной болью промучился еще одну ночь, а утром благополучно отбыли из Сочи. Удивительно, как только проехали Туапсе и пересекли горы, головную боль как рукой сняло, остались только неприятные воспоминания. Появление головных болей я связывал с климатическими условиями города Сочи, поэтому в течение последующих 12 лет боялся отдыхать на этом курорте.

Так прошел наш семейный отдых в городе Сочи. Нужно сказать, что теплые и солнечные дни благотворно сказались на дочери. В последующем она чувствовала себя значительно лучше, хронические заболевания не повторялись. Оставалось еще несколько дней отпуска, которые посвятили посещению родственников в городе Нарве. Дома также было достаточно работы, в первую очередь на приусадебном участке у Георгия Ивановича. Но закончился отпуск, и предстояла напряженная работа, прерванная отпуском.

График последовательности изучения учебных дисциплин (сетевой график)

После того как были рассмотрены и утверждены тематические планы, нужно было решить вопрос последовательности изучения учебных дисциплин или составить так называемый «сетевой график». К сожалению, до этого в школе он не разрабатывался. Внимательное изучение вопроса показало, что в последовательности изучения дисциплин налицо серьезные недостатки, а их устранение – не техническая работа, а ответственная организационно-методическая работа.

Не вдаваясь в подробности и детали этого вопроса, отмечу, что с составлением графика последовательности изучения учебных дисциплин заместитель начальника учебного отдела (мой

заместитель) не справился. К сожалению, в период подготовки к новому 1963–64 учебному году с этим вопросом мы опоздали. Поэтому мне лично, привлекая начальников циклов, с участием инспектора учебного отдела, в течение нескольких дней и долгих вечеров пришлось заниматься составлением графика.

Несколько пояснений и комментариев к графику последовательности изучения учебных дисциплин.

1. График решал вопросы последовательности изучения не только учебных дисциплин, но и отдельных тем из различных учебных дисциплин, тесно и органически друг с другом связанных. Нужно было обеспечить, чтобы изучение базовой темы предшествовало изучению базирующихся на ней тем, а не наоборот.

2. График составлялся на весь период обучения, т.е. на два года, и отражал наглядно, как в зеркале, ход учебного процесса, время и период изучения не только учебных дисциплин, но и отдельных тем.

3. График последовательности позволил предметно составлять планы методической и теоретической работы с учетом сроков их потребности. Это позволяло исключить случаи, когда, например, запланированный к разработке текст лекции или иной методический материал составлялся после того, как сама тема была уже изучена.

4. График по-иному позволил подойти к составлению расписания занятий. Если ранее расписание занятий составлялось на неделю, то при наличии графика оно составлялось вначале на месяц, а затем – на семестр. Кроме того, он позволил равномерно распределять нагрузку преподавателей понедельно и загрузку учащихся помесечно.

Как видим, разработка такого графика позволяла обеспечить научный подход в организации учебного процесса. Поэтому не случайно практикой и результатами составления такого графика, а

также техникой составления расписания занятий заинтересовался юридический факультет Тартуского университета.

После того как были разработаны организационно-методические основы планирования учебного процесса, следовало переходить к содержательной его части – это к теоретической и методической работе. Укажу главные направления этой работы:

- ▶ планировать и разрабатывать фондовые лекции по наиболее сложным темам учебных дисциплин, а также по темам, по которым отсутствует учебный материал, что характерно для специальных дисциплин;
- ▶ обеспечить комплексную разработку учебных материалов по одной теме (разработка фондовых лекций, методик проведения семинарских и практических занятий);
- ▶ теоретические и методические доклады разрабатывать для нужд и целей совершенствования учебной и методической работы;
- ▶ по профилирующим дисциплинам обратить больше внимания обобщению практики работы органов внутренних дел, чтобы они имели теоретическое значение не только для школы, но и для улучшения практики работы органов внутренних дел.

Я считал, что повышение уровня теоретической и методической работы – это главное в содержании учебного процесса. Известно, что состояние теоретической и методической работы определяет уровень и качество учебного процесса. К сожалению, структура органов внутренних дел и системы учебных заведений Союза ССР была в тот период такова, что приходилось работать в изоляции от других родственных по профилю обучения школ. Отсутствовала информация об опыте работы других учебных заведений системы охраны общественного порядка. Это понимали все учебные заведения системы МООП.

Однако особенно остро этот вопрос стоял перед школами прибалтийских республик и Белоруссии. На каком-то этапе в городе

Таллинне по инициативе и под патронажем начальника нашей школы состоялась встреча начальников Рижской школы милиции, Каунасской школы милиции, Вильнюсской школы подготовки начальствующего состава, Минской школы милиции и Могилевской школы транспортной милиции. Совещание начальников учебных заведений подтвердило необходимость регулярных встреч работников названных учебных заведений. Был согласован график таких встреч по различным вопросам учебно-воспитательного процесса.

Согласно графику первой состоялась встреча в городе Каунасе заместителей начальников школ по учебной работе. На этом совещании рассматривались различные вопросы организации учебно-воспитательного процесса. Для меня это совещание имело большое значение, так как имел возможность сверить свои текущие планы и планы на перспективу с практикой работы других школ и таким образом не только утвердиться в правильности намеченного пути, но значительно пополнить свои планы опытом других школ. На дальнейшую перспективу договорились об обмене учебно-методическими материалами, о взаимном рецензировании методических материалов и по другим актуальным вопросам.

После совещания я почувствовал себя значительно увереннее в решении стоящих перед мною задач. Практика проведения совещаний по различным вопросам деятельности учебных заведений продолжалась несколько лет, вплоть до образования союзного министерства внутренних дел и до создания управления учебных заведений в составе этого министерства, которое стало в дальнейшем проводить всесоюзные совещания.

Учебно-материальная база школы

Одним из наиболее «больных» вопросов, препятствующих дальнейшему совершенствованию подготовки специалистов, была слабая учебно-материальная база, не отвечающая современным требованиям.

Школа занимала два отдельно стоящих здания, не приспособленных для учебного заведения, тем более для учебного заведения такого типа. В одном из них (Пярну мнт 326) размещались учебные аудитории. Во дворе учебного корпуса, в отдельно стоящем деревянном здании, находилась библиотека. В другом здании (Пярну мнт 328) размещалось общежитие с комнатами казарменного типа. Во дворе этого здания размещалось помещение клуба, переоборудованное из бывших конюшен.

Уже само размещение школы создавало массу неудобств, кроме того недоставало учебных площадей и помещений для других нужд. В школе отсутствовали лекционные залы, спортивный зал, стрелковый тир, помещения для учебных кабинетов, читальный зал и т.п. Помещения, используемые под учебные классы, были различны по размерам (площади). Отсюда учебные группы формировались под размер класса, например, в одной учебной группе занималось 15 человек, в другой – 32 человека.

Школа неоднократно ставила вопрос о строительстве. По этому вопросу принимались решения коллегии МВД Эстонской ССР, однако все оставалось по-прежнему. Имеющаяся учебно-материальная база устарела, учебные кабинеты были оборудованы и оформлены десять лет тому назад. Они устарели по содержанию и эстетически. Началось активное внедрение технических средств в учебный процесс, однако в школе об этом только начали вести разговоры. Пришли в негодность автомобили, которые использовались для обучения вождению. В ветхом состоянии была классная мебель.

В связи с реорганизацией системы МВД и ликвидацией союзного министерства было ликвидировано управление учебных заведений МВД, возникли проблемы с финансированием, материально-техническим обеспечением, с обеспечением учебниками и учебными пособиями. МООП РСФСР издавало для своих учебных заведений необходимую литературу, однако в другие школы она не рассылалась.

Таким образом, в вопросах совершенствования учебно-материальной базы возникла масса проблем, над решением которых предстояло начать работать немедленно.

Работа началась одновременно по многим направлениям. Изучили возможности переоборудования и переоформления учебных кабинетов. Ресурсы были ограничены, поэтому остановились на создании одного кабинета. За счет внутреннего перемещения библиотеки и санитарной части удалось освободить два помещения для учебных кабинетов. Одно – для кабинета криминалистики, другое – для кабинета оперативной техники. Выбор пал на оборудование кабинета криминалистики. Для оформления кабинета пригласили специалистов из художественного кабинета. Работники цикла стали готовить материалы для оснащения кабинета.

Поскольку удалось высвободить помещение еще для одного кабинета, стали разрабатывать план оформления и оснащения кабинета оперативной техники. Этот кабинет, за небольшими исключениями, предполагалось оформить своими силами. Для его оснащения стали приобретать различные технические средства и аппаратуру. Остальные кабинеты предполагалось обновлять своими силами с помощью учащихся.

К началу 1963–64 учебного года стала вырисовываться картина по каждому учебному кабинету, имелось представление, что делать и какими силами, какие потребуются ресурсы. Оборудование и оформление учебных кабинетов – это не разовая, а повседневная работа по их оснащению, если подходить к работе кабинетов творчески. К сожалению, не на всех циклах были штатные заведующие кабинетами. Там, где штатные заведующие кабинетами отсутствовали, их обязанности по совместительству выполняли преподаватели. Конечно, в этих случаях работа кабинетов не была полной и насыщенной, как это требовалось.

Внедрение технических средств обучения в учебный процесс

Технизация учебного процесса в широком плане была делом новым, малоизведанным. Для приобретения знаний и опыта в этой области ознакомились с работой высших и средних специальных учебных заведений города Таллинна, участвовали в работе нескольких семинаров, в том числе за пределами республики в городах Москве, Ленинграде, Минске, изучали имеющуюся литературу, провели несколько семинаров в школе. Силами преподавателей Таллиннского педагогического института и на его базе провели занятия с преподавателями школы о методике использования технических средств в учебном процессе.

Технизацию учебного процесса предполагалось осуществить комплексно, на базе единой студии, с возможностью коммутации звука и изображения в любую учебную аудиторию. Для реализации этого замысла были приобретены необходимое оборудование и технические средства, проложены кабельные сети, в том числе в аудитории, где планировалось создавать учебные кабинеты. Эта работа проводилась параллельно с оформлением и оборудованием учебных кабинетов и на их базе.

Для использования в учебном процессе в учебном корпусе смонтировали ПТУ–103 (промышленная телевизионная установка). В каждом кабинете установили минимум экранной техники и звукозаписывающей аппаратуры (кинопроекторы, диапроекторы, графопроекторы, магнитофоны и т. д.) Эта работа длилась несколько лет.

В основе технизации учебного процесса был заложен хороший замысел, этот замысел, с точки зрения технической, был реализован. Возможности использования технических средств были идеальными. Посещающие школу лица, кто знакомился с этой системой, высоко отзывались о ее возможностях. Однако по ряду причин она использовалась в учебном процессе недостаточно ак-

тивно. Для использования технических средств при проведении занятий от преподавателей требовались дополнительные усилия и труд в подборе необходимого материала и в разработке методики его применения с использованием технических средств. Кроме того, сам процесс применения технических средств требовал определенных усилий и большого внимания. Преподаватели не всегда хотели утруждать себя дополнительной нагрузкой. Более активными в применении технических средств в учебном процессе были преподаватели цикла криминалистики и специальной техники.

Система технического оснащения учебного процесса требовала постоянного и квалифицированного обслуживания, оказания технической помощи преподавателям. Однако для этих целей штатных работников не было. Лаборанты из числа курсантов не всегда могли быть использованы для обслуживания технических средств и не имели необходимых знаний.

Состав кадров учебного отдела и циклов

Учебный отдел и циклы как его структурные подразделения были укомплектованы преподавателями и учебно-вспомогательным персоналом почти полностью.

Учебный отдел

Непосредственно в составе учебного отдела было 4 работника, начальник учебного отдела, заместитель начальника учебного отдела, преподаватель-методист по заочному обучению, инспектор учебного отдела. Работники учебного отдела имели опыт педагогической работы и высшее образование.

Цикл общественных наук

В составе цикла было три человека: начальник цикла, старший преподаватель, преподаватель. Цикл был укомплектован служа-

щими, имеющими высшее образование и опыт педагогической работы. Но почему-то все они были инертны. Во внеклассной работе участвовали слабо.

Цикл юридических дисциплин

Штат цикла состоял из четырех человек, служащих: начальник цикла, старший преподаватель, преподаватели – 2. Все работники имели высшее юридическое образование и опыт практической работы по специальности. Старший преподаватель имел опыт педагогической работы. Остальные работали в школе менее одного года. Проблемой для цикла являлась многопредметность. Так, преподаватель цикла в течение года должен был проводить занятия по 4–5 предметам, при этом часто одновременно по 2–3 предметам. Работники цикла не имели опыта работы в органах внутренних дел. Как служащие во внеклассной работе участвовали слабо.

Цикл специальных дисциплин

Цикл специальных дисциплин был укомплектован офицерами полностью. Все имели высшее образование и опыт практической работы в органах охраны общественного порядка. Большинство имели опыт педагогической работы в школе.

Состав цикла:

- ▶ начальник цикла, старший преподаватель – 3,
- ▶ преподаватель – 4,
- ▶ начальник учебного кабинета – 2,
- ▶ библиотекарь спецбиблиотеки – 1

В составе цикла специальных дисциплин была библиотека специальной литературы, около 20 тысяч учетных единиц. Цикл был укомплектован опытными практическими работниками органов внутренних дел. Так, ранее работали начальниками территориальных отделов и отделений милиции 4 человека; начальника-

ми отделений уголовного розыска – 2 человека. Проблемой цикла была текучесть кадров преподавательского состава. Опытные практические работники постепенно уходили на руководящую работу, как правило, в аппарат министерства. Приятно было сознавать, что люди уходят на руководящую работу, что они оказались востребованными не только в школе, но в то же время страдал учебный процесс, уходили опытные практики и опытные педагоги. В школу приходили новые люди, не имея опыта педагогической работы. Подготовка преподавателя – процесс длительный и трудоемкий.

Но в смене кадров было и положительное. Приходили активные молодые люди, с новым современным опытом работы. В последующем цикл специальных дисциплин был реорганизован и на его базе было создано два цикла: цикл оперативно-розыскной деятельности и цикл криминалистики и оперативной техники.

Цикл военных дисциплин, точнее предметная комиссия военной и физической подготовки:

- ▶ старший преподаватель 1 (офицер)
- ▶ преподаватель физической подготовки 1 (служащий)
- ▶ преподаватель автодела 1 (служащий)
- ▶ инструкторы вождения автомобиля 3 (служащий).

С точки зрения организации ее работы предметная комиссия была самой сложной. Не удавалось укомплектовать качественно должности служащих из-за низкой оплаты труда. Должности преподавателей и инструкторов замещались работниками по совместительству или по часовой оплате, что, естественно, отражалось на качестве работы. Кроме того, они диктовали условия и время работы, сообразуясь со своей основной работой. На предметной комиссии и ее работниках также лежала обязанность организации физкультурно-спортивной работы. В состав предметной комиссии входили и принимали участие в ее работе командиры строевых подразделений.

Библиотека

Имела библиотечный фонд учебной и художественной литературы, более 36 тысяч экземпляров. В библиотеке работали два работника. Деятельность библиотеки проходила в стесненных условиях, в силу этого свободного доступа к художественной литературе не было, отсутствовал читальный зал.

Такова была структура учебного отдела и его подразделений на момент моего прихода в школу. Конечно, в дальнейшем структура и состав учебного отдела и его подразделений неоднократно изменялись с учетом задач, которые ставились перед школой.

Выше было указано, что учебный отдел и его подразделения были в основном укомплектованы личным составом, но сложившееся положение несло в себе много проблем. Одна из них – это низкая заработная плата учебно-вспомогательного персонала (библиотекари, инструкторы вождения автомобилей и другие). Это порождало текучесть и неуккомплектованность этой категории кадров. Другой серьезной проблемой было различное материальное обеспечение и условия работы различных циклов, точнее преподавателей-офицеров и преподавателей-служащих. Так, преподаватель-офицер цикла специальных дисциплин получал суммарное денежное содержание ежемесячно примерно 300 рублей, а преподаватель-служащий – 140 рублей. Кроме того, у них была разная месячная нагрузка: у первых 72 часа, у вторых 84 часа.

- Преподаватель-офицер цикла специальных дисциплин получал суммарное денежное содержание ежемесячно примерно 300 рублей, а преподаватель-служащий – 140 рублей.

Нагрузка преподавателей и их заработная плата регулировались ведомственной инструкцией. Преподаватели-служащие не были с этим согласны. Они ставили вопрос о том, чтобы их пра-

вовое положение и учебная нагрузка регулировались инструкцией Министерства высшего и среднего специального образования. Согласно этой инструкции их месячная учебная нагрузка могла составлять 72 часа. Кроме того, в зачет учебной нагрузки шли различные виды учебной и методической работы, не предусмотренные ведомственной инструкцией.

Естественно, инструкция Министерства высшего и среднего специального образования была более приемлема для преподавателей-слушащих.

Но эта инструкция устанавливала более низкие должностные оклады, например, оклад преподавателя 110 рублей, по ведомственной инструкции 140 рублей. Но преподаватели желали получать более высокие должностные оклады по одной инструкции, а уменьшенную нагрузку – по другой. Естественно, решать вопрос таким образом нельзя было. Но преподаватели с этим согласны не были.

Вначале вопрос рассматривался на профсоюзном комитете. Когда стороны не пришли к согласию, преподаватели подали иск в суд. Дело к своему производству принял Верховный суд. Вероятно, вопрос о такой подсудности был решен в связи с тем, что один из преподавателей юридического цикла был заседателем Верховного суда.

На заседание Верховного суда прибыло много любопытствующих «зевак», не имеющих отношения к спору. Интересы школы было поручено защищать мне. Заседание суда было недолгим. После обычных процедур мною была кратко изложена суть возражений против иска и предъявлена суду ведомственная инструкция. Суд ознакомился с инструкцией и решил в иске к школе отказать. Хотя судебный процесс и был выигран, но я считал, что обе стороны проиграли, особенно проиграл коллектив школы. Крайне нежелательно и аморально иметь в педагогическом коллективе такие «конфликты», которые доходят до суда. Заявляя об этом на

очередном заседании Педагогического совета, отметил, что такие конфликты не сплачивают педагогический коллектив, а раздирают его на группы. Высказал сожаление, что дело дошло до суда, и повторил, что школа как коллектив в этом процессе проиграла и нужно делать серьезные выводы, чтобы избежать раскола в коллективе преподавателей. Кажется, все поняли тезис о единстве педагогического коллектива, и негативных видимых рецидивов не было.

Одновременно с работой на перспективу приходилось решать текущие дела. Одни – разового решения, другие – длящиеся в исполнении. Одним из таких вопросов была серьезная реорганизация в учебном отделе в связи с предстоящим комплектованием части учебных групп на базе неполного среднего образования. Главная проблема заключалась в том, что планируемые для зачисления на учебу принимались в школу сверх штата школы. Учитывая, что принимаемые на учебу имели семьи, руководство министерства приняло решение содержать их в школе за счет штатных должностей по прежнему месту работы, т.е. они получали заработную плату вместо курсантской стипендии.

Отбор кандидатов на учебу осуществлялся отделом кадров министерства. На учебу рекомендовались молодые перспективные работники. В школе вместо вступительных экзаменов для проверки уровня их знаний был проведен диктант и тщательное собеседование с каждым. Определялась способность каждого освоить учебный материал за три года обучения. В результате отбора на учебу были зачислены 46 человек. Для организации обучения этой категории учащихся требовалось решить, притом неотлагательно, целый ряд вопросов.

1. Вопросы финансовые. Выше было сказано, что они содержались за счет территориальных органов по прежнему месту работы. Расходы на бесплатное питание, увеличение учебных расходов взяло на себя министерство.

2. Вопросы кадровые. Для того чтобы обеспечить обучение по общеобразовательным дисциплинам, требовалось создать предметную комиссию общеобразовательных дисциплин. Министерство выделило дополнительно 4 штатных единицы для комплектования должностей:

- ▶ преподаватель истории,
- ▶ преподаватель математики,
- ▶ преподаватель эстонского языка и литературы,
- ▶ преподаватель физики.

3. Для того чтобы обеспечить обучение по всем общеобразовательным дисциплинам помимо тех, обучению которых брала на себя школа, нужно было найти учебное заведение, которое было согласно обучать курсантов общеобразовательным дисциплинам по всей программе общеобразовательной школы. Такое учебное заведение было найдено – это вечерняя средняя школа. Школа была заинтересована иметь дополнительно финансирование на два классных комплекта и обеспечивала на своей учебной базе обучение общеобразовательным дисциплинам.

4. Определенные проблемы возникли в связи с тем, что требовалось увязать учебные планы двух различных учебных заведений с таким расчетом, чтобы за 3 года освоить программу общеобразовательной школы и среднего специального учебного заведения. Задача облегчалась тем, что преподаватели общеобразовательных дисциплин были связаны только с работой в школе, не имели большой нагрузки, не представляло большой сложности «состыковать» их с расписанием средней общеобразовательной школы.

Конечно, при такой нагрузке возникали проблемы у курсантов с освоением учебного материала. Большинство из них имели, как правило, образование 7 классов, и за 1,5 года нужно было освоить программу средней школы. Преподаватели были требовательны. Курсантам было трудно, жаловались на большую нагрузку, но ни-

кто от учебы не отказался. Все успешно закончили курс обучения. Обучение на этом отделении велось на эстонском языке, поэтому основную нагрузку в работе с преподавателями и курсантами пришлось нести мне, т.к. в учебном отделе никто не владел эстонским языком.

Преподаватели общеобразовательных дисциплин требовали определенного внимания. Они часто обращались за помощью и советами. К сожалению, помощник я был «не ахти какой», т.к. методикой обучения общеобразовательным дисциплинам не владел, но тем не менее советы организационного порядка давал.

В связи с работой на этом отделении вспоминается такой случай. Во время занятий, находясь в своем рабочем кабинете, услышал игру на аккордеоне и громкое пение. Явление необычное, тем более, что звуки неслись из учебной аудитории. Захожу в аудиторию. Моему взору предстал, стоя поющий под аккомпанемент аккордеона и под руководством преподавателя класс. Оказывается, они таким образом изучали иностранный язык. С такой методикой, естественно, мы в школе не сталкивались. Для меня это было открытием.

5. На втором этапе после сдачи экзаменов на аттестат зрелости обучение на этом отделении шло в общем потоке по учебному плану среднего специального учебного заведения и никаких проблем не вызывало.

Заочное отделение

К моменту моего прихода в школу заочное отделение практически было сведено к нулю. По непонятным причинам сотрудники органов внутренних дел Эстонии, обучавшиеся на заочном отделении, были переданы для продолжения обучения в Рижскую школу милиции. Ранее говорилось о решении министерства значительно расширить заочное отделение и увеличить количество слушателей-заочников. Взвесив все возможности, было принято решение

обучение на заочном отделении организовать: на базе среднего образования, на базе неполного среднего образования.

Вступительные экзамены для лиц, поступающих в школу на базе среднего образования, а также дальнейшее обучение проводилось в школе в соответствии с действующим учебным планом сессионно.

Для тех, кто поступал в школу на базе неполного среднего образования, обучение проводилось по месту работы, практически без отрыва от работы: в вечерние часы и в выходные дни. Для этого в районах республики было организовано 8 консультационных пунктов. Первые два года изучались общеобразовательные дисциплины. Для этого на базе общеобразовательных школ были созданы специальные классы для работников органов внутренних дел. Общеобразовательные школы были заинтересованы в создании дополнительных классных комплектов. Все расходы по обучению школы брали на себя. Обеспечение явки учащихся на занятия, контроль за организацией и посещаемостью занятий руководители органов внутренних дел брали на себя. Непосредственно этим занимались работники кадрового аппарата отделов внутренних дел. В такой организации обучения были заинтересованы руководители органов внутренних дел, т.к. не отрывалось большое количество работников на учебно-экзаменационные сессии.

По истечении двух лет, когда заканчивалось изучение общеобразовательных дисциплин и учащиеся приступали к учебе по учебным планам школы милиции, все занятия (до государственных экзаменов) были перенесены в консультационные пункты при отделах внутренних дел. На год разрабатывался график чтения обзорных и установочных лекций, практических занятий, зачетов и экзаменов по каждому консультационному пункту в отдельности. В соответствии с графиком на места выезжали преподаватели и проводили все виды занятий. Слушатели-заочники приезжали в школу только для сдачи государственных экзаменов.

Выше указывал, что в такой форме заочного обучения были заинтересованы органы внутренних дел, но для школы это была дополнительная организационная нагрузка. Куда проще организовать и проводить занятия на базе школы по единому расписанию, по отработанному варианту и изведанному пути.

Внедрение гибких форм обучения не всегда встречало одобрение и поддержку преподавателей. Но несмотря на роптание и некоторое недовольство от намеченных форм организации обучения не отказались. В дальнейшем эта форма заочного обучения была перенесена и в другие комплектующие органы, в частности в Новгородскую и Псковскую области, где также были созданы постоянно действующие консультационные пункты. Объем работы и нагрузка на заочном отделении, а также организационные трудности увеличивались, т.к. на третьем году обучения заочное отделение выросло до 400 учащихся (при норме 300 человек), при этом штат заочного отделения остался прежним. В определенном смысле школа также была заинтересована в существовании консультационных пунктов.

Отсутствие достаточного количества учебных площадей при прибытии заочников на сессии вызвало бы определенные трудности с их размещением, нарушало бы нормальный ход занятий на основном отделении. Кроме того, иногородних слушателей-заочников необходимо было обеспечить жильем. У школы не было свободных мест в общежитии. Подыскание жилья в условиях города Таллинна вызывало большие трудности.

Таким образом, наличие территориальных консультационных пунктов снимало многие проблемы, связанные с обучением и размещением слушателей-заочников, а также исключало перегрузку учебных аудиторий и переход на удлинённый учебный день.

Учебный пункт

Это подразделение находилось в непосредственном подчинении отдела кадров министерства. В нем проходили первоначальную

подготовку со сроком обучения 6 месяцев рядовые милиционеры; проводились также краткосрочные сборы (до 1 месяца) для других категорий работников. Отдел кадров посчитал целесообразным передать это учебное подразделение в состав школы.

Зная особенности работы учебного пункта: краткосрочность сборов, многопрофильность, иное правовое положение слушателей, что трудно совмещалось с режимом работы среднего специального учебного заведения, я возражал против передачи его в состав школы. Однако с моим мнением не считались, и учебный пункт был передан в состав школы.

Я отлично понимал позицию отдела кадров. Они избавились от хлопотного дела, от конкретного руководства учебным пунктом. Естественно, передача учебного пункта в состав школы и привлечение преподавателей школы к проведению занятий в нем повышали качество обучения; занятия стали проводиться на более совершенной учебно-материальной базе с использованием технических средств и передовых методик обучения. Это послужило основанием для решения вопроса о передаче учебного пункта в состав школы. Однако для школы это породило много сложностей и труднорешаемых вопросов. При передаче учебного пункта школе был передан штатный состав и учебно-материальная база. Но школе не были переданы финансовые ресурсы, предусмотренные сметой учебного пункта. Смета даже не предусматривала всех расходов, необходимых для нормального функционирования учебного пункта.

При проведении краткосрочных сборов их материальное обеспечение осуществлялось соответствующими отраслевыми отделами министерства, по линии которых проводились сборы. Они же занимались подбором преподавателей. При переходе учебного пункта в состав школы эти расходы должна была нести школа из своего скудного бюджета. Школа сама влачила жалкое существование и не в состоянии была в полном объеме материально обе-

спечить учебный процесс в учебном пункте. Учебный пункт был территориально удален от школы, находясь на расстоянии 12 км от нее. Постоянного и систематического влияния на учебный пункт школа осуществлять не могла. Делалось это эпизодически.

Постоянным работником, через кого осуществлялось организационное руководство учебным пунктом, был старшина этого подразделения. В порядочности и трудолюбии этого работника сомневаться не приходилось, но его возможности были ограничены. Отрыв преподавателей для проведения занятий в учебном пункте привносил трудности на основном отделении школы. Следует заметить, что учебный пункт имел достаточно свободных учебных аудиторий и свободных мест в общежитии. Это создавало благоприятные условия для проведения занятий с двумя группами слушателей-заочников Таллиннского консультационного пункта.

Основная загруженность учебного пункта была связана с первоначальной подготовкой вновь принятых работников на должности милиционеров. В течение учебного года через учебный пункт проходило два потока по 50 человек в каждом. Ранее было сказано, что обучение одного потока длилось 6 месяцев. Учитывая, что в процессе обучения предусматривалось большое количество практических занятий, в том числе во внеучебное время, руководство этими курсами было поручено одному из преподавателей учебного пункта.

Многообразие и специфика работы учебного пункта требовали много внимания со стороны учебного отдела. Основная нагрузка по руководству работой учебного пункта ложилась на меня, т.к. в процессе этой работы приходилось координировать деятельность многих служб школы на уровне приказов и распоряжений.

Комплектование основного (дневного) отделения

Чтобы обеспечить качественную подготовку специалистов, работников милиции среднего звена, важно, чтобы все составляющие

деятельности учебного заведения работали четко и на высоком уровне. В деятельности учебного заведения нет мелочей, все главное, все влияет на подготовку специалистов. Один из важных вопросов – кто поступает на учебу?

База для комплектования школы была ограниченной. МООП Эстонии не было в состоянии направить на учебу в школу 75 человек. Постоянно был недокомплект. Базовые комплектующие органы Новгородской и Псковской областей также не могли в течение ряда лет направить на учебу 75 человек. В 1964 году с комплектованием сложилось катастрофическое положение. Разнарядки по комплектованию были выполнены на 65%. Необходимо было принимать экстренные и радикальные меры по исправлению положения. Школа взяла эту миссию на себя, хотя это и не входило в ее функции.

Школа обратилась с просьбой к школам милиции Российской Федерации направить к нам на учебу лиц, не прошедших у них по конкурсу. Только с помощью других учебных заведений удалось укомплектовать школу к началу 1964–65 учебного года. Конечно, о качественном комплектовании не могло быть и речи. На учебу были приняты лица, закончившие в основном вечерние и заочные общеобразовательные школы. В их аттестатах доминировали в основном оценки «3». Комплектуя школу таким контингентом учащихся, мы предвидели большие трудности в их обучении. Эти трудности особенно проявились на первом году обучения. Трудности объяснялись не только слабой подготовкой учащихся, но и спецификой учебного заведения. Это было юридическое учебное заведение, кроме того, учащиеся, как правило, не имели навыков самостоятельной работы над учебным материалом. Все это в комплексе вызывало трудности в учебе.

Но мы увидели много положительного в деятельности учащихся. Они оказались настоящими «трудягами». Они серьезно и осмысленно, с пониманием относились к учебе и освоению своей

будущей профессии. К концу первого года обучения мы поняли, что наши «троечники» успешно закончат школу. К сожалению, не имею статистического материала того периода, подтверждающего прочные и хорошие знания выпускников школы.

Эти успехи были достигнуты благодаря тому, что педагоги школы, зная, кто был принят на учебу в школу, смогли правильно и рационально использовать положительный потенциал учащихся и организовать их работу по приобретению прочных знаний. К сожалению, на практике не все шло гладко и бесконфликтно. В течение первого учебного года из школы были отчислены по различным причинам 20% учащихся из числа принятых в этом году.

Закончив комплектование школы в 1964 году, мы отлично понимали, что дальше так работать нельзя. Встал вопрос, что делать? Решили подвергнуть серьезному анализу итоги комплектования школы МООП Эстонии за последние 7 лет, а затем итоги анализа и свои предложения по улучшению комплектования представить руководству министерства. Однако заместитель министра, осуществляющий непосредственное руководство школой, предложил вопрос рассмотреть на коллегии министерства в более широком плане с охватом всего комплекса проблем школы.

В течение двух месяцев школа готовила материалы для рассмотрения на коллегии. По докладу начальника школы и итогам выступлений коллегия приняла соответствующее решение и утвердила развернутый и обстоятельный план дальнейшего совершенствования деятельности школы. В нем был затронут широкий круг вопросов – от комплектования школы до ее материально-технического обеспечения, в том числе вопрос строительства учебного корпуса.

Вопросы комплектования школы были возложены на отдел кадров министерства. В ходе острого обсуждения вопроса о комплектовании школы было внесено предложение обратиться к Пра-

вительству республики с просьбой ходатайствовать перед союзными органами о комплектовании школы за счет лиц призывного возраста. В решении коллегии этот вопрос не нашел отражения, но отделу кадров было поручено подготовить такое письмо. Соответствующее письмо от имени ЦК компартии Эстонии и Правительства республики было направлено в Генеральный штаб Советской Армии. В начале 1965 года было получено разрешение из Генерального штаба на отбор 50 человек призывного возраста для комплектования школы курсантским составом.

Совместно с республиканским военным комиссариатом начался отбор кандидатов. Этим вопросом занимался отдел кадров министерства. Школе предстояло в течение двух месяцев (август, сентябрь) провести с призывниками лагерный сбор по военной подготовке. Конечно, это вносило некоторое неудобство и сложности, т.к. в августе проходили государственные экзамены и в школе одновременно собралось большое количество людей, в т.ч. и слушатели-заочники, а в сентябре проходили вступительные экзамены. Это был период отпусков преподавателей. Лагерные сборы требовали дополнительных затрат, особенно с организацией бесплатного питания. В конечном итоге все эти вопросы были решены, несмотря на трудности.

Нагрузка на лагерных сборах была достаточно высокая. Заняты были даже выходные дни. За два месяца была практически отработана программа молодого солдата. Особое внимание было обращено на вопросы, которые имели значение в дальнейшей учебе, например, материальная часть оружия, баллистика, топография, ориентирование на местности и другие. Призывники были хорошо подготовлены физически, каждый из них увлекался каким-либо видом спорта. Оказавшись в такой ситуации, они чувствовали себя неуверенно, проявляли робость и нерешительность и этим отличались от учащихся, принятых в школу после службы в армии. Эту особенность призывников в дальнейшей работе с

ними следовало учитывать, обращая внимание на самостоятельность в принятии решений и активность в их реализации. Забегая вперед, нужно отметить, что все они (за исключением одного человека) успешно закончили школу и проявили себя положительно на практической работе. Министерство получило серьезное количественное и качественное пополнение своих рядов молодыми специалистами.

Затронутые выше вопросы – лишь часть из тех, которые пришлось решать, особенно в начальный период деятельности в должности заместителя начальника школы по учебной части. Не были затронуты вопросы воспитания постоянного и переменного состава, взаимоотношения в коллективе, формирование преподавательского состава и многие другие. В дальнейшем они будут затронуты, но в той мере и в том объеме, когда с ними приходилось сталкиваться мне непосредственно.

Образование МВД СССР

В данном случае не сам факт образования общесоюзного министерства имел значение, а те изменения, которые должны были произойти и имели непосредственное отношение к школе. Мы предполагали, что школа будет передана в подчинение МВД СССР, точнее в подчинение Управления учебных заведений этого министерства. Хорошо это для школы или плохо?

Находясь в подчинении МВД Эстонии, можно было оперативно, без долгой волокиты решать многие принципиальные вопросы деятельности школы на месте. Что школа и делала. Об этом ранее было сказано. Но МВД Эстонии не могло решить многие вопросы, связанные с финансированием и материально-техническим обеспечением школы. Для этого в министерстве отсутствовали финансовые возможности. За период нахождения в подчинении МВД Эстонии учебная и материальная база школы пришла в жалкое состояние.

► Не проводился капитальный и текущий ремонт зданий школы. Внешний вид зданий был облезлым и обшарпанным. Не ремонтировались учебные помещения и общежитие.

► Автомобильный транспорт пришел в полную негодность. Даже возникали проблемы с перевозками по самообеспечению продуктами питания.

► Практически школа не снабжалась учебниками и учебными пособиями. Если какая-либо литература приобреталась, то в ограниченном количестве экземпляров. Специальные технические средства не приобретались вообще. Технические средства обучения приобретались в ограниченном количестве только для оборудования некоторых учебных кабинетов.

► Морально и физически устарела классная мебель. Мебели не хватало.

► Пищеблок был в страшном антисанитарном состоянии. В варочном цехе стояли плиты и котлы, отапливаемые дровами. Не хватало кухонной и столовой посуды. Сервировка столов осуществлялась алюминиевой посудой. Современное оборудование отсутствовало вообще.

► Не хватало средств на учебные и лекционные расходы.

► Практически отсутствовало методическое руководство школой. Школа «вариалась в собственном соку». Было много и других вопросов, которые МВД Эстонии решить не могло.

Через некоторое время пришел приказ о передаче школы. Этим приказом была образована приемная комиссия. Со стороны Управления учебных заведений в состав комиссии входили два человека. При предварительном знакомстве со школой у работников Управления сложилось неприятное впечатление. Пока они знакомились со школой обзорно, не вникая в содержание работы. Мы ничего не скрывали, а излагали истинное плачевное положение вещей.

При знакомстве со школой с работником Управления произошел казус. Он на машине школы выехал для переговоров с мини-

стром. Помимо того, что этот старенький «Москвич» страшно тахтел, он по дороге еще и остановился. Гостям пришлось искать такси.

В течение года в школу приезжало несколько комиссий для более обстоятельного знакомства с деятельностью школы. Через какое-то время в школу прибыла комиссия Управления учебных заведений, в задачу которой входило проверить состояние учебно-воспитательного процесса. Бригада состояла из 8 человек, двое из них – из Управления учебных заведений. Возглавлял комиссию начальник 2-го отдела Управления. Проверка длилась 20 дней и была очень обстоятельной, с глубоким анализом состояния дел в школе. Пришлось выслушать массу неприятных замечаний. Они были весьма разнообразны по содержанию и кругу регулируемых вопросов.

Были замечания и в адрес учебного отдела как организатора учебного процесса. Учебный отдел отвечает за состояние учебной работы, хотя замечания касались деятельности какого-либо цикла, предметной комиссии или конкретного преподавателя. Критика была нелицеприятной, но полезной. Я получил хороший урок и усвоил критерии требований при организации учебного процесса. Таким образом, школа получила рекомендации, определяющие направления ее деятельности и пути дальнейшего совершенствования подготовки кадров.

По итогам проверки и с учетом рекомендаций комиссии была проведена некоторая реорганизация структуры школы. Учебный пункт был возвращен в состав МВД Эстонии. Комиссия считала, что первоначальная подготовка кадров милиции не свойственна для школы и отвлекает ее от главной задачи, от подготовки кадров милиции среднего звена. Я лично с легким сердцем воспринял это решение, т.к. с меня снималась большая нагрузка.

Комиссия также рекомендовала прекратить подготовку кадров на базе неполного среднего образования как на основном, так и на

заочном отделении, считая, что такая форма обучения уменьшает количество выпускников на одну треть. По поводу этой рекомендации отдел кадров МВД Эстонии пытался возражать, ссылаясь на особенности республики. Но в последующем вынужден был согласиться с предложением комиссии. В связи с ликвидацией этого отделения были сокращены должности преподавателей общеобразовательных дисциплин.

После проверки Управление стало активно обеспечивать нас учебной и учебно-методической литературой. По требованию Управления литература стала поступать также из других учебных заведений МВД. По рекомендации Управления в школу прибыл представитель оперативно-технического управления МВД СССР для ознакомления на месте с нашими нуждами. Согласованная на месте заявка с учетом наших потребностей стала активно удовлетворяться. В школу стала поступать криминалистическая и оперативная техника, а также необходимые для учебного процесса расходные материалы, в первую очередь фотоматериалы. Активное пополнение учебно-материальной базы было отрадным явлением. Увеличилось дополнительное финансирование учебных и лекционных расходов. Это позволило приступить к реализации многих задумок, особенно связанных с оформлением и оборудованием учебных кабинетов и лабораторий. Улучшилось материально-техническое обеспечение и по другим линиям, особенно в области хозяйственной деятельности.

Но это были лишь мелкие подачки и они не решали проблемы в целом. Учебно-материальная база оставалась по-прежнему слабой и скудной.

Несмотря на нашу просьбу оказать содействие в улучшении комплектования школы Управление никаких мер не приняло. В акте проверки школы были высказаны рекомендации улучшить эту работу. Однако проблема состояла в том, что комплектующие органы МВД Эстонии, УВД Новгородской и УВД Псковской обла-

стей не могли выполнить разнарядку по комплектованию школы. Особенно это касалось МВД Эстонии. Направление на учебу лиц призывного возраста было разовым актом. Школа считала, что для обеспечения качественного комплектования переменным составом необходимо к школе прикрепить еще две комплектующие базовые области. Однако это сделано не было. В 1966 году к началу нового учебного года школа не смогла принять на учебу необходимое количество учащихся и осталась недоукомплектованной. Особенно плохо шло комплектование МВД Эстонии.

Помимо неуккомплектованности слабым оказался контингент учащихся, зачисленный на учебу. Резко стала падать дисциплина среди учащихся. Требовались большие усилия, чтобы обеспечить нормальный ход учебного процесса. Ко всему прочему осложнились взаимоотношения внутри коллектива. Начальник школы, желая укрепить порядок и дисциплину в школе, стал резким в общении, а иногда допускал грубость в отношении офицеров и преподавателей. Это вызывало не только недоумение в коллективе постоянного состава, но и негативную реакцию со стороны коллектива. На заседаниях Педагогического совета и партийных собраниях методы руководства начальника школы подвергались резкой критике. Офицеры и преподаватели указывали на низкий уровень воспитательной работы среди учащихся и слабую организаторскую работу заместителя начальника школы по политико-воспитательной работе, по улучшению и повышению ее результативности.

Начальник школы вместо того чтобы сплотить коллектив постоянного состава и направить его усилия на решение задач воспитательной работы, в отместку за критику в свой адрес стал чинить «разгромы» на циклах. Офицеры и преподаватели стали роптать. Мне неоднократно приходилось говорить по этим вопросам с начальником школы. Считал, что его требования по улучшению работы справедливы и обоснованны, но методы и способы их

реализации не годятся. Я соглашался с теми претензиями, которые он предъявлял мне. Часто приходилось быть буфером между начальником школы и циклами, гасить разрастающийся конфликт. Чем дальше продолжалось такое положение, тем хуже становилась обстановка в школе. Особенно плохо обстояло с порядком и дисциплиной. Вероятно, сигналы о неблагополучном положении в школе дошли до Управления учебных заведений.

В мае 1968 года по указанию Управления учебных заведений я был включен в состав группы по инспектированию Тбилисской школы милиции. Это было мое первое участие в работе такой бригады. Тбилисская школа милиции по количеству учащихся маленькое учебное заведение (120 учащихся).

Обучение проводилось на грузинском языке. Учебно-методическая документация велась на грузинском языке, поэтому почерпнуть для себя что-либо полезное не смог. Однако работая в составе группы, я смог увидеть, какие требования предъявляются к организации работы школы и учебного процесса в частности, прикинуть, как эти требования соотносятся с уровнем работы нашей школы. Наши недостатки для меня стали более заметными.

Школа и порядки в ней были весьма своеобразными. На территории школы был торговый ларек, где продавалось в том числе спиртное. Но при этом проблем с пьянством не было. В прикроватных тумбочках находились бурдюки с вином. Курсанты вместо форменной одежды носили смешанную, например, вместо ботинок носили босоножки. В свободные от работы дни коллеги из Тбилисской школы организовали ряд интересных экскурсий и поездок по Грузии. Ознакомились со многими достопримечательностями и природой Кавказа.

В июне 1968 года в школу прибыли представители Управления учебных заведений во главе с начальником второго отдела. В течение примерно 15 дней обстоятельно знакомились с положением дел в школе. Состояние учебного процесса не проверяли и

особого интереса не проявляли. Больше беседовали с работниками школы. Содержание этих бесед мне неизвестно. По итогам пребывания в школе этой бригады от должности были освобождены начальник школы и его заместитель по политико-воспитательной работе. Новым начальником школы был назначен полковник Эспер Иван Михайлович, до этого работавший начальником отдела в МВД Эстонии. Заместителем начальника школы по политико-воспитательной работе был назначен Рейго Хельмут Агович, ранее работавший в отделе административных органов ЦК компартии Эстонии.

Первый период их работы складывался во взаимопонимании, чувствовалось, что они нашли контакт и общие взгляды на проблемы школы. Однако через некоторое время взаимоотношения между ними разладились, они стали враждовать. Начальник школы жаловался и обвинял своего заместителя в том, что он при организации работы не считает с его мнением, пытается узурпировать власть. Начальник школы не проявил твердости и настойчивости, спасовал, заявляя, что у него сдают нервы, написал рапорт об увольнении. Я понимал, что корни конфликта – в поведении Рейго Х. А., а начальник школы не проявил твердости и не поставил его на место. Кроме того, он проявил слабование, отстранился от работы и последние несколько месяцев только выходил на работу, не принимая участия в решении повседневных вопросов. Сложилось такое мнение, что Эспер И. М. решил уйти на пенсию с должности начальника школы, с более высокого должностного оклада, чем по прежнему месту работы в МВД Эстонии.

Разбираться в сложившейся обстановке в связи с рапортом начальника школы в июле 1969 года в школу прибыла группа работников Управления учебных заведений. Проверке учебной работы бригада уделила мало времени. В основном ее внимание было сосредоточено на проверке состояния политико-воспитательной работы.

Такого рода проверки, помимо нервозности и подозрительности в коллективе, таили в себе очень опасные тенденции. Это могло привести к образованию в коллективе различного рода группировок. При их образовании в коллективе начинается противостояние и склоки.

При этой проверке досталось и мне на «орехи». Основная претензия состояла в том, почему я не стал третейским судьей между враждующими сторонами и не принял меры к созданию единства у руководителей школы. Перед окончанием работы бригады ее руководитель предложил мне занять должность начальника школы. Он намерен был с этим предложением войти в ЦК компартии Эстонии, а также к руководству МВД Эстонии. Это предложение было для меня неожиданным. Такой перспективы для себя не предвидел и даже несколько растерялся. Просил на размышление несколько дней. Прежде чем дать согласие в данном случае, нужно было все обстоятельно взвесить, ведь при согласии я кидал себя в кипящий котел. Тем более я не знал, с чего начинать в данной ситуации и что делать. Однако руководитель бригады настойчиво требовал немедленного ответа. Видя, что я совсем растерялся, предложил перенести разговор на следующий день.

- При этой проверке досталось и мне на «орехи». Основная претензия состояла в том, почему я не стал третейским судьей между враждующими сторонами и не принял меры к созданию единства у руководителей школы.

Но случилось так, что в этот день меня госпитализировали в связи с рожистым воспалением на лице. В то время это заболевание считалось инфекционным, и меня изолировали от остальных больных, поместив в отдельную палату. Находясь в больнице с высокой температурой, о состоявшемся разговоре и о сделанном

предложении я не думал. Заболевание протекало сложно, отекло все лицо, стало оранжевым, высокая температура и рассказы врачей о возможных последствиях заболевания отвлекали меня от школьных дел.

На третий день пребывания в больнице ко мне пришли представитель Управления учебных заведений и начальник отдела кадров МВД Эстонии. Помимо прочего основной разговор состоялся на тему о моем согласии принять должность начальника школы. Зная мою осторожность, основную роль в разговоре играл начальник отдела кадров. У нас с ним были хорошие отношения, и это повлияло на мое решение согласиться стать начальником школы. В конце разговора выяснилось, что мое назначение уже согласовано в соответствующих инстанциях.

Итак, заканчивался один из этапов работы в школе в должности заместителя начальника школы по учебной части. Эта работа мне нравилась. Постоянное общение с людьми. Взаимоотношения с педагогами были хорошие, мы понимали друг друга. Приятно было наблюдать за постоянным ростом знаний учащихся. В школу приходили «слепые котят», из школы уходили люди с прочными знаниями и хорошими практическими навыками. Я видел в них результаты работы педагогов. А также частичку своего труда. Это был период напряженной работы. Он требовал много усилий и времени.

Свободного времени было очень мало. Рабочий день начинался в 8.30 и заканчивался поздно вечером, как правило, с окончанием часов самостоятельной работы в 20.00. Кроме того, согласно договоренности между руководством школы, я дважды в неделю приходил «к подъему», т.е. к 7.00, и дважды в неделю присутствовал на «отбое». Через два дня на третий приходилось быть «обеспечивающим», т.е. в эти сутки я должен был находиться в школе, а в ночное время дома. Все необходимые сигналы в этот период времени от дежурного по школе шли «обеспечивающему».

Хотя экстренных сигналов было немного, но тем не менее никуда отлучаться не следовало.

При такой занятости оставалось мало времени для семьи, для культурных мероприятий. Недостаточно времени уделял дочери. Утром рано уходил из дома, она спала, вечером придя домой, чаще всего заставал ее в постели. Как-то для меня незаметно она стала 15-летней. В летнее время она, как правило, находилась в пионерском лагере в Клога. Воскресные поездки к ней в родительские дни давали возможность провести целый день у моря и достаточно хорошо отдохнуть. В иные свободные выходные дни приходилось оказывать помощь Георгию Ивановичу на даче.

Назвать это место дачей можно было условно. Был разработан участок в шесть соток, высажены плодовые деревья и ягодные кусты. Была построена маленькая времянка, где стояла печка-буржуйка и топчан. Здесь же хранился садовый инвентарь. В последующем, уйдя на пенсию, Георгий Иванович с ранней весны до поздней осени жил в этой временке. Материалов для строительства было мало: шесть балок для пола, небольшое количество обивочных досок от ящиков для оборудования. Но их было мало для начала строительства. Без нашей помощи Георгий Иванович не мог осилить строительство, полагаясь только на свои силы.

С конца 1963 года у нас появилась возможность принять участие в приобретении строительного материала. Летом 1963 года при строительстве площади и тротуара вокруг школы оказались свободными ранее использованные бордюрные блоки. За небольшую плату дорожники согласились отвезти их на участок. Осенью удалось приобрести материал для каркаса и стропил крыши. В течение лета 1964 года установили каркас и стропила крыши. Осенью удалось купить доски для опалубки на крышу. Настлать опалубку удалось быстро, но покрывать крышу рубероидом одним слоем пришлось при морозной погоде. Но были довольны, что к зиме строение оказалось под крышей.

Летом 1965 года стали обшивать досками, сначала наружную часть стен, а затем внутреннюю с одновременной засыпкой приготовленным утеплителем. В течение лета были возведены и утеплены стены и потолок. В это же время закончили строительство крыши, покрыли ее дополнительно двумя слоями рубероида, по верху крыши специальной мастикой. Поздней осенью сделали «черный пол», засыпали его ранее припасенным шлаком. Весной 1966 года приобрели доски для пола и уложили их в доме для хорошего просыхания. Приобрели также материал для плиты и теплой стенки (кирпич, кафельные плиты, духовка, дверцы и другие необходимые материалы). Летом Георгий Иванович сложил плиту и теплую стенку. В течение этого года больше сделать не удалось.

Георгий Иванович на зиму остался жить в этом недостроенном доме. Шлак лежал на черном полу открытым и поэтому пылил черной пылью. Георгий Иванович ходил в этой пыли, запыленными оказались стены и потолок. К счастью облицовка стен и потолка не была завершена окончательно, поэтому от черной осевшей пыли удалось избавиться при проведении отделочных работ на стенах и потолке.

Весной 1967 года удалось приобрести кирпич для облицовки наружных стен. Летом этого года облицовали наружные стены кирпичом, а также настелили пол. Нужно отдать должное Георгию Ивановичу. Он оказался незаурядным строителем широкого профиля. Практически все строительные работы он выполнял сам. Даже плита с теплой стенкой – это тоже его рук дело.

Мое участие в строительных работах не было значительным. Это выходные дни и летние вечера. Главная моя задача и обязанность – это приобретение и доставка строительного материала. В этот период при массовом строительстве дачных домиков купить строительные материалы было довольно сложно, их не доставало. Георгий Иванович обычно писал записку с наименованием строительного материала, который нужен, и пересылал эту записку мне.

К счастью, на базе строительных материалов ее директором работал однополчанин. Через него я узнавал, когда и в какое время прибудет материал на базу, и занимал очередь в кассу. Директор базы хотя и был хорошим знакомым, но отказывался откладывать материал для меня или способствовать иным способом в приобретении материала. Я понимал его опасения и не добивался большего, что он делал для меня.

Итак к концу 1968 года дом был готов, завершена внутренняя отделка. Строительство давалось сложно и тяжело. Но тем, вероятно, он и был дорог. Особенно было жаль, когда Георгий Иванович его продал, при этом не посоветовавшись со мной.

- Директор базы хотя и был хорошим знакомым, но отказывался откладывать материал для меня или способствовать иным способом в приобретении материала.

Нужно отметить, что жить в этом доме нам не пришлось. Всего провели там одну ночь. Георгий Иванович любил, чтобы в доме у него было все под руками на видном и доступном месте: разложенный в известном ему порядке инструмент, хранились семена для посева, овощи и фрукты, цветы, рассада и прочее. В зимнее время дом превращался в столярную мастерскую. Что-то всегда было в работе. Здесь же хранился материал для столярных работ. В доме всегда, особенно в летнее время, было неуютно и грязно. Хотя теща Анетте Давыдовна постоянно воевала с мужем из-за грязи, но уборка всегда заканчивалась большим скандалом. Поэтому Анетте Давыдовна также не любила оставаться в этом доме. Мы свыклись с мыслью, что дом – это вотчина Георгия Ивановича, мы на ней – рабочая сила.

Дача требовала постоянного участия в работах, начиная с ранней весны и до поздней осени. Мы были постоянными участ-

никами вскапывания грядок весной и осенью, прополки грядок и борьбы с сорняками. На мне лежала обязанность добывания органического удобрения. Ежегодно из подшефного совхоза привозили самосвал этого «добра». В саду, а также на прилегающей к саду территории высаживались различные цветы. Георгий Иванович был любитель выращивания цветов. Сад был в цвету с весны до поздней осени. Дома в городе у нас были постоянно свежие цветы из собственного сада. Георгий Иванович иногда «выходил из строя» на 2–3 недели, прикладываясь к «зеленому змию».

В этот период времени все неотложные работы по саду–огороду приходилось выполнять нам. Работы на участке занимали достаточно много времени. В исключительном ведении Георгия Ивановича была теплица. Там он выращивал в основном огурцы и помидоры, ранней весной – различную зелень, а поздней осенью – прекрасные хризантемы. Он делал много различных заготовок в виде солений, компотов и варений. Мы были обеспечены на целый год соленьями и вареньями, а также соками из яблок и садовых ягод. Ухитрялись даже делать домашнее вино в больших количествах. Как видим, труд вознаграждался плодами сада и огорода.

Как-то дочь Галина спросила у дедушки, почему он не имеет кроликов? Дедушка, желая сделать что-то хорошее для внучки, купил ей для забавы пару кроликов. Потом появились малыши. Георгий Иванович при разведении кроликов потерял чувство меры. Их развелось около ста штук. Это был прожорливый зверь. В летнее время через день приезжали для заготовки корма (травы). Обкашивали обочины дорог, канав и прилегающую к железной дороге полосу отвода. Плотно набитые травой два мешка кролики съедали за два дня. Таким количеством травы можно было прокормить корову. Но кроликам нужен был также хлеб. Его приносили одновременно 7–8 буханок. Такие заботы окупались. В доме постоянно было кроличье мясо. Из выделанных кроличьих шкур шили детям шубы. На третий год содержания кроликов решили избавиться от

них, т.к. их содержание стало не под силу. С большим трудом удалось сбыть этот товар. Никто не хотел принимать на реализацию. Наконец одна заготконтора ЭРСПО закупила кроликов живым весом. Сдали 80 кроликов и легко вздохнули.

Обмен квартиры

Ранее упоминалось, что предприятие, где работали родители жены, хозяйственным способом стало строить жилой дом. Выделялась двухкомнатная квартира и родителям жены. Будущие жильцы должны были отработать на строительстве определенное количество часов. В отработке часов участвовали и мы всей семьей. Наконец дом был готов, и родители жены вселились в новую квартиру. Однако очень часто, особенно зимой, они приходили к нам и оставались на несколько дней. В этих случаях наша маленькая двухкомнатная квартира оказывалась «перегруженной».

На каком-то этапе все пришли к выводу, что надо съезжаться, т.е. 2 двухкомнатные квартиры менять на одну большую. Как правило, родители и дети разъезжаются, в данном случае получилось наоборот. В поисках подходящей квартиры не участвовал, этим занималась женская половина. Наконец нашли вариант, который устраивал – четырехкомнатная квартира на ул. Анвельди. Стали оформлять документы для обмена. Это весьма долгая по времени и страшно бюрократическая процедура. В феврале 1968 года наконец документы были оформлены, и мы переехали на новое место жительства.

Квартира сравнительно новая, но страшно запущенная и требовала немедленного ремонта. Георгий Иванович когда-то работал маляром и занялся ремонтом квартиры. К весне первый этап ремонтных работ, связанный с малярными работами, был закончен. В дальнейшем предстояло заменить сантехнику, ванную, кухонную плиту и другое. О приобретении строительного материала приходилось заботиться мне. В Нымме был хороший магазин хо-

зайственных товаров, где можно было приобрести необходимые для ремонта материалы. После ремонта квартира устраивала всех. Всем досталось по одной комнате. После того как брат жены получил свою квартиру, дочери Галине также досталась отдельная комната.

Назначение на должность начальника школы

Ранее было указано, что в июле 1969 года оказался в больнице. В больнице провел, как и было предусмотрено, 21 день. После выхода из больницы включился в работу. Наступал напряженный период работы: стажировка выпускного курса, подготовка к курсовым и государственным экзаменам, подготовка к новому учебному году, комплектование школы и другая текущая работа. Было известно, что начальник школы подал рапорт об увольнении, но не было известно, будет ли он удовлетворен. В случае удовлетворения кто будет назначен начальником школы?

Во второй половине августа 1969 года я был вызван в Управление учебных заведений МВД СССР. Причину вызова не сообщили, но я предполагал, что по-видимому будет идти речь о моем назначении. Но не исключалась и другая причина вызова. Во всяком случае, я терялся в догадках.

В Управлении учебных заведений меня принял начальник управления, и после непродолжительной беседы направили в Управление кадров МВД СССР. В Управлении кадров со мной беседовали работники различного уровня должностного положения. После окончания этой процедуры мне вручили направление в гостиницу и сказали, чтобы никуда не отлучался и ждал вызова для приема у министра. В ожидании вызова в гостинице находился трое суток. Никто меня не беспокоил. На четвертый день позвонил работнику кадрового аппарата удостовериться, не забыт ли я. Последовал ответ – жди. Во второй половине дня позвонили и предложили явиться в Управление кадров, где сообщили, что со

мной будет беседовать заместитель министра. Примерно в течение часа в приемной ожидал прихода заместителя министра. При его появлении меня сразу же пригласили в кабинет. Заместитель министра извинился, что он торопится, пожелал успехов на новой должности и подписал приказ о назначении на должность начальника школы. Это было 28 августа 1969 года.

В Управлении учебных заведений, куда я прибыл, представился начальнику управления в связи с назначением на должность. В управлении пробыл несколько дней. Ходил по отделам, представлялся и получал напутствия по дальнейшей работе. Особенно длительными и содержательными были беседы во втором отделе с участием куратора школы. К сожалению, я не представлял процедуру назначения и хождения по инстанциям и не был готов изложить все наши потребности и нужды, особенно в области материального обеспечения.

- Заместитель министра извинился, что он торопится, пожелал успехов на новой должности и подписал приказ о назначении на должность начальника школы. Это было 28 августа 1969 года.

Начальник второго отдела управления полковник Сафонов П. В. в течение последних двух лет дважды бывал в школе, знал наши проблемы и беды. Он согласился сопровождать меня и представить начальнику оперативно-технического управления, где я изложил бедственное положение школы и наши потребности. Такой же поход состоялся в главное управление материально-технического и военного снабжения. Благодаря настойчивости и личному участию начальника второго отдела, многие наши просьбы и заявки были удовлетворены. Так, в сентябре–октябре 1969 года в школу

стала поступать криминалистическая техника и расходные фотоматериалы. Была обеспечена минимальная потребность в автомобильном транспорте. В школу поступил и легковой автомобиль, два грузовых автомобиля и автобус.

Через несколько дней после возвращения в школу поступил приказ о моем назначении на должность начальника школы. Я стал принимать школу. Это была формальная бумажная бюрократия, завершающаяся составлением акта приема. Во время представления министру попросил, чтобы он направил в школу начальника отдела кадров МВД Эстонии, чтобы провести деловой и конкретный разговор с заместителем начальника школы по политико-воспитательной работе Рейго Х. Был уверен, что предыдущая склока между начальником школы и заместителем произошла в основном по вине последнего. Во время разговора с Рейго Х. присутствовал секретарь Таллиннского горкома Компартии Эстонии и начальник отдела кадров МВД Эстонии. Я изложил свою позицию о роли и месте заместителя начальника школы по политико-воспитательной работе, о принципе единоначалия и о наших взаимоотношениях. Все были согласны с изложенным, в том числе и Рейго Х. С надеждой на взаимопонимание и хорошие деловые отношения принялись за работу.

Заместителем по учебной работе, по моему представлению, был утвержден Геллер В. А. Предстоящей серьезной работой было комплектование школы. К сожалению, за последние годы в плане улучшения комплектования школы ничего радикального сделано не было. На очередной 1969–70 учебный год комплектующие органы МВД Эстонии, УВД Новгородской и Псковской областей не смогли выполнить разнарядку по комплектованию школы. Часть прибывших кандидатов не смогли сдать вступительные экзамены. В результате школа оказалась укомплектованной только на 70%. Пришлось обращаться за помощью в Управление учебных заведений. На доукомплектование школы были направлены аби-

туриенты, не прошедшие по конкурсу в другие учебные заведения МВД. Таким образом, удалось укомплектовать школу количественно. Каково было качество на данном этапе, сказать было сложно, можно было только предполагать. Наши предположения с учетом опыта прошлых лет не были радужными. Предстояла напряженная работа.

На очередном заседании Педагогического совета возник вопрос о 25-й годовщине школы. Я полагал, что эту дату отметим скромно. Условия и обстановка сложные, проблем ворох, и отвлекаться на празднества не следует. Однако перевесило другое мнение, сводившееся к тому, что первый юбилей школы нужно отметить для того, чтобы привлечь внимание к школе со стороны местных органов власти, МВД Эстонии и МВД СССР. Юбилей школы решили отметить 29 ноября 1969 года в день ее создания. Времени оставалось крайне мало.

На подготовку к этой дате привлекли весь коллектив школы. Это хочу особо подчеркнуть. Готовились по различным направлениям. Каждый работник постоянного состава имел какое-либо поручение. Через них в работу вовлекались курсанты. Основное внимание, наряду с другими вопросами, уделялось приведению в надлежащий вид учебно-материальной базы. Недюжинные способности в области организаторской работы проявил заместитель начальника школы по политико-воспитательной работе. Имея хорошие контакты в партийных и советских органах, он привлек их внимание к школе и ее проблемам. За коротких два месяца была проделана колоссальная работа.

Торжественное собрание, посвященное юбилею школы, проводилось в актовом зале Таллиннского политехнического института, расположенного в непосредственной близости от школы. Там же на базе столовой состоялся торжественный ужин. На торжествах присутствовали министр внутренних дел Эстонии, начальник управления учебных заведений МВД СССР, заведующий отде-

ла административных органов ЦК компартии Эстонии, начальник управления материально-технического и военного снабжения западного округа МВД СССР, представители комплектующих органов, представители местных партийных и советских органов, представители территориальных органов МВД и многие другие.

Торжественное собрание и торжественный ужин прошли действительно торжественно, даже, возможно, излишне помпезно. Обмениваясь мнениями с гостями, особенно прибывшими из-за пределов республики, слышал от них восхищенные отзывы. Особенно восхищался начальник западного окружного снабжения, он же передал хорошие отзывы начальника Управления учебных заведений, хотя сам шеф открыто этих отзывов не высказывал. Это было вполне объяснимо.

На следующий день начальник Управления учебных заведений и начальник окружного снабжения ознакомились со школой и увидели ее бедственное положение, особенно в области материальной базы и материального снабжения. Это знакомство со школой позволило руководителям понять наши проблемы. Забегая вперед, отмечу, что по линии УУЗ было обещано увеличение финансирования. Действительно, финансирование на 1970 год было значительно увеличено на учебные и лекционные расходы, на капитальный и текущий ремонт. По линии западного окружного управления снабжения была оказана значительная помощь. Выделено современное электрооборудование для пищеблока. В начале 1970 года стала поступать мебель для столовой. Были выделены кредиты для приобретения на месте классной мебели. Министр внутренних дел Эстонии подарил школе несколько телевизоров.

Таким образом, задача привлечения внимания к школе была решена. Она дала свои плоды в виде улучшения материально-технического и финансового обеспечения материалами и оборудованием.

- Любые сложные задачи можно успешно решить, если привлечь к их решению как можно больше людей.

Из краткого периода деятельности предшествующего юбилею, а также анализируя объем выполненных работ, я сделал один очень важный для дальнейшего вывод: любые сложные задачи можно успешно решить, если привлечь к их решению как можно больше людей. Это способствует не только решению поставленных задач, но, что очень важно, сплачивает коллектив единством целей и задач.

Коллектив постоянного состава не был сплочен. Он был способен решать стоящие перед школой задачи, но при этом он не был сплочен. Разобщению коллектива способствовали постоянные разборки руководителей школы между собой. Каждый искал себе поддержку у определенной группы своих сторонников и тем самым разобщал коллектив. Учитывая это, я поставил перед собой как одну из главных и первоочередных задач сплочение коллектива постоянного состава. Ясного и четкого представления, как это сделать, я не имел. Один из способов (методов) этой работы был затронут выше. Остальное делалось на ощупь, интуитивно.

Большое влияние в коллективе имели партийная, комсомольская и профсоюзная организации, которые обладали большим потенциалом в этом вопросе. Стал больше опираться на них. Через начальников различных степеней и рангов стал ставить задачу сплочения их коллективов, при этом на принципиальной основе. Конечно, одним росчерком пера или каким-либо одним действием решить эту задачу невозможно. Это процесс постоянного действия. Принимая какое-либо решение, всегда нужно было думать, как оно отразится на коллективе, как оно будет воспринято коллективом, что нужно делать, чтобы найти поддержку в коллективе. Принимая управленческое решение, ставя какую-либо стратегическую задачу, всегда нужно было найти определенное место в их

решении каждому члену коллектива, делать его ответственным за решение того, что ему поручено. В дальнейшем по ходу изложения будет видно, как этот принцип сопричастности и ответственности реализовывался на практике при решении конкретных задач.

Комплектование школы

К этому вопросу я возвращаюсь вновь и еще раз хочу подчеркнуть, что это очень важный для деятельности школы вопрос. От него во многом зависело качество подготовки специалистов. Меня этот вопрос очень волновал. Итоги работы по комплектованию школы на 1969–70 год показали в очередной раз, что укомплектовать школу только с помощью имеющихся комплектующих органов невозможно. Мы в школе были твердо убеждены, что только расширение базы комплектования позволит решить задачу качественного отбора абитуриентов.

На очередном ежегодном итоговом совещании в МВД СССР беседовал с несколькими руководителями УВД областей. Некоторые УВД были заинтересованы в подготовке кадров на базе нашей школы. В свою очередь, переговорил на эту тему с руководством Управления учебных заведений и высказал свое видение решения этого вопроса. Управление также было согласно и считало необходимым увеличить число комплектующих базовых органов. Дальнейшее практическое решение этого вопроса зависело исключительно от Управления учебных заведений. Именно управление должно было внести соответствующие предложения Управлению кадров МВД СССР.

В марте 1970 года поступил приказ МВД СССР по вопросам комплектования учебных заведений системы МВД. В нем было предусмотрено увеличение числа комплектующих органов для нашей школы. Дополнительно к имеющимся комплектующим органам школу должны были комплектовать УВД Калининской, Костромской и Ярославской областей. Таким образом, организа-

ционная сторона вопроса комплектования была решена. Мы понимали, что в организации комплектования школы мы должны принимать активное участие, найдя приемлемые для нас формы. Дело осложнялось тем, что учебным заведениям было запрещено непосредственно комплектовать себя курсантами. Это можно было делать только через комплектующие органы. Была разработана развернутая программа участия школы в работе по комплектованию. Остановлюсь на некоторых вопросах этой работы.

Мы своевременно подготовили рекламные буклеты о школе, тексты объявлений для областных газет и направили их в комплектующие органы. Направили в базовые области работников школы, чтобы на месте согласовать вопросы взаимодействия. Направляя курсантов выпускного курса на оперативную стажировку, перед каждым из них поставили задачу отбора кандидатов на учебу по месту стажировки. Перед преподавателями – руководителями стажировки также стояла задача решать на месте вопросы отбора абитуриентов. Школой был подготовлен рекламный киноматериал о школе. Этот ролик длительностью показа 5 минут демонстрировался в большинстве кинотеатров Эстонии, а также неоднократно демонстрировался по Эстонскому телевидению.

МВД Эстонии считалось основным комплектующим органом, поэтому основное внимание школой было уделено в работе по комплектованию в Эстонии. Параллельно с работой в территориальных органах вели большую подготовительную работу непосредственно в школе. Определили преподавателей, которые должны были «вести» абитуриентов с момента их прибытия в школу и до решения комиссии о зачислении курсантами, преподаватели-офицеры, а также другие работники были тщательно проинструктированы о методике изучения абитуриентов.

Таким образом, в работу по комплектованию школы был включен весь постоянный состав, начиная от официантки столовой до начальника школы. В этой работе участвовали также

курсанты. Для того чтобы в ходе сдачи вступительных экзаменов была высокая организованность и порядок, мы оставили в школе необходимое количество курсантов первого курса и назначили их командирами взводов, комплектуемых на период сдачи экзаменов. Курсанты-командиры оказали большую помощь в изучении абитуриентов, т.к. весь период сдачи экзаменов находились в тесном контакте с ними.

Руководство работой по комплектованию я принял на себя. Отрадно было слышать, когда из ряда комплектуемых областей звонили и информировали о ходе комплектования и просили принять абитуриентов сверх установленной разрядки. Давать согласие на это было рискованно, т.к. могло привести к перерасходу средств, предусмотренных на вступительные экзамены, тем более, что кандидаты бесплатно питались в столовой. Как правило, такое согласие давал.

Одновременно с работой по комплектованию нужно было решать и другие не менее важные вопросы. Это организация стажировки курсантов выпускного курса, экзаменационная сессия и стажировка курсантов первого курса, проведение государственных выпускных экзаменов. Даже простой перечень задач, которые нужно было решить за короткое время (июнь, июль, август), говорит сам за себя. Тем более, что это были вопросы сложные с точки зрения организации и привлечения для участия в них большого количества практических работников. Например, только в работе государственной выпускной комиссии и в приеме экзаменов участвовало более 50 человек. Государственные экзамены длились один месяц. Не менее сложной была организация стажировки. В ее проведении участвовало еще большее количество практических работников, тем более, что стажировку курсанты проходили в комплектуемых областях за пределами республики.

Для привлечения внимания к школе договорились, что выпускников-отличников будут принимать в Президиуме Верховного

Совета Эстонии. Организацию этого приема взял на себя заместитель начальника школы по политико-воспитательной работе, он же был инициатором этого приема. Выпускников школы отличников принимал председатель Президиума Верховного Совета. На приеме присутствовали министр внутренних дел Эстонии, заведующий отделом административных органов ЦК компартии Эстонии и руководство школы. Такие приемы стали традицией и в дальнейшем проводились ежегодно.

С нетерпением ожидали начала сентября 1970 года, когда начнут прибывать абитуриенты. Поступивших личных дел на абитуриентов было достаточно, чтобы укомплектовать школу. Все зависело от того, сколько их прибудет для сдачи вступительных экзаменов. Затраченный колоссальный труд оправдал себя. На 120 приемных мест прибыло 215 кандидатов. Часть прибывших не сдали вступительные экзамены и уехали. Всего 176 абитуриентов предстали перед приемной комиссией. Впервые за долгие годы был даже небольшой конкурс. В работе приемной комиссии участвовали представители комплекующих областей. Зачислили в школу 135 курсантов.

Я был доволен итогами работы. Впервые за долгие годы школа была укомплектована полностью и даже с небольшим резервом. К сожалению, отдел кадров МВД Эстонии не смог отобрать на учебу необходимого количества абитуриентов. Этот пробел восполняли за счет других комплекующих областей. С представителями УВД комплекующих областей согласовали многие вопросы дальнейшего сотрудничества и не только по вопросам комплектования. Рассматривались вопросы проведения стажировки в комплекующих (базовых) областях, оказания помощи школе в подборе фактического материала из практики работы органов внутренних дел и многие другие.

Столь подробно остановился на комплектовании школы в связи с тем, что данный вопрос имел очень важное значение, и кроме

того было показано, какой объем работы был выполнен, чтобы укомплектовать школу. На практике была отработана и проверена методика этой работы и определена целесообразность проведения тех или иных мероприятий.

Вопросы расширения учебно-материальной базы школы

Ранее уже затрагивался вопрос об учебно-материальной базе, давалась ее характеристика, и тем не менее вернуться вновь к этому вопросу. Школа находилась в Нымме в пригороде Таллинна. Это живописный, утопающий в зелени район. Здания школы располагались на окраине парковой зоны. Школа занимала два основных здания, несколько маленьких построек, не приспособленных для учебного заведения такого типа. В школе отсутствовали лекционные залы, помещения для учебных кабинетов, не было спортивного зала и стрелкового тира, при библиотеке отсутствовал читальный зал. Учебные классы не отвечали требованиям и установленным нормативам. Требовалась реконструкция жилого корпуса. Размещение курсантов в нем строилось по казарменному типу 22–30 человек в одной комнате. Необходимо было заняться материально-технической базой хозяйственных служб.

Школа организационно и структурно была построена по типу воинских частей, вела свое хозяйство и имела в своем составе хозяйственный отдел с его службами: продовольственная, вещевая, автотранспортная, служба вооружения, столовая. Небольшая санитарная часть оказывала первичную медицинскую помощь и имела свой изолятор на 6 койко-мест. Школа имела свою смету и свою финансовую часть. После юбилея школы мы как бы вступили в новую эпоху, хорошо укомплектовались, провели необходимые заготовки продуктов на зиму по линии продовольственной службы, обеспечили потребности в вещевом снабжении на год.

Но незаметно возник новый конфликт. Дело было связано с деятельностью замначальника школы по политико-воспитательной работе. Он странно повел себя в коллективе, стал конфликтовать с работниками постоянного состава. В коллективе постоянного состава обострил отношения до такой степени, что пришлось вмешаться и гасить конфликт. Разговоры с ним по вопросам взаимоотношений в коллективе воспринимал болезненно, считая, что к нему относятся предвзято и необъективно. По его заявлению в школе дважды работала комиссия, в том числе и ЦК компартии Эстонии.

Последняя комиссия высказала предложение освободить заместителя начальника школы по политико-воспитательной работе от должности. Приказом МВД СССР он был освобожден от занимаемой должности. В последующем выяснилось, что он страдал психическим заболеванием. Этим объяснялась его конфликтность. Вероятно, в ЦК компартии Эстонии, где он до этого работал, знали о его заболевании и избавились от него, направив в школу. Эта нервотрепка длилась в школе более полугода. Коллектив лихорадило, вопросы решались с какой то оглядкой, неуверенностью.

Однако вернемся к вопросу о материальной базе школы. Попытаюсь определить, что же нужно было школе в тот период.

1. Построить новый учебный корпус, в котором предусмотреть весь набор учебных помещений из расчета на 250 учащихся, а именно: учебные классы, учебные кабинеты, актовый зал, лекционные залы, помещения для библиотеки, лаборатории, рабочие кабинеты для офицеров и преподавателей.

2. Построить спортивный комплекс, в котором предусмотреть: игровой зал средних размеров, зал борьбы, стрелковый тир, раздевалки, душевые комнаты, учебный кабинет военно-физической подготовки и рабочие кабинеты для преподавателей.

3. Построить здание пищеблока с набором следующих помещений: варочный цех с набором всех технологических помещений, обеденный зал на 250 посадочных мест.

4. Построить подземное овощехранилище с надземными складскими помещениями для продовольствия. Школа вела хозяйство типа войскового и занималась заготовкой и хранением овощей и корнеплодов из расчета годового обеспечения. Для этого нужно было овощехранилище для хранения 45 тонн овощей и корнеплодов. Нужен был квасильный пункт для квашения и хранения капусты и помещение холодильных камер для хранения мясных и рыбных продуктов.

5. Построить гаражи с утепленными боксами для стоянки хотя бы части автомобильного транспорта.

В апреле 1971 года при обсуждении на Педагогическом совете вопроса о совершенствовании учебно-материальной базы школы я высказал свое видение решения этого вопроса. Как мне показалось, воспринято это было с интересом, но без энтузиазма и даже с элементами скептицизма. Откуда было появиться оптимизму? Ведь в течение 26 лет существования школы не удавалось расширить ее материальную базу ни на один квадратный метр. А предлагается такой фантастический план совершенствования, а точнее, строительства материальной базы.

► Откуда было появиться оптимизму? Ведь в течение 26 лет существования школы не удавалось расширить ее материальную базу ни на один квадратный метр.

Многие думали и даже высказывали вслух свои сомнения о реальности подобных планов. Были высказывания и такого рода, что начальник школы просто авантюрист. Действительно, практически нужно было заново построить здания школы. При отсутствии лимитов на строительство осуществить этот план было невозможно. Кроме того, на строительство новых зданий нужны были проекты и разрешение архитектора города. И тем не менее,

посоветовавшись с заместителями, решил начать строительную эпопею.

Определили наше видение, где и что строить. Для консультаций пригласили специалиста-строителя. После обстоятельных консультаций решил начать со строительства овощехранилища. Почему именно овощехранилища? При его строительстве не требовалось дефицитного строительного материала. Нужны были фундаментные блоки, панели для перекрытий, кирпич, цементный и известковый раствор. Строительные материалы приобретали по бартеру. Дело в том, что расположенные в Нымме два завода по изготовлению строительных материалов испытывали серьезный дефицит рабочей силы, поэтому не работала третья смена. Заводы были заинтересованы в нашей рабочей силе. Школа же была заинтересована за заработанные деньги приобрести по себестоимости необходимые строительные материалы. При таком способе приобретения строительных материалов был большой риск, т.к. использовать курсантов на работах за пределами школы было запрещено. Риск приходилось сводить до минимума следующим образом:

- ▶ на работу направлялись курсанты по собственному желанию без отрыва от учебы в субботу и в воскресенье;
- ▶ курсанты, отработавшие на заводе определенное количество часов, получали краткосрочный отпуск;
- ▶ мы вели серьезную работу среди постоянного состава и курсантов, разъясняя, что только активным личным участием сможем решить насущные вопросы совершенствования материальной базы.

Определенный риск был и в том, что нас могли обвинить в незаконном самовольном строительстве. Ведь строительство велось по упрощенным проектам, точнее, по монтажным проектам, разработанным строительными организациями и не согласованными с архитектурными органами. Но и здесь мы нашли выход из положения, обезопасив себя от неприятностей. Ознакомившись

внимательно с генеральным планом территории, мы установили, что на местах, где планировали новое строительство, находятся сейчас или находились ранее какие-либо здания. Под видом реконструкции этих зданий и велось новое строительство.

Требовались строительные лимиты на реконструкцию и капитальный ремонт. Как депутат районного Совета через исполком района добивался этих лимитов в ремонтно-строительных организациях. Ремонтно-строительные организации были заинтересованы в наших работах, т.к. они были «денежными» и легко было выполнять план ремонтных работ. Поэтому они содействовали тому, чтобы наши работы были включены в их титульный список.

Нужно отметить, что нам серьезно помогало Ленинградское окружное управление материально-технического и военного снабжения МВД СССР. Оно выделяло нам фонды на строительные материалы и металл. Управление учебных заведений МВД СССР ежегодно увеличивало финансирование на капитальный ремонт. К этому времени в штат школы была введена должность заместителя начальника школы по хозяйственной части. Вдохнул несколько свободнее, т.к. вопросы повседневного руководства хозяйственной деятельностью возлагались не него.

На должность заместителя начальника школы по хозяйственной части был назначен Войнилович Геннадий Иосифович. Во время работы в территориальных органах милиции он обслуживал строительные организации и заводы строительных материалов, знал их руководителей. В дальнейшем под его непосредственным руководством осуществлялись ремонтно-строительные работы. Выше было сказано, что для начала мы остановились на строительстве овощехранилища.

В начале 1973 года мы выбрали ремонтно-строительную организацию, которая разработала рабочие чертежи и определила спецификацию строительных материалов. К началу строительных работ (май 1973 года) мы практически заготовили все

строительные материалы. К осени 1973 года овощехранилище было построено. Продовольственные заготовки закладывались в новое овощехранилище. При строительстве овощехранилища отработали технологию снабжения строительными материалами, взаимодействия со строительной организацией и так далее. При очередной ревизии финансовой деятельности школы возникли проблемы с законностью финансирования капитального ремонта. Ревизор считал, что было осуществлено новое строительство. Однако мы доказывали и обосновывали, что осуществляли реконструкцию имеющегося овощехранилища. В данном случае от неприятностей нас спас генеральный план, на котором было обозначено наличие подземного овощехранилища.

В 1975 году по такой же технологии построили отапливаемые гаражные боксы, куда можно было разместить пять автомобилей.

В 1976 году начали строительство стрелкового тира. Предполагалось, что это первый этап строительства спортивного комплекса. В связи с тем, что над стрелковым тиром предполагалось строительство этого комплекса, отделочные работы в тире были перенесены на более поздние сроки, т.е. после завершения работ в спортивном комплексе. После окончания строительных работ в стрелковом тире большинство работников постоянного состава поверили в реальность наших «нереальных» планов.

Начиная с 1974 года параллельно с ведущимся строительством стал активно ставить вопрос о строительстве учебного корпуса. Строить такой объект хозспособом не реально. К сожалению, МВД Эстонии и министр внутренних дел не поддерживали нашу просьбу. Стал ходить по другим инстанциям. Обратился в Госплан Эстонии. Там мне разъяснили тактику дальнейших действий. Нужно разработать проект на строительный объект, а затем действовать дальше. Госплан согласился выделить на 1975 год лимиты на проектные работы и определил проектную организацию. В 1976 году проектная документация была готова. Один из

заместителей председателя Госплана с пониманием отнесся к нашим проблемам и обещал помочь в строительстве.

В 1976 году стали создавать подсобное хозяйство. Подшефный совхоз передал нам во временное пользование заброшенный свинарник. Работы по его ремонту и реконструкции были завершены с помощью совхоза. В совхозе закупили свиноматок. Как правило, содержали одновременно 25 свиней. Произведенное мясо направляли в столовую на улучшение питания курсантов. В последующем свиней сдавали на мясокомбинат, т.к. использовать мясо для дополнительного питания было экономически невыгодно, ибо на каждом килограмме мяса мы теряли 70–80 копеек. На дополнительное питание приобретали другие продукты, более «ходовые» по запросам курсантов.

Нас за это критиковали, при ревизии хозяйственной деятельности записывали в акт проверки с предложением не повторять подобное. Но мы по-прежнему придерживались занятой нами позиции. При содействии подшефного совхоза стали создавать базу отдыха. Приобрели сборную финскую баню, к ней пристроили помещение с шестью комнатами. База отдыха была размещена на берегу реки Кейла, в укромном местечке, еще не испорченном человеческой цивилизацией. Весной в зарослях раздавались соловьиные трели, в пруду водились караси. Базой отдыха пользовались круглогодично. Я со своими заместителями часто пользовался финской баней (минимум один раз в неделю). После напряженного рабочего дня посещение бани снимало стресс и нагрузки.

- База отдыха была размещена на берегу реки Кейла, в укромном местечке, еще не испорченном человеческой цивилизацией. Весной в зарослях раздавались соловьиные трели, в пруду водились караси.

При содействии Госплана Эстонии строительство учебного корпуса было включено в титульный список на 1978 год. Хотя руководство министерства внутренних дел Эстонии прямо не выражало неудовольствия этим, но упреки в мой адрес высказывало, вероятно, потому, что действовал минувшее министерство. Таким образом, строительство учебного корпуса было запланировано на 1978 год с окончанием работ в 1979 году.

Строительство поручалось строительно-монтажному управлению МВД. В качестве рабочей силы использовались содержащиеся в лечебно-трудовом профилактории лица. Строительная организация была слабая с точки зрения оснащенности механизмами. Строительные рабочие также были невысокого класса – бывшие алкоголики. Договорились с проектной организацией, чтобы они осуществляли более тщательный авторский надзор за ходом строительства.

Одновременно со строительством учебного корпуса приступили к сооружению спортивного комплекса. Обеспечение этого объекта строительными материалами, рабочей силой и строительными механизмами осуществлялось школой. Часть строительных материалов не производилась в Таллинне, поэтому их пришлось завозить из других районов. Строить спортивный комплекс хозяйственным способом было очень сложно. Для завершения работ прилагались большие усилия. Кроме общестроительных работ нужно было вести сантехнические работы. Большие трудности пришлось преодолеть при прокладке теплотрассы для отопления и подачи горячей воды в душевые.

К концу 1979 года было закончено строительство учебного корпуса и спортивного комплекса. Таким образом, в течение семи лет мы выполнили намеченную программу строительных работ и получили в пользование столь необходимые нам площади. В течение 1979 и 1980 годов мы осваивали учебный корпус и спортивный комплекс.

Сейчас оглядываясь в прошлое, именно в период 1973–1980 годов, удивляюсь, каким образом все это удалось сделать. Часто приходилось идти на серьезный риск, балансировать на грани закона и беззакония, переносить предупреждения, нотации и унижения, когда приходилось выступать в роли просителя. Иногда в трудные минуты приходила мысль бросить все и начать спокойную, ритмичную, без риска трудовую деятельность, спать спокойно. Но разочарование и горечь проходили, и вновь оказывался в ритме активной работы.

Срыва и апатии не наступило, вероятно, потому, что я чувствовал поддержку всего коллектива, особенно работников постоянного состава. Мы все осознавали, что завершение строительства нужных для школы объектов облегчит работу нам всем. Большим подспорьем была дружная и сплоченная команда руководства школы – никаких трений и разногласий. Мы часто спорили, но дискуссии шли о том, как лучше реализовать тот или иной замысел.

Несмотря на большую занятость в школе, в феврале 1977 года был включен в состав комиссии по проверке Саратовской школы милиции. Это была полезная для меня командировка. Саратовская школа была одна из старейших школ, имела богатый опыт, считалась одной из лучших школ среди средних специальных учебных заведений МВД. Внимательно изучал опыт этой школы, особенно в организации учебно-воспитательного процесса. В Саратове ранее никогда не был, поэтому интересно было ознакомиться с достопримечательностями города. К сожалению, в зимний период не удалось посмотреть на широкие просторы Волги. Река была покрыта льдом.

Однако вернемся к школьным делам. Итак, что же было выполнено из задуманного в области совершенствования материальной базы школы?

Перечислю объекты в порядке очередности сдачи их в эксплуатацию.

1973 год – построено овощехранилище, продовольственные склады и квасильный пункт;
1975 год – построен гараж с отапливаемыми боксами;
1976 год – построен стрелковый тир;
1976 год – создали подсобное хозяйство, реконструировали свинарник;
1976 год – с помощью подшефного совхоза создали базу отдыха с финской баней и шестью комнатами для отдыха;
1979 год – закончили строительство учебного корпуса;
1979 год – закончили строительство спортивного комплекса.

Из намеченного осталось на тот момент не выполненным строительство здания для пищеблока. Но при проектировании учебного корпуса были сделаны наброски и отмечено на генеральном плане место строительства пищеблока,

Таким образом, был заложен проектный задел для строительства второй очереди. Осуществление и реализация этого этапа строительства перекладывалось на последующее поколение руководителей. Лично был доволен сделанным, хотя за эти годы в связи со строительством было много неприятного и переживаний.

Главное в деятельности школы – не строительство, а подготовка специалистов для органов внутренних дел. Здесь были свои проблемы и сложности, хотя происходящие изменения, особенно в структуре школы, были направлены на улучшение ее деятельности. В 1974 году должности преподавателей юридических дисциплин были переведены в категорию замещаемых офицерами. Часть работников цикла не желали быть аттестованными на офицерские должности и уволились. Те, кто был согласен, не мог быть аттестован по возрасту.

Это был серьезный удар по циклу, т.к. уходили специалисты высокого класса. Найти быстро замену было сложно. По-прежнему не удавалось укомплектовать должности инструкторов практического вождения автомобилей. Вместо штатных работников

использовались почасовики. Были вновь введены должности заместителей начальников курсов по воспитательной работе. Нужно было искать кандидатов на замещение этих должностей. Увеличился штат учебного отдела. В его составе появилась должность начальника отделения заочного обучения. В категорию офицерских была переведена должность преподавателя физической подготовки. Был создан цикл криминалистики и специальной техники. Для его комплектования нужны были кадры. Были и другие изменения.

Как видно из сказанного, в структуре и в кадровом составе школы происходили постоянные и серьезные изменения. То, что в школе прибавилось офицеров, было положительным явлением. Этого мы добивались несколько лет. За работу с кадрами нес личную ответственность начальник школы.

Много было и другой текущей работы. Школа – живой организм, все было в постоянном движении и изменении. Работой был загружен до предела. Иногда даже приходилось оставаться в школе на ночь. Рядом с рабочим кабинетом была комната, в которой на всякий случай стояла кровать. В связи с особым режимом работы школы в летнее время, когда присутствие начальника школы при проводимых мероприятиях считалось крайне необходимым, в отпуск уходил, как правило, зимой.

В семье произошли изменения. В 1974 году дочь вышла замуж и уехала в город Раквере по месту службы мужа. Неприятным событием была болезнь жены. У нее обнаружили злокачественную опухоль и в 1974 году оперировали. Надеялись на благоприятный исход. Тем более, что после операции она чувствовала себя хорошо и воспрянула духом. Но постепенно ее стали тревожить боли. Было заметно, как она постепенно угасала. В апреле 1976 года пытался поместить ее на лечение в онкологическую больницу. При беседе с лечащим врачом и заведующим отделением выяснилось, что они не считают целесообразным и нужным ее лечение

в условиях больницы, т.к. лечение не поможет, а только усугубит ее страдания. Это заявление медиков меня шокировало и выбило из нормальной колеи. Я не считал себя человеком слабовольным, но когда это касалось близкого тебе человека, поневоле на какое-то время оказываешься отрешенным от окружающей суеты. По истечении какого-то времени нашел в себе силу воли не расслабляться, а действовать более активно.

Но, что делать? Как помочь? Единственное – прием обезболивающих медицинских препаратов. Было заметно, что она каждый день угадает. Несмотря на боли, она пыталась быть бодрой, выходила в парк на прогулки. В конце мая 1976 года состояние больной значительно ухудшилось. Договорился в медицинском отделе МВД о помещении ее в больницу МВД. Там ей была обеспечена медицинская помощь. Днем за ней был обеспечен уход работниками больницы. На ночь я оставался в ее палате. Участвовала в дежурстве у кровати больной также Нина Лопатюк.

Тяжело наблюдать за медленно умирающим близким человеком. Но это своего рода очищение. Так казалось мне. 7 июня 1976 года Лидия Георгиевна умерла. Вместе мы прожили 24 счастливых года. И все это сразу оборвалось. Через некоторое время судьба преподнесла еще один удар. 25 июня 1976 года умерла мать жены Анетте Тааветовна Графова. Только теперь я почувствовал одиночество.

Одиночество угнетало. Поэтому чаще стал задерживаться на работе до поздней ночи. Иногда оставался ночевать в школе. В какой-то мере работа способствовала отвлечению от грустных мыслей. Умом понимал, что жизнь продолжается.

Но одно – понимать, и совершенно иное – жить. С благодарностью вспоминаю о родственниках, друзьях и знакомых, которые были внимательны ко мне в это трудное время. Их внимание и поддержка помогли преодолеть эту боль и утрату. Часто навещал дочь в Раквере. В грустные минуты, в минуты одиночества, са-

дился в машину и уезжал на несколько часов. Общение с семьей дочери морально успокаивало. Проведенные с ними несколько часов были элексиром.

В апреле 1977 года мне сообщили, что предстоит командировка во Вьетнам, вероятно, летом этого года. Цель командировки, дата отправления и ее длительность не были известны. Просто сообщили – готовься. К чему готовиться, не знал.

Решил пойти в отпуск и поехать в санаторий. После трагических семейных событий отпуск был необходим. Отдых в санатории не «сидел». Не мог себе найти места. Замкнулся в себе. Одиночество угнетало. Поэтому отпуск прервал и уехал до окончания срока путевки. На обратном пути в Управлении учебных заведений узнал более подробно о командировке.

Командировка во Вьетнам была связана со строительством школы для МВД Вьетнама. Выезжала бригада специалистов-проектировщиков. В ее составе я должен был выполнять обязанности методиста, т.е. консультировать проектировщиков по вопросам специфики деятельности учебных заведений МВД и как эта специфика должна отражаться в проекте.

Бригаду в полном составе собрали в Москве в начале июля 1977 года. Провели рабочие инструктажи. Во Вьетнам летели окружным путем, через Африку. Это был первый для меня столь длительный перелет, 22 часа в воздухе. Первая промежуточная посадка в Кувейте в ночное время. При выходе из самолета мы зашли в темную ночь, окружающий воздух накален. Казалось, что мы зашли в парилку. Затем посадки были в Бирме, Индии и Лаосе. При посадках мы находились в транзитной зоне, и тем не менее было интересно осмотреть магазины. Купить мы ничего не могли, не было валюты.

В Ханое, конечном пункте нашего прибытия, нас встретили представители МВД Вьетнама. Разместили в гостиничном комплексе для иностранцев. Условия вполне нормальные. Смущало

и создавало некоторое неудобство то, что в комнате было много летающей и ползающей твари. Особенно смущали и оставляли неприятное впечатление ползающие по потолку и стенам маленькие ящерицы. Иногда они срывались с потолка и падали на голое тело, цепляясь острыми когтями. В последующем, к этому привыкли. Спали на кровати под балдахином. Сначала поднимали балдахин и выгоняли из-под него летающую живность. Затем опускали балдахин, слушали и смотрели – нет ли под ним какой-либо живности. И только после этого можно было спокойно укладываться спать.

На следующий день после прибытия нас принимал заместитель министра внутренних дел Вьетнама. Это была встреча вежливости. Деловые вопросы на ней не обсуждались. Во второй половине дня состоялась встреча в посольстве СССР с главным экономическим советником. Он ввел нас в курс дела и познакомил с особенностями нашей работы. Нам предстояло в районе, указанном вьетнамской стороной, определить место строительства средней школы МВД, определить набор помещений и составить задание на дальнейшую архитектурную разработку. Первое заседание состоялось с участием представителей вьетнамской стороны. В этом составе нам предстояло работать целый месяц.

Проектируемый объект был дарственным от МВД СССР, и предполагалось, что это будет среднее специальное учебное заведение. Именно такое учебное заведение дарили Вьетнаму. Однако вьетнамская сторона считала, что это должна быть высшая школа. Вокруг этого вопроса велись дискуссии несколько дней. О ходе работы и точке зрения вьетнамской стороны информировали старшего экономического советника, а через него – МВД СССР. Через посольство СССР был получен ответ, подтверждающий, что дарственным объектом является среднее специальное учебное заведение. Его следует проектировать.

В связи с этим мне пришлось много и напряженно работать, определяя набор помещений такого учебного заведения. Сроч-

ность работы вызывалась тем, что в дискуссиях было затрачено много времени, и чтобы уложиться в предусмотренный график, нужно было проектировщикам выдать набор помещений. Без этого они не могли продолжать работу. Вьетнамская сторона неохотно соглашалась на такое проектирование, но я пытался объяснить, что в проектируемом комплексе можно с успехом разместить высшее учебное заведение.

В дальнейшем работа шла на местности, где предполагалось строить учебное заведение. В ходе общения при обсуждении вопроса о наборе помещений вьетнамская сторона, особенно начальник высшей школы МВД, желали получить данные о структуре учебного плана средней школы, содержании учебных дисциплин, входящих в цикл специальной подготовки. Их также интересовало содержание курса оперативно-розыскной деятельности. Полномочий для передачи таких сведений я не имел и поэтому рекомендовал обратиться в наше посольство, чтобы этот вопрос был согласован с МВД СССР. Через несколько дней было получено разрешение на обсуждение этих вопросов с ограниченной аудиторией, определяемой вьетнамской стороной. В течение двух дней беседовал с небольшой группой людей по интересующим их вопросам.

Наряду с работой в свободное время знакомились с достопримечательностями Вьетнама. Посетили многие места: острова, где зарождалось и формировалось движение сопротивления против французов, посетили поселок – центр Французского губернаторства. Как символ французской империи поселок был полностью разрушен. Судя по фотографиям, это был красивый центр, прелестная природа. Вьетнамцы сожалели, что все оказалось разрушенным.

Посетили Дананг, город, который подвергался жестоким налетам американской авиации. Он был полностью разрушен, и создавалось впечатление мертвого города. Вдоль реки, протекающей

через Дананг, на протяжении 5–6 км стояли разбитые океанские корабли-грузовозы. Это было кладбище кораблей иностранных государств.

Посетили и отдыхали в течение двух дней в правительственной зоне отдыха. Построенная французами, она была в хорошем состоянии, но пустовала. В течение двух дней нашего пребывания на отдыхе был только один человек. Это был начальник генерального штаба вьетнамской армии. Мы общались с ним. Он хорошо владел русским языком.

Завершался срок нашей командировки. В связи с разногласиями сторон никакое решение принято не было. Мы составили перечень помещений для средней школы, выполнили другую документацию. Один экземпляр оставили вьетнамской стороне и улетели домой. По прибытии в Таллинн узнал приятную новость. Стал дедушкой. 08.08.1977 года появилась на свет внучка, которую нарекли Юлей. Некоторое время она находилась у родителей мужа, а затем вся семья перебралась ко мне. Прибавилось забот, но это были приятные хлопоты. В доме звучал детский голос, правда, чаще это был плач малыша, а это значило, что жизнь продолжается.

На работе по-прежнему было много забот. Особое внимание пришлось уделить комплектованию школы. Плохо шло комплектование по линии МВД Эстонии. Объем работ был проведен большой как школой, так и МВД Эстонии, но результат был незначительный. Стало известно, что Олимпийская парусная регата будет проходить в Таллинне. Школа будет привлечена к несению службы по обеспечению порядка и безопасности в Центре парусного спорта. Привлекались также Каунасская школа милиции и Вильнюсская школа подготовки начсостава. Все трем школам были определены объекты охраны.

- ▶ Таллиннская школа милиции – гостиничный комплекс;
- ▶ Каунасская школа милиции – причалы;
- ▶ Вильнюсская школа МВД – контрольно-пропускные пункты.

На нашу школу была возложена задача разработки дислокации постов для всех учебных заведений, принимающих участие в несении службы. Этой работой стали заниматься с конца 1977 года с таким расчетом, чтобы до июня 1978 года дислокация постов была готова и ее можно было бы проверить при несении службы на Балтийской парусной регате 1978 года. В школе была создана специальная рабочая группа, которая занималась разработкой дислокации постов. Сложность заключалась в том, что не был готов Олимпийский центр парусного спорта. По чертежам было сложно представить реальную обстановку и определить места расположения постов. Кроме того, мы не имели цельного представления о системе охраны в целом. Только в феврале 1978 года прояснилась система охраны Центра парусного спорта и мы могли увязать свои посты с общей системой охраны. В итоге многое пришлось пересматривать и решать по-новому.

К началу Прибалтийской парусной регаты 1978 года дислокация постов была готова, и мы смогли нести службу в соответствии с новой дислокацией. В предыдущие годы при проведении парусных регат мы выделяли личный состав в распоряжение УВД города Таллинна. На этой регате всю организацию и несение службы решили взять на себя, чтобы приобрести опыт организации службы и проверить самим реальность наших схем несения службы. После окончания парусной регаты мы подвели итоги несения службы и снова внесли некоторую корректировку в наши планы.

В начале 1978 года поступило указание Управления учебных заведений МВД о внесении изменений в учебный план и график учебного процесса с целью изучения соответствующих дисциплин и тем с учетом требований подготовки к Олимпийской парусной регате. Вводилось изучение иностранных языков. В 1978–79 учебном году вводилось изучение немецкого, английского, французского и испанского языков. Следовало найти преподавателей. Если с подбором преподавателей немецкого и английского языков

трудностей не было, то найти преподавателя французского языка и особенно испанского языка было сложно. С небольшим опозданием приступили к изучению иностранных языков. Курсанты к изучению иностранных языков отнеслись серьезно и заинтересованно. Знание иностранного языка нужно было не только в период несения службы на регате, но и при поступлении в высшие учебные заведения.

Дополнительной нагрузкой для школы стало обучение военной подготовке лиц призывного возраста, поступивших на учебу из МВД Эстонии. В связи с проведением регаты республика добилась разрешения Генерального штаба вооруженных сил о направлении на учебу 50 человек призывного возраста.

В связи с подготовкой к Олимпийской парусной регате и продолжающимся строительством объектов школы нагрузка на школу значительно увеличилась. В школу зачастили представители различных вышестоящих инстанций с контрольными проверками. Представители Управления учебных заведений МВД проверяли организацию подготовки к службе на олимпийских объектах; представители отдела политико-воспитательной работы проверяли состояние воспитательной работы; снабженцы из окружного управления проверяли материально-техническую готовность.

Кроме того, в школу довольно часто приезжали представители Каунасской и Вильнюсской школ. Они должны были хорошо знать условия несения службы с учетом дислокации постов. Инструктажи, как правило, проходили на местности, тем более, что Центр парусного спорта был возведен, шли отделочные работы. По линии штаба службы безопасности на меня как на заместителя начальника штаба возлагались вопросы обеспечения безопасности и руководство личным составом трех школ, задействованных по этой линии. Таким образом, обеспечение безопасности в гостинице, в портах, на причалах и пропускной режим возлагались на меня. С руководством школ договорились, что в плане реализа-

ции общей стратегии они действуют самостоятельно. Изменения в несении службы будут реализовываться непосредственно через начальников школ.

Закончился 1978–79 учебный год. В течение этого года были проведены организационные мероприятия, связанные с подготовкой к Олимпиаде. 1979–80 учебный год был решающим. Отрабатывались различные варианты действий при возникновении нештатных ситуаций. Эти вопросы сначала отрабатывались в школе на макете Центра парусного спорта, а затем – непосредственно в Центре парусного спорта. Было принято решение, что наряды будут нести службу без оружия. Это потребовало изменить тактику действий и пересмотреть вопросы обучения действиям при различных нештатных ситуациях.

Известно, что на всех Олимпийских играх серьезное внимание уделялось деятельности служб безопасности. Эти службы были хорошо вооружены, вплоть до привлечения бронетехники и авиации, а в Канаде даже военно-морских сил. Решение обеспечить безопасность на данных олимпийских играх без оружия было пощечиной для Запада. Приезжающие в Таллинн зарубежные корреспонденты, как правило, интересовались, каким образом будет обеспечена безопасность нарядами при несении службы без оружия. Реально ли это? Начальник штаба постоянно отговаривался общими формулировками, не раскрывая тактики несения службы.

Но однажды руководством было принято решение показать на практике действия одной из групп по освобождению заложника. Действия группы были настолько быстрыми и решительными по преодолению ограждений Центра парусного спорта и освобождению заложника, что корреспонденты не успели сделать ни одного фотоснимка. Они просили повторить операцию, но этого сделано не было. Один западногерманский журналист написал большую статью о подготовке к Олимпиаде в Таллинне, в том числе коснувшись службы безопасности. Статья, касающаяся службы безопасно-

сти, была в целом положительная, но в конце статьи было сделано такое резюме: конечно, им не нужно оружие, они обеспечат безопасность без оружия, т.к. службу там будут нести подготовленные головорезы из Таллиннского полицейского колледжа.

Такая статья МВД СССР не понравилась, и меня вызвали в Москву на очередное заседание Олимпийского штаба службы безопасности. Мои объяснения, вероятно, не были достаточно убедительными, и нависала угроза неприятностей. На этом же заседании присутствовал заместитель председателя КГБ Эстонии. Он объяснил, что решение о проведении показательной акции принимал штаб, а не Назимов. Я был исполнителем воли штаба. Это спасло меня от серьезной экзекуции.

- В конце статьи было сделано такое резюме: конечно, им не нужно оружие, они обеспечат безопасность без оружия, т.к. службу там будут нести подготовленные головорезы из Таллиннского полицейского колледжа.

Приближалась Балтийская парусная регата 1979 года. Было принято решение обеспечение безопасности во время регаты осуществлять максимально приближенно к действиям в олимпийском варианте. Выполнение такого решения отрывало от учебы большую группу курсантов, но было крайне необходимо. В процессе несения службы на регате мы проверили нашу систему охраны порядка и обеспечения безопасности и убедились, что курсанты обладают определенными навыками несения службы. Эти навыки пополнились на регате.

Но мы выявили определенные недостатки, особенно в области морально-психологической подготовки. Курсанты при непосредственном контакте с иностранцами проявляли некоторую

робость и нерешительность. Я понял, что это наша вина. Мы постоянно внушали курсантам: при несении службы быть вежливыми и корректными в общении с иностранцами и по существу создали в них синдром боязни и нерешительности. Иностранцы иногда вели себя нахально – это также усиливало чувство нерешительности. Лично неоднократно сталкивался с такими фактами. Без решительных действий в таких случаях невозможно обеспечить необходимый порядок. Чаще всего такие инциденты происходили при проверке документов на право входа в гостиницу. В течение 1979–80 учебного года мы проводили работу по исправлению этого недостатка.

Подготовка к Олимпийской парусной регате отнимала у меня основное рабочее время. Но нужно было заниматься и другими вопросами деятельности школы. В стадии завершения находилось строительство учебного корпуса. Нужно было решать многие вопросы строительства спортивного комплекса. Ранее указывалось, что мы его строили хозяйственным способом. Такую стройку нужно было самим обеспечивать строительными материалами и рабочей силой. Этими вопросами непосредственно занимался заместитель по хозяйственной части, но многие принципиальные вопросы, особенно финансовые, приходилось решать мне. Нужно было следить, как идет обеспечение вещевым имуществом лиц, которые будут задействованы при несении службы в Центре парусного спорта. Вопросы учебной работы меня меньше волновали, ибо там было все расписано и обеспечено материальными и людскими ресурсами, тем более, учебным процессом руководили два опытных работника – начальник учебного отдела и его заместитель. За порядком в школе следил заместитель начальника школы по строевой части.

Актуальным для школы был квартирный вопрос. Через МВД Эстонии мы получали какое-то количество квартир, но удовлетворить жильем всех нуждающихся не удавалось. По нашей за-

явке Управление учебных заведений МВД СССР давало деньги на приобретение жилой площади, но реализовать их было очень сложно, т.к. все упиралось в лимиты строительства жилья. Все замыкалось на Госплан Эстонии. Пришлось прибегнуть к небольшой хитрости. Руководящий работник Госплана просил выделить квартиру работнику школы, который стоял в очереди на получение жилья, но не в первой тройке. Но школа в настоящий момент не располагала свободной жилой площадью. Работник Госплана обещал обеспечить получение квартиры через исполком гор. Таллинна, а также брал на себя заботы по реализации, выделяемых нам средств на приобретение квартир. Деньги были выделены для приобретения пяти квартир. Но с оформлением соответствующих документов возникли некоторые сложности. Вопросы распределения выделенного жилья нужно было рассматривать на заседании жилищной комиссии. С предлагаемым вариантом распределения квартиры жилищная комиссия не согласилась.

Пришлось идти на конфликт с жилищной комиссией и единолично подписывать гарантийное письмо в горисполком. Некоторые члены комиссии намерены были обжаловать мои действия как незаконные. Я предупредил, что если кто-то не согласен с моими действиями и будет обжаловать их, мы в дальнейшем лишимся пяти квартир. Предложил обсудить этот вопрос на общем собрании постоянного состава. Обсуждение было бурным, выступающие осуждали жалобщиков и даже предложили переизбрать жилищную комиссию. Так был решен этот спор. В ближайшие два года мы должны были получить от города Таллинна пять квартир и тем самым решить жилищную проблему.

Последние месяцы 1979 года и первые месяцы 1980 года были очень напряженными в связи с подготовкой к Олимпийской парусной регате. После парусной регаты 1979 года пришлось вносить коррективы в дислокацию постов. Эти изменения нужно было довести до сведения Каунасской и Вильнюсской школ.

Начало 1980 года ознаменовалось серией совещаний по вопросам Олимпийских игр. Было проведено напутственное предолимпийское совещание в Москве. Такое же совещание с участием личного состава школы было проведено в МВД Эстонии. Аналогичные совещания были проведены в Каунасской и Вильнюсской школах. От штаба службы безопасности в эти школы выехали Руководитель олимпийской подготовки, первый заместитель министра внутренних дел Эстонии, начальник штаба службы безопасности и я. В каждой школе были подготовлены совещания с участием личного состава, на которых мы втроем выступали.

Как мне представлялось, на завершающем этапе подготовки к несению службы было много формализма и ненужной бумажной суеТЫ. Частые совещания, проверяющие не смотрели и не проверяли качество подготовки, а требовали наличия различных планов и бумаг, и этим вся проверка ограничивалась. Формализм и бумажный бюрократизм были страшной пеленой, заслоняющей и отделяющей истинное положение дел от представляемого. Нужно было больше уделить внимания обучению офицеров и курсантов особенностям несения службы, отработке практических действий. Курсанты к началу апреля 1980 года были закреплены (назначены) за конкретными постами, и следовало сосредоточить их внимание на особенностях несения службы на конкретном посту. Нас же МВД СССР больше ориентировало на проведение конференций, совещаний, на встречу личного состава с работниками партийных и комсомольских органов, где давались наказы, время тратилось на составление различных справок и докладных записок.

На школу возлагалась еще одна очень важная обязанность: обеспечить размещение личного состава Каунасской и Вильнюсской школ, прибывающих в город Таллинн для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Для их размещения были выделены две Таллиннские общеобразовательные школы. Лично мне пришлось посетить эти школы и на месте

осмотреть условия размещения прибывающих. На месте выяснилось, что школы выделили недостаточное количество площадей. Нужно было договориться с руководителями школ о дополнительных площадях. Кроме того, школы отказывались передать в пользование прибывающих комплексы пищеблока. Договорились, что этот вопрос также будет решен положительно.

К моменту прибытия школ выпал из поля зрения вопрос об их снабжении продовольствием. Заранее не было оговорено о передаче дополнительных фондов школе для нужд прибывающих. Какую-то часть продуктов они привезли с собой, но этого было недостаточно. В снабженческих базах удалось договориться о получении дополнительного продовольствия для прибывших через нашу школу.

Наступил июнь 1980 года. Нужно было принимать объекты под охрану. Главным объектом для школы была гостиница. Из гостиницы выселили весь обслуживающий персонал. Все помещения тщательно осматривались специальной группой. На одном из этажей собака, натренированная на взрывчатку и боеприпасы, «облаяла» стенку. Пришлось снимать настенное покрытие. В результате обнаружили гильзы от применения строительного пистолета. Были вскрыты еще несколько мест, где также были обнаружены гильзы. Однако, все «облаенные» собакой места вскрывать не стали, считая, что там также находятся гильзы от строительного пистолета.

После зачистки всех объектов Олимпийского центра парусного спорта нашей школе пришлось взять их под охрану, т.к. другие школы еще не прибыли в город Таллинн. Сложность заключалась в том, что прибывающие иностранцы вели себя некорректно (мягко говоря), проверяли нас на «прочность». Иногда пытались проникнуть на объекты с применением силы. После нескольких задержаний нарушителей и доставления их в олимпийский комитет проба силы прекратилась. В таких ситуациях курсанты вели себя

корректно, но достаточно жестко. Работа, проведенная с курсантами по поводу их робости, оказалась полезной.

Мы также приняли меры по усилению постов в часы наибольших нагрузок. Сейчас эти посты стали парными. Особенно напряженной была работа на постах при входе в гостиницу, где проверялось не только наличие аккредитации, но и прохождение через стойку металлообнаружения. Особенно большой приток людей был утром на стоянку яхт.

После прибытия личного состава Каунасской и Вильнюсской школ мы передали им под охрану все объекты, за исключением гостиницы. Этот объект был закреплен за нашей школой.

Первый период несения службы, особенно до прибытия других школ, был очень напряженным. Приходилось оставаться на ночлег в гостинице. Мне был выделен гостиничный номер, где можно было переночевать и отдохнуть. После прибытия других школ нагрузка несколько спала. Перешли на предусмотренный вариант несения службы.

Подготовка к несению службы в гостинице была организована следующим образом. В школе за комплектование заступающей смены отвечали заместители начальника школы по учебной части и по строевой части. Проводилась проверка внешнего вида и оснащенность необходимыми техническими средствами. Смена доставлялась в Центр парусного спорта на автобусах. Здесь проверялось наличие личного состава и проводился инструктаж.

Затем офицеры, отвечающие за отдельные участки, лично разводили людей по постам и производили в случае необходимости дополнительный инструктаж.

Не вдаваясь в детали несения службы, хочу отметить, что с поставленной задачей школа справилась. В целом в Олимпийском центре парусного спорта был обеспечен порядок и безопасность. Но были отдельные казусы. Так, накануне официальных стартов предполагалось провести контрольный выход в море яхт

всех классов. Однако выход был задержан на два часа, т.к. при проверке фарватера в устье реки службой безопасности была обнаружена торпеда. Военные появление торпеды объяснили тем, что накануне был штормовой ветер и торпеду ветром прибило в устье реки. Они отбуксировали торпеду в открытое море и там ее подорвали. Таким было объяснение военных. Мы не слышали звука от подрыва торпеды и объясняли появление торпеды проверкой бдительности службы безопасности. При зачистке одного из гаражных боксов была обнаружена 200 гр толовая шашка. Факт обнаружения тола нас насторожил.

Был и такой казус. Руководитель одной из команд заявил в Олимпийский комитет, что у него украли куртку. Где находилась куртка, при каких обстоятельствах ее украли, владелец объяснить не мог. При тщательной беседе с ним оперативники установили все места, где он бывал в течение дня, до момента обнаружения пропажи куртки. При проверке этих мест оказалось, что он посетил парикмахерскую и там оставил свою куртку. Была ли это провокация или рассеянность заявителя, выяснять не стали. Важно, что куртка была возвращена.

Было и провокационное заявление о краже. При выезде из гостиницы двое американцев заявили, что у них из номера похитили две футболки. В номере был произведен тщательный осмотр, в ходе которого в укромном месте были обнаружены спортивные футболки. Их вручили американцам, однако они отказались их взять, т.к. они были сильно грязные.

После окончания службы в Центре парусного спорта начались удивительные явления, объяснение которым мог найти только в последующем. Так, перед отъездом личный состав Каунасской и Вильнюсской школ были приглашены в Дом офицеров флота. Председатель Президиума Верховного Совета Эстонии, представитель ЦК компартии Эстонии и Министр внутренних дел республики поблагодарили личный состав за службу, а школы наградили почет-

ной грамотой Президиума. В тот период по непонятным причинам о нашей школе забыли, тем более, что она обеспечивала всю подготовительную работу. Свое недоумение по этому поводу высказал министру, считая, что это пренебрежение к людям школы. Оно вызвало у личного состава недоумение и неприятный осадок. Я считал, что это интрига, но не знал в тот период ее корни.

Однако текущие дела требовали пристального внимания и активной работы. Так, начинались государственные выпускные экзамены, в сентябре нужно было провести вступительные экзамены, укомплектовать школу, подготовиться к новому учебному году. Дел было невпроворот.

В середине августа 1980 года меня пригласили в Президиум Верховного Совета Эстонии и объявили, что школа награждена Почетной грамотой за несение службы на Олимпийских играх. В будничной обстановке перед строем личного состава выпускного курса председатель Президиума вручила Почетную грамоту.

За последние годы много изменений произошло в личной жизни и в семье дочери. Главное – 17.04.1980 года зарегистрировал брак с Лидией Тихоновной Гуркиной. Близко знакомы были значительно раньше, но только сейчас юридически оформили наши отношения. Сама регистрация брака и свадебные торжества были очень скромными. Взаимно согласились, что на регистрации брака будут ее родственники и сослуживцы. Базировались в основном у меня на улице Анвельди, т.к. эту большую квартиру нужно было обихаживать. Кроме того, в летнее время дочь отправляла внуку к нам.

Дочь к этому времени перебралась в город Москву по месту учебы мужа. Они снимали немеблированную комнату. Отправил им необходимую мебель. Жили они очень скромно. Муж учился, дочь работала. В зимнее время внучка посещала детский садик, а летом была у нас. Первое лето внучка к нам прибыла больная. Лида определила ее в детский санаторий больничного типа, где

ей сделали операцию. Но долечиться до конца ей не дали возможности родители мужа. Не сообщив нам, взяли внучку к себе. Во второе лето Лида определила ее в детский садик недалеко от места жительства. Оба мы работали, при этом рабочий день, как правило, по своей продолжительности выходил за рамки нормального, и тем не менее ежедневно брали ее домой, садик был круглосуточный. Детский садик она посещала с удовольствием. Сложнее всего было утром. В положенное время ее будили, но вставала она очень медленно. Утром в садик ее отводила Лида. Я уезжал на работу значительно раньше.

В конце сентября 1980 года меня пригласили к министру внутренних дел Эстонии. В кабинете министра находилось несколько человек из руководящего состава министерства. Министр начал разговор примерно в таком духе, что мы давно знаем друг друга и будем вести разговор без предисловия. Он сообщил, что меня намерены перевести на работу в аппарат министерства на должность начальника штаба. Это делается потому, что нужна генеральская должность (к тому времени должность начальника школы по штату была генеральской). Кроме того, он заметил, что претензий по службе ко мне нет. Решение о моем перемещении по службе согласовано в МВД СССР и ЦК компартии Эстонии. На это я ответил, что предлагаемая для меня работа совершенно незнакомая. Осваивать новую должность уже поздно и не нужно, и просил уволить меня в связи с уходом на пенсию. Должность начальника школы – не пожизненная и не княжеский надел, поэтому мой уход на пенсию вполне закономерен и обоснован. К этому времени мне было 56 лет, а при моем звании мог быть уволен при достижении 55 лет. Все были согласны с этим, всех это устраивало.

- Должность начальника школы – не пожизненная и не княжеский надел, поэтому мой уход на пенсию вполне закономерен и обоснован.

В этот же день меня пригласил первый заместитель министра и сообщил, что его освобождают от занимаемой должности и предлагают должность начальника школы.

Только теперь я понял и мог объяснить причину интриг вокруг школы. Вероятно, по одному из вариантов предполагалось освободить меня от должности по несоответствию, мотивируя это тем, что школа не справилась с задачами несения службы на Олимпийских играх, поэтому ее и не наградили Почетной грамотой со всеми другими школами вместе. Однако ни поводов, ни оснований для увольнения меня по этим мотивам не было. До этого за образцовое выполнение задания на Олимпийских играх меня наградили орденом «Красная звезда».

Конечно, увольнение из органов МВД было в данном случае неожиданным. Хотя вынашивал мысль об уходе на пенсию. Предполагал уйти на пенсию в июле 1981 года после плановой инспекторской проверки школы. Об этом было известно Управлению учебных заведений МВД СССР. На 08.10. 1980 года был приглашен в Управление кадров МВД СССР, где решался вопрос о моем увольнении. К моему удивлению, в Управлении кадров была информация, что я не согласен с увольнением. Вероятно, заместитель министра внутренних дел по кадрам дал неправильную информацию в МВД СССР. После моего заявления о том, что я намерен уйти на пенсию, вопрос был быстро решен.

Как отнесся ко всему случившемуся? Чувство было двойственное. Я понимал и знал, что по достижении 55 лет меня могут уволить в любое время, и был готов к этому. Но в то же время увольнение, связанное с какими-то закулисными интригами, оставило неприятное впечатление. Хотя интриги не были связаны со мной, а с человеком, для кого освобождалась должность, тем не менее я оказался втянут в это. Больше всего, конечно, меня возмущало не то, что я вынужден был уйти на пенсию, а какой ценой пришлось расплачиваться в этой интриге коллективу школы, осо-

бенно офицерам. Они три года наряду с основной работой трудились над разработкой системы охраны в Центре парусного спорта, и в награду им «плюнули в душу».

После возвращения в Таллинн передал школу вновь назначенному начальнику школы. Прием-передача школы – это «работа» бумаг. После передачи школы намерен был уволиться на пенсию, но начальник отдела кадров разъяснил, что я имею возможность быть в кадрах МВД еще 4 месяца, состоя на полном денежном довольствии. За это время прошел полное медицинское обследование (оказывается, оно при увольнении обязательно), взял отпуск и получил путевку в санаторий. Отдыхал вместе с женой в городе Кисловодске. Отдыхал с совершенно новым настроением, чувствовал себя свободно, не думая о работе. Кроме того, санаторий принадлежал другому ведомству. Уровень услуг и лечения был значительно выше, чем в тех санаториях, где приходилось отдыхать ранее. Конечно, зима не приносила летних прелестей, но она по-своему хороша. Мы много бывали на экскурсиях в окрестностях Кисловодска, а также в Приэльбрусье. Новый 1981 год встречали в санатории.

Истекал срок моего пребывания в кадрах МВД, т.е. истекало 4 месяца. 12. 02.1981 года я был уволен из органов внутренних дел по ст. 67 п. «а» (по возрасту) в запас вооруженных сил СССР, «Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел».

Так было оформлено мое увольнение и сделана запись в личном деле. Была назначена пенсия 225 рублей. Это была приличная по тем временам пенсия. Можно было не работать и жить безбедно.

Имея свободное время, много гулял, совершая пешие прогулки до Пирита и обратно. Всегда находилось что-то сделать по дому. В начале 80-х годов дочь возвратилась в город Таллинн (развелась с мужем). Проблем с жильем не было. Наша семья вновь увеличилась. Находясь на пенсии, имел больше свободно-

го времени заниматься внучкой. Дочь работала. Георгий Иванович Графов появлялся редко. Комната сохранялась за ним. После смерти его жены Анетты Тааветовны договорились, что в наших отношениях все будет по-прежнему. Однако в одно прекрасное время он стал вести разговор, что хочет переехать в город и жить отдельно. Совместное с нами проживание он исключал, что будет мешать нам. Мы с Лидой пытались объяснить, что это не так, что в дальнейшем ему одному будет сложно и наша поддержка будет к месту. Однако он настаивал на своем. Пришлось согласиться на размен квартир. У Лиды в Ыйсмяэ была однокомнатная квартира, отдали ее Георгию Ивановичу. Квартира ему понравилась. Перевезли всю мебель, находившуюся в его комнате, снабдили кухонным инвентарем и столовой посудой. После его переезда общались с ним редко. В скором времени после переезда в город он продал дачный домик в Мяхе. Я очень сожалел об этом. Ведь в строительство дома было вложено много моего труда. Георгий Иванович умер 04. 05.1987 г.

Предстояло одно очень важное для нашей семьи событие. Дочь решила выйти замуж. С ее будущим супругом мы знакомы не были и познакомились перед самой свадьбой. Он работал в Таллиннском таксопарке. Квартиры не имел. Его родители жили в поселке Азери. Мы считали, что молодые должны жить отдельно. Решили разменять нашу квартиру, чтобы предоставить квартиру вновь образовавшейся семье. Стали активно заниматься поиском подходящего варианта обмена. В какой-то момент подходящий вариант был найден – две двухкомнатные квартиры. Но в последний момент, когда были оформлены все документы, другая сторона передумала и отказалась от обмена.

Началось все сначала. Поиск длился несколько месяцев. Наконец был найден вариант обмена. Мы с женой получили 3-комнатную квартиру на ул. Нарва мнт, дочь с семьей – однокомнатную на ул. Уус-Малева. Срочно сделали небольшой ремонт. Мебель

перевезли из комнаты дочери. Этой мебели было достаточно для однокомнатной квартиры. Внучку перевели в ближайшую к новому месту жительства школу. Рядом в доме жили Ильченко – дедушка и бабушка Юли. Поскольку Галина работала, они присматривали за внучкой, а в последующем Юля в основном находилась у дедушки с бабушкой. 19.06.1986 года родилась Терье. В летнее время Галина с дочками находилась на хуторе у родителей Мати в деревне Сака. После года ухода за внучкой дочь пошла работать. За внучкой стали присматривать я и мать Мати, бабушка Хельма. По два-три дня в неделю приходилось на каждую «няньку».

Бабушка на время своей очереди приезжала из пос. Азери. Она была фанатично влюблена во внучку. Даже будучи свободной от ухода за внучкой, ежедневно звонила нам домой и интересовалась, как прошел день, как вела себя внучка. Родители Мати жили и работали в поселке Азери. Отец Яан Саар работал директором Азериской средней школы; мать Хельма Саар работала педагогом в этой же школе. Это были очень добрые люди. К сожалению, мы редко встречались. Иногда я приезжал на хутор к Саарам. По необходимости задерживался на несколько дней, если нужна была моя помощь. Осенью в саду и на огороде всегда было много работы. Около дома большой приусадебный участок. Яан выращивал там овощи для школы. В саду много яблонь, вишень, кустов различных ягод. Мы также вели заготовки на зиму из урожая сада-огорода. К сожалению, этих добрых людей уже нет среди нас. Хельма умерла. Яан умер 29. 02. 2000 года.

Мати Саар оказался деловым и активным человеком. В свободные от работы смены устроился на вторую работу. Накопили необходимую сумму денег, купили кооперативную 3-комнатную квартиру в Ласнамяэ. После переезда на новую квартиру дочь перестала работать. Поводом послужило то, что внучка Терье часто болела и требовала постоянного ухода. После проведенной в Тарту операции ее состояние стало ухудшаться. С помощью Галины

Гуркиной, работающей в городе Москве медиком, удалось найти специалиста, который сделал повторную операцию. В последующем в течение нескольких лет Терье возили в Москву на осмотр, лечение и консультацию.

Своеобразно складывалась судьба старшей внучки Юли. После окончания основной школы в Таллинне, вероятно, под влиянием семьи Ильченко, она переехала в город Москву к отцу, где закончила среднюю школу, а затем вновь вернулась в город Таллинн и поступила на учебу в Эстоно-американский колледж. В колледже проучилась три года и вновь уехала в город Москву для продолжения учебы в колледже при Московском государственном университете. Я был удивлен такому ходу событий. Оставалось всего несколько месяцев, чтобы завершить учебу в Таллинне. Нужно было закончить колледж, а затем ехать в Москву для продолжения учебы. Меня выслушали, но поступили по-своему. Конечно, у нее в Таллинне не было перспективы с работой, т.к. не владела эстонским языком. Но в Москву нужно было ехать, имея законченное образование. Оставлять что-то незавершенным и браться за новое очень рискованно. Можно остаться у разбитого корыта.

К счастью, она поступила на учебу, устроилась на работу почти по специальности и в 1999 году закончила специализированный правовой колледж Московского университета. Решила продолжить учебу в Московском университете. Несколько раз в течение года она приезжает в Таллинн.

Работа на пенсии

(28.10.1981 – 25.07.1983)

Находиться на пенсии стало скучно. Решил поступить на работу. Найти работу в тот период было несложно. Учитывая возраст и специальность (юрист), меня устраивала не каждая работа. Высказал мысль устроиться на работу в присутствии хорошей знакомой жены. Она высказала желание помочь мне в подыскивании работы, близкой к моей специальности. На этом наш разговор прекратился и больше не возникал.

Через некоторое время мне позвонил заместитель директора электротехнического завода и просил придти на беседу по вопросу моей работы. Он пригласил к себе начальника отдела кадров и в процессе беседы и знакомства был решен вопрос о моей работе.

Таллиннский электротехнический завод имени Калинина

28 октября 1981 года был принят на работу на Таллиннский электротехнический завод имени Калинина на должность заместителя начальника отдела кадров. По распределению обязанностей на меня возлагались подбор и расстановка кадров рабочих и служащих. На заводе было примерно 2500 рабочих и служащих. Инженерно-техническим персоналом (примерно 750 человек) занимался начальник отдела кадров. Он длительное время работал на заводе, хорошо знал людей и обстановку. Поэтому входить в курс дела было несложно и всегда можно было получить помощь при решении того или иного вопроса. В течение нескольких дней познакомились с заводом и с начальниками цехов. Каждому цеху был посвящен один день. После знакомства с цехом приглашали

в отдел кадров начальника цеха и с ним определяли перспективы кадровой работы. Такой порядок «вхождения» в должность способствовал выработке единой кадровой политики по каждому цеху в отдельности.

Когда-то, как утверждали работники отдела кадров, на заводе были стабильные кадры. Текучесть была в пределах естественных норм убытия кадров. К моему приходу завод стало несколько лихорадить, увеличилась текучесть кадров. С завода стали уходить квалифицированные специалисты. В притоке рабочей силы недостатка не было, но это были в основном не специалисты, а разнорабочие. Приходило много молодежи, не имеющей специальности. Среди желающих поступить на работу на завод специалисты заводского профиля были редкость. Кроме того, начальники цехов весьма неохотно брали молодежь, не имеющую специальности. Их нужно было обучать на месте. Поэтому основной массе обращающихся приходилось отказывать.

Особенно сложно было с комплектованием десятого цеха, где в основном работали женщины. Молодые девушки, принятые на работу и прошедшие обучение на месте, в скором времени подавали заявление об увольнении. Как правило, их не устраивала работа. В течение смены нужно было сидеть за микроскопом, проверяя продукцию или монтируя микросхемы. Действительно, режим работы был крайне нудный и для молодежи не очень приемлемый. Более взрослые и как правило семейные женщины осваивались с этой работой. Несколько консервативными в работе с молодежью были руководители цеха.

На новой должности пришлось многому учиться, особенно в вопросах трудового законодательства. Не было проблем в общении с людьми. На прием по различным вопросам в течение дня обращалось до 30–40 человек. Постепенно мою нагрузку увеличивали. Учитывая, что в прошлом мне приходилось работать с молодежью, мне поручили работу с молодежью на заводе.

Всего на заводе было 350–360 человек в возрасте до 29 лет. Среди них была высокая текучесть, молодежь уходила с завода. Стал заниматься анализом причин текучести среди молодежи. Выяснилось, что среди многих причин было невнимание к молодежи, нежелание начальников цехов повседневно заниматься молодыми людьми, способствовать их адаптации. Молодежь не видела перспективы роста. Кроме того, пожилые люди, хорошие специалисты с некоторым пренебрежением относились к молодым людям, не имеющим хороших профессиональных навыков. Вместо того чтобы оказать им помощь, равнодушно смотрели на их слабую работу. Так сформировался некоторый синдром противоречий поколений.

Многу были предложены меры по сокращению текучести кадров этой возрастной категории. На совещании у директора завода предложенные меры поддержали, но реализацию этих мер возложили на меня. Эти меры в большей степени были связаны с деятельностью начальников цехов и комитета комсомола. Если в комитете комсомола проблемы молодежи знали и пытались содействовать закреплению кадров, то с начальниками цехов и отделов были проблемы. Они любой ценой добивались выполнения плана, остальные вопросы их мало интересовали. Проблемы молодежи их не волновали. Отсюда возникали проблемы во взаимоотношениях молодых рабочих с начальниками цехов. Грубый окрик или пренебрежение молодежь не воспринимала и реагировала отрицательно, в том числе и уходом с завода.

На меня возложили работу по борьбе с пьянством, наркоманией и «нюхальщиками». С наркоманами и «нюхальщиками» столкнулся впервые. Это были в основном молодые люди. Не знал, что с ними делать. Как бороться с этой болезнью, не представлял. Действовал во многом интуитивно, опираясь на семьи молодых людей.

На заводе был создан совет по профилактике пьянства и наркомании. Но он не являлся реальной и действенной силой в

борьбе с этим злом. Как правило материалы на заседание совета приходилось готовить мне. На заводе был создан наркологический кабинет, где пытались лечить наркоманов и алкоголиков. На втором году работы меня вовлекли в партийную работу – избрали членом бюро партийной организации заводууправления.

В целом нагрузка на заводе была основательная, но она меня устраивала. В связи с загруженностью не роптал. На каком-то этапе перед отчетно-выборной компанией партком стал планировать меня на должность секретаря цеховой партийной организации заводууправления. Как и в прошлом, я занимал твердую позицию не избираться на руководящие должности в партийной организации и заявил о своей твердой позиции тем, кто хотел меня видеть на этой должности. Однако с моим мнением не посчитались и планировали внести предложение об избрании на руководящую партийную должность.

- Как и в прошлом, я занимал твердую позицию не избираться на руководящие должности в партийной организации и заявил о своей твердой позиции тем, кто хотел меня видеть на этой должности.

Уходить с работы не имел особого желания. С начальником отдела кадров мы «сработались». В небольшом коллективе отдела кадров также были нормальные отношения. Начальник отдела кадров всячески отговаривал от увольнения. Сам также пребывал в сомнении. После некоторых раздумий и колебаний подал заявление об уходе с работы по собственному желанию. 25.07.1983 года был уволен, проработав на заводе почти 2 года.

Наступила пенсионная пора. Вероятно, занимался домашними делами. Какими? Сейчас не припомню. Вероятно, незначительными. Находиться долго без работы было сложно, особенно в

зимнее время. Дачи у нас не было. Поэтому потребность в работе и ее поиск стали естественным. Предложения по работе были, но они меня не устраивали по различным причинам. Находился на пенсии, не работая с 25.07. 1983 г. до 15.02.1984 г.

Таллиннское городское дорожно-эксплуатационное управление

(15.02.1984-31.01.1986; 01.06.1987-05.08.1988)

Пребывание на пенсии не затянулось надолго. Хороший знакомый предложил работу в системе гражданской обороны. Познакомил с начальником штаба гражданской обороны коммунально-технической службы города Таллинна. Речь шла о работе в системе гражданской обороны в Таллиннском городском дорожно-эксплуатационном управлении. После собеседования был представлен руководителю дорожного управления. После беседы был принят на работу.

В управлении не было штатной должности начальника штаба гражданской обороны. Содержали за счет другой должности. С системой гражданской обороны ранее был знаком в общих чертах. Поэтому пришлось осваивать новую работу. Для этого побывал на десятидневных курсах. Для работы на данном объекте этого было недостаточно. Возложенные задачи на управление имели серьезную специфику, отличающую этот объект от других объектов гражданской обороны. Вызвана она была тем, что на базе управления было организовано специальное формирование гражданской обороны. Оно было единственным в республике. Основной задачей формирования были восстановительные работы на аэродромах и аварийно-спасательные работы на других объектах города. Готовности этого формирования уделялось большое внимание, т.к. оно могло понадобиться в любой момент при случаях аварий.

Формирование насчитывало более ста человек. В его составе была необходимая техника и оборудование. Все это находилось

в постоянной готовности. Оборудование хранилось на складах. Личный состав формирования был надлежащим образом экипирован и снабжен индивидуальными средствами защиты. Помимо регулярных занятий с формированием проводилось ежегодное комплексное учение с выводом и задействованием всей техники. На таких учениях выполнялись какие-либо аварийные работы, например, рытье траншей, снос строений и т.д. Поскольку формирование было республиканским, его часто проверяли, начиная от штаба ГО республики, кончая штабом коммунально-технической службы.

В связи с таким вниманием к формированию руководители управления всячески содействовали моей работе. Поддержка в работе была обеспечена. Обычно к проводимым в системе ГО мероприятиям относились скептически и с элементами иронии, но здесь была совершенно иная обстановка. Была поддержка не только со стороны руководства управления, но и всего коллектива.

С людьми быстро наладил надлежащий контакт и взаимопонимание. Этому способствовало то, что общался в коллективе на эстонском языке (коллектив был эстоноязычным). Мои предшественники были военные пенсионеры, и общение с коллективом было на русском языке. Проводимые занятия воспринимались заинтересованно, люди на занятиях были активны в освоении материала. Занятия пытался разнообразить с точки зрения методики проведения, отработке практических вопросов, когда каждый должен был выполнить какое-то действие.

Дорожно-эксплуатационное управление – это небольшой сплоченный коллектив около 180 человек. В коллективе сложились определенные традиции, связанные с вниманием к людям. Отмечали дни рождения, юбилеи, семейные значимые даты, государственные и национальные праздники. Организация располагала необходимыми ресурсами, которые использовались для приобретения билетов в театр, оплачивались организуемые экскурсии и

т.д. Так, за время работы в управлении побывал на экскурсиях в Алма-Ате (1984), в Ташкенте, Самарканде и Бухаре (1985), в Бресте (1986). Фактически экскурсий было значительно больше.

Уделялось большое внимание жилищной проблеме. Управление строило хозяйственным способом жилой дом. Со сдачей его в эксплуатацию в коллективе был решен жилищный вопрос. Но вновь пришлось уходить с работы, т.к. меня настойчиво пророчили избрать секретарем первичной партийной организации. Моя позиция по этому вопросу была твердая. 31.01.1986. уволился с работы по собственному желанию. Наступил очередной перерыв в работе, который длился до 1 июня 1987 года.

В дорожно-эксплуатационном управлении знали, что я не работаю, и пригласили на освободившуюся должность старшего инспектора по кадрам. С работой был знаком, ранее работал в отделе кадров электротехнического завода. Коллектив также был знаком. Конечно, в управлении была своя специфика в кадровой работе. Она связана с сезонностью работ. Ранней весной принимали на работу значительное число рабочих. После окончания летних сезонных работ большинство из них увольняли. Такая сезонность работ была серьезной нагрузкой. Если ранее работник по кадрам только оформлял прием на работу и увольнение, то на меня возложили также подбор рабочих кадров. Приходилось много усилий прилагать, чтобы за короткий отрезок времени весной укомплектовать полную потребность в кадрах рабочих.

Объем работы увеличился в связи с тем, что планировалась реорганизация предприятия, изменение структуры и сокращение инженерно-технического персонала. При реорганизации предприятия были увеличены оклады инженерно-техническому персоналу. Почему-то повышение зарплаты не коснулось меня.

Вероятно, это сделано не было потому, что я получал пенсию и мой совокупный доход был достаточно высок. В какой-то мере я обиделся и подал заявление об увольнении с 05.08.1988. г. В по-

следующем, когда “горячая” голова остыла, понял, что совершил ошибку, уволившись с работы. Обида была мелочной, и с работы уходить не следовало.

Штаб гражданской обороны города Таллинна

(03.07.1989–18.12.1992)

Почти в течение года не работал. Особых усилий для поиска работы не предпринимал. Предложения работы, которые имел за этот период, не устраивали, поэтому и не были мною приняты. В конце июня 1989 года хороший знакомый (Баум В. И.) рекомендовал на работу в штаб гражданской обороны города Таллинна. После собеседования с начальником штаба 03.07.1989 года был принят на работу на должность помощника начальника штаба по оргмобработе.

В принципе эта работа была для меня знакомой. Работая начальником школы, лично занимался организационно-мобилизационной работой. Но в данном случае была своя специфика. Согласно должностным обязанностям на меня возлагалось:

1. Пополнение и комплектование мобилизационными ресурсами подразделений гражданской обороны.
2. Ведение учета мобилизационных ресурсов и контроль над их обновлением и пополнением.
3. Формирование узла связи на период экстремальных ситуаций. Практически это была самостоятельная воинская часть, комплектуемая военнообязанными с помощью военных комиссариатов. К узлу связи были приписаны военнообязанные запаса. С ними ежегодно проводились недельные учебные сборы. Узел связи был укомплектован соответствующей техникой, готовность которой ежегодно проверялась и обслуживалась в период учебных сборов. Кроме того, офицерский состав узла связи привлекался к участию в учениях, проводимых штабом гражданской обороны города Таллинна.

4. Многие мобилизационные ресурсы, предусмотренные для узла связи, хранились на военных складах. Ежегодно следовало их осматривать и подтверждать наличие. Вся предполагаемая и настоящая деятельность с мобилизационными ресурсами документировалась в виде планов, актов и справок о проверках.

В марте 1991 года была проведена реорганизация гражданской обороны. На базе штаба гражданской обороны города Таллинна и его подразделений был создан Департамент гражданской защиты. Практически система гражданской обороны была развалена. Новая система не была создана. В связи с реорганизацией я был назначен на должность заведующего отделом кадров и спецучета. В мае 1992 года Департамент гражданской защиты в полном составе вошел в Таллиннский департамент пожарной и спасательной службы.

Такой реорганизацией система гражданской обороны была окончательно развалена, материальные ресурсы были разбазарены путем бесконтрольной передачи в другие ведомства или разворованы. Так, медицинские препараты и медицинское оборудование были переданы медицинским учреждениям, а складские помещения оставлены бесхозными. Средства индивидуальной защиты частично были переданы учреждениям, где они хранились, или проданы за границу. Однако деньги от их реализации на счет департамента не поступили, а были присвоены посредником. Кто был посредником, известно. Секретная документация о государственных ресурсах была уничтожена. Кому были переданы государственные ресурсы, мне неизвестно. В один прекрасный день складские помещения оказались пустыми.

К разбазариванию имущества причастны руководители как городского, так и республиканского департаментов. Без их ведома и часто тайно не могло произойти такое. Пытался препятствовать этому через Департамент государственных ресурсов, но они беспомощно разводили руками. Им передавалась информация,

что имущество передано на нужды обороны. Кому конкретно, они не знали. Мои усилия оказались напрасными и более того, роковыми. 18.12.1992 года я был уволен.

Считая свое увольнение незаконным, подал заявление в суд для восстановления на работе. Возможность восстановления на работе была реальной при первом рассмотрении дела в суде. Видя это, ответчик попросил перенести заседание суда для представления дополнительных материалов. Никаких дополнительных материалов представлено не было. Единственное, что сделало руководство департамента, это хорошо обработало свидетелей, которые ранее давали показания в мою защиту. При этом они отказались от ранее данных письменных показаний, объясняя это тем, что не совсем точно ранее письменно выразили свои мысли. В результате суд не удовлетворил мое заявление о восстановлении на работе.

Меня очень огорчило поведение сослуживцев, давших в суде ложные показания. Поддавалось объяснению поведение начальника отдела гражданской защиты. В ситуации, за которую меня уволили, был виновен он и должен был нести ответственность за свои действия. Его поведение было естественным (но аморальным) – обелить себя. Но действия двух других сотрудников, давших в суде ложные показания, назвать иначе как подлость нельзя. Я назвал бы это предательством.

В начале 1993 года наступил сложный период в жизни. Пенсионеров МВД лишили пожизненно назначенной пенсии. Вместо пенсии стали платить мизерное пособие. Такая ситуация сложилась в связи с тем, что министры России подписали соглашение с Эстонией, которым предали нас – пенсионеров из числа работников МВД и по существу сделали нищими и бесправными в социальном плане. Насколько велико предательство и какие последствия оно имело для пенсионеров МВД, будет отдельное исследование. Фактически оно проведено, необходимо лишь выполнить техническую работу – печатание.

Все эти сложности испытал на себе. Денег не хватало на минимальную покупку продуктов питания. Чтобы как-то выйти из сложившейся ситуации, пришлось продавать вещи. Выходить на колхозные поля для подбора картофеля и моркови после уборки полей.

Таллиннская префектура полиции. Учебный центр

(16.06.1993–16.09.1995.)

В начале июня 1993 года меня разыскал бывший работник школы и предложил работу в учебном центре Таллиннской префектуры полиции. Работа не была непосредственно связана с организацией учебного процесса. Во время беседы с руководителем учебного центра, комиссаром полиции мне была предложена хозяйственная работа на должности коменданта учебного пункта. Хотя зарплата была мизерная, но на первый период меня устраивала. Это давало возможность выйти из сложного материального положения. В дальнейшем, обещали повышение заработной платы. Действительно, через некоторое время заработную плату повысили, и я стал получать 1300 крон.

Хозяйственная работа, тем более в учебном подразделении, была знакома. Но были свои особенности и сложности. Учебный центр не имел своих учебных аудиторий. Пришлось их искать и арендовать. К счастью, по соседству, на Тарту мнт 87 в учебном центре, у другого ведомства были свободные учебные аудитории, их арендовали. Ранее эти помещения принадлежали учебному пункту милиции. При организации полиции они оказались ненужными. Кто-то из руководителей полиции считал, что полиции они не нужны.

Эти помещения составляли комплекс учебных аудиторий, специально в прошлом предусмотренный для учебного подразделения милиции. Они были обставлены мебелью и оснащены техническими средствами обучения. Поскольку они оказались бесхозными, их взял себе другой департамент МВД.

Нужно было найти помещение для занятий по физической подготовке. Воспользовались спортивным залом бывшего «Динамо» на Тарту мнт. Этот зал был для них в тягость. Арендаторов не находилось. Зал без присмотра стал постепенно разрушаться. Договорились, что «Динамо» передаст этот зал бесплатно в бессрочное пользование префектуре полиции, т.е. учебному центру. Заключили соответствующий договор. Инструктор по физической подготовке в дальнейшем на базе этого зала организовал занятия для всех подразделений полиции. В пользование учебного центра был передан стрелковый тир, находящийся на балансе префектуры полиции.

Таким образом, удалось найти необходимый набор учебных аудиторий. В случае необходимости провести одновременно сбор всего личного состава учебного центра пользовались залом префектуры полиции. Неудобство было в том, что все эти помещения были в разных местах, хотя и находились в непосредственной близости друг от друга.

Сложнее обстояло дело с подыскиванием помещений для жилья. Своего общежития не было. Приходилось искать места в общежитиях. Учебный центр обслуживал большинство уездных префектур полиции. Необходимо было размещать до 40 человек иногородних учащихся. В течение года проводилось таких 4 сбора по 3 месяца каждый. Арендовать места в гостинице было дорого, поэтому искали, в основном, возможность размещения в общежитиях.

Арендовались места во многих общежитиях различных учреждений. Чаще всего пользовались услугами общежития училища связи на ул. Ластекоду. Оно находилось близко от префектуры полиции, в комнатах размещались по 2 человека, приемлемая плата за аренду. Училище связи было заинтересовано в размещении полицейских, т.к. основной контингент проживающих – это девочки. Училище находилось на бойком месте, около Центрального

рынка, и были частые попытки прорваться в общежитие посторонних особ мужского пола. Проживание полицейских в общежитии позволяло вовремя пресечь такие попытки. Кроме того, в общежитии соблюдался определенный режим и был обеспечен контроль за поведением проживающих. Процедура поиска помещений повторялась через каждые 3 месяца (продолжительность учебного сбора).

Обучающиеся на курсах обеспечивались бесплатным питанием. Организация питания также лежала на мне. С этим проблем не было, т.к. учащиеся питались в столовой при префектуре полиции. Нужно было следить за графиком посещения столовой, своевременно обеспечивать учащихся талонами на питание и ежемесячно составлять отчет для бухгалтерии. В течение первого года работы это были основные задачи, которые приходилось решать.

В апреле 1994 года префектуре полиции для нужд учебного центра было передано находящееся на улице Мязкалда 26, 2-этажное здание бывшего детского сада. Было принято решение перестроить внутреннюю планировку здания для нужд учебного центра. Разработку схемы реконструкции, планировку помещений и руководство строительными работами возложили на меня. Переданное полиции здание, согласно составленному плану реконструкции, обеспечивало необходимый для учебного центра набор учебных аудиторий, служебных кабинетов и необходимое количество мест в общежитии. Практически это был идеальный вариант компактного размещения учебного центра.

Финансирование строительных работ за счет префектуры не было достаточным. Какую-то сумму выделял Фонд охраны порядка. Эти деньги «выколачивал» комиссар учебного центра. Предполагалось, что значительную помощь в строительстве окажут спонсоры. С помощью Фонда охраны порядка предполагаемые спонсоры были найдены. Фонд охраны порядка направил им соответствующие письма. Они оказали помощь в основном строи-

тельными и отделочными материалами. Непосредственную связь и взаимодействие со спонсорами пришлось осуществлять мне. Таким образом, постепенно организация строительства, снабжение строительными и отделочными материалами были возложены на меня.

Строительная организация, которую рекомендовала хозяйственная часть префектуры полиции, была маломощная, работы велись медленно. К счастью, с помощью подрядной организации к осени удалось реконструировать отопительную систему и термозел, что обеспечило возможность проведения строительных работ в зимнее время. Для удешевления строительных работ часть из них производилась по договору за счет средств спонсоров. К марту 1995 года реконструкция учебных аудиторий и служебных помещений на первом этаже здания была завершена.

Одновременно велись работы по реконструкции стрелкового тира. Основными поставщиками строительных материалов были спонсоры. Они же финансировали проводимые строительные и монтажные работы.

При проведении строительных работ в стрелковом тире мне было значительно проще. Всю спонсорскую помощь организовывал и обеспечивал руководитель стрелкового тира. На мне лежала обязанность по доставке строительных материалов и оборудования. В основу реконструкции тира был заложен хороший замысел полной его механизации и автоматизации. Для реализации этого замысла были проложены кабельные сети и приобретено необходимое оборудование. При реконструкции удалось создать учебный класс с набором необходимых технических средств обучения. Однако полностью реализовать замысел не удалось. Учебный центр был практически расформирован, а работы остались незавершенными.

Большие трудности возникли с оборудованием учебных аудиторий мебелью. Префектура полиции не имела средств на эти

цели. Пришлось переходить на «бартерные» сделки с клиентами учебного центра. Такие сделки были опасны с точки зрения последствий. Но выхода не было. Например, делалось это следующим образом. Для управления вневедомственной охраны обучали группу 20 человек. Деньги за оплату обучения не перечислялись учебному центру. На эту сумму управление оплачивало счета на приобретение мебели для учебного центра.

Такие операции проводились и с другими организациями, например, при проведении занятий в группах соискателей на право получения разрешения на приобретение оружия. Без помощи префектуры полиции была приобретена мебель для всех учебных аудиторий. Канцелярская мебель и мебель для общежития были получены от спонсорских организаций. Часть полученной от спонсоров мебели передавали другим подразделениям полиции.

Занятия с очередным набором в апреле 1995 года начались во вновь оборудованном учебном центре. Все мы были довольны и рады завершению первого этапа строительных работ и тому, что получили хорошие условия работы. Начались работы второго этапа – это в основном реконструкция помещений под общежитие. Строительные материалы были приобретены в полном объеме. Ждали открытия финансирования.

Но наши планы не суждено было реализовать. В результате реорганизации учебный центр был практически ликвидирован. Его функции передали школе полиции. Часть работников перешли в состав префектуры полиции, часть – в состав школы. Все приобретенное с таким трудом имущество было передано школе. После двухмесячного пребывания в составе школы, когда передача имущества была завершена, попросил уволить меня по сокращению штатов. Предлагали остаться в школе и заведовать хозяйством, но от предложения отказался, т.к. возвращение в разваленную школу было бессмысленным. Увольнение состоялось 16 сентября 1995 года.

Хозяйственный отдел префектуры полиции

(22.12.1995–19.12.1999)

Еще до увольнения из школы полиции получил предложение от руководителя хозяйственной службы перейти на работу в префектуру полиции. Приход на работу должен был осуществиться с 01 декабря 1995 года, когда в штате префектуры будет открыта соответствующая должность. Такая должность была открыта, но руководитель хозяйственной службы предлагал приступить к работе с 02.01.1996 года, чтобы дать мне возможность спокойно встретить предстоящие праздники. Однако написал заявление и приступил к работе с 22. 12.1995 года.

То, что оказался на работе в декабре 1995 года, была счастливая случайность, имевшая в дальнейшем для меня очень важное значение. Дело в том, что согласно закону о публичной службе пенсионеры, состоявшие на публичной службе по состоянию на 01.01.1996 года, получили право на доплату к пенсии в зависимости от стажа публичной службы. Не знал о существовании такого положения в законе о публичной службе. Случайное стечение обстоятельств дало право на добавку к пенсии. Оформись на работу в начале января 1996 года, не получил бы право на такую добавку. Поскольку имел длительный стаж государственной службы, приравненный к публичной службе, моя пенсия увеличилась на 50%.

На работе должен был заняться рутинной деятельностью – вести инвентарный учет всего имущества префектуры полиции. До моего прихода на работу такой учет не вели. В нормативных документах указывалось на необходимость ведения такого учета, но порядок его ведения не был регламентирован. Пришлось самому, с учетом порядка ведения бухгалтерского учета, разрабатывать систему учета и необходимые учетные документы. После того как учет был заведен, на меня возложили дополнительно ряд обязанностей, первоначально не предусмотренных должностными обязанностями, а именно:

- ▶ распределение вновь приобретенного имущества;
- ▶ обеспечение мебелью, инвентарем и другим имуществом в соответствии с заявками служб и отделов;
- ▶ оформление документов на списание имущества;
- ▶ контроль за наличием, сохранностью и рациональным использованием имущества.

Этой работой занимался изо дня в день в течение четырех лет, до момента увольнения из префектуры полиции 19 декабря 1999 года.

Коллектив хозяйственной службы был небольшой. Взаимоотношения были нормальные, бесконфликтные, работалось легко, хотя работа по своему характеру и не была творческой. Правда, частая смена руководства префектуры влекла за собой, как правило, реорганизацию внутри префектуры. Часто принимались не продуманные и неоправданные решения по перемещению целых подразделений без надобности. Так, следственное подразделение Идаской полиции перевели на ул. Лубья 6, а через три месяца – обратно, на прежнее место дислокации. Или другой пример. Решили срочно освободить здание на ул. Копли 2С. Следователей следственного подразделения из этих помещений перевели на территорию Таллинского порта, а патрульную службу из этих помещений – на ул. Пярну мнт 11. Срочно освобожденное здание по ул. Копли 2С до сих пор пустует (01.03.2001). Было множество других перемещений внутри префектуры на ул. Лубья. Различного рода движения создавали дополнительную работу как по перемещению, так и отражению изменений в учетах.

Работа в течение четырех последних лет позволила безбедно прожить. Хотя заработная плата не была высокой, но постоянно повышалась, кроме того, имел значение стаж работы на публичной службе. Все это позволяло иметь минимальный достаток. Но следовало когда-то прекращать работу. Такой удобный момент наступил. В префектуре полиции началась очередная реоргани-

зация и сокращение штатов. Решил воспользоваться удобным моментом и изъявил желание быть уволенным по сокращению штатов. Это было для меня выгодным с точки зрения материальной. Но меня могли уволить по возрасту. В этом случае компенсацию выплачивали только за три месяца. Пришлось воспользоваться тем, что префект Таллиннской полиции учился в школе милиции в бытность мою начальником этой школы и хорошо знал меня, а потому выразил просьбу уволить меня по сокращению штатов. Несмотря на некоторое сопротивление кадрового аппарата, меня уволили по сокращению штатов. Это материально для меня было выгодно. Уходя с работы, считал, что это было моим последним местом работы. Время покажет, так ли это.

- Я проработал в милиции 33 года. За это время накопил значительный опыт правоохранительной деятельности, хорошо знал оперативную работу: в течение почти десяти лет в школе милиции вел занятия по курсу оперативно-розыскной деятельности.

Итак, проработал в хозяйственных службах полиции 6 лет. Хотя непосредственно с полицейской работой не сталкивался, но наблюдал со стороны, как организуется и осуществляется охрана общественного порядка и общественной безопасности. В полиции на руководящих должностях работало много выпускников школы, общался с ними, обсуждали проблемы борьбы с преступностью. Ведь я проработал в милиции 33 года. За это время накопил значительный опыт правоохранительной деятельности, хорошо знал оперативную работу: в течение почти десяти лет в школе милиции вел занятия по курсу оперативно-розыскной деятельности.

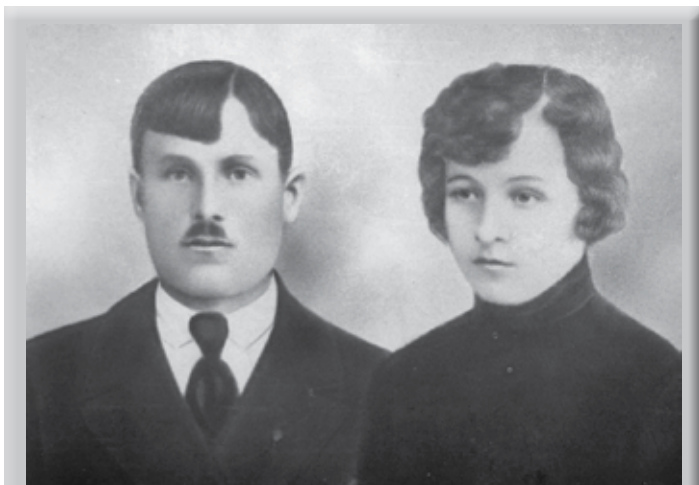
Был удивлен и говорил об этом знакомым полицейским, что работа в полиции ведется на примитивном организационном уровне.

не. Подбор кадров, их обучение осуществлялось не по критериям требований полиции Эстонии, а заимствованным где-то и совершенно неприемлемым для полиции Эстонии меркам. Работая в учебном центре префектуры полиции, убедился в этом.

Руководители полиции соглашались со мной, но действовали в прежнем режиме, объясняя свою деятельность требованием политиков или полицейских руководителей, действующих по подделке политиков. Отсюда постоянные и бессмысленные реорганизации субъективного характера, не обеспечивающие нормальную и эффективную деятельность полиции.

Это так, к слову, из области наблюдений и эмоций.
Евгений Васильевич Назимов

Февраль 2003 года
Таллинн

Мои родители (отец и мать).

Мать и я (моя первая фотография).

Окончание школы в Скамье (1936).

Дядя Петр Пожарский.
Гусар Эстонской армии
(в центре).

Отец во время службы в царской армии
(в центре).

Нарвское техническое училище (1938).

На родине. Здесь был наш дом до войны (1984).

Встреча с родными местами. Река Кriuша (1984).

Возвращение на родину после войны (1946).

Фотографии боевых друзей и товарищей, служивших в Эстонском стрелковом корпусе (1945–1946).

Курсант Таллиннской школы МВД СССР.

Фотографии разных лет учебы в Школе МВД (1948–1951).

**В 1969 году Е. В. Назимов назначается начальником Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР и бес-
сменно до 1980 года (ухода на пенсию) возглавляет ее.**

Проводы на пенсию Назимова Е. В.

Отдых на природе с семьей (жена Лидия, дочь Галя и родители жены).

Зимний и летний отдых Евгения Васильевича в Кисловодске (1981, 1985).

80-летний юбилей Евгения Васильевича (2004). Евгений Васильевич, жена Лидия, дочь Галя и зять Мати.

Юбилей дочери Галины. В кругу семьи: дедушка, бабушка и внучки Юля и Терье, дочь Галя и зять Мати.

Летний отдых Евгения Васильевича в Сака. Рядом — любимая собака Келли.

А вот уже и 88 лет (2012). Жизнь продолжается.

